

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ГОЛОС МОНСТРА»

Патрик Несс

ВОПРОС И ОТВЕТ

Обладатель
двух медалей
Карнеги

новая редакция

871.111(73)-312.9
H-55 2017/66
5921
Лес. П.
Боннос 4
ер-6ер
N: 2017-4800
2034000
00874
00874
00874

2017/66
5921

Миры Патрика Несса

Patrick Ness

THE ASK
AND
THE ANSWER

Chaos Walking

Book Two

Патрик Несс

ВОПРОС И ОТВЕТ

Трилогия хаоса

РИПОЛ
КЛАССИК

Москва

УДК 821.111(73)-312.2
ББК 84(7Сое)6-445
Н55

Прозв. англ. м.т. р.

Перевод с английского Е. Романовой

Несс, П.

Н55 Вопрос и ответ / П. Несс ; [пер. с англ. Е. Романовой]. — М. : РИПОЛ классик, 2017. — 480 с. — (Миры Патрика Несса).

ISBN 978-5-386-09858-2

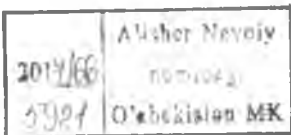
Во второй книге трилогии Тодд и тяжело раненная Виола попадают прямо в руки своего заклятого врага — мэра Прентисса.

В разлуке с Виолой Тодд вынужден и сам осваивать сомнительные методы нового режима. Но какие тайны хранят леса Нового света? Где Виола? Жива ли она? И что за группировка орудует в городе? Однажды прогремит первый взрыв...

УДК 821.111(73)-312.2
ББК 84(7Сое)6-445

Школа перевода
В. Баканова

ISBN 978-5-386-09858-2

© Patrick Ness, 2009. All rights reserved
© Издание на русском языке, перевод на русский язык. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2012
© Оформление.
ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

Посвящается Патрику Гейлу

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя*.

Фридрих Ницше

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

— Шум тебя выдает, Тодд Хьюитт.
Голос... из темноты...

Проморгавшись, я открываю глаза. Вокруг сплошные тени и размытые пятна, все кружится, кровь кипит в жилах, в голове каша, я не могу думать и... снова моргаю. Так, погодите... стоп-стоп, мы ведь только что были на площади, я держал ее на руках, и... она умирала...

— Где она? — выплевываю я в темноту, чувствуя во рту вкус крови.

Мой голос хрипит, Шум вдруг вздымается алым ураганом и ревет: ГДЕ ОНА?!!

— Здесь вопросы задаю я, Тодд.

Этот голос...

Его голос.

Откуда-то из темноты.

Откуда-то сзади.

Незримый мэр Прентисс.

Я снова моргаю, и из мглы начинает вырисовываться огромный зал. Единственный источник света — круглое окно высоко-высоко под потолком. Стекло не прозрачное,

а цветное: на нем нарисована наша планета с двумя лунами. Косые лучи света выхватывают из темноты только меня.

— Что вы с ней сделали? — спрашиваю я громко, смаргивая свежую кровь, которая заливает глаза.

Тут я понимаю, что вытереть лицо не могу, потому что руки связаны у меня за спиной. В груди поднимается паника, я пытаюсь высвободиться из пут, дышу часто-часто и снова кричу во всю глотку:

— ГДЕ ОНА?!

Из темноты вылетает кулак, бьет меня в живот.

Я сгибаюсь пополам и сознаю, что привязан к деревянному стулу, причем рубашки на мне нет — осталась где-то на пыльном склоне. Меня тошнит прямо на ковер, узор на котором повторяет рисунок на оконном стекле: Новый свет с двумя лунами... снова, и снова, и снова...

Я начинаю вспоминать... Мы были на площади, куда я прибежал с нею на руках, прижимая ее к себе, уговаривая потерпеть, пока мы не доберемся до Хейвена, а уж там ее обязательно спасут...

Но в Хейвене мы не нашли спасения, в Хейвене были только *они* и его люди, они вырвали ее из моих рук...

— Заметил, что он не спросил: «Где я?», — произносит голос мэра у меня за спиной. — Его первыми словами были: «Где она?», и в Шуме звучало то же самое. Любопытно.

В голове и животе стучит, я снова прихожу в себя и вспоминаю, как дрался с ними, дрался до последнего, пока меня не ударили прикладом в висок, и тогда я провалился в черноту...

Проглатываю ком в горле, проглатываю панику и страх... Теперь всему конец, так ведь?

Конец всему.

Мэр поймал меня.

Мэр поймал ее.

— Тронете ее хоть пальцем... — выдавливаю я.

Живот все еще болит от удара. Передо мной возникает мистер Коллинз, наполовину скрытый тенью, — мистер Коллинз, который выращивал кукурузу и цветную капусту и ухаживал за лошадьми мэра... и который теперь стоит надо мной с пистолетом на поясе и винтовкой за спиной, выставив перед собой кулаки.

— Да ее, похоже, и до нас уже изрядно «тронули», Тодд, — говорит мэр, останавливая мистера Коллинза. — Бедняжка!

Я стискиваю оплетенные веревками руки в кулаки. Мой Шум до сих пор смахивает на вязкую кашу, но мистер Коллинз вскидывается, стоит мне вспомнить ружье Дейви Прентисса... и как она падает мне на руки, охая, и всюду ее кровь...

Тут мой Шум становится еще краснее: я вспоминаю, как бью Дейви Прентисса кулаком в лицо, тот падает с коня, нога цепляется за стремя, и его тащит прочь, будто огромный мешок с мусором.

— Что ж... — говорит мэр Прентисс, — это хотя бы объясняет таинственное исчезновение моего сына.

Ей-богу, со стороны кажется, что ему *весело*.

Голос мэра звучит еще уверенней и властней, чем в Прентисстауне, а рядом с тишиной, которая расходится от него во все стороны и которую я уже слышал на площади Хейвена, теперь зияет такая же тишина мистера Коллинза.

У них нет Шума.

У обоих.

Единственный Шум в этом зале принадлежит мне — он мычит и визжит, как раненый теленок.

Я выкручиваю шею, пытаюсь разглядеть мэра, но шея затекла и болит, поэтому я вижу только, что сижу в луче пыльного разноцветного света посреди зала. Зал такой огромный, что стены еле-еле виднеются вдалеке.

Постепенно из темноты проступает маленький столик; что на нем лежит, не рассмотреть. Лишь тускло поблески-

вает металл, и этот блеск, уж поверьте, не сулит ничего хорошего.

— В его мыслях я по-прежнему мэр, — доносится голос. Веселый и беззаботный голос.

— Теперь он *президент* Прентисс, — ворчит мистер Коллинз. — Заруби это себе на носу.

— Что вы с ней сделали? — спрашиваю я, снова пытаюсь обернуться и морщась от боли в шее. — Если вы хоть пальцем ее...

— Ты прибыл в город сегодня утром, — перебивает меня мэр, — и у тебя ничего не было, даже рубашки, только девочка на руках, с которой произошел несчастный случай...

Мой Шум взрывается.

— Никакой это не несчастный случай!.. — кричу я.

— Ужасный, ужасный несчастный случай, — продолжает мэр. Впервые с тех пор, как мы повстречались на площади Хейвена, в его голосе проскальзывают нотки досады. — Настолько ужасный, что она была при смерти. И вот мальчишка, на поиски которого мы потратили столько сил и времени, который принес нам множество хлопот и неприятностей, *сам* пришел к нам и предложил себя в обмен на *спасение девочки*. Однако, когда мы решили ее спасти, мальчишка принялся отбива...

— Она жива? Она в безопасности?

Мэр умолкает, а мистер Коллинз подходит и бьет меня наотмашь по лицу. Наступает долгая тишина, щека невыносимо горит, и я сижу молча, тяжело дыша.

А потом в кружок света прямо передо мной входит мэр.

Он одет с иголочки, как и раньше, и одежда на нем такая же свежая и чистая, как будто под ней не живой человек, а ходячая глыба льда. Даже у мистера Коллинза на рубашке выступили пятна пота, да и пахнет от него неприятно. Но не от мэра, нет.

Глядя на него, кажешься себе кучей грязи, которую надо поскорей убрать.

Он встает передо мной и заглядывает прямо в глаза.

А потом задает вопрос — беззаботно, словно бы из чистого любопытства:

— Как ее зовут, Тодд?

Я изумленно моргаю:

— Что?

— Как ее зовут?

Не может быть, чтобы он до сих пор не знал ее имени. В моем Шуме наверняка...

— Вы сами знаете, — говорю я.

— Мне нужно, чтобы имя назвал ты.

Я перевожу взгляд на мистера Коллинза, который стоит в сторонке со скрещенными на животе руками. На лице у него написано, что он не прочь отвесить мне еще парочку тумачков, даром что Шума не слышно.

— Повторяю вопрос, Тодд, — непринужденно говорит мэр, — и на сей раз мне бы очень хотелось услышать ответ. Как ее зовут? Девочку с другой планеты.

— Если вы знаете, что она с другой планеты, то вам известно и ее имя.

Тут мэр улыбается — ей-богу, *улыбается*.

И мне страшно, как никогда.

— Нет, Тодд, не пойдет. Все должно быть иначе: я спрашиваю — ты отвечаешь. Без пререканий. Как ее зовут?

— Где она?

— Как ее зовут?

— Скажите мне, где она, и я назову имя.

Мэр вздыхает, как будто я его подвел, и коротко кивает мистеру Коллинзу. Тот подходит и снова бьет меня в живот.

— Это ведь совсем несложно, Тодд, — говорит мэр, пока меня тошнит на ковер. — Тебе нужно только ответить на

мой вопрос, и все сразу кончится. Выбор за тобой. Честное слово, я больше не желаю причинять тебе боль.

Я тяжело дышу, согнувшись в три погибели: от боли в животе трудно набрать в легкие достаточно воздуха. Веревки режут запястья, на лице запекается липкая кровь, и я смотрю невидящими глазами в темноту из своей маленькой световой клетки посреди огромной комнаты без окон и дверей...

Комнаты, где я умру.

Комнаты...

Где ее нет.

И внутри меня кто-то принимает решение.

Раз это конец, то я делаю свой выбор.

Не говорить.

— Вы знаете ее имя, — бормочу я. — Убейте меня, если хотите, но ее имя вам известно.

Мэр просто смотрит на меня.

Самая долгая минута в моей жизни проходит под его пытливым взглядом. Он читает мои мысли.

А потом приближается к маленькому деревянному столу.

Я пытаюсь рассмотреть, что он там делает, но ничего не вижу. Мэр Прентисс перекладывает какие-то вещи, я только слышу царапанье металла о дерево.

— *Спасите ее! Я сделаю все, что прикажете!* — Он повторяет мои слова, сказанные на площади. — *Я встану на вашу сторону! Только спасите ее!*

— Я вас не боюсь, — говорю я, хотя мысленно пытаюсь представить, что может лежать на столе. — И умирать не боюсь.

Неужели правда?

Мэр поворачивается ко мне, пряча обе руки за спиной.

— Потому что ты теперь мужчина, Тодд? Потому что настоящий мужчина не боится смерти?

— Да, — киваю я. — Потому что я мужчина.

Мэр приподнимает брови:

— Если не ошибаюсь, до твоего дня рождения осталось еще четырнадцать дней, Тодд.

— Это всего лишь цифра. — Я задыхаюсь, в животе все бултыхается от этих разговоров. — Она ничего не значит! Если бы я жил в Старом свете...

— Но ты живешь в Новом, *мальчик*, — перебивает меня мистер Коллинз.

— Полагаю, он не это имеет в виду, мистер Коллинз, — говорит мэр, не сводя с меня глаз. — Верно, Тодд?

Я перевожу взгляд с одного на другого и обратно.

— Я убил, — выдавливаю я. — Убил, понятно?

— Ну да, убил, — кивает мэр. — Стыд и раскаяние пропитывают твой Шум насквозь. Вопрос лишь в том — кого ты убил? Кого? — Он шагает из светового пятна в темноту, все еще пряча за спиной взятый со стола предмет. — Или лучше сказать *что*?

— Я убил Аарона, — говорю я, пытаюсь не выпустить мэра из виду, но без толку.

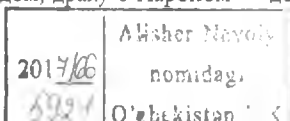
— Неужели? — Ужасная тишина мэра совсем не похожа на тишину женщин — у женщин она была живая, с осязаемой формой, вокруг которой дребезжал и лязгал Шум окружающего мира.

(я думаю о ней, о ее тишине, о той боли)

(я не думаю об имени)

А у мэра — уж не знаю, как им с мистером Коллинзом удалось избавиться от Шума, — тишина похожа на что-то безжизненное и мертвое, формы и жизни у нее не больше, чем у камня или стены, — это неприступная крепость. Наверно, он читает мой Шум как книгу, но откуда мне знать... разве можно сказать что-то по человеку, который превратил себя в камень?

На всякий случай я показываю ему то, что он хочет увидеть: церковь за водопадом, драку с Аароном — довольно

правдоподобную, с кровищей и всяким таким. Я спшибаю Аарона с ног и вытаскиваю нож.

А потом втыкаю его в шею проповедника.

— Правда в этом есть, — говорит мэр. — Но вся ли это правда?

— Да! — кричу я, пытаюсь заблокировать остальные мысли, чтобы мэр больше ничего не услышал. — Так все и было!

Голос у мэра по-прежнему веселый:

— А по-моему, ты врешь, Тодд.

— Нет! — почти кричу я. — Я сделал так, как хотел Аарон! Убил его! Стал мужчиной по вашим законам, теперь я могу быть солдатом армии и вообще что угодно сделаю, только скажите мне, что вы с ней сделали!

Мистер Коллинз замечает какой-то знак, поданный мэром, заносит кулак и...

(ничего не могу поделать)

Я отшатываюсь так резко, что сдвигаю стул на пару дюймов...

(заткнись)

Но удара нет.

— Хорошо, — с тихим удовлетворением говорит мэр, — славно. — Он опять начинает расхаживать у меня за спиной. — Позволь кое-что тебе объяснить, Тодд. Ты находишься в главном зале бывшего Хейвенского собора, который с сегодняшнего дня именуется Президентским дворцом. Я привел тебя в свой дом, надеясь помочь. Помочь увидеть, что все это время ты страшно ошибался и напрасно разжег войну против меня... против нас.

Его голос теперь доносится из-за спины мистера Коллинза...

В какой-то миг мне начинает казаться, что он говорит не вслух, а вкладывает слова прямо мне в голову... Но наваждение быстро проходит.

— Мое войско прибудет завтра к полудню, — сообщает мэр, продолжая вышагивать по залу. — А ты, Тодд Хьюитт,

сперва ответишь на мои вопрос, а потом станешь моим помощником в благородном деле — строительстве нового мира...

Мэр снова выходит на свет и встает прямо передо мной. Руки у него все еще спрятаны, и я не вижу предмета.

— Сейчас я хочу, чтобы ты начал сознавать главное, — говорит он. — Что я тебе не враг.

От изумления я на секунду даже перестаю бояться. Не враг? Распахиваю глаза. *Не враг?*

— Нет, Тодд, — кивает мэр. — Я тебе не враг.

— Вы убийца! — не думая, выпаливаю я.

— Я генерал, — отвечает мэр. — Ни больше ни меньше.

— Вы убивали людей. Вы убили жителей Фарбранча, я сам видел.

— Война порой требует от нас жестоких поступков, однако теперь война кончилась.

— Я видел, вы по ним стреляли, — не унимаюсь я.

Как же уверенно звучат слова человека без Шума! Они непоколебимы, точно скала.

— Разве я сам стрелял, Тодд?

Я проглатываю ком в горле.

— Нет, но вы развязали эту войну! — хрипло кричу я.

— Так было нужно, — вздыхает мэр. — Для спасения больной, умирающей планеты.

Мое дыхание учащается, мысли туманятся, голова страшно тяжелеет. Но Шум пылает огнем.

— Вы убили Киллиана.

— И очень сожалею об этом, — говорит мэр. — Из него вышел бы прекрасный солдат.

— Вы убили мою мать! — ору я. И тут мой голос надламывается (заткнись), Шум наполняется яростью и горем, в глазах стоят слезы (заткнись, заткнись, заткнись!). — Вы убили всех женщин Прентисстауна!

— Тодд, неужели ты веришь всему, что тебе говорят? — удивляется мэр.

Наступает тишина, самая настоящая, даже мой Шум на миг унимается, пытаюсь переварить сказанное.

— У меня нет ни малейшего желания убивать женщин, — говорит мэр. — Я ничего подобного не делал.

Я разеваю рот от удивления:

— Еще как делали...

— Сейчас не время для уроков истории...

— Вы *лжец*!

— А ты, стало быть, возомнил себя всезнайкой? — Голос мэра становится холодней, он отходит в сторону, и мистер Коллинз с такой силой бьет меня по голове, что я вместе со стулом лечу на пол.

— Вы **ЛЖЕЦ И УБИЙЦА!** — ору я. В ушах еще звенит от удара.

Мистер Коллинз бьет меня снова, уже с другой стороны, и кулак у него твердый, как полено.

— Я тебе не враг, Тодд, — повторяет мэр. — Прошу, не вынуждай нас причинять тебе боль.

Голова болит так сильно, что я ничего не говорю. Просто *не могу* говорить. То, что хочет услышать мэр, я никогда не скажу. А за все остальное из меня вышибут дух.

Это конец. Иначе и быть не может. Они не позволят мне жить. И ей не позволят.

Конец.

— Надеюсь, это действительно конец, — говорит мэр. В кои-то веки сказал правду. — Надеюсь, ты все-таки откроешь мне свой секрет, и на этом мы закончим.

А потом он говорит...

Ей-богу, он говорит...

— Пожалуйста.

Я поднимаю голову и часто моргаю опухшими глазами.

На его лице озабоченность, почти *мольба*.

Что за черт? Как это вообще понимать?

И в моей голове опять начинается гудеть...

Только это не Шум...

Пожалуйста — как будто мой собственный голос говорит...

Пожалуйста — как будто это я сам...

Слово давит на меня...

Распирает изнутри...

Такое чувство, что я сам вот-вот скажу...

Пожалуйста...

— Все, что ты якобы знал, — говорит мэр, его голос звучит одновременно снаружи и внутри моей головы. — Все это неправда.

И тут я вспоминаю...

Вспоминаю Бена...

Он говорил мне ровно то же самое...

Бен, которого больше нет...

И мой Шум внезапно твердеет.

Я прогоняю из головы голос мэра.

Мольба тотчас исчезает с его лица.

— Что ж, хорошо. — Мэр хмурится. — Но помни, что это твой выбор. — Он встает. — Как ее зовут?

— Вы знаете, как ее зовут.

Мистер Коллинз снова бьет меня по голове, и я чуть не падаю на пол вместе со стулом.

— Вы уже знаете!

Бац! Опять удар, с другой стороны.

— Как ее зовут?

— Не скажу!

Бац!

— Назови ее имя.

— Нет!

БАЦ!!!

— Как ее зовут, Тодд?

— Пошел ты!

Только я говорю не просто «Пошел ты!», а кое-что покрепче, и мистер Коллинз отвечает мне такого тумака,

что я наконец лечу на пол вместе со стулом. Мои руки связаны, поэтому я не могу даже выставить их перед собой и смягчить удар, и в глазах несколько секунд вертится только Новый свет со спутниками.

Я дышу в ковер.

Перед глазами появляются сапоги мэра.

— Я тебе не враг, Тодд Хьюитт, — повторяет он. — Просто назови ее имя, и все закончится.

Я делаю вдох и закашливаюсь.

Делаю еще один и наконец говорю то, что должен:

— Убийца!

Тишина.

— Что ж, так и быть.

Его сапоги исчезают, и мистер Коллинз рывком поднимает мой стул с пола; от давления на тело все мои мышцы ноют. Наконец я снова оказываюсь в кружке разноцветного света. Глаза у меня так опухли, что я почти не вижу мистера Коллинза, хотя он стоит прямо передо мной.

Слышно, как мэр опять встал за столик и передвигает на нем какие-то металлические предметы.

А потом подходит ко мне.

Вот он, мой конец, совсем близко.

Конец.

Прости, думаю я. Прости, прости...

Мэр кладет руку на мое плечо, я пытаюсь ее стряхнуть, но он не отстает и упорно давит на меня. Я не вижу, что мэр держит в другой руке, но он подносит это к моему лицу, и я чувствую: оно твердое, железное и холодное, полное боли и готовое причинить боль мне, готовое отобрать у меня жизнь. Внутри разверзается черная яма, я хочу забраться в нее и спрятаться от всего этого кошмара, глубокая яма... Мне конец, я не смогу отсюда вырваться, он убьет меня, а потом и ее, ничего не поделаешь, у меня больше нет шансов, нет жизни, нет надежды, ничего нет.

Прости.

И тут мэр накладывает мне на лицо компресс.

От внезапной прохлады я охаю и отшатываюсь, но мэр продолжает прижимать компресс к шишке у меня на лбу, к ранам на лице и подбородке. Он так близко, что я чую его запах, чистый древесный аромат его мыла. Дыхание мэра обдает щеку, пальцы почти с нежностью прикасаются к ранам, опухшим глазам, разбитым губам... Компресс начинает действовать в ту же минуту, опухоли сразу спадают, обезболивающее проникает в кровь, и я на миг удивляюсь, какие хорошие в Хейвене компрессы, как они похожи на ее чудо-пластырь, и облегчение приходит так быстро, так неожиданно, что у меня спирает горло.

— Ты плохо обо мне думаешь, Тодд, — тихо говорит мэр прямо мне в ухо, накладывая второй компресс на шею. — Я не совершал тех злодейств, в которых ты меня обвиняешь. Я велел своему сыну привести тебя обратно. Я не просил его стрелять — ни в тебя, ни в девочку. И я не просил Аарона тебя убивать.

— Лжец, — хриплю я, но голос мой слаб, а сам я весь дрожу, пытаюсь не подпустить к горлу слезы.

Мэр накладывает компрессы на мою грудь и живот — так нежно, что это невозможно терпеть, так нежно, будто он и впрямь не хочет причинять мне боль.

— А я и не хочу, Тодд, — говорит мэр. — Придет время, и ты в этом убедишься.

Он встает у меня за спиной, накладывает компресс на истерзанные веревками запястья и растирает руки, снимая онемение.

— Придет время, — продолжает мэр, — и ты научишься мне доверять. Возможно, ты даже *полюбишь* меня, Тодд. Когда-нибудь я заменю тебе отца.

От лекарства мой Шум будто бы тает, боль исчезает, а вместе с ней исчезаю я сам... Мэр все-таки убивает меня, но не злом, а лекарством.

Не в силах сдержаться, я плачу, плачу...

— Пожалуйста, — рыдаю я. — Пожалуйста.

Сам не знаю, что я хочу этим сказать.

— Война закончилась, Тодд, — повторяет мэр. — Мы строим новый мир, новый свет. Наша планета наконец-то оправдывает свое название. Верь мне, Тодд. Когда ты увидишь все своими глазами, ты сам захочешь принять участие в нашем общем деле.

Я молча дышу в темноту.

— Ты мог бы стать вожаком, Тодд. Ты мог бы вести за собой людей, ведь ты особенный мальчик.

Я пытаюсь сосредоточиться на своем дыхании, но чувствую, как меня уносит.

— Откуда мне знать? — наконец выдавливаю я. Мой голос — это хрип, размытое пятно, что-то ненастоящее. — Откуда мне знать, что она вообще жива?

— Знать это наверняка ты не можешь, — отвечает мэр. — Остается только верить мне на слово.

Он снова ждет.

— А если я это сделаю... — шепчу я. — Если я вам скажу, вы ее спасете?

— Сделаем все, что нужно, — кивает мэр.

Без боли я вообще не чувствую своего тела. Я кажусь себе призраком, сидящем на стуле.

Будто бы я уже умер.

А если ничего не болит, как понять, что ты жив?

— Мы сами творим свою судьбу, — усмехается мэр. — Ни больше ни меньше. Я бы хотел, чтобы ты принял правильное решение и повиновался мне. Я бы очень этого хотел.

Под компрессами — одна чернота. И больше ничего.

Я один.

Наедине с его голосом.

Я не знаю, что делать.

Я ничего не знаю.

(что мне делать?)

Но если есть хотя бы один шанс, хотя бы *один*...

— Разве это такая уж большая жертва, Тодд? — спрашивает мэр, прислушиваясь к моим мыслям. — Разве новая жизнь ее не стоит?

Нет, нет, я не могу. Он лжец и убийца, нельзя его слушать...

— Я жду.

Ведь она может выжить, он может ее спасти...

— Скоро я спрошу тебя в последний раз, Тодд...

Я поднимаю голову. От этого движения один компресс немного съезжает, и я шурюсь на свет, вглядываясь в лицо мэру.

Оно пустое, как и всегда.

Пустая, безжизненная стена.

Все равно что разговаривать с бездной.

Я сам — как бездна.

Отвожу взгляд. Упираюсь глазами в пол.

— Виола, — бормочу я в ковер. — Ее зовут Виола.

Мэр выпускает протяжный удовлетворенный вздох.

— Вот и славно, Тодд, — произносит он. — Спасибо. — И поворачивается к мистеру Коллинзу: — В башню его.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ТОДД
В БАШНЕ

ПРЕЖНИЙ МЭР

[Тогда]

Мистер Коллинз тычками и пинками гонит меня вверх по узкой винтовой лестнице без окон — все выше, выше и выше. Когда ноги мне почти отказывают, мы подходим к двери. Он открывает ее, заталкивает меня внутрь, а я валюсь на дощатый пол и со стоном перекатываюсь на бок — руки так занемели, что я даже не могу выставить их вперед и смягчить удар.

Открываю глаза и вижу перед собой тридцатиметровую пропасть.

Мистер Коллинз хохочет, наблюдая, как я пытаюсь отползти подальше от края. Я лежу на мостках шириной в досок пять, закрепленных вдоль стен квадратной комнаты. Посреди нее — огромная дыра с болтающимися внизу канатами. Я смотрю вдоль них и вижу гигантскую звонницу, в жизни таких огромных не видал: два колокола висят на одной балке, и в каждом из них, ей-богу, можно было бы жить. В стенах башни прорезаны арки, чтобы звон разносился на всю округу.

Я подскакиваю на месте: мистер Коллинз с грохотом хлопывает дверь и гремит ключом в замке — этот звук не допускает даже мысли о побеге.

Я кое-как встаю и прислоняюсь к стенке, пытаюсь восстановить дыхание.

Закрываю глаза.

Меня зовут Тодд Хьюитт, думаю я. Я сын Киллиана Бойда и Бена Мура. Через четырнадцать дней мой день рождения, но я уже мужчина.

Меня зовут Тодд Хьюитт, и я мужчина.

(мужчина, который выболтал мэру ее имя)

— Прости, — шепчу я, — прости.

Через несколько секунд я все же открываю глаза и оглядываюсь. На уровне глаз в стенах проделаны небольшие прямоугольные отверстия, по три с каждой стороны, сквозь них в комнату падает тусклый пыльный свет.

Я подхожу к ближайшему окошку. Я, как все уже поняли, нахожусь в колокольной башне собора, очень высоко над землей. Прямо передо мной расстилается площадь, где я был только сегодня утром, а кажется, что прошла целая вечность. Спускаются сумерки: значит, я валялся без сознания почти весь день, а за это время с ней могли сделать что угодно, мэр мог...

(заткнись, просто заткнись)

Я осматриваю площадь. Она по-прежнему пуста и безлюдна, на ней царит тишина Бесшумного города, который просто взял и открыл ворота наступающему врагу.

Город, который даже не попытался дать отпор.

Мэр подошел, и они как миленькие вручили ему ключи. Иногда слухи об армии так же эффективны, как сама армия, говорил мне мэр, и кто теперь скажет, что он был не прав?

А мы все это время бежали, бежали из последних сил и как можно быстрее, стараясь не думать, каким будет Хейвен и что нас там ждет, но надеясь увидеть рай, надеясь на спасение.

Надежда есть всегда, говорил Бен.

Но он ошибался. Мы попали не в Хейвен.

Мы попали в Нью-Прентисстаун.

Я морщусь — в груди больно щемит — и смотрю на запад через площадь, поверх деревьев и молчаливых домов на водопад, который обрушивает свои воды в долину, и на зигзаг дороги, где я сражался с Дейви Прентиссом, а Виола...

Я разворачиваюсь.

Глаза начинают привыкать к темноте, но в комнате все равно ничего нет, кроме мостков и едва ощутимой вони. Канаты висят посреди дыры, примерно в двух метрах от любого края мостков. Я пытаюсь рассмотреть, крепко ли они привязаны к колоколам — зазвонят ли те в случае чего?.. Я вовсю щурюсь в дыру: что же там на дне? Но в темноте ничего не разобрать. Может быть, и голый кирпич.

С другой стороны, два метра — не такое уж большое расстояние. Можно запросто допрыгнуть и по канату спуститься вниз.

Но потом...

— Умно, ничего не скажешь, — доносится голос из дальнего угла комнаты.

Я отшатываюсь, вскидываю кулаки, мой Шум весь ошестинивается. Из темноты встает человек — еще один мужчина без Шума.

Вот только...

— Если ты попробуешь съехать вниз по канатам, которые так маняще болтаются прямо у нас под носом, об этом узнает каждый житель города.

— Вы кто? — В животе все бултыхается от страха, но кулаков я не разжимаю.

— Ну точно. Я сразу понял, что ты не из Хейвена.

Мужчина подходит ближе, и свет выхватывает из темноты его лицо. Я вижу синяк под глазом и разбитую губу. Компрессов на него решили не переводить.

— Я и забыл, какой он громкий... Странно, — бормочет человек себе под нос.

Он невысокого роста, ниже меня, и куда толще, немного старше Бена, но гораздо слабее и мягче. Он весь мягкий, даже лицо какое-то мягкое... Если понадобится, я запросто его побью.

— Это ты верно подметил, — усмехается мужчина.

— Кто вы? — повторяю я.

— Кто я? — тихо повторяет мужчина, а потом повышает голос и с достоинством произносит: — Перед тобой Кон Леджер, мальчик. Мэр Хейвена. — Он задумчиво улыбается. — Но не Нью-Прентисстауна. — Глядя на меня, он слегка качает головой. — Мы давали лекарство даже беженцам, когда они повалили в наш город.

А потом я вижу, что его улыбка — никакая не улыбка. Он *морщится*.

— Святый боже, мальчик мой! — восклицает мэр Хейвена. — Какой же ты *шумный*!

— Я не мальчик, — огрызаюсь я, все еще держа кулаки наготове.

— Совершенно не представляю, какое это может иметь значение, — улыбается мэр Леджер.

Мне хочется сказать ему десять миллионов самых разных вещей, но любопытство берет верх.

— Так, значит, вы действительно изобрели лекарство? От Шума?

— О да, — говорит мэр Леджер, снова морщась, как будто пробует какую-то гадость. — Это растение местной флоры с естественным нейрохимическим действием... Мы смешали его экстракт с рядом синтетических веществ — и получилось! В Новом свете наконец воцарилась тишина.

— Не во *всем* Новом свете.

— Это да, — кивает мэр Леджер, поворачиваясь к одному из прямоугольных окошек в стене. Руки у него сцеплены за спиной. — Приготовление лекарства — весьма трудоемкий процесс. И очень долгий. Окончательный вариант удалось синтезировать только в прошлом году, и на это уш-

ло двадцать лет. Однако мы уже изготовили достаточно лекарств для своих нужд и хотели начать производство на экспорт, но...

Он умолкает, решительно глядя на расстилающийся внизу город.

— Вы сдались врагу, — говорю я. Мой алый Шум рвет и мечет. — Как последние трусы.

Мэр Леджер оборачивается, улыбка-grimаса бесследно исчезла с его лица.

— И почему же, интересно, меня должно волновать мнение какого-то мальчишки?

— Я не мальчишка, — цежу я сквозь зубы, — и неужели кулаки у меня до сих пор стиснуты? О да, еще как.

— Разумеется, мальчишка, — отвечает мэр Леджер. — Ведь *мужчина* знает, что перед лицом смерти люди порой вынуждены принимать не самые популярные решения.

Я сощуриваюсь:

— О смерти я знаю не меньше вашего, нечего меня поучать.

Мэр Леджер удивленно моргает, читая мой Шум и замечая в нем ослепительные вспышки. В следующий миг он вешает голову и опускает плечи.

— Прости меня, — говорит мэр Леджер. — Я вообще не такой. — Он кладет руку на лицо и растирает его, морщась от прикосновений к синяку под глазом. — Вчера я был добрым и милостивым мэром чудесного города. — Он словно смеется над какой-то шуткой, понятной только ему. — Но это было вчера.

— Сколько жителей в Хейвене? — спрашиваю я, не давая ему закрыть тему.

Мэр Леджер поднимает голову:

— Малыш...

— Меня зовут Тодд Хьюитт, — говорю я. — Можете называть меня мистер Хьюитт.

— Он обещал нам новую жизнь...

— Даже я знаю, что он всегда врет. Сколько здесь человек?

Мэр Леджер вздыхает:

— Включая беженцев, три тысячи триста.

— Армия Прентисстауна втрое меньше, — говорю я. — Вы могли победить.

— В основном это женщины и дети. Простые фермеры.

— В других городах женщины и дети тоже сражались. Женщины и дети умирали.

Мэр Леджер подходит ближе, его лицо искажено гневом.

— Да, а женщины и дети *этого* города умирать не будут! Потому что я заключил с Прентиссом мир!

— Хорош мир! Этот мир вам лицо разукрасил и губу разбил.

Мэр Леджер смотрит на меня еще секунду, а потом обреченно фыркает:

— Слова мудреца из уст деревенщины. — И отворачивается к окошку.

Тут я замечаю какой-то низкий **гул**.

Вопросительные знаки наполняют мой Шум, и не успеваю я раскрыть рот, как мэр — да, мэр, *прежний* мэр, — отвечает:

— Верно, ты слышишь меня.

— Вас? Но как же лекарство?

— А ты бы стал лечить поверженного врага?

Я облизываю губы.

— Так он возвращается? Шум? — спрашиваю я.

— О да! — Мэр Леджер снова поворачивается ко мне. — Если не принимать лекарство ежедневно, он очень скоро вернется.

Он отходит в свой угол и медленно садится.

— Обращаю твоё внимание, что туалета здесь нет, — смеется он. — Примите наши извинения за неудобства...

Я смотрю на него, и мой Шум по-прежнему красный, разгневанный и полон вопросов.

— Это ведь ты, правильно я понимаю? — спрашивает мэр Леджер. — Ради *тебя* всех городских жителей разогнали по домам, чтобы новый президент мог встретить тебя верхом на коне?

Я не отвечаю, зато мой Шум все выдает.

— И кто же ты, Тодд Хьюитт? — спрашивает мэр Леджер. — Почему ты такой особенный?

А вот это, думаю я, очень хороший вопрос.

Ночь наступает быстро и как-то сразу. Мэр Леджер с каждой минутой говорит все меньше, а дергается все больше и наконец, не выдержав, начинает расхаживать туда-сюда по мосткам. Все это время его **шум** становится громче, так что в итоге, даже если бы мы захотели поговорить, нам бы пришлось кричать.

Я стою у стены и смотрю, как на небе появляются первые звезды и долину накрывает ночь.

Я думаю и одновременно стараюсь не думать, потому что от мыслей все нутро скручивается, горло сдавливает и меня начинает тошнить. Или того хуже: на глаза наворачиваются слезы, а потом уж тошнит.

Потому что она где-то там.

(*пожалуйста* будь там)

(*пожалуйста* пусть с тобой все будет хорошо)

(*пожалуйста*)

— Тебе обязательно все время так *шуметь*? — взрывается мэр Леджер. Я поворачиваюсь к нему и уже хочу сказать что-нибудь резкое в ответ, когда он вздыхает и извиняется. — Я не такой... — он опять начинает теревить свои пальцы, — неприятно, когда тебя так внезапно лишают ледкарства.

Я снова смотрю на Нью-Прентисстаун: в домах начинают загораться огни. За весь день я не увидел на улицах ни

единой живой души, все сидят по домам — наверное, это приказ мэра.

— Значит, и там сейчас то же происходит? Со всеми?

— Что ты, у жителей есть личные запасы, — отвечает мэр Леджер. — Правда, рано или поздно Прентисс все заграбастает.

— Да уж, когда придет армия, это не составит ему никакого труда.

Луны начинают свой неспешный путь по небосводу. В их ярком свете можно разглядеть весь Нью-Прентисстаун, и я вижу блестящую реку, пронзающую город насквозь, а дальше — пустые поля, за которыми поднимаются отвесные скалистые утесы: северная стена долины. Река и дорога уходят дальше на восток, к неизведанным горам и долам, а город постепенно сходит на нет. На юг устремляется другая дорога, почти не мощенная; она вьется между зданий и домов, потом скрывается в лесу и, наконец, поднимается на высокий холм с раздвоенной верхушкой.

Вот и весь Нью-Прентисстаун.

Приют для трех тысяч трехсот людей, которые попрятались по домам и сидят тихо как мышки. Словно их и нет вовсе.

Ни один не отважился поднять руку, чтобы попытаться спастись от наступающего врага. Они понадеялись, что чудовище их не сожрет, если они будут смиренными и покорными.

Вот куда мы бежали столько дней...

Я замечаю на площади какое-то движение, мелькнувшую тень, но это лишь собака. **Домой, домой, домой**, разбираю я едва слышный Шум. **Домой, домой, домой**.

Собакам неведомы людские заботы.

Собаки могут быть довольны жизнью даже в самые скверные времена.

Минуту я пытаюсь восстановить дыхание, проглотить слезы и ком в горле.

Не думать о своем псе.

А когда я снова поднимаю глаза, то вижу вовсе не собаку.

Он едва держит голову и идет через площадь рядом со своей лошадью, копыта цокают по мостовой, а когда он подходит ближе, даже сквозь громоподобный **гул**, исходящий от мэра Леджера, — не знаю, как я сегодня буду спать, — я различаю *это*.

Шум.

В тишине затаившегося города разносится его Шум.

И он, несомненно, слышит мой.

Тодд Хьюитт? — — — думает он.

Чувствую: его лицо расползается в улыбке.

Я тут нашел одну Вещицу, Тодд, громко думает он, поднимая голову к башне. **Твою Вещицу**

Я ничего не говорю. И ни о чем не думаю.

Молча смотрю, как он тянется за спину, достает что-то и протягивает вверх.

Даже отсюда, даже при свете лун, я понимаю, что это.

Дневник моей ма.

У Дейви Прентисса дневник моей ма.

НОГА НА ШЕЕ

[Тодд]

Наступило следующее утро, и у подножия колокольной башни быстро и шумно возвели дощатую сцену с микрофоном. Постепенно к ней подтягиваются мужчины Нью-Прентисстауна.

— Что происходит? — спрашиваю я, выглядывая наружу.

— А ты как думаешь? — говорит мэр Леджер, сидя в своем темном углу и растирая виски. Его раскаленный металлический Шум **визжит**, точно бензопила. — Будут знакомиться с новым вожаком.

Мужчины почти ничего не говорят, лица у них бледные и мрачные, но мыслей, конечно, не угадаешь — без Шумато! Впрочем, выглядят они опрятнее, чем жители моего родного города: волосы подстрижены, подбородки гладко выбриты, да и одежда получше. Многие из них круглы и румяны, как мэр Леджер.

Хейвен, видать, был славным местечком. Людям тут не приходилось гнуть спины каждый день, чтобы выжить.

Может, это их и размягчило.

Мэр Леджер фыркает, услышав мои мысли, но ничего не говорит.

По периметру площади выстраиваются люди мэра Прентисса с винтовками наперевес — они будут поддерживать порядок. Я вижу мистера Тейта, мистера Моргана и мистера О'Хару — мужчин, с которыми я рос, которых видел каждый день и считал простыми фермерами. Пока они не стали кое-кем другим.

Дейви Прентисса нигде не видно, и мой Шум при мысли о нем опять начинает клокотать.

Видимо, придя в себя, он спустился в долину той же дорогой и случайно нашел по пути мой рюкзак. Внутри оказались только тряпки и книжка.

Дневник моей ма.

Слова, которые она писала специально для меня.

Писала, когда я родился. Перед самой смертью.

Перед тем, как ее убили.

Мой ненаглядный сын... клянусь, ты своими глазами увидишь, как жизнь в нашем мире наладится.

Эти слова читала мне Виола, потому что я сам не мог...

А теперь они у *гаденыша Дейви Прентисса...*

— Очень тебя прошу, — цедит мэр Леджер сквозь стиснутые зубы, — будь так любезен, хотя бы попытайся...

Он умолкает и виновато глядит на меня.

— Прости, — повторяет он уже в миллионный раз после того, как мистер Коллинз принес нам завтрак.

Не успев и слова вымолвить, я внезапно ощущаю ужасную боль в сердце, такую невыносимую печаль, что от неожиданности охаю.

И снова смотрю в окно.

На площадь выходят женщины Нью-Прентисстауна.

Они идут группками, держась на расстоянии от мужчин — ближе не пускают конники мэра Прентисса.

Я чувствую их тишину так же ясно, как не чувствую Шума мужчин. Она похожа на огромную боль утраты, и груп-

пки женщин на дороге — словно островки невыразимой печали в общем мирском шуме. Я вытираю глаза и прижимаюсь к стенке, пытаюсь рассмотреть каждую из идущих.

Пытаюсь увидеть ее.

Но ее там нет.

Ее нет.

Женщины похожи на мужчин: большинство одеты в рабочие брюки и рубашки разного фасона, на некоторых длинные юбки, почти все выглядят опрятными и сытыми. Прически у всех разные: короткие и длинные стрижки, косы, хвосты, а блондинок среди них куда меньше, чем я видел в Шуме прентисстаунцев.

А еще многие из них шагают по улице со скрещенными на груди руками... и с подозрением на лице.

Гнева на этих лицах намного больше, чем на мужских.

— Хоть кто-нибудь пытался вам возражать? — спрашиваю я мэра Леджера. — Хоть один человек?

— У нас демократия, Тодд, — вздыхает он. — Ты знаешь, что это значит?

— Понятия не имею, — отвечаю я, все еще глядя вниз и не находя искомого.

— Это значит, что к мнению меньшинства прислушиваются, — поясняет мэр, — но решает все мнение большинства.

Я смотрю на него:

— То есть все эти люди захотели сдатьсь?

— Президент сделал *предложение* Городскому совету, членов которого избрал народ, — говорит мэр Леджер, трогая разбитую губу, — что город останется невредим, если мы сдадимся.

— И вы поверили?

Глаза мэра Леджера вспыхивают.

— Ты или забыл, или не знаешь, что одна кровопролитная война на этом свете уже была. Война, которая должна была положить конец *всем* войнам. И если можно как-то избежать повторения тех событий...

— Тогда вы как миленькие сдадитесь на растерзание убийце.

Мэр Леджер снова вздыхает:

— Большинство членов Совета, включая меня, решили, что так нам удастся сохранить больше жизней. — Он опирается головой о кирпичную стенку. — Наш мир не совсем черно-белый, Тодд. Верней, совсем не черно-белый.

— Но что, если...

Лязгает дверной замок, и к нам заходит мистер Коллинз с пистолетом в руке.

Он опускает глаза на мэра Леджера:

— Подымайся.

Я недоуменно смотрю то на него, то на мэра:

— Что происходит?!

Мэр Леджер медленно встает.

— Похоже, пришел мой час, Тодд, — говорит он с напускной беззаботностью, но я слышу страх в его **дуле**. — Это был прекрасный город, — говорит он мне. — А я был хорошим человеком. Прошу тебя, помни об этом.

— Да о чем вы? — не понимаю я.

Мистер Коллинз берет его за руку и выталкивает за дверь.

— Эй! — ору я им вслед. — Куда вы его ведете?

Мистер Коллинз заносит кулак, чтобы ударить меня...

И я отшатываюсь.

(заткнись)

Он хохочет и запирает дверь.

Лязгает замок.

И я остаюсь один в башне.

А когда **дул** мэра Леджера потихоньку утихает, я начинаю различать...

Марш, марш, марш — из далекой дали.

Подхожу к окошку.

Это они.

Армия завоевателей входит в Хейвен.

Они спускаются по зигзагу дороги, будто черная река — пыльный и грязный поток, прорвавший плотину. Они идут по четыре-пять человек в ряд, и первый такой ряд скрывается в зарослях у подножия холма, когда последний появляется на его вершине. За ними наблюдает толпа на городской площади: мужчины отворачиваются от помоста и смотрят на холм, женщины выглядывают из переулков.

Марш, марш, марш становится громче, эхом разносится по улицам города. Будто тиканье огромных часов.

Толпа ждет. Я жду вместе с ними.

И вот между деревьев, у поворота дороги...

Появляются они.

Армия.

Первым идем мистер Хаммар.

Мистер Хаммар, который жил на заправке, мистер Хаммар, который думал о всяких гнусностях, мистер Хаммар, который стрелял по бегущим жителям Фарбранча.

Мистер Хаммар ведет за собой армию.

Я уже слышу его: он выкрикивает слова военного марша, чтобы остальные не сбивались с ритма. «Нога!» — вопит он снова и снова.

Нога!

Нога!

Нога на шее!

Солдаты входят на площадь и идут вдоль одного ее бока, оттесняя в сторону мужчин и женщин Хейвена. Мистер Хаммар проходит довольно близко к башне, и я вижу на его лице хорошо знакомую улыбку — улыбку, которая бьет, которая терзает, которая властвует.

И чем ближе он подходит, тем ясней я сознаю.

Эта улыбка без Шума.

Кто-то выехал из города навстречу армии. Кто-то с большим запасом лекарства. Армия не издает ни звука, если не считать марша и топота.

Нога, нога, нога на шее!

Они идут вдоль площади к помосту. Мистер Хаммар останавливается на углу и начинает строить солдат за помостом: они встают спиной ко мне, лицом к собравшимся на площади горожанам.

Я начинаю понемногу узнавать солдат. Вот мистер Уоллас. Мистер Смит-младший. Мистер Фелпс, хозяин лавки. Люди Прентисстауна и бесчисленное множество других.

Армия «шла и росла».

Я вижу Ивана, с которым работал в Фарбранче и который по секрету рассказал мне о сторонниках мэра Прентисса. Он стоит во главе одного из строев, и наглядные доказательства его слов стоят за ним с винтовками наготове.

Наконец последний солдат входит на площадь и останавливается под последнее слово марша.

Нога на шее!

Наступает полная тишина, обдувающая Нью-Прентисстаун, точно ветер.

Где-то подо мной раскрываются ворота собора.

И на помост выходит мэр Прентисс. Он хочет говорить со своим новым городом.

— Сейчас, — чеканит он в микрофон, отсалютовав мистеру Хаммару и поднявшись по ступеням на помост, — вы все напуганы.

Мужчины города тихо смотрят на него.

Женщины в переулках тоже молчат.

Армия стоит начеку, готовая ко всему.

Даже я, оказывается, затаил дыхание.

— Сейчас вы думаете, что вас завоевали, что надежды нет. Вы думаете, что обречены.

Мэр Прентисс стоит спиной ко мне, но благодаря динамикам, спрятанным по четырем углам площади, его голос гремит над городом, а может, и над всей долиной и за ее пределами. Потому что здесь собрались все, кто может его услышать. Каждый житель Нового света теперь либо здесь, либо под землей.

Мэр Прентисс обращается к планете.

— И вы правы, — говорит он. Честное слово, я слышу его улыбку. — Вас завоевали. Вас победили. Вы обречены.

Его слова несколько секунд висят в воздухе. Мой Шум вскидывается, и несколько человек на площади поднимают головы к башне. Я пытаюсь утихомирить свои мысли, но кто эти люди? Кто эти чистенькие, сытые, довольные жизнью люди, так легко сдавшиеся врагу?

— Но завоевал вас не я, — продолжает мэр Прентисс. — Не я побил вас и не я поработил.

Он умолкает и окидывает взглядом толпу. На нем белая одежда, белая шляпа, белые сапоги, а поскольку и помост накрыт белой тканью, в ярких солнечных лучах смотреть на него почти больно.

— Вы — рабы собственной лени, — говорит мэр Прентисс. — Вы пали жертвами собственной беспечности и мягкотелости. Вас *погубят*... — на этом слове он резко повышает голос, так что половина собравшихся на площади подскакивают на месте, — ваши собственные благие намерения! — К этому времени мэр Прентисс расходится не на шутку и тяжело дышит в микрофон. — Вы слабы и беспомощны перед невзгодами этого мира, всего за одно поколение вы превратились в людей, которые легко сдаются даже не врагу, а *СЛУХАМ* о враге!

Он начинает рассказывать по помосту с микрофоном в руке. Каждый напуганный человек в толпе, каждый солдат — до единого — неотрывно следит за его движениями.

Я тоже.

Мэр Прентисс продолжает рассказывать, постепенно повышая голос:

— Так что теперь вы знаете, что я сделал. Я просто протянул руку и взял. Отобрал у вас свободу, город, будущее. — Он смеется, как будто не может поверить своему везению. — Я-то готовился к войне.

Некоторые из собравшихся смотрят себе под ноги, пряча глаза от остальных.

Интересно, им стыдно? Очень надеюсь, что да.

— Но вместо войны меня встретили переговорами. Которые начались со слов: «Умоляем, не делайте нам больно» и «Пожалуйста, берите что хотите».

Внезапно мэр останавливается посреди помоста.

— А я ждал ВОЙНЫ! — снова кричит он, потрясая кулаком.

И все вздрагивают.

Если толпа вообще может вздрогнуть, она вздрагивает — именно так это выглядит сверху.

Что делают женщины, мне не видно.

— Но раз войны я не получил, — беззаботно продолжает мэр Прентисс, — теперь вы за это ответите.

Я слышу, как открываются двери собора. Мистер Коллинз тычками ведет на помост мэра Леджера со связанными за спиной руками.

Мэр Прентисс, скрестив руки на груди, молча наблюдает за ними. Наконец в толпе мужчин поднимается ропот, среди женщин — громкое недовольное бормотание, и конники начинают размахивать винтовками, чтобы уговорить людей. Мэр Прентисс даже ухом не поводит, словно и не замечает этих звуков. Он просто смотрит, как мистер Коллинз заводит мэра Леджера на помост.

На верхней ступеньке мэр Леджер останавливается и окидывает взглядом толпу. Люди молча смотрят на него, кто-то морщится от оглушительного **гула** его Шума, в котором начинают проступать первые слова и картинки. Все они пропитаны страхом. Вот мистер Коллинз подбивает ему глаз и расквашивает губу, вот мэр сдается, вот его забирают в башне.

— На колени, — говорит мэр Прентисс.

И хотя он произносит это очень тихо, без микрофона, слово это колокольным звоном гремит у меня в голо-

ве. Судя по изумленному оху толпы, в остальных головах тоже.

Внезапно, не успев даже сообразить, что к чему, мэр Леджер падает на колени. На его лице написано искреннее удивление.

На него смотрит весь город.

Мэр Прентисс выжидает одну секунду.

А затем подходит ближе.

И достает нож.

Огромный смертоносный клинок, сверкающий на солнце.

Мэр Прентисс заносит его над головой.

И медленно поворачивается на месте, чтобы все увидели, что сейчас будет.

Чтобы все увидели *нож*. На секунду мое сердце уходит в пятки, да ведь это же... Нет, нет, не мой.

А потом кто-то кричит:

— Убийца!

Единственный голос взлетает над тишиной. Женский голос. Мое сердце уходит в пятки... Но нет, это не она.

И все-таки хоть кто-то осмелился, хоть один человек...

Мэр Прентисс спокойно подходит к микрофону.

— С вами говорит победитель, — почти вежливо произносит он, словно и не слышал крика той женщины. — Ваши главари будут казнены — это неизбежное следствие поражения.

Он поворачивается к стоящему на коленях мэру Леджеру. Тот пытается напустить на себя невозмутимый вид, но все на площади слышат, как он не хочет умирать, какие детские желания и страхи его посещают, как громко брызжет из него вернувшийся Шум.

— Сейчас вы узнаете, — говорит мэр Прентисс, поворачиваясь обратно к толпе, — что за человек ваш новый президент. И что ему от вас нужно.

Тишина, по-прежнему тишина, если не считать жалкого мяуканья мэра Леджера.

Мэр Прентисс подходит к нему, нож сверкает на солнце. В толпе снова поднимается ропот: до всех доходит, что сейчас произойдет. Мэр Прентисс встает позади мэра Леджера и воздевает нож к небу. Он смотрит на толпу, толпа смотрит на него, лица застыли в ожидании, люди слушают бывшего мэра, который пытается, но не может обуздать свой Шум.

— СМОТРИТЕ! — орет мэр Прентисс. — ВОТ ВАШЕ БУДУЩЕЕ!

Он заносит нож, словно хочет еще раз крикнуть: «Смотрите!»

Ропот становится громче...

Мэр Прентисс заносит нож...

Голос, женский голос, может тот же самый, кричит:

— Нет!

И я внезапно понимаю, что сейчас случится.

В том зале, когда я сидел привязанным к стулу, он довел меня до отчаяния, подвел к самому краю смерти, заставил бояться ее, а потом...

Исцелил мои раны.

Тогда-то я и сделал, что он хотел.

Нож со свистом пронзает воздух, и разрезанная веревка падает с рук мэра Леджера на помост.

Весь город охает. Нет, вся *планета*.

Секунду мэр Прентисс выжидает, потом тихо, без микрофона, говорит:

— Вот ваше будущее.

Но слова эти опять звенят прямо в голове. Он прячет нож за спину и возвращается к микрофону.

И начинает исцелять раны толпы.

— Я не тот, за кого вы меня принимаете, — говорит он. — Я не тиран и пришел не с тем, чтобы истребить вас. Я не безумец, который уничтожит собственную надежду

на спасение. Я НЕ... — он смотрит на мэра Леджера, — ваш палач...

Толпа так затихла — и мужчины, и женщины, — что площадь кажется пустой.

— Война кончилась, — продолжает мэр Прентисс. — Ей на смену пришла новая жизнь.

Он показывает пальцем на небо. Все с опаской смотрят вверх, словно оттуда может что-то упасть.

— Возможно, до вас уже дошел слух о новых переселенцах...

У меня сжимается нутро.

— Говорю вам как президент, — продолжает мэр Прентисс, — это истинная правда.

Откуда он знает? Черт, откуда?

В толпе снова поднимается ропот от этой вести. Мэр не призывает людей к тишине, только радостно перекрикивает:

— Мы встретим их с распростертыми объятиями! Мы создадим новое общество, которое с гордостью встретит новых жителей нового Эдема! — Он опять повышает голос: — Мы покажем им, что воистину оставили Старый свет позади и обрели РАЙ!!!

Опять разговоры в толпе со всех сторон.

— Лекарство я у вас заберу, — говорит мэр.

Боже, вот тут-то ропот замолкает.

Мэр Прентисс позволяет тишине утвердиться окончательно и добавляет:

— На время.

Мужчины переглядываются между собой и снова поднимают глаза на мэра Прентисса.

— Мы стоим на пороге новой эры, — говорит тот. — Вы должны заслужить мое доверие, а для этого вместе со мной будете строить новое общество. Когда мы его построим, когда мы вместе начнем преодолевать трудности и праздновать первые успехи, тогда вы заслужите право

вновь называться мужчинами. А значит, получите право и на лекарство. В этот славный день все мужчины воистину станут братьями!

На женщин мэр Прентисс и не смотрит. Мужчины тоже. Женщинам ведь лекарство ни к чему, и добиваться его не нужно, так?

— Да, будет нелегко, — продолжает мэр Прентисс, — я не хочу вас обманывать и обнадеживать. Но это благодарный труд. — Он обводит рукой армию. — Мои заместители уже начали организовывать вас. Вы и дальше будете следовать их указаниям, но поверьте, никто не хочет обременять вас сверх меры. Скоро вы увидите, что я — не завоеватель. Я не желаю вам зла. — Он вновь умолкает. — Я вам не враг... — мэр Прентисс в последний раз поворачивается к толпе мужчин, — я ваш спаситель.

И хоть у них нет Шума, я вижу по лицам, как в них сыпается надежда: вдруг он говорит правду, вдруг все наладится, вдруг, несмотря на все ужасы, они обретут свободу?

Вот уж нет, думаю я. Даже не мечтайте.

Не успевает толпа разойтись, как дверной замок опять лязгает.

— Добрый вечер, Тодд, — говорит мэр Прентисс, входя в мою тюрьму и морщась от вони. — Понравилась моя речь?

— Откуда вы узнали про переселенцев? — спрашиваю я. — Вы разговаривали с ней? Как она?

Мэр Прентисс не отвечает, но и не бьет меня, а просто с улыбкой говорит:

— Всею свое время, Тодд.

По ступенькам за дверью поднимается Шум. **ЖИВ!** Я **жив!** слышу я. **ЖИВ, ЖИВ, ЖИВ, ЖИВ!**

Мистер Коллинз заталкивает в комнату мэра Леджера.

И вытягивается по струнке, заведя начальника.

— Новую постель получите завтра, — говорит мэр Прентисс, все еще глядя на меня. — И удобства тоже.

Мэр Леджер раскрывает рот, но заговорить получается не с первой попытки.

— Господин Президент...

— Завтра же начнете работать, — перебивает его мэр Прентисс, будто и не слыша.

— *Работать?* — удивляюсь я.

— Ну да, все должны трудиться, Тодд, — говорит мэр Прентисс. — Труд — это прямой путь к свободе. Я тоже буду работать... и мэр Леджер.

— Правда? — спрашивает тот.

— Но мы же в тюрьме, — говорю я.

Мэр Прентисс снова улыбается — еще веселей, чем прежде.

Интересно, какую гадость он задумал?

— Выспись хорошенько, — говорит мэр Прентисс, делая шаг к двери и глядя мне прямо в глаза. — Рано утром за тобой придет мой сын.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

[Тогда]

В ыясняется, что утром моим главным поводом для беспокойства становится вовсе не Дейви Прентисс. Я на него и не смотрю.

Это лошадь.

Жеребенок. говорит она, переминаясь с ноги на ногу и глядя на меня блестящими безумными глазами, как будто хочет хорошенько потоптать.

— Я ничего не смыслю в лошадях, — говорю я.

— Эта кобылка из моего личного стада, — говорит мэр Прентисс поверх Шума его собственного коня, Морпета. — Зовут ее Ангarrал, она очень славная и добрая лошадь.

Морпет смотрит на мою конягу, и в его Шуме читается только одно слово: **сдавайся, сдавайся, сдавайся.** От этого кобыла нервничает еще сильнее. Ну и животное мне дали, ничего не скажешь. Как ездить-то на эдаком клубке страхов?

— Что такое? — ухмыляется Дейви Прентисс, сидящий верхом на норовистом коне. — Боишься?

— Что такое? — передразниваю его я. — Папочка до сих пор не угостил тебя лекарством?

Его Шум тут же вскидывается.

— Ах ты, маленький...

— Тише, тише, — осаживает его мэр Прентисс. — И десяти слов друг другу не сказали, а уже поцапались.

— Он первый начал, — оправдывается Дейви.

— Держу пари, он и закончит. — Мэр Прентисс многозначительно смотрит на меня, вглядываясь в алый растрепанный Шум, полный красных вопросительных знаков о Виоле и желания надрать задницу Дейви Прентиссу. — Поехали, Тодд, — говорит он, беря поводья своего коня. — Готов стать вожаком?..

— Разделение очень простое, — говорит мэр Прентисс, пока мы скачем рысью сквозь раннее утро — куда быстрее, чем мне бы хотелось. — Мужчины будут жить в западном конце долины, перед собором, а женщины — позади него, в восточной части.

Мы скачем на восток по главной улице Нью-Прентисстауна — той, что начинается с зигзага у водопада, пересекает городскую площадь, огибает собор и теперь устремляется в долину. По переулкам маршируют небольшие взводы солдат да шныряют туда-сюда нью-прентисстаунские мужчины — кто с чемоданами, кто с тюками.

— Что-то я женщин не вижу, — говорит Дейви.

— Ни *единой* женщины, — поправляет его отец. — Все верно, капитан Морган и капитан Тейт перевезли всех женщин еще минувшей ночью.

— Что вы с ними сделаете? — спрашиваю я, так крепко цепляясь за луку седла, что пальцы белеют.

Мэр Прентисс смотрит на меня:

— Ничего, Тодд. Их окружают заботой и почтением, какие подобают строительницам нового мира. Ведь они внесут огромный вклад в будущее этого города. — Он отворачивается. — Но пока им лучше пожить отдельно.

— Правильно, пусть стервы знают свое место, — хмыкает Дейви.

— Я не разрешаю тебе выражаться в моем присутствии, Дэвид, — спокойным, но серьезным тоном произносит мэр Прентисс. — Женщины заслуживают уважения и всех возможных благ. Но по сути ты прав. У каждого из нас есть место. Мужчины Нового света забыли свое, и поэтому на какое-то время я отделю их от женщин, чтобы все горожане вспомнили свою роль и предназначение... — Тут он оживляется. — Люди это оценят. Раньше они жили в хаосе, а я дам им порядок я полнейшую ясность.

— Виола с остальными женщинами? Как она? — спрашиваю я.

Мэр Прентисс снова смотрит на меня:

— Ты обещал, Тодд Хьюитт. Или тебе напомнить? *Только спасите ее, и я сделаю что угодно.* Именно так ты и сказал, слово в слово.

Я беспокойно облизываю губы:

— Откуда мне знать, что вы выполните свою часть договора?

— Ниоткуда, — отвечает мэр Прентисс, буравя меня взглядом — кажется, эти глаза могут разглядеть во мне любую ложь, даже самую ничтожную. — Я хочу, чтобы ты верил мне, Тодд. А какая же это вера, если ей нужны доказательства?

Он снова переводит взгляд на дорогу, а Дейви мерзко хихикает у меня под боком, так что мне остается только разговаривать со своей лошадкой. У нее темно-коричневая шкура и белая полоска на носу, а грива так безупречно вычесана, что и трогать-то страшно. **Жеребенок**, думает она про меня.

Она, думаю я. Она. И тут мне приходит на ум вопрос, который раньше как-то не приходил. У овец на нашей ферме в Прентисстауне тоже был Шум, но ведь у женщин его нет, так почему...

— Потому что женщины не животные, Тодд, — отвечает мэр Прентисс, прочитав мои мысли. — Как бы плохо ты обо мне не думал! Они бесшумны от природы. — И уже тише добавляет: — Что делает их особенными.

Вдоль дороги, по которой мы сейчас едем, стоят в основном лавки и магазинчики, перемежаемые зелеными деревьями. Почти все лавки закрыты, и неизвестно, когда откроются. Дома тянутся от переулков к реке слева и холмам справа. Большинство зданий, если не все, стоят поодаль друг от друга — видно, только так и можно жить в большом городе, когда лекарство от Шума еще не найдено.

Мы проезжаем мимо солдат, марширующих по пять — десять человек в ряд, и мимо мужчин, бредущих с вещами на запад. Женщин по-прежнему нигде нет. Я вглядываюсь в лица прохожих, и большинство из них смиренно смотрят себе под ноги: где уж там биться за свободу?..

— Вперед, девочка, — шепчу я лошади. Оказывается, ездить верхом очень неприятно для кое-каких частей тела...

— Ну надо же! — усмехается Дейви, нагоняя меня. — Не успел сесть в седло, а уже ноешь!

— Заткнись, Дейви.

— Вы должны называть друг друга мистер Хьюитт и мистер Прентисс-младший, — оглядываясь, кричит нам мэр Прентисс.

— *Что?* — Шум Дейви вскидывается. — Да он даже не мужчина! Ему только...

Отец одним взглядом заставляет его замолчать.

— На рассвете в реке нашли тело, — говорит он. — Тело со страшными ранами и огромным ножом в шее. Смерть наступила не позже чем два дня назад.

Мэр Прентисс снова буравит взглядом мой Шум. Я вызываю в уме картинки, которые он хочет увидеть, и представляю, как убивал Аарона. Вот такая штука этот Шум — в нем любые твои мысли, а не только правда. Если

усердно думать, будто ты что-то сделал, остальные тоже так подумают.

Дейви фыркает:

— Ты убил проповедника Аарона?! Ни за что не поверю.

Мэр Прентисс молча прищипоривает Морпета. Дейви хихикает и пускается вдогонку за отцом.

За мной, храпит Морпет.

За тобой, ржет в ответ конь Дейви.

За тобой, думает моя кобыла, тоже прибавляя шагу. Прямо скажем, легче мне от этого не становится.

Но я все высматриваю...

(вдруг ей удалось сбежать?..)

(вдруг она ищет меня?..)

(вдруг она?..)

А потом я слышу это.

Я — круг, круг — это я.

Отчетливый, словно колокольный звон, голос мэра Прентисса сплетается у меня в голове с моим собственным голосом, он как будто говорит прямо в моем Шуме. От неожиданности я чуть не падаю с лошади. Даже Дейви удивленно оглядывается, не понимая, на что это я так среагировал.

А мэр Прентисс просто едет себе по дороге, словно ничего не случилось.

Чем дальше на восток и дальше от собора мы уезжаем, тем серее становится вокруг. Скоро под копытами лошадей оказывается гравий, а дома вокруг становятся все проще и проще — длинные деревянные бараки на большом расстоянии друг от друга, будто кирпичи, разбросанные по лесу.

От этих домов исходит женская тишина.

— Верно подмечено! — говорит мэр. — Мы въезжаем в женский квартал.

Мое сердце сжимается, тишина эта подобна стальной хватке.

Я пытаюсь выпрямиться и скакать ровнее.

Потому что где-то здесь может быть она, где-то здесь ее лечат.

Дейви снова подъезжает ко мне, его жалкие недоусики изгибаются в гнусной улыбке.

Я скажу тебе, где твоя шлюшка. говорит его Шум.

Мэр Прентисс резко оборачивается.

От него исходит ужасно странный звук, как будто крик, но беззвучный, неземной, словно вмещающий в себя тысячу слов одновременно. Он пронесится мимо и даже взъерошивает мне волосы на затылке.

Но реагирует на него Дейви.

Его голова дергается назад, словно от удара, и он судорожно хватается за поводья, чтобы не выпасть из седла. Конь разворачивается, и я вижу глаза Дейви, ошарашенные и безумные, из разинутого рта тянется ниточка слюны.

Черт, это еще что такое?..

— Он ничего не знает, Тодд, — говорит мне мэр. — Все, что ты узнаешь о ней из Шума моего сына, ложь от начала и до конца.

Я перевожу взгляд на Дейви, ошарашенного и часто моргающего от боли, потом опять на его отца:

— Это значит, что она цела и в безопасности?

— Это значит, что он не знает. Верно, Дэвид?

Да, па, отвечает Шум Дейви, все еще дрожащий от страха и боли.

Мэр Прентисс поднимает брови.

Дейви стискивает зубы.

— Да, па, — выдавливает он.

— Я знаю, что мой сын — лжец, — говорит мэр Прентисс. — Что он невежа, хулиган и плевать хотел на мои принципы и убеждения. Но он все-таки мой сын. — Прентисс снова обращает взгляд на дорогу. — И я верю в искупление.

Шум Дейви становится тихим, но где-то в глубине его слышится алое шипение.

Нью-Прентисстаун постепенно тает вдали, вдоль дороги теперь почти нет построек. Между деревьев мелькают то красные, то зеленые фермерские поля — что-то из посаженного мне знакомо, что-то я вижу впервые. Тишина женщин постепенно сходит на нет, а местность вокруг дичает: в канавах растут цветы, восковые белки дразнят друг друга, ярко светит солнце и всюду царит мир и покой, как будто ничего не случилось.

Река поворачивает, мы огибаем холм, и вдруг впереди вырастает огромная железная башня.

— Что это? — спрашиваю я.

— Тебе-то какая разница? — ухмыляется Дейви, хотя ответа явно не знает.

Мэр Прентисс молчит.

Сразу за башней дорога опять поворачивает и идет вдоль длинной каменной стены. Чуть дальше в стене виднеется арка больших деревянных ворот. Больше за длинную — очень длинную — стену никак не попасть, а у ворот дорога заканчивается.

— Первый и последний монастырь Нового света, — говорит мэр Прентисс, останавливаясь у ворот. — Он был построен для спокойной жизни наших святейших, когда мы еще верили, что сможем побороть Шум с помощью дисциплины и самоотречения. — Его голос твердеет. — Но монастырь забросили, не успев толком достроить.

Мэр Прентисс поворачивается к нам. В Шуме Дейви вдруг вспыхивает странная искорка радости. Мэр бросает на него предостерегающий взгляд.

— Тебе не дает покоя вопрос, — говорит он мне, — почему я назначил своего сына твоим надзирателем.

Я кошусь на Дейви, тот все еще улыбается.

— Тебе нужна твердая рука, Тодд, — говорит мэр Прентисс. — Ты до сих пор раздумываешь, как бы отсюда сбе-

жать, и при первой возможности попытаешься это сделать. Чтобы найти свою драгоценную Виолу.

— Где она? — спрашиваю я, заранее зная, что ответа не получу.

— Я не сомневаюсь, что Дейви будет как раз такой твердой рукой.

Сыночек ухмыляется.

— А взамен он поймет, что такое настоящая отвага. — Улыбка Дейви тут же меркнет. — Что такое благородство, что значит быть настоящим мужчиной. Другими словами, он поймет, что значит быть тобой, Тодд Хьюитт. — Мэр Прентисс бросает на сына последний взгляд и разворачивает коня. — Мне не терпится узнать, как прошел ваш первый день вместе.

С этими словами он дергает поводья и уносится обратно в Нью-Прентисстаун. Зачем он вообще с нами ездил? Уж наверняка у него были дела и поважней.

— Разумеется! — кричит мэр Прентисс, не оборачиваясь. — Но тебя нельзя недооценивать, Тодд Хьюитт!

Он скрывается из виду. Мы с Дейви ожидаем, пока топот копыт не стихнет вдали.

Я заговариваю первым:

— Скажи, что случилось с Беном, или я выгрызу тебе глотку.

— Босс тут я, малыш! — Дейви опять ухмыляется. Он спрыгивает на землю и бросает на землю свой рюкзак. — Лучше относись ко мне с уважением, не то па...

Я уже спешил, и мой кулак летит прямо в жалкое подbrace его усов. Дейви не успевает увернуться от удара, но тут же бьет в ответ. Я тоже бью, не обращая внимания на боль, и мы валимся на землю, сплетаясь в вихре кулаков, локтей и коленей. Дейви все еще покрупней меня будет, но не намного, так что я почти не замечаю разницы. И все же в конце концов он прижимает меня к земле, заламывает мне руки за спину и утыкается локтем в горло.

Его разбитые губы кровоточат, нос тоже, да и мое лицо выглядит не лучше. Плевать! Дейви тянется за спину и достает из кобуры пистолет.

— Твой па ни за что не позволит меня пристрелить, — хриплю я.

— Ага, — выплевывает Дейви. — Но все равно у меня пушка есть, а у тебя нет.

— Бен тебя побил, — хриплю я под его локтем. — Тогда, на дороге, он тебя остановил, и мы сбежали.

— Никто меня не останавливал, ясно? — ухмыляется Дейви. — Я взял его в плен! Отвел к па, и па разрешил мне его пытать. Я замучил его до *смерти*!

И тут в его Шуме...

Я...

Я не знаю, что возникает в его Шуме (он лжец, *лжец*!), но это придает мне сил, и я скидываю его с себя. Мы снова деремся, Дейви пытается отбиться прикладом пистолета, но в конце концов я сваливаю его и припечатываю локтем к земле.

— *Помни* это, сопляк, — выдавливает Дейви, кашляя, но пистолет из рук не выпускает. — Когда мой па опять начнет тебя расхваливать, помни, это он разрешил мне замучить Бена.

— Ты врешь! — кричу я. — Бен тебя побил.

— Да что ты? И где же он тогда? Идет на помощь? — смеется Дейви.

Стиснув кулаки, я делаю шаг назад, потому что он прав, так ведь? Мой Шум взрывается от горя, как будто все происходит сейчас, как будто он умирает у меня на глазах.

Дейви хохочет, отползая к огромным деревянным воротам.

— Мой па видит тебя насквозь! — кричит он, и его глаза радостно распахиваются. — Читает тебя, как *книгу*!

Мой Шум взывает еще громче.

— Отдай мне книжку! Или клянусь, я убью тебя!!!

— Ничего ты мне не сделаешь, *мистер Хьюитт*, — говорит Дейви, прижавшись спиной к воротам и осторожно поднимаясь. — Ты не станешь рисковать жизнью своей возлюбленной сучки, забыл?

И все.

Больше я ничего не могу сделать.

И они это знают.

Потому что я не стану подвергать ее опасности.

Мои руки хотят изувечить Дейви Прентисса — как тогда, на склоне, когда он *выстрелил* в нее...

Но теперь они ничего не сделают... Хотя и *могли бы*...

Потому что он слаб.

И мы оба это знаем.

Улыбка Дейви меркнет.

— Думаешь, ты такой особенный, да? — шипит он. — Думаешь, па тебя приголубит?

Я стискиваю кулаки, разжимаю. Но с места не схожу.

— Па знает тебя, — ухмыляется Дейви. — Видит насквозь.

— Ничего он не знает, — цежу я сквозь зубы. — И ты тоже.

Дейви опять ухмыляется:

— Неужели? — Его рука тянется к железной ручке ворот. — Тогда познакомься со своим новым стадом, Тодд Хьюитт!

Он толкает ворота, открывает их и отходит в сторонку, чтобы я все увидел своими глазами.

Из загона на меня смотрят сто с лишним спэков.

НА СТРОЙКЕ НОВОГО МИРА

[Тодд]

Моя первая мысль — развернуться и убежать. Бежать, бежать и никогда не останавливаться.

— Хотел бы я на это посмотреть, — говорит Дейви, стоя в воротах и улыбаясь, будто только что выиграл приз.

Их так много, господи, так много... вытянутые белые лица смотрят на меня, глаза огромные, рты маленькие и зубастые, уши вообще ни на что не похожи...

Но даже так что-то человеческое в них есть, верно? Все равно у них есть *лица*, и на этих лицах такой же страх...

И боль.

Трудно отличить мужчин от женщин, потому что на всех растет одинаковый лишайник вместо одежды, но ощущение такое, что они тут целыми семьями: большие спэки защищают маленьких, а спэки-мужья защищают жен — они обхватывают друг друга руками, склоняются и *молча*...

Молча.

— Вот именно! — восклицает Дейви. — Представляешь, эти идиоты дали лекарство даже *животным*!

Спэки переводят взгляды на Дейви, и в толпе поднимается странное шелканье. Спэки переглядываются и кивают. Дейви вскидывает пистолет и шагает на монастырскую землю.

— Что это вы удумали? — выплевывает он. — Попробуйте возразить! Ну? ВОЗРАЗИТЕ!

Спэки сбиваются в группы и пятятся.

— Поди сюда, Тодд, — приказывает Дейви. — У нас полно работы.

Я не сдвигаюсь с места.

— Сказал же, поди сюда!!! Это животные, ничего они тебе не сделают.

Я по-прежнему не шевелюсь.

— Он убил одного из вас, — говорит Дейви спэкам.

— Дейви! — ору я.

— Ножом башку ему оттяпал. Пилил и пилил...

— Заткнись! — Я кидаюсь вперед, чтобы заткнуть его поганый рот.

Спэки, стоящие ближе всего к воротам, пятятся еще дальше и как можно быстрее, глядя на меня испуганными глазами и пряча от меня детей. Я толкаю Дейви, но он только хохочет, а я вдруг понимаю, что оказался на монастырской земле.

Боже, сколько вокруг спэков.

Каменная стена монастыря опоясывает *громадный* участок земли, но здание на нем всего одно и очень небольшое, что-то вроде склада. Остальное пространство разделено на маленькие участки деревянными заборами с низкими воротами. Большинство таких загонов сильно заросло сорной травой. Дальняя каменная стена виднеется метрах в ста от нас.

Но в основном я вижу только спэков.

Сотни, сотни спэков, занимающих все пространство.

Больше тысячи.

Они жмутся к монастырской стене, прячутся за гниющими заборами, сидят кружками или стоят шеренгами.

Но все не сводят глаз с меня, безмолвные, как могильные плиты. Зато мой Шум брызжет во все стороны.

— Он врёт! — кричу я. — Все было не так! Все было не так!

Но как же тогда было? Как мне все объяснить?

Ведь я в самом деле *убил* его, верно?

Не так, как сказал Дейви, но все равно ужасно, и картина эта настолько ясно встает у меня перед глазами, что спрятать ее за стеной лжи, не думать о ней нет никакой возможности: на меня обращены сотни взглядов. Сотни лиц!

— Это вышло случайно, — говорю я и умолкаю, переводя взгляд с одного странного лица на другое, не слыша их Шума, не понимая их шелканья, не зная, что происходит. — Я не хотел.

Но спэки молчат. Ничего не говорят, просто смотрят на меня.

Раздается скрип: ворота за нашими спинами снова открываются. Мы оборачиваемся.

Там стоит Иван из Фарбранча, присоединившийся к армии после сражения с мэром.

И какой правильный выбор он сделал! На нем офицерская форма, за спиной толпятся охранники.

— Мистер Прентисс-младший, — говорит он Дейви и кивает. Тот кивает в ответ. Иван поворачивается ко мне, но Шума у него нет, а по взгляду ничего не поймешь. — Рад видеть вас в добром здравии, мистер Хьюитт.

— Вы знакомы?! — вопрошает Дейви.

— Да, было дело, — все еще не сводя с меня глаз, отвечает Иван.

Я не говорю ни слова.

Я слишком занят разглядыванием картинок в своем Шуме.

Перед глазами у меня Фарбранч. Хильди, Тэм и Фран-
сиа. Страшная резня, в которой Иван выжил.

По его лицу пробегает тень раздражения.

— Я заодно с теми, за кем сила, — говорит он. — Только так и можно выжить.

Я представляю себе горящий Фарбранч, мужчин, женщин и детей в огне.

Иван хмурится еще сильнее:

— Эти ребята останутся здесь и будут вас охранять. Ваша задача — распределить спэков по участкам, кормить их и поить.

Дейви закатывает глаза:

— Как будто мы сами не знали...

Но Иван уже отвернулся и идет к воротам, оставляя с нами десять вооруженных солдат. Они занимают позиции на каменной стене монастыря и начинают разматывать мотки колючей проволоки.

— Десять солдат с винтовками да нас двое, а спэков вон сколько, — бормочу я еле слышно, но мой Шум можно различить за милую.

— Да ладно, не бойся, — говорит Дейви. Он наводит пистолет на ближайшего спэка — кажется, это женщина, потому что на руках у нее крошечный спэк. Она закрывает его своим телом. — Они не умеют драться, в них это не заложено.

Я вижу лицо спэка, защищающего свое дитя.

Это лицо поверженного, думаю я. Они все сдались. И знают это.

Я понимаю, каково им.

— Эй, ушлепок, смотри сюда! — Дейви воздевает руки к небу, привлекая к себе внимание спэков, и орет: — Вы обречены-ы-ы!!!

А потом ржет, не затыкаясь.

Дейви решил, что его задача — надзирать за работой спэков на участках. Это значит, что мне придется их кормить: сыпать корм и подливать воду в корыта.

Но я привык к такой работе и не возражаю. Я каждый день занимался этим на ферме. Да еще и вечно ныл, дурень неблагодарный.

Я вытираю глаза и начинаю работать.

Спэки стараются ко мне не подходить. Я только «за», если честно.

Потому что смотреть им в глаза невыносимо.

Мэр Прентисс сказал Дейви, что раньше спэки работали здесь слугами и поварами, но он первым делом приказал разогнать их по домам и запереть. Ночью, пока я спал, их всех перевезли сюда.

Одновременно с женщинами.

— Люди разрешали им жить у себя *во дворе*, представляешь? — усмехается Дейви, наблюдая за тем, как я тружусь. Утро сменилось днем, и он приступил к обеду, который вообще-то выдали на двоих. — Вот бред, а? Как будто они члены *семьи*!

— Может, они и были членами семьи, — говорю я.

— Ну, а теперь перестали, — смеется Дейви, вставая и помахивая пистолетом. — Давай за работу.

Я высыпал в корыта уже почти весь корм со склада, но этого явно мало. К тому же несколько колонок с водой не работают, и до захода солнца мне удалось починить лишь одну.

— Нам пора, — говорит Дейви.

— Я не закончил, — бурчу я в ответ.

— Прекрасно, — бросает он через плечо. — Тогда оставайся тут один.

Я оглядываюсь на спэков. Рабочий день на исходе, и они сгрудились у дальней стены, как можно дальше от ворот и солдат.

И от нас с Дейви.

Я лихорадочно перевожу взгляд с него на спэков и обратно. Им не хватает еды. И воды тоже. Им некуда ходить в туалет и совершенно негде спрятаться от непогоды.

Я развожу руками и показываю им пустые ладони, но разве делу этим поможешь? Они молча смотрят на меня, а я роняю руки и плетусь следом за Дейви.

— Так вот как ведут себя храбрецы, а? — говорит он, отвязывая своего коня, которого называет Ураганом, хотя откликается бедняга только на Желудя.

Я не обращаю на Дейви внимания, потому что думаю только о спэках. Нет, о спэклах. О том, как хорошо я буду с ними обращаться. Честное слово! Я буду давать им вдоволь еды и воды, сделаю для них все что в моих силах.

Правда.

Я даю себе такое обещание.

Потому что этого бы хотела она.

— О, я знаю, чего она хочет на самом деле, — ухмыляется Дейви.

И мы опять деремся.

К моему возвращению в башню там уже положили новую постель — матрас с простыней для меня и такой же для мэра Леджера. Он сидит на своем и жует кусок мяса.

Вонь, кстати, исчезла.

— Ага, — говорит мэр Леджер. — И угадай, кому пришлось все тут мыть?

Оказывается, его назначили уборщиком.

— Достойный труд, — говорит он мне, пожимая плечами. Но что-то в его Шуме подсказывает мне, что этот труд не кажется ему таким уж достойным. — А что, весьма символично. Упал с самого верха на самое дно. Было бы смешно, если б не было так грустно.

У моей постели тоже стоит миска с едой, я беру ее, подхожу к окошку и смотрю на город.

Который начинает потихоньку жужжать.

Лекарство выводится из крови мужчин, и это слышно.

Пл несется из домов и построек, из переулков и садов.

В Нью-Прентисстаун возвращается Шум.

А теперь подумайте: я с трудом ходил даже по Прентисстауну, хотя там было всего сто сорок шесть жителей. В Нью-Прентисстауне их в десять раз больше.

Не представляю, как я это вынесу.

— Со временем привыкнешь, — говорит мэр Леджер, доев свое мясо. — Помни, я прожил здесь двадцать лет, пока не изобрели лекарство.

Я закрываю глаза и вижу перед собой только стадо спэ-ков, буравящих меня взглядом.

Осуждающих меня.

Мэр Леджер хлопает меня по плечу и показывает на мою тарелку с мясом:

— Ты же больше не хочешь?

А ночью мне снится...

Она...

Солнце так ярко светит за ее спиной, что лица не видно. Мы стоим на склоне холма, и она что-то говорит, но через рев водопада ни слова не разобрать. Я все спрашиваю: «Что? Что?», а когда пытаюсь до нее дотронуться, ничего не выходит, и рука вся покрывается кровью...

— Виола! — кричу я и резко сажусь в кровати, тяжело дыша в темноту.

Кошусь на мэра Леджера. Он лежит на своем матрасе лицом к стенке, но Шум у него не спящий — такой же сероватый, как днем.

— Вы не спите, — говорю я.

— Ну и громкие сны тебе снятся, — бурчит мэр Леджер в стенку. — Она так тебе дорога?

— Вам-то какое дело? — огрызаюсь я.

— Надо просто перетерпеть, Тодд, — вздыхает мэр Леджер. — Больше ничего не остается. Только жить и терпеть.

Я отворачиваюсь к стене.

Я ничего не могу сделать. Пока она у них, не могу.

Пока я не знаю, что с ней.

Пока они по-прежнему могут причинить ей боль.

Жить и терпеть, думаю я.

А где-то там она...

И я шепчу, шепчу ей, где бы она ни была сейчас: «Только терпи и живи, прошу тебя».

Только живи.

ЧАСТЬ
ВТОРАЯ

ЛЕЧЕБНЫЙ ДОМ.
ВЧЕРА

ВИОЛА ПРИХОДИТ В СЕБЯ

[Виола]

— Успокойся, дитя.
Голос...

Голос из света.

Я открываю глаза и часто-часто моргаю. Все вокруг такое ослепительно-белоснежное, что цвет почти переходит в звук. Из него доносится тихий голос, в голове у меня вязкая каша, бок болит, и вокруг слишком светло, слишком...

Погодите...

Стоп-стоп...

Он нес меня по холму...

Ведь это было только сейчас, мы спустились в Хейвен сразу после того как...

— Тодд? — хриплю я. В горло словно набили мокрой ваты, но я гоню это слово наружу, в ослепительно-яркий свет: — ТОДД?!

— Я сказала: успокойся. Сейчас же.

Мне незнаком этот голос, женский голос...

Женский.

— Кто вы? — спрашиваю я, пытаюсь встать, щупая руками вокруг себя, чувствуя свежесть и прохладу...

...постели?

Во мне поднимается паника.

— Где он?! — кричу я. — *ТОДД!*

— Я не знаю никакого Тодда, дитя мое, — говорит голос. Из яркого света постепенно начинают проступать контуры и силуэты. — Зато я знаю, что ты сейчас не в том состоянии, чтобы о чем-либо расспрашивать.

— В тебя стреляли, — поясняет второй голос, моложе первого, справа от меня.

— Закрой рот, Мадлен Пул, — говорит первая женщина.

— Слушаюсь, госпожа Койл...

Я продолжаю моргать, и наконец картинка перед глазами начинает проясняться: я лежу на узкой белой койке в узкой белой комнате. На мне тонкая белая рубаша с завязками на спине. Прямо передо мной стоит высокая пухлая женщина в белом халате с вышивкой; протянутая синяя рука. У женщины тонкие губы и серьезное выражение лица. Госпожа Койл. За ней, в дверях, стоит девушка чуть постарше меня, в руках у которой тазик с горячей водой.

— Меня зовут Мэдди, — говорит она, тайком посылая мне улыбку.

— Вон! — даже не оборачиваясь, приказывает ей госпожа Койл.

Мэдди переглядывается со мной и напоследок снова улыбается.

— Где я? — спрашиваю я строгую госпожу, все еще задыхаясь.

— Ты имеешь в виду здание? Или *город*? — Она не сводит с меня глаз. — А может, планету?

— Пожалуйста, — выдавливаю я, и мои глаза вдруг наполняются слезами, я страшно злюсь на себя, но продолжаю говорить: — Со мной был мальчик...

Госпожа Койл вздыхает и на секунду отводит глаза, а потом поджигает губы и садится в кресло рядом с моей койкой. Лицо у нее строгое, а волосы убраны в такие тугие косы, что по ним впору лазать. Тело крепкое, большое — с ней шутки явно плохи.

— Прости, — почти с нежностью говорит госпожа Койл. Но только почти. — Я ничего не знаю о мальчике. — Она хмурится. — Боюсь, я вообще мало что знаю — тебя просто принесли в наш лечебный дом вчера утром. Ты была при смерти, и я не знала, сможем ли мы тебя выходить, хотя нам недвусмысленно намекнули, что от твоего выживания напрямую зависит *наше*.

Госпожа Койл умолкает и смотрит на мою реакцию.

А я понятия не имею, как реагировать.

Где он? Что с ним сделали?

Я отворачиваюсь и пытаюсь думать, но меня так крепко перетянули бинтами, что и сесть-то не получается.

Госпожа Койл проводит пальцами по лбу.

— Теперь ты очнулась, — улыбается она, — но вряд ли станешь благодарить нас за мир, в который мы тебя вернули.

Она рассказывает мне, как на волне слухов об армии — огромной и сокрушительной армии, которой ничего не стоит смести их город с лица земли, да что там город, спалить целый мир, — в Хейвен прискакал мэр Прентисстауна. Мэр Леджер решил сдаться и обругал всех, кто призывал дать врагу бой. Жители Хейвена почти единодушно согласились вручить город Прентиссу на блюдечке с голубой каемочкой.

— А потом лечебные дома, — сказала госпожа Койл с неподдельной яростью в голосе, — вдруг превратились в женские тюрьмы!

— Выходит, вы доктор? — спрашиваю я, но в груди у меня все обрывается, меня словно придавливает сверху огромным валуном: мы проиграли, наше бегство от армии оказалось совершенно бессмысленным.

Губы госпожи Койл растягиваются в едва заметной улыбке — затаенной, как будто я о чем-то проболталась, но беззлобной. Я замечаю, что уже почти не боюсь ее, куда меньше боюсь за себя, но гораздо сильнее боюсь за него.

— Нет, дитя мое, — говорит госпожа Койл, склонив голову набок. — А ведь ты должна знать, что в этом мире нет докторов женского пола. Я — целительница.

— Разве это не одно и то же? — удивляюсь я.

Госпожа Койл снова проводит рукой по лбу:

— И впрямь. — Она кладет руки на колени и смотрит на них. — Хотя мы тут и взаперти сидим, кое-какие слухи до нас доходят. Слухи о разделении мужчин и женщин, об армии, которая явится сюда со дня на день, о резне, которую устроят солдаты, как бы мирно мы *ни сдались*... — Она переводит на меня решительный взгляд: — И вдруг появляешься ты, дитя мое.

Я отвожу глаза:

— И что? Я самая обычная девочка.

— Неужели? — Госпожа Койл явно мне не верит. — Девочка, ради прибытия которой очистили весь город? Девочка, чью жизнь мне приказали спасти ценой собственной? Девочка, — она подается вперед, чтобы лучше донести мысль, — прилетевшая из бескрайней черноты?

Я на миг затаиваю дыхание: надеюсь, госпожа Койл этого не заметила.

— Откуда вы все это взяли? — спрашиваю я.

Госпожа Койл снова улыбается — по-прежнему беззлобно:

— Я целительница. Первым делом я всегда вижу кожу, а кожа способна рассказать о человеке очень многое — откуда он, кто он, чем питается. У тебя, дитя, вид измученный, но сама кожа мягкая и белая — на планете фермеров такой не встретишь. — Я все еще прячу от нее глаза. — Ну, и потом есть слухи — куда без них! Беженцы поговаривают, что на

нашу планету скоро высалятся новые переселенцы. Тысячи людей!

— Прошу вас, — тихо говорю я, и глаза мои вновь наполняются слезами, как бы я ни пыталась взять себя в руки.

— К тому же ни одна здешняя девочка не назовет женщину доктором, — добавляет госпожа Койл.

Я проглатываю слезы. Закрываю рот ладонью. Где он? Плевать я хотела на все это, главное, где он?!

— Я знаю, что тебе страшно, — говорит госпожа Койл, — но мы все здесь *объяты* страхом, ничего не поделаешь. — Она кладет шершавую руку на мою ладонь. — А вот ты, вероятно, сможешь помочь нам.

Я опять проглатываю слезы, но молчу.

Только один человек на этом свете заслуживает моего доверия.

И его здесь нет.

Госпожа Койл снова откидывается в кресле:

— Все-таки мы спасли тебе жизнь, дитя. Даже такое маленькое знание может принести большое утешение.

Я глубоко дышу и оглядываюсь по сторонам: из окна струится солнечный свет, а снаружи виднеются деревья и река, *река* — та самая, вдоль которой мы бежали навстречу надежде. Кажется, что в такой погожий день вообще не может происходить ничего плохого: за углами не таятся враги, и никакой армии нет на свете.

Но армия есть, и она близко.

Близко.

Для госпожи Койл они такие же враги, как для меня...

В груди больно тянет.

Но я набираю побольше воздуха...

И начинаю говорить:

— Меня зовут Виола Ид...

— Так значит, к нам летят новые переселенцы? — с улыбкой спрашивает Мэдди.

Я лежу на боку, а она разматывает длинный бинт, которым меня перевязали. Внутри все в крови, а кожа пыльная и какого-то ржавого цвета. В животе у меня маленькая дырочка, зашитая тонкой ниткой.

— Почему мне не больно? — спрашиваю я.

— Повязка с настоем корня Джефферса, — отвечает Мэдди. — Это природный опиат. Боли ты чувствовать не будешь, но и в туалет сама ходить не сможешь около месяца. А примерно через пять минут крепко уснешь.

Я осторожно, очень осторожно щупаю кожу вокруг раны. На спине с другой стороны точно такое же отверстие.

— Почему я не умерла? — спрашиваю я.

— А хотела бы? — Мэдди снова улыбается, но потом улыбка сменяется самым хмурым выражением лица, какое мне приходилось видеть. — Напрасно я шучу. Госпожа Койл всегда говорит, что я никогда не стану настоящей целительницей, если и дальше буду такой несерьезной. — Она окунает тряпочку в таз с горячей водой и начинает протирать мои раны. — Ты не умерла только потому, что госпожа Койл — самая лучшая целительница в Хейвене, лучше всех так называемых докторов. Даже злодеи это знают. Почему, думаешь, тебя принесли сюда, а не в клинику?

На девушке такой же белый халат, как на госпоже Койл, а на голове белая шапочка с вышитой синим рукой — Мэдди сказала, что так одеваются все ученики. Она почти моя ровесница, может, на пару лет старше, как бы на этой планете ни измеряли возраст, но руки у нее уверенные и нежные одновременно.

— Расскажи, — говорит Мэдди с напускной беззаботностью, — эти злодеи и впрямь так уж ужасны?

Дверь открывается. На пороге возникает невысокая девушка в такой же ученической шапочке, примерно одного возраста с Мэдди, но кожа у нее темно-коричневая, а сама она мрачнее тучи.

— Госпожа Койл говорит, чтобы ты заканчивала.

Мэдди, не поднимая головы, продолжает наклеивать на мой живот повязку с лекарством:

— Госпожа Койл прекрасно знает, что я еще и половины не сделала.

— Нас призвали, — говорит девушка.

— Коринн, ты так говоришь, будто нас каждый день призывают. — Повязка действует не хуже моего пластыря с ко-
рабля: лекарство уже проникает в кровь, я чувствую прият-
ную прохладу и сонливость. Мэдди заканчивает спереди
и поворачивается к столику за новой повязкой для спи-
ны. — Я здесь делом занята.

— Там человек с ружьем, — говорит Коринн.

Мэдди замирает.

— Всех созывают на городскую площадь, — продолжа-
ет Коринн. — Включая тебя, Мэдди Пул, занята ты или
нет. — Она скрещивает руки на груди. — Похоже, армия
явилась.

Мэдди смотрит мне прямо в глаза. Я отвожу взгляд.

— Вот и пришел нам конец, — добавляет Коринн.

Мэдди закатывает глаза:

— Знаешь, ты всегда такая жизнерадостная! Скажи го-
споже Койл, что я сейчас прибегу.

Коринн бросает на нее недовольный взгляд, но уходит.
Мэдди заклеивает мне спину — к этому времени глаза у ме-
ня уже закрываются.

— Теперь спи, — говорит она. — Все будет хорошо, вот
увидишь. Они бы не стали тебя спасать, если б хотели толь-
ко... — Она умолкает, не закончив мысли, поджигает губы
и улыбается: — Я всегда говорила, Коринн по части серьез-
ности нас всех переплюнет!

Ее улыбка — последнее, что я вижу перед сном.

— ТОДД!

Я вскакиваю, очнувшись от кошмара, в котором Тодд
ускользал от меня...

С коленей Мэдди на пол с грохотом падает книга, а сама она просыпается и удивленно моргает, глядя по сторонам. Наступила ночь, в комнате темно, и только рядом с креслом Мэдди горит маленькая лампадка.

— Кто такой Тодд? — спрашивает она, зевнув и хитро улыбаясь. — Твой *парень*? — Увидев мой взгляд, она тут же мрачнеет. — Кто-то близкий и дорогой?

Я киваю, все еще тяжело дыша. Мокрые от пота волосы налипли на лоб.

— Да, близкий и дорогой.

Она наливает мне стакан воды из кувшина на прикроватной тумбочке.

— Что случилось? — говорю я, отпив. — Зачем вас созывали?

— Ах да! — Мэдди откидывается в кресле. — Было очень интересно.

Она рассказывает, как весь город — больше не Хейвен, а Нью-Прентисстаун (от этого названия у меня сердце уходит в пятки) — собрался смотреть на прибытие армии и казнь старого мэра.

— Вот только никакой казни не было, — говорит Мэдди. — Он его помиловал. Сказал, что и нас помилует. Что забирает у нас лекарство от Шума — этому никто не обрадовался, конечно, все-таки в тишине жилось очень хорошо — и что мы должны знать свое место, помнить, кто мы такие, и строить новый дом для переселенцев, которые скоро придут.

Мэдди приподнимает брови и ждет, что я скажу.

— Я и половины не поняла. Выходит, вы изобрели лекарство?

Девушка качает головой, но не отрицательно, а изумленно:

— Боже, ты и впрямь не здешняя, правда?

Я отставляю стакан с водой, подаюсь вперед и тихо шепчу:

— Мэдди, где-нибудь поблизости есть коммуникационный узел?

Она смотрит на меня так, словно я предложила ей полететь на одну из лун.

— Мне надо связаться с кораблями, — говорю я. — Это может быть что-то вроде огромной железной тарелки или башни...

Мэдди задумчиво смотрит по сторонам.

— На холмах есть старая железная башня, — наконец шепчет она в ответ, — но я не знаю, для чего она. Ее давным-давно забросили. К тому же туда не добраться — всюду солдаты, Ви.

— Она очень высокая?

— Довольно-таки. — Мы все еще перешептываемся. — Говорят, сегодня ночью перевезут последних женщин.

— Зачем?

Мэдди пожимает плечами:

— Какая-то женщина сказала Коринн, что спэков тоже отгородили.

Я резко сажусь и чувствую, как тянет под бинтами.

— Спэков?!

— Ну да, это такой местный вид...

— Знаю. — Я пытаюсь выпрямиться невзирая на повязку. — Тодд мне много чего рассказывал про ваше прошлое. Мэдди, если он решил отделить женщин и спэков, мы в опасности! Хуже и быть не может!

Я сбрасываю с себя одеяло, чтобы встать, но живот тут же пронзает молния боли. Я вскрикиваю и падаю назад.

— Ну вот, шов потянула! — с упреком говорит Мэдди, подскочив ко мне.

— Пожалуйста! — Я скриплю зубами от боли. — Надо выбираться отсюда. Надо бежать!

— В таком состоянии бегать нельзя, — говорит девушка, протягивая руку к моей повязке.

И в эту секунду в палату заходит мэр.

РАЗНЫЕ СТОРОНЫ

{ Виола }

Ведет его госпожа Койл. Лицо у нее еще суровей, чем всегда, лоб нахмурен, губы поджаты. Хотя мы виделись всего раз, я прекрасно понимаю, что она очень недовольна происходящим.

Мэр Прентисс встает за ее спиной. Высокий, худой, но широкоплечий, весь в белом... и в шляпе, которую даже не потрудился снять.

Мне впервые удастся рассмотреть его как следует. Когда он подошел к нам вплотную на площади, я истекала кровью и умирала.

Но это он.

Ошибки быть не может.

— Добрый вечер, Виола, — говорит мэр Прентисс. — Я так давно мечтал с тобой познакомиться.

Госпожа Койл замечает, что я попыталась скинуть одеяло и что Мэдди тянется ко мне.

— Что случилось, Мадлен? — спрашивает она.

— Ей кошмар приснился, — отвечает Мэдди, переглянувшись со мной. — Боюсь, как бы шов не разошелся.

— Хорошо, позже посмотрим, — говорит госпожа Койл и серьезным тоном, так что Мэдди сразу настораживается, добавляет: — А пока дай ей четыреста единиц корня Джефферса.

— Четыреста? — удивленно переспрашивает Мэдди, но потом замечает выражение лица начальницы и тотчас кивает: — Хорошо, госпожа Койл.

Напоследок стиснув мою ладонь, она выходит из комнаты.

Оба долго смотрят на меня, потом мэр Прентисс говорит:

— Спасибо, госпожа.

Госпожа Койл тоже выходит, бросив на меня молчаливый взгляд — то ли она хочет успокоить меня, то ли попросить о чем-то или предупредить, — но я слишком напугана, чтобы попытаться это выяснить. Она закрывает за собой дверь.

И я остаюсь наедине с мэром Прентиссом.

Он тянет время и молчит, пока мне не становится окончательно ясно: надо что-то сказать. Я кулаком прижимаю к животу простыню, все еще чувствуя резкую боль при каждом движении.

— Вы мэр Прентисс. — Мой голос дрожит, но я все-таки произношу это.

— *Президент* Прентисс, — поправляет меня он, — но ты меня знаешь как мэра, разумеется.

— Где Тодд? — Я смотрю ему в глаза, не моргая. — Что вы с ним сделали?

Прентисс опять улыбается:

— Твои первые слова были умными, вторые — храбрыми. Думаю, мы подружмся.

— Он ранен? — Я сглатываю поднимающуюся в груди боль. — Он жив?

Первую секунду мне кажется, что Прентисс и не подумает отвечать, даже не подаст виду, что услышал мой во-

прос, однако в следующий миг я получаю исчерпывающий ответ:

— У Тодда все хорошо. Он жив, здоров и постоянно спрашивает о тебе.

Я вдруг понимаю, что все это время не дышала.

— Правда?

— Разумеется.

— Я хочу его увидеть.

— Он тоже хочет тебя видеть, но не торопись, всему свое время.

Мэр продолжает улыбаться, почти по-дружески.

Передо мной стоит человек, от которого мы бежали несколько недель подряд, он стоит рядом со мной, а я даже не могу толком пошевелиться.

И он *улыбается*.

Почти по-дружески.

Если он что-нибудь сделал Тодду, если он хоть *пальцем* его тронул...

— Мэр Прентисс...

— Президент Прентисс, — снова поправляет меня он, и вдруг его голос веселеет: — Впрочем, можешь звать меня Дэвид.

Я ничего не отвечаю, только еще сильнее давя на повязку, не обращая внимания на боль.

В мэре Прентиссе есть что-то странное. Что-то неуловимое...

— Конечно, если позволишь называть себя Виолой.

Раздается стук в дверь, и в палату входит Мэдди с каким-то пузырьком в руке.

— Корень Джефферса, — говорит она, глядя в пол. — От боли...

— Да-да, конечно. — Сложив руки за спиной, мэр Прентисс отходит от кровати. — Делайте что нужно.

Мэдди наливает мне стакан воды и смотрит, как я проглатываю четыре желтые капсулы — на две больше, чем

мне давали раньше. Потом она забирает стакан и, стоя спиной к мэру Прентиссу, бросает на меня многозначительный взгляд — без тени улыбки, зато очень решительный и храбрый, — так что мне сразу становится чуть спокойней, чуть легче.

— Она быстро утомится, — предупреждает Мэдди мэра Прентисса, все еще не глядя на него.

— Понимаю, — кивает тот.

Мэдди выходит, закрывает за собой дверь, и по моему животу тут же разливается приятное тепло. Однако боль и дрожь уходят не сразу.

— Ну, можно? — спрашивает мэр Прентисс.

— Что? — не понимаю я.

— Называть тебя Виолой?

— Я не в силах вам помешать, — говорю я. — Зовите как хотите.

— Хорошо, — отвечает мэр Прентисс, не садясь и не шелеясь, с прежней улыбкой на лице. — Когда тебе станет лучше, я бы очень хотел с тобой побеседовать.

— О чем?

— Как же, о кораблях, разумеется. Которые с каждой минутой все ближе и ближе.

Я проглатываю слюну.

— О каких еще кораблях?

— О нет, нет, нет. — Мэр Прентисс качает головой, хотя продолжает улыбаться. — В начале нашего знакомства ты проявила такую храбрость и ум... Прошу, не порть это впечатление. Страх не помешал тебе обратиться ко мне уверенным и спокойным голосом. Твое поведение достойно восхищения. — Он опускает голову. — И все же этого недостаточно. Мне нужна честность. Мы должны начать с честности, Виола, иначе как мы вообще можем чего-то добиться?

«Добиться чего?» — думаю я.

— Я сказал тебе, что у Тодда все хорошо, — говорит мэр Прентисс. — И это чистая правда. — Он кладет руку на спин-

ку моей кровати. — С ним и дальше будет все хорошо, обещаю. — Он умолкает. — А ты будешь честна со мной.

Я начинаю понимать, что это ультиматум.

Тепло от живота расходуется по телу, замедляя и сглаживая все вокруг. Молнии в животе утихают, но с облегчением приходит и сон. Зачем мне дали целых две дозы? Я так быстро усну, что даже не смогу поговорить с...

О...

О!

— Мы с Тоддом должны увидеться, иначе я вам не пове-рю, — говорю я.

— Скоро, — отвечает мэр Прентисс. — Сперва нам предстоит еще очень многое сделать в Нью-Прентисстауне. И *переделать*.

— Даже если никто этого не хочет...

Мои веки начинают смежаться. Я с трудом их разлепляю и только тогда до меня доходит, что я сказала это вслух.

Мэр вновь улыбается:

— Последнее время мне часто приходится это говорить. Виола. Война кончилась. Я тебе не враг.

Я поднимаю на него удивленный сонный взгляд.

Я боюсь его. Честное слово.

Но...

— Вы были врагом женщин Прентисстауна, — говорю я. — И всех жителей Фарбранча.

Лицо мэра Прентисса неуловимо каменеет, и ему явно не хочется, чтобы я это заметила.

— Сегодня утром в реке обнаружили труп, — говорит он. — Труп с ножом в горле.

Я изо всех сил стараюсь удержаться, чтобы не вытаращить глаза: не помогает даже корень Джефферса.

— Вероятно, смерть эта вполне объяснима. У жертвы определенно были *враги*.

Я вспоминаю, как сделала это...

Как вонзила нож...

И закрываю глаза.

— Что же до меня, — говорит мэр Прентисс, — то моя военная служба подошла к концу, теперь моя задача — править и объединять людей. Война закончилась.

Ну-ну, объединять, разлучая, думаю я, но дышу все медленней, а белый цвет стен вокруг становится все ярче и ярче — он не слепит, он мягкий и ласковый, в нем хочется утонуть и спать, спать, спать... Я еще глубже погружаюсь в подушку.

— Что ж, я пойду, — говорит мэр Прентисс. — До скорых встреч.

Я начинаю дышать ртом. Со сном бороться уже невозможно.

Мэр Прентисс видит, что я уплываю.

И делает ужасно странную вещь.

Он подходит ближе и почти заботливо накрывает меня простыней.

— У меня к тебе последняя просьба.

— Какая? — спрашиваю я, не открывая глаза.

— Зови меня Дэвид.

— Что? — Язык едва ворочается.

— Я хочу, чтобы ты сказала: «Спокойной ночи, Дэвид».

Из-за лекарства я совершенно не владею собой, и слова слетают с губ без моего ведома:

— Спокойной ночи, Дэвид.

Сквозь дымку наркотического сна я вижу, что мэр выглядит удивленным... и даже немного расстроенным.

Однако он быстро берет себя в руки:

— И тебе, Виола. — Он кивает и шагает к двери.

Тут до меня доходит, в чем дело, что именно в нем изменилось.

— Не слышу вас, — шепчу я.

Он замирает и оборачивается:

— Я сказал: «И тебе...»

— Нет, я про другое, — с трудом выдавливаю я из себя. — Я не слышу ваших мыслей.

Мэр вскидывает брови:

— Ну еще бы!

Я засыпаю прежде, чем за ним закрывается дверь.

Я сплю долго, очень долго, а когда открываю глаза, комната уже залита солнечным светом, и я пытаюсь понять, что произошло на самом деле, а что мне приснилось.

(...отец протягивает руку и помогает мне забраться по лестнице в люк: «Добро пожаловать на борт, шкипер...»)

— Ты храпишь, — произносит чей-то голос.

На стуле сидит Коринн и так быстро орудует иголкой над тканью, что кажется, это чьи-то чужие и злые руки летают над ее коленями.

— Неправда, — говорю я.

— Ей-богу, как корова на охоте, — смеется Коринн.

Я сбрасываю одеяла. Кто-то сменил мне повязки, и резкая боль в животе исчезла — видимо, швы наложили заново.

— Давно я сплю?

— Больше суток. — В голосе Коринн слышится укор. — Президент уже дважды присылал людей справиться о твоём здоровье.

Я кладу руку на бок и осторожно щупаю рану. Боли почти нет.

— Что же, тебе нечего на это сказать? — спрашивает Коринн, яростно работая иголкой.

Я хмурюсь:

— Что тут скажешь? Я его первый раз в жизни видела.

— Зато он хорошо тебя знает, не так ли? Ай! — Коринн шипит и сует в рот уколотый палец. — Все это время мы сидим взаперти и даже на улицу выйти не можем!

— А я тут при чем? — недоумеваю я.

— Ты ни при чем, дитя мое. — В палату заходит госпожа Койл и строго смотрит на Коринн. — Никто здесь тебя не винит.

Коринн встает, вежливо кивает госпоже и молча выходит за дверь.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает госпожа Койл.

— Голова кружится.

Я немного приподнимаюсь на руках — получается гораздо лучше. Ноги не очень-то гнутся, но в конце концов мне удастся встать и даже пройти до двери.

— Не зря Мэдди говорит, что вы — лучшая целительница в городе! — с восхищением говорю я.

— Мэдди никогда не лжет, — улыбается госпожа Койл.

Она провожает меня по белому коридору к туалету. Когда я выхожу оттуда, мне протягивают белую рубашку — она теплей, длинней и вообще приятней, чем рубашка с завязками на спине. Я переодеваюсь, и мы идем обратно в палату, меня немного шатает, но все же я иду.

— Президент интересуется твоим здоровьем. — говорит госпожа Койл, придерживая меня рукой.

— Коринн уже сказала. — Я тайком кошусь на нее. — Это все из-за новых переселенцев. Я знать не знаю мэра! Я не на его стороне.

— О! — Госпожа Койл заводит меня обратно в палату и укладывает на кровать. — Так ты признаешь, что есть противные стороны?

Я откидываюсь на подушку, крепко прижимая язык к зубам.

— Вы мне нарочно вкололи две дозы Джефферса, чтобы я не смогла долго с ним разговаривать? — спрашиваю я. — Или чтобы я не успела рассказать ему лишнего?

Госпожа Койл одобрительно кивает, словно хвалит за сообразительность.

— Если я скажу, что и то и другое — правда, ты ведь на нас не обидишься? — улыбается она.

— Могли бы и меня спросить для начала. — говорю я.

— Времени не было, — отвечает госпожа Койл, садясь на стул рядом с кроватью. — О Прентиссе мы знаем только из

истории, а история эта очень, очень скверная. Что бы он ни говорил о новом мире и новом обществе, лучше заранее подготовиться к беседе с таким человеком.

— Я его не знаю, я вообще ничего не знаю! — повторяю я.

— Но ты еще можешь узнать. — произносит госпожа Койл с легкой улыбкой. — А как сложится ваше знакомство, зависит от человека, который проявит к этому интерес.

Я пытаюсь прочесть ее, понять, что она имеет в виду, но у местных женщин тоже нет Шума, так ведь?

— Что вы такое говорите?

— Что тебе давно пора хорошенько поесть. — Госпожа Койл встает, стряхивая с белоснежного халата невидимые соринки. — Попрошу Мэдди принести тебе завтрак.

Она подходит к двери и берется за ручку, но поворачивает ее не сразу.

— Знай вот что, — говорит она, стоя ко мне спиной. — Если стороны все-таки *есть*... — она косится на меня из-за плеча, — то мы с президентом точно на разных.

ГОСПОЖА КОЙЛ

[Виола]

— **К**ораблей всего шесть, — говорю я, лежа в кровати. Говорю уже в третий раз за эти долгие-долгие дни — дни без Тодда, дни, когда я понятия не имею, что случилось с ним, да и вообще с миром снаружи.

Из окна моей палаты видны марширующие солдаты, но они только и делают, что маршируют. Обитатели лечебного дома, затаив дыхание, ждут, когда солдаты вломятся сюда и начнут творить ужасные вещи, как и полагается завоевателям.

Но ничего подобного они не делают. Каждый день кто-то приносит еду, и целительницы продолжают спокойно работать.

Да, мы сидим взаперти, но происходящее не очень-то похоже на конец света, которого все ждали. Госпожа Койл убеждена, что это только к худшему.

Я ничего не могу с собой поделать и тоже так думаю.

Она смотрит в блокнот и хмурится:

— Только шесть?

— По восемьсот спящих и по три семьи хранителей на каждом корабле. — добавляю я. Очень хочется есть, но

я знаю, что о еде не может быть и речи, пока беседа не подойдет к концу. — Госпожа Койл...

— И ты совершенно уверена, что хранителей ровно восемьдесят один?

— Мне ли не знать? Я ведь училась с их детьми.

Она поднимает голову:

— Понимаю, мои расспросы тебе наскучили, но знание — это сила. Очень важно предоставить мэру Прентиссу *правильные* сведения. И получить *правильные* сведения от него.

Я нетерпеливо вздыхаю:

— Не умею я шпионить!

— Никто тебя не просит, — говорит госпожа Койл, снова утыкаясь в свои заметки. — Ты просто должна кое-что разузнать. — Она что-то пишет в блокноте. — Четыре тысячи восемьсот восемьдесят один человек, — бормочет она себе под нос.

Я понимаю, о чем думает госпожа Койл. Это больше, чем население Нового света на сегодняшний день. Достаточно, чтобы все изменить.

Но какими будут эти перемены?

— Когда мэр Прентисс снова придет тебя навестить, про корабли молчок, ясно? Пусть себе гадают. Он не должен знать точных цифр.

— Но при этом я должна выудить из него как можно больше сведений, — говорю я.

Госпожа Койл закрывает блокнот: беседа окончена.

— Знание — сила, — повторяет она.

Я сажусь. Как же надоело быть больной!

— Можно вопрос?

Госпожа Койл встает и уже тянется к пуговицам на своем плаще:

— Конечно.

— Почему вы мне доверяете?

— Видела бы ты свое лицо, когда мэр Прентисс вошел в палату, — без промедлений отвечает госпожа Койл. — Ты как будто увидела заклятого врага.

Она застегивает плащ до самого подбородка. Я внимательно наблюдаю.

— Вот бы найти Тодда и добраться до радиобашни... — мечтаю я.

— Ты угодишь в лапы солдат. — Госпожа Койл не хмурится, но глаза ее сердито сверкают. — А мы потеряем наше единственное преимущество. — Она открывает дверь. — Нет уж, дитя мое, скоро к тебе придет новоявленный президент, и ты должна выведать у него как можно больше — это нам поможет.

Госпожа Койл выходит, и я кричу ей вдогонку:

— «Нам» — это кому?!

Но ответа нет.

— ...а потом Тодд подхватил меня на руки и бросился вниз, он бежал целую вечность, все приговаривая: ты не умрешь, я тебя спасу. Больше я ничего не помню.

— Ух ты!.. — тихо выдыхает Мэдди. Из-под ее шапочки выбилась непослушная прядь. Мы с ней ходим туда-сюда по коридору — чтобы восстановить силы, мне нужна физическая нагрузка. — И ведь он действительно тебя спас.

— Он не умеет убивать, — говорю я. — Вот почему они так хотели его заполучить: он не похож на них. Ты бы видела, как он мучился, когда убил спэка... И теперь его схватил мэр...

Я останавливаюсь и, часто моргая, долго смотрю в пол.

— Надо отсюда выбираться, — стиснув зубы, наконец говорю я. — Я ведь не шпионка. Я должна найти Тодда и радиобашню, чтобы как можно скорее предупредить своих.

Может, они вышлют подмогу. У них еще остались разведывательные корабли, да и оружие есть...

Мэдди мрачнеет, как всегда, стоит мне завести этот разговор.

— Нам пока не разрешили выходить.

— Нельзя вечно слушаться других, Мэдди! А злодеев нельзя слушаться тем более!

— В одиночку против целой армии тоже идти нельзя. — Мэдди нежно подталкивает меня вперед и улыбается. — Это не по зубам даже великой и бесстрашной Виоле Ид.

— Раньше было по зубам. Нам с Тоддом...

— Ви...

— У меня умерли родители, — хрипло выдавливаю я. — И вернуть их нельзя. Я не могу потерять еще и Тодда! Если есть хоть один шанс, пусть самый маленький...

— Госпожа Койл не позволит, — говорит Мэдди, однако что-то в ее тоне заставляет меня поднять голову.

— Но?

Мэдди молча подводит меня к коридорному окну и выглядывает на дорогу. В ярком солнечном свете маршируют солдаты, мимо проезжает повозка с пурпурной пшеницей, а из города доносится Шум — громкий, как целая армия.

В таком грохоте нипочем не разобрать мыслей одного мальчика.

— Может, все не так уж плохо. — Мэдди говорит очень медленно, словно взвешивая каждое слово. — Посуди сама: в городе все тихо и спокойно. То есть там очень шумно, но разносчик еды сказал, что лавки вот-вот откроются. Тодд наверняка жив-здоров, работает и с нетерпением ждет вашей встречи.

Непонятно, чего она добивается: хочет поверить сама или убедить в этом меня? Я вытираю нос рукавом:

— Может быть.

Мэдди смотрит на меня долгим взглядом, словно хочет что-то сказать, но не может. Наконец снова отворачивается к окну:

— Ну и грохот!

Кроме госпожи Койл в нашем лечебном доме есть еще три целительницы: госпожа Ваггонер, пухлая и усатая старушка, госпожа Надари, которая лечит рак и которую я видела лишь раз, да и то мимоходом, и госпожа Лоусон, она вообще-то работает в детском лечебном доме, но случайно оказалась у нас во время капитуляции Хейвена и с тех пор места себе не находит из-за больных детей, которых теперь некому лечить.

Учениц в доме гораздо больше, чем целительниц, — около дюжины, не считая Мадлен и Коринн. Они считаются старшими ученицами в доме и, наверно, во всем Хейвене (потому что помогают непосредственно госпоже Койл, как я поняла). Остальных я вижу редко: сверкая стетоскопами и хлопая полами белых халатов, они ходят по пятам за целительницами, пытаюсь найти себе какое-нибудь полезное занятие.

Потому что занятий становится все меньше: город постепенно сживается с переменами, пациенты поправляются, а новых нет. Всех больных мужчин вывезли отсюда в первую же ночь, невзирая на их состояние, а новые женщины почему-то не поступают, хотя нашествие и капитуляция вовсе не отменяют болезней и травм.

Госпожа Койл очень из-за этого тревожится.

— Какой в ней толк, если ей не дают лечить больных? — говорит Коринн, чересчур туго затягивая жгут на моей руке. — Раньше она заведовала всеми лечебными домами, не только нашим. Все ее знали, уважали и ценили, некоторое время она даже была председателем Городского совета.

Я изумленно моргаю:

— Да ты что? Она была тут самой главной?

— Давным-давно. Сиди спокойно, не дергайся. — Коринн втыкает иголку — тоже не слишком-то бережно. — Госпожа

Койл говорит, что быть у власти означает каждый день наживать новых врагов, причем из тех, кого больше всего любишь. — Она ловит мой взгляд. — Честно говоря, я тоже так думаю.

— И что случилось? Почему она больше не у власти?

— Она допустила ошибку, — чопорно отвечает Коринн. — А недруги этим воспользовались.

— Какую такую ошибку?

Всегда хмурое лицо Коринн мрачнеет еще больше.

— Спасла жизнь одному человеку. — И она так сильно щелкает жгутом, что на коже остается красный след.

Проходит день, потом еще один, но ничего не меняется. Нам по-прежнему нельзя выходить на улицу, еду приносят случайные люди, а мэр Прентисс так и не заходит. Его солдаты регулярно справляются о моем здоровье, но обещанного визита все нет и нет. Мэр Прентисс словно решил на какое-то время предоставить меня самой себе.

Но почему?

В доме говорят исключительно о нем.

— Представляете, до чего дошло? — спрашивает госпожа Койл за обедом в столовой — мне впервые разрешили поесть не в палате. — Теперь он не только работает в соборе, но и *живет*.

Женщины вокруг неодобрительно цокают. Госпожа Ваггонер даже отодвигает тарелку.

— Богом себя возомнил! — восклицает она.

— Скажите спасибо, что не спалил город, — громко высказываюсь я. Мэдди и Коринн поднимают на меня потрясенные взгляды, но я все равно продолжаю: — Ну да, мы все думали, что он тут камня на камне не оставит, а он пока вообще ничего плохого не сделал.

Госпожа Ваггонер и госпожа Лоусон многозначительно переглядываются с госпожой Койл.

— Ты еще очень мала, Виола, иставляешь это напоказ, — говорит та. — Не перечь старшим.

Я удивленно моргаю:

— Да я и не перечила... Я только говорю, что мы ждали другого.

Госпожа Койл жует, не сводя с меня глаз.

— Он убил всех женщин родного города только потому, что не мог слышать их мыслей, не мог читать их как мужчин, — говорит она.

Остальные целительницы кивают.

Я открываю рот, но госпожа Койл не дает мне сказать:

— А самое главное, дитя, заключается в том, что твои друзья на кораблях не знают истории нашей планеты, не знают об открытии Шума и о том, что за ним последовало. — Госпожа Койл буравит меня взглядом. — Им только предстоит пройти через то, что с нами уже случилось.

Я ничего не говорю, лишь вглядываюсь в ее лицо.

— Кто, по-твоему, должен познакомить их с планетой и ее историей? — спрашивает госпожа Койл. — Он?

Разговор со мной закончен, она продолжает тихо беседовать с остальными целительницами. Коринн с самодовольной улыбкой опускает глаза, а Мэдди по-прежнему пялится на меня. Но я могу думать только об одном.

Уж не себя ли имела в виду госпожа Койл, когда спросила, кто должен познакомить переселенцев с Новым светом?

На девятый день нашего заточения в лечебном доме я перестаю быть пациенткой. Госпожа Койл вызывает меня в свой кабинет.

— Вот твоя одежда, — говорит она, протягивая мне сверток. — Переоденься — сразу почувствуешь себя человеком.

— Спасибо, — с искренней признательностью говорю я и захожу за ширму, на которую она мне показала. Там я поднимаю больничную рубашу и осматриваю затянувшуюся рану. — Вы в самом деле творите чудеса.

— Стараюсь, — доносится в ответ.

Я разворачиваю сверток: внутри лежит вся моя одежда, выстиранная и выглаженная. Она так вкусно пахнет и так приятно похрустывает, что я невольно улыбаюсь.

— Знаешь, ты очень храбрая девочка, Виола, — говорит госпожа Койл. Я начинаю одеваться. — Хотя и не всегда следишь за своим языком.

— Спасибо, — с легкой досадой отвечаю я.

— Твой корабль потерпел крушение, родители умерли, ты чудом добралась до Хейвена... Все испытания ты преодолевала с удивительной находчивостью и смелостью.

— У меня был помощник, — говорю я, натягивая чистые носки.

И тут замечаю на маленькой тумбочке блокнот госпожи Койл — тот самый, куда она все время что-то записывала во время наших разговоров. Я осторожно выглядываю: госпожа Койл все еще сидит за столом по другую сторону ширмы. Я приподнимаю обложку блокнота.

— У тебя большой потенциал, дитя, — продолжает она. — Из тебя может вырасти блестящий руководитель.

Блокнот лежит вверх ногами; если я его разверну, госпожа Койл может услышать шорох. Поэтому я пытаюсь выкрутить шею.

— Знаешь, мы с тобой даже похожи.

На первой странице красуется единственная буква, написанная синими чернилами.

«О».

И больше ничего.

— Мы сами творим свою судьбу, Виола, — не умолкает госпожа Койл. — Ты можешь принести нам немало пользы. Если решишься.

Я поднимаю голову от блокнота:

— «Нам» — это кому?

Внезапно дверь в кабинет распаивается, и с таким грохотом, что я подсакиваю от страха и выглядываю из-за ширмы. Это Мэдди.

— Приходил гонец от мэра Прентисса, — задыхаясь, выпаливает она. — Женщинам разрешили выходить из дома!

— Как же здесь шумно, — говорю я, морщась от ~~рѣва~~ Нью-Прентисстауна.

— Скоро привыкнешь, — смеется Мэдди.

Мы сидим на скамейке рядом с магазином, пока Коринн и еще одна ученица по имени Тея закупают все необходимое для лечебного дома — готовятся к новому притоку пациентов.

Я оглядываюсь по сторонам. Если не всматриваться как следует, можно подумать, будто ничего не произошло. Магазины и лавки открыты, по улицам снуют люди — в основном пешком, но кое-кто на лошадях и мопедах. Обыкновенный день из жизни обыкновенного города.

Но потом начинаешь замечать, что люди на улицах никогда не заговаривают друг с другом, а женщин выпускают только днем, не больше чем на час и группами по три-четыре человека. Эти группы никогда не вступают в контакт с другими. Мужчины Хейвена к нам тоже не подходят.

На каждом углу стоят солдаты с винтовками наперевес.

Звякает дверной колокольчик. Из магазина вылетает Коринн с дюжиной пакетов в руках и багровым от гнева лицом. За ней семенит Тея.

— Хозяин магазина сказал, что о спэклах ни слуху ни духу с того дня, как их забрали! — восклицает Коринн, с размаху ставя сумки мне на колени.

— Коринн и ее ненаглядные спэки, — язвительно говорит Тея, закатывая глаза и вручая мне второй пакет.

— Не смей их так называть, они *спэклы*! — осаживает ее Коринн. — Если даже мы не в состоянии хорошо с ними обращаться, то чего ждать от *него*?

— Прости, Коринн, — вздыхает Мэдди. прежде чем я успеваю вставить свой вопрос, — но тебе не кажется, что разумнее сейчас беспокоиться за себя? — Краем глаза она следит за солдатами, которые явно заметили повышенный тон Коринн. но пока ничего не предпринимают, так и стоят, облокотившись на перила продуктового магазина.

Стоят и смотрят.

— Мы поступили с ними не по-людски, — говорит Коринн.

— Да, но они ведь и не люди, — шепотом возражает Тея. тоже поглядывая на солдат.

— Тея Риз! — На лбу Коринн выступает синяя венка. — Да разве может целительница позволять себе подобные...

— Да, да, ты права, — пытается успокоить ее Мэдди. — Мы ужасно с ними обошлись, я согласна. *Все* согласны, но что мы могли поделать?

— Да о чем вы говорите? — наконец вставляю я свое слово. — Что значит «ужасно обошлись»?

— *Лекарство*, — выплевывает Коринн, словно это ругательство.

Мэдди с досадой вздыхает и поворачивается ко мне:

— Благодаря спэклам мы узнали, что лекарство действует.

— Вот-вот. Его на них *тестировали*, — добавляет Коринн.

— Только для них это вовсе не лекарство, — продолжает Мэдди. — Спэклы не умеют говорить, понимаешь? Они иногда цокают языками, но это примерно то же самое, что наш щелчок пальцами.

— Шум был их единственным способом общения, — добавляет Тея.

— И тут выяснилось, что они могут прекрасно понимать наши приказы и без Шума. — Коринн опять повышает голос. — Кому какое дело, что они не смогут общаться *между собой*?

Я начинаю понимать:

— И лекарство...

Тея кивает:

— Оно делает их покорнее.

— Лучше рабов и пожелать нельзя, — с горечью добавляет Коринн.

От удивления я разеваю рот.

— Они были рабами?!

— Ш-ш-ш... — резко осаживает меня Мэдди, бросив взгляд на солдат. Из-за тишины, окружающей их во всеобщем ~~РЕБЕ~~ они кажутся зловеще пустыми.

— Мы фактически отрезали им языки, — продолжает Коринн уже тише, но все еще негодуя.

Мэдди уводит нас по улице, то и дело оглядываясь на солдат.

Те провожают нас взглядами.

Мы молча возвращаемся к лечебному дому и входим в двери, над которыми нарисована протянутая синяя рука. Когда Коринн и Тея проходят внутрь, Мэдди хватает меня за руку и задерживает на пороге.

Минуту-другую она молчит, глядя в пол, и на лбу у нее появляется тревожная морщинка.

— Видела, как на нас смотрели солдаты? — спрашивает она.

— Да.

Девушка скрещивает руки на груди и содрогается:

— Не знаю... что-то мне не очень по душе такой мир.

— Мне тоже, — тихо говорю я.

Помолчав, Мэдди поднимает голову и смотрит мне прямо в глаза:

— Твои люди смогли бы нам помочь? Смогли бы это остановить?

— Понятия не имею, но мы должны выйти с ними на связь. Это лучше, чем сидеть сложа руки и готовиться к худшему.

Мэдди оглядывается, проверяя, не подслушивают ли нас.

— Госпожа Койл очень умна, — говорит она. — Но иногда она слышит и слушает только себя. — Мэдди опять умолкает и закусывает нижнюю губу.

— И?..

— Надо быть начеку, — наконец выговаривает она.

— Для чего?

— Если наступит подходящий момент... Поняла? *Если* он наступит, — девушка вновь озирается по сторонам, — тогда мы попробуем связаться с твоими кораблями.

НОВАЯ УЧЕНИЦА

[Виола]

— Но ведь рабство — это очень плохо. — говорю я, складывая повязку пополам.

— Целительницы всегда были против. — Госпожа Койл ставит очередную галочку в своем списке. — Даже после войны мы считали такое обращение со спэклами бесчеловечным.

— Что же вы не вмешались? — возмущаюсь я.

— Если ты когда-нибудь попадешь на войну, — отвечает госпожа Койл, не отрываясь от блокнота, — ты поймешь, что она несет лишь разрушение. Война не щадит никого, даже тех, кто выжил. Ты молча сносишь все, что раньше тебя ужасало, просто потому, что жизнь на какое-то время теряет всякий смысл.

— Война превращает людей в чудовищ, — говорю я, вспоминая слова Бена той ночью, когда мы вышли на странное место, где жители Нового света хоронили мертвых.

— Да, и мужчин, и женщин, — добавляет госпожа Койл и пересчитывает коробки со шприцами.

— Но ведь война со спэклами закончилась давным-давно, разве нет?

— Тринадцать лет назад.

— За эти тринадцать лет вы все могли исправить.

Наконец госпожа Койл обращает взгляд на меня:

— Жизнь кажется простой только в детстве.

— Но ведь вы были у власти! — не унимаюсь я. — Вы могли хоть что-то изменить.

— А кто тебе сказал, что я была у власти?

— Коринн говорит...

— Ах, Коринн... — Госпожа Койл снова принимается за списки. — Девочка из всех сил старается любить меня, не смотря ни на что.

Я открываю еще один пакет с покупками.

— Но раз вы были председателем этого... Совета. — продолжаю я, — вы могли что-то сделать для спэклов.

— Порой, дитя, — говорит госпожа Койл с недовольством, — людей удается вести в нужном направлении, даже если они того не хотят. Но чаще — нет. Никто не согласился бы дать спэклам полную свободу — такая кровопролитная война, столько сил потрачено на то, чтобы все перестроить и восстановить... Нет, освободить мы их не могли, но обращаться с ними по-человечески можно было. Мы ограничи-ли им рабочие часы, кормили, разрешили жить семьями. Все эти права отстаивала я, Виола.

Госпожа Койл все яростней строчит в блокноте. Секунду-другую я молча наблюдаю.

— Коринн говорит, вас выгнали из Совета за то, что вы спасли кому-то жизнь.

Она не отвечает, только откладывает блокнот и заглядывает на верхнюю полку. Тянется, достает оттуда халат с шапочкой ученицы и бросает их мне.

— Для кого они? — поймав, спрашиваю я.

— Хочешь узнать, каково управлять людьми? Тогда сделай первый шаг на этом пути.

Я смотрю ей в глаза.

Смотрю на шапочку и халат.

И с этой минуты у меня становится столько дел, что даже поесть некогда.

На следующий день после того, как женщинам разрешили выходить из дома, в лечебный дом поступило восемнадцать новых пациентов — все женщины, все с серьезными заболеваниями и травмами: аппендицит, сердечные боли, недолеченный рак, переломы. Все они на много дней оказались взаперти, да еще без помощи мужей и сыновей. Через день поступило еще одиннадцать больных. Госпожа Лоусон умчалась в детский лечебный дом, как только представилась такая возможность, а госпожи Койл, Ваггонер и Надари носятся по палатам, спасая жизни. Все работают не покладая рук и почти без перерывов на сон и еду.

Разумеется, нам с Мэдди не до «подходящих моментов», я даже не успеваю беспокоиться, почему мэр так и не приходит меня навестить. Я ношусь по лечебному дому, путаясь под ногами целительниц, стараюсь хоть чем-то им помогать и успевать учиться.

А целительница из меня никудышная.

— Я никогда этому не научусь! — Мне в очередной раз не удалось измерить давление очаровательной старушки по имени миссис Фокс.

— Похоже на то, — говорит Коринн, поглядывая на часы.

— Терпение, девонька, — успокаивает меня миссис Фокс. — Если чему-то надо учиться, то учиться надо хорошо.

— Тут вы правы, миссис Фокс. — Коринн переводит взгляд на меня. — Попробуй еще.

Я накачиваю манжету воздухом и, глядя на стрелку манометра, внимательно прислушиваюсь к характерным звукам в стетоскопе.

— Шестьдесят на двадцать? — жалобно выдавливаю я.

— Что ж, давай проверим, — говорит Коринн. — Миссис Фокс, вы, случайно, утром не умерли?

— Ох, силы небесные, нет!

— Значит, не шестьдесят на двадцать.

— Я же всего три дня этим занимаюсь... — пытаюсь оправдаться я.

— Вот именно, а я шесть лет, — отрезает Коринн. — И тут вдруг явилась какая-то неумеха и сразу стала такой же ученицей, как я! Странно мир устроен...

— У тебя прекрасно получается, милая, — говорит мне миссис Фокс.

— Неправда, миссис Фокс, — возражает Коринн. — Вы уж простите, что я вам перечу, но для некоторых врачевание — святой долг.

— Для меня тоже, — почти машинально отвечаю я.

И напрасно.

— Врачевание — не просто работа, дитя. — говорит Коринн. Слово «дитя» она произносит таким ядовитым тоном, словно это самое страшное оскорбление. — Нет ничего важнее на свете, чем спасти жизни. Мы делаем Божье дело. Не то что твой приятель-тиран!

— Он не мой прия...

— Приносить страдания людям, да кому угодно — самый страшный грех!

— Коринн...

— Ты ничего не понимаешь! — в сердцах продолжает она. — Ты только притворяешься, а на самом деле тебе на все плевать!

Мы с миссис Фокс обе съеживаемся и едва не проваливаемся под землю.

Коринн переводит взгляд с меня на нее, поправляет шапочку и халат, разминает затекшую шею и делает глубокий вдох.

— Ну, давай еще раз!

— В чем разница между больницей и лечебным домом? — спрашивает госпожа Койл, отмечая галочками правильные ответы.

— Главная разница заключается в том, что в больницах доктора — мужчины, а в лечебных домах работают женщины, — наизусть отвечаю я, раскладывая таблетки по стаканчикам.

— Почему?

— Пациент, будь то мужчина или женщина, должен иметь право выбора, читать мысли врача или нет.

Госпожа Койл приподнимает бровь:

— А настоящая причина?

— Политика, — отвечаю я, как меня учили.

— Верно. — Госпожа Койл ставит последнюю галочку и передает мне бумаги. — Отнеси это и лекарства Мэдди, пожалуйста.

Она уходит, а я продолжаю раскладывать таблетки. Когда я выхожу из кабинета с подносом в руках, в конце коридора мелькает госпожа Койл, она быстро проходит мимо госпожи Надари и...

Клянусь, она передает ей записку! Не останавливаясь, прямо на ходу, чтобы никто не заметил.

Обе делают вид, что ничего не произошло.

Нам по-прежнему разрешают выходить на улицу не больше чем на час, группами по четыре человека, но даже за это время мы успеваем заметить, как Нью-Прентисстаун приходит в себя. Когда первая неделя моего ученичества подходит к концу, до нас доползает слух, что некоторых женщин даже начали выводить на полевые работы — большими группами, конечно.

Еще мы узнаем, что всех спэклов держат в загоне где-то на краю города, там они дожидаются «обработки», что бы это ни значило.

Старый мэр, говорят, работает уборщиком.

А про мальчика ни слова.

— Я пропустила его день рождения, — говорю я Мэдди, накладывая повязку на резиновую ногу. Она настолько по-

хожа на настоящую, что ей даже дали имя — Руби. — Четыре дня назад ему исполнилось тринадцать. Я потеряла счет дням, пока лежала без сознания, и...

Слова застревают у меня в горле. Я затягиваю узел на повязке потуже...

И вспоминаю, как он перевязывал мне раны.

А я перевязывала ему.

— Уверена, он жив и здоров, — говорит Мэдди.

— Ни в чем ты не уверена, — вздыхаю я.

— Правда. — Девушка смотрит в окно на дорогу. — Но несмотря ни на что, в городе все спокойно. Войны нет. Несмотря ни на что, мы еще живы и работаем. Вполне возможно, что Тодд тоже жив и здоров.

Я затягиваю узел еще туже:

— Ты что-нибудь знаешь про синюю «О»?

Мэдди переводит взгляд на меня:

— Синюю «О»? Что это?

Я пожимаю плечами:

— Да так... увидела в блокноте госпожи Койл.

— Первый раз слышу. — Мэдди отворачивается к окну.

— Что ты там высматриваешь?

— Считаю солдат, — отвечает она и снова бросает взгляд на нас с Руби. — Отличная повязка. — Она улыбается, и я даже готова ей поверить.

Я иду по главному коридору, зажав под мышкой Руби: буду учиться делать внутримышечные инъекции. Мне заранее жаль ту женщину, чьей ягодице достанется мой первый настоящий укол.

Повернув за угол — коридор здесь доходит до центра здания и поворачивает на девяносто градусов в другое крыло, — я едва не врезаюсь в группу целительниц. Увидев меня, они замирают на месте как вкопанные.

За госпожой Койл толпится пять, нет, даже *шесть* целительниц! Я узнаю госпожу Надари и госпожу Ваггонер, го-

спожа Лоусон тоже здесь, но остальных трех я вижу впервые. Когда они успели прийти?

— У тебя что, нет работы? — спрашивает госпожа Койл с легкой досадой в голосе.

— В-вот, Руби. — Я виновато показываю ей ногу.

— Это она? — спрашивает незнакомая мне целительница.

И госпожа Койл, даже не представив нас, отвечает:

— Да, это та самая девочка.

С Мэдди мне удастся переговорить только в конце дня, но не успеваю я и рта раскрыть, как она выпаливает:

— Я все просчитала!

— Ты не заметила, у одной из них был шрам над верхней губой? — шепчет Мэдди в темноте.

Уже глубокая ночь, свет везде погасили, а мы давно должны были разойтись по комнатам.

— Кажется, был, — шепчу я в ответ. — Они почти сразу ушли.

По дороге мимо лечебного дома проходит еще двое солдат. Согласно расчетам Мэдди, ждать осталось ровно три минуты.

— Тогда это госпожа Баркер, а остальные две — госпожа Брэтти и госпожа Форт. — Мэдди снова выглядывает в окно. — Мы ненормальные, ей-богу! Если она нас поймает, ох нам и влетит!..

— Вряд ли она тебя уволит... учитывая обстоятельства...

Мэдди о чем-то задумывается.

— А ты слышала их разговор?

— Нет, они как воды в рот набрали, как только меня за-
видели.

— Но называли тебя «той самой девочкой»?

— Да. И госпожа Койл потом весь день меня сторонилась.

— Госпожа Баркер... — задумчиво протягивает Мэдди. — Но чего они хотят этим добиться?

— В смысле? — не понимаю я.

— Эти целительницы входили в Городской совет, когда председателем была госпожа Койл. А Баркер до сих пор в нем состоит. То есть состояла, пока город не захватили. Но с чего они... — Мэдди умолкает и припадает к окну. — Последняя четверка пошла!

Я выглядываю: по дороге маршируют четыре солдата.

Если Мэдди не ошибается, идти надо сейчас.

Если не ошибается.

— Готова? — шепчу я.

— Конечно нет! — с испуганной улыбкой отвечает Мэдди. — Но все равно пойду.

Она разминает руки, чтобы они не так сильно дрожали.

— Мы только посмотрим, — говорю я. — Глянем одним глазком и тут же вернемся обратно — сама не заметишь.

Мэдди все еще выглядит ужасно напуганной, но кивает:

— Я в жизни ничего подобного не делала!

— Не волнуйся, — говорю я, поднимая окно. — Я на этом собаку съела.

РЕБ города, даром что спящего, прекрасно заглушает звук наших шагов: мы неслышно крадемся по лужайке. В ярком свете двух лун над нашими головами, кажется, можно читать.

Мы пробираемся к придорожной канаве и прячемся в кустах.

— Теперь что? — шепотом спрашивает Мэдди.

— Ты сказала, что через две минуты пойдет следующая пара.

Мэдди кивает:

— Да, а потом еще один семиминутный перерыв.

В это время мы с ней начнем двигаться вдоль дороги, стараясь не отходить далеко от кустов, — посмотрим, насколько близко нам удастся подойти к радиобашне. Если это вообще радиобашня.

А там будем ориентироваться по ситуации.

— Ты как, нормально? — шепчу я.

— Да, — отвечает Мэдди. — Мне страшно, но весело!

Я ее понимаю. Мы сидим в канаве среди ночи, это безумие, это очень опасно, но я чувствую, что наконец-то занята делом, что моя жизнь в моих руках. Я чувствую это впервые с тех пор, как выбралась из больничной койки.

Наконец я делаю что-то для Тодда.

С дороги раздается хруст гравия, и мы пригибаемся еще ниже: мимо проходит двое солдат.

— Вперед! — шепчу я.

Мы распрямляемся, насколько хватает храбрости, и быстро бежим вдоль канавы — прочь от города.

— А у тебя остались какие-нибудь родственники на кораблях? — шепчет Мэдди. — Кроме мамы с папой?

Я слегка морщусь — лучше б она помалкивала, — но так ей, видимо, проще справиться со страхом.

— Нет, но я многих знаю. Брэдли Тенча — он главный хранитель на «Бете»... и Симону Уоткин с «Гаммы» — она умница.

Дорога плавно поворачивает, и канава вместе с ней, впереди показывается перекресток.

Мэдди прибавляет шаг:

— Значит, ты хочешь связаться с Симо...

— Ш-ш! — Кажется, я слышу какой-то звук.

Мэдди подходит и вплотную прижимается ко мне. Она вся дрожит от страха и часто-часто дышит. Сегодня я без ее помощи не справлюсь — только она знает, где находится башня, — но в следующий раз уж точно пойду одна.

Потому что если вдруг что-то случится...

— Ладно, все нормально, — говорю я.

Мы медленно выходим из канавы и переходим дорогу, все время озираясь по сторонам и как можно мягче ступая по гравию.

— Куда это мы собрались? — раздается голос.

Мэдди охает у меня за спиной. У дерева, беззаботно прислонившись к стволу и скрестив ноги, стоит солдат.

Даже в темноте я вижу, что одной рукой он лениво держит винтовку.

— Не поздновато для прогулок, а?

— Мы заблудились, — выдавливаю я. — Отстали от своих...

— Ну-ну. Так и я подумал.

Солдат чиркает спичкой о молнию на бушлате. В свете пламени я успеваю разглядеть имя, вышитое на грудном кармане: «Сержант Хаммар». Он закуривает.

Курение запрещено приказом мэра Прентисса.

Но на сержантов запрет, похоже, не распространяется.

К тому же любой человек без Шума может запросто спрятаться в темноте.

Сержант делает шаг вперед, и мы видим его лицо. За сигаретой — безобразная широкая ухмылка, противней я в жизни не видела.

— Ты? — В его голосе слышится узнавание. Сержант поднимает винтовку. — Та самая девчонка! — выплевывает он.

— Виола? — шепчет Мэдди, прячась за моей спиной.

— Мэр Прентисс меня знает, — говорю я. — Вы не посмеете меня тронуть!

Сержант затягивается сигаретой. Вокруг так темно, что от огонька у меня перед глазами остается яркий след.

— *Президент* Прентисс тебя знает, — уточняет сержант. Затем переводит взгляд и дуло винтовки на Мэдди: — А вот тебя — вряд ли.

И тут, не успеваю я и слова вымолвить...

Без всякого предупреждения...

Словно для него это так же естественно, как дышать...

Сержант Хаммар спускает курок.

ВОЙНЕ КОНЕЦ

[Тогда]

— Сегодня твоя очередь засыпать яму, — говорит Дейви, бросая мне канистру с известью.

При нас спэки никогда выгребной ямой не пользуются, но с каждым днем она растет и воняет все сильнее, приходится засыпать ее известью, чтобы бороться с запахом и инфекциями.

Надеюсь, с инфекциями она борется лучше, чем с запахом.

— Когда уже будет *твоя* очередь? Почему опять я?

— Потому что у па ты любимчик, но главным он все равно назначил меня! — Дейви мерзко ухмыляется.

Я плетусь к яме.

Дни проходят один за другим, двух недель уже как не бывало.

А я до сих пор живой и вообще все довольно сносно.

(а она?)

(как она?)

Мы с Дейви каждое утро ходим к монастырю, где он «следит» за работой спэклов: они сносят заборы и выпалывают кусты ежевики, — а я целыми днями подсыпаю им корм, которого все равно недостаточно, без толку чиню колонки и заваливаю известью выгребную яму.

Спэклы молчат и ничего не делают, чтобы спастись. Их полторы тысячи — мы наконец пересчитали, — а в загоне, где они живут, не поместилось бы и двухсот овец. Охраны стало больше: солдаты стоят на каменной стене, целясь между рядами колючей проволоки, — но спэклы даже не думают устраивать бунт.

Они терпят. Они выживают.

Как и весь Нью-Прентисстаун.

Каждый день мэр Леджер рассказывает мне, что видит в городе, пока собирает мусор. Мужчины и женщины пока живут раздельно, налоги выросли, появились новые указы о том, как надо выглядеть, какие книги жители обязаны немедленно сдать и сжечь. В церковь теперь тоже ходить обязательно, но не в собор, понятное дело.

И все-таки жизнь в городе понемногу налаживается. Открылись магазины, по улицам снова ездят повозки и ядерные мопеды — я даже видел парочку ядерных автомобилей. Мужчины работают. Плотники плотничают, пекари пекут, фермеры возделывают землю, дровосеки заготавливают лес, кто-то даже добровольно вступает в армию — новых солдат легко отличить по Шуму, потому что им еще не дают лекарство.

— Знаешь... — сказал мэр Леджер однажды вечером, и я заранее увидел, о чем он думает, — мне эта мысль раньше не приходила в голову, я попросту ее не допускал. — Все не так уж плохо. Я-то готовился к резне. Думал, меня убьют, а потом сожгут и весь город. Капитуляция — не самое благородное решение, но Прентисс, видать, не соврал. — Он встал и посмотрел на Нью-Прентисстаун. — Быть может, война в самом деле закончилась.

— Ай!!!

Не успеваю я дойти до ямы, как раздается визг Дейви. Оборачиваюсь. К сынку мэра подошел спэкл.

Он тянет вверх длинные белые руки и начинает цокать, показывая на место, где его собратья только что снесли забор. Он цокает и цокает, показывая на пустые поилки, но понять его нельзя — Шума-то больше нет.

Дейви подходит ближе, тараща глаза и сочувственно кивая. Губы его растянуты в зловещей улыбке.

— Да-да, понимаю, вы хорошо поработали и хотите пить. Конечно, конечно, спасибо, что обратили на это мое внимание, большое спасибо, весьма признателен. И вот мой ответ!

Он с размаху бьет спэкла в лицо прикладом пистолета. Слышится хруст костей, и спэкл падает на землю, держась за подбородок и суча длинными ногами в воздухе.

Вокруг нас поднимается волна цоканья, а Дейви вскидывает пистолет и наводит его на толпу. Охрана на заборе тоже поднимает винтовки. Спэклы шарахаются назад, а раненый все еще извивается на траве.

— Знаешь что, Тодд? — спрашивает Дейви.

— Что? — Я не свожу глаз с раненого спэкла, мой Шум дрожит, точно лист на ветру.

Дейви оборачивается ко мне с пистолетом наготове:

— Хорошо быть главным!

Каждый божий день я готовлюсь к концу света.

И каждый божий день он не наступает.

И каждый божий день я ищу ее.

Я высматриваю Виолу с колокольни, но вижу внизу только марширующих солдат и работающих людей — ни одного знакомого лица, ни одной знакомой тишины. Высматриваю ее на улицах — по дороге в монастырь и обратно, — разглядываю окна домов в женском квартале, но ее нигде нет.

Честно говоря, я даже надеюсь увидеть ее в толпе спэ-клов: представляю, как она выскочит из-за чьей-нибудь спины, наорет на Дейви за то, что он их бьет, а мне скажет как ни в чем не бывало: «Привет, вот и я!»

Но ее нет.

Ее нет.

Я спрашиваю о ней мэра Прентисса всякий раз, когда мы видимся, но он твердит одно и то же: я должен ему доверять, мы не враги, если я ему доверюсь, все будет хорошо.

Но я продолжаю высматривать.

И ее нигде нет.

— Привет, девочка моя, — шепчу я на ухо Анггаррад, седлая ее в конце дня.

Мы с ней здорово ладим: я уже гораздо лучше езжу, лучше разговариваю с ней, лучше угадываю ее настроения. Мне больше не страшно сидеть в седле, а ей не страшно меня возить. Утром я угостил ее яблоком, а она в ответ потрепала зубами мои волосы, как будто я тоже лошадь.

Жеребенок говорит она, когда я сажусь в седло. Мы с Дейви отправляемся в обратный путь.

— Анггаррад, — говорю я, подаваясь вперед в седле, потому что лошадям, как я уже понял, это важно: постоянно чувствовать, что все на месте, что стадо рядом.

Больше всего на свете лошади не любят одиночество.

Жеребенок повторяет она.

— Анггаррад, — повторяю я.

— Эй, ушлепок, хватит уже! Может, еще женишься на... — Он умолкает, а потом вдруг переходит на шепот: — Черт подери! Ты только глянь!

Я поднимаю голову.

Из магазина выходят женщины.

Их четверо, они идут тесной группой. Мы знаем, что им недавно разрешили выходить на улицу, но они выходят

только днем, пока мы с Дейви работаем в монастыре, поэтому возвращаемся мы всегда в город мужчин, где от женщин остаются лишь воспоминания и сплетни.

Я давным-давно не видел их вблизи — только в окнах или с колокольни.

Они в кофтах с длинными рукавами и длинных юбках — раньше вроде были покороче, — и волосы у всех убраны в одинаковые пучки. Они с тревогой поглядывают на солдат, выстроившихся вдоль улицы, и на нас с Дейви тоже, — мы все внимательно смотрим, как они спускаются по ступенькам магазина.

Женщины по-прежнему излучают тишину, от которой щемит в груди, и, пока Дейви не смотрит, я быстренько вытираю глаза.

Потому что *ее* среди них нет.

-- Опаздывают, — очень тихо говорит Дейви. Похоже, он тоже давным-давно не видел женщин. — Им полагается быть дома до захода солнца.

Они проходят мимо, крепко прижимая к себе свертки, и уходят в сторону женского квартала. В груди у меня все сжимается, горло сдавливает.

Потому что среди них нет *ее*.

И тут я снова понимаю...

С новой силой осознаю, насколько...

И мой Шум мигом превращается в кашу.

Мэр Прентисс использует *ее*, чтобы держать меня в узде. Ну конечно, это любому идиоту ясно! Если я не буду выполнять его приказы, он убьет *ее*. Если я попытаюсь сбежать, он убьет *ее*. Если я сделаю что-нибудь с Дейви, он убьет *ее*.

Если уже не убил.

Мой Шум чернеет.

Нет, она жива, надо верить.

Она могла быть здесь, идти по этой самой улице вместе с другими женщинами.

Только живи, думаю я. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, только живи.

Мы с мэром Леджером ужинаем. Я стою у узкого окош-ка в колокольне и высматриваю вниз Виолу, стараюсь не обращать внимания на **PER**.

Мэр Леджер был прав. В городе столько мужчин, что, как только лекарство прекратило действовать, различить Шум отдельных людей в общем грохоте стало нельзя. Это все равно что попытаться услышать каплю воды в бурной реке. Шум мужчин превратился в единую стену звука, где все так смешалось, что ничего нельзя не разобрать.

Но вообще-то терпеть можно, если привыкнуть. Слова, мысли и чувства мэра Леджера в его собственном сером Шуме почему-то даже больше отвлекают.

— Совершенно верно, — говорит он, поглаживая живот. — Человек способен мыслить. Толпа — нет.

— Армия тоже способна, — усмехаюсь я.

— Только если у нее есть голова.

С этими словами мэр Леджер выглядывает в соседнее окно. По площади едет на коне мэр Прентисс, а за ним, внимательно слушая приказы, мистер Хаммар, мистер Тейт, мистер Морган и мистер О'Хара.

— Пособнички, — ухмыляется мэр Леджер.

В его Шуме даже как будто проскальзывает нотка зависти.

Мэр Прентисс спешивается, отдает поводья мистеру Тейту и скрывается в соборе.

Не проходит и двух минут, как нашу дверь отпирают.

— Тебя ждет президент, — говорит мистер Коллинз.

— Одну минуту, Тодд.

Мэр открывает ящик и заглядывает внутрь.

Мы в подвале собора, куда мистер Коллинз тычками спустил меня по лестнице за главным залом. Я молча стою, гадая, какую часть моего ужина успеет съесть мэр Леджер, пока мы тут разговариваем.

Мэр Прентисс вскрывает новый ящик.

— *Президент* Прентисс, — поправляет он меня, не поднимая глаз. — Постарайся уже запомнить. — Он выпрямляется. — Раньше здесь хранили вино. Куда больше, чем необходимо для причастия.

Я все молчу.

Он с удивлением смотрит на меня:

— Что же ты не спрашиваешь?

— О чем? — не понимаю я.

— Как же, о лекарстве, Тодд! — восклицает Прентисс, ударив по одному из ящиков кулаком. — Мои люди изъяли у горожан все запасы — до последней пилюли. И все это теперь здесь. — Он вынимает из ящика пузырек, открывает крышку и достает маленькую белую пилюлю. — Разве тебе никогда не хотелось узнать, почему я не даю лекарство ни тебе, ни Дэвиду?

Я переступаю с ноги на ногу:

— Это наказание?

Мэр качает головой.

— Мистер Леджер все еще нервничает? — с усмешкой спрашивает он.

Я пожимаю плечами:

— Немного. Иногда.

— Они изобрели лекарство, — говорит мэр Прентисс, — а потом стали от него *зависеть*. — Он указывает на бесконечные ряды ящиков. — И если я отберу у них все, в чем они так нуждаются...

Он кладет пилюлю в карман и поворачивается ко мне почти полностью, широко улыбаясь.

— Вы что-то хотели? — бормочу я.

— Ты что же, в самом деле, забыл?

— О чем?

Помолчав, мэр Прентисс говорит:

— С днем рождения, Тодд!

От удивления я разеваю рот. Все шире и шире.

— Ты родился четыре дня назад, — продолжает мэр Прентисс. — И ни словом об этом не обмолвился. Я, признаться, удивлен.

Поверить не могу. Я начисто забыл о собственном дне рождении!

— Праздновать незачем, — говорит мэр Прентисс, — ведь мы оба знаем, что ты уже стал мужчиной, не так ли?

Я снова вызываю в памяти убийство Аарона.

— За последнее время ты прекрасно себя показал, — продолжает мэр Прентисс, не обращая на мои картинки никакого внимания. — Я знаю, тебе было очень тяжело: ты не знал, что с Виолой и как себя следует вести, чтобы не причинить ей вред. — Его голос гудит у меня в голове, что-то выискивая. — Однако ты много работал. И даже успел благотворно повлиять на Дэвида.

Я ничего не могу с собой поделаться: в голове невольно рисуется, как я превращаю Дейви Прентисса в кровавую кашу.

Мэр Прентисс невозмутимо говорит:

— В благодарность я решил сделать тебе два запоздалых подарка ко дню рождения.

Мой Шум радостно взмывается.

— Встреча с Виолой?

Мэр Прентисс улыбается, словно ожидал такой реакции:

— Нет, но вот что я тебе обещаю: в день, когда ты сможешь искренне мне поверить, Тодд, когда ты в самом деле поймешь, что я хочу только блага этому городу и блага тебе, в этот самый день ты убедишься, что мне в самом деле можно доверять.

Я слышу собственное частое дыхание. Что ж, он почти признался, что с Виолой все в порядке.

— Первый подарок ты заслужил сам, — говорит мэр Прентисс. — Начиная с завтрашнего дня у тебя будет новая работа. По-прежнему с нашими друзьями спэклами, но ответственности у тебя станет намного больше. — Он снова пристально смотрит мне в глаза. — Это очень перспективная работа, Тодд.

— Чтобы в будущем я мог вести за собой людей? — спрашиваю я чуть язвительней, чем ему бы хотелось.

— Вот именно.

— Ну, а второй подарок? — Я все еще надеюсь, что мне позволят увидеться с Виолой.

— Второй мой подарок, Тодд, заключается вот в чем: лекарство у тебя под носом, только руку протяни, — мэр Прентисс показывает на ящики, — но ты не получишь ни одной пилюли.

Я кривлю губы:

— Чего?

Мэр Прентисс уже идет к двери, словно наш разговор окончен.

И в тот самый миг, когда он проходит мимо...

Я — круг, круг — это я.

Фраза звенит у меня в голове, доносится прямо из сердцевины моей души.

Я подпрыгиваю от неожиданности.

— Почему я вас слышу, вы ведь приняли лекарство? — спрашиваю я.

Мэр Прентисс только хитро улыбается и исчезает за дверью, оставляя меня в одиночестве.

Вот вам и запоздавшее поздравление.

Я — Тодд Хьюитт, думаю я, лежа ночью в кровати и глаза в темноту. Я — Тодд Хьюитт, четыре дня назад я стал мужчиной.

Но ничего не изменилось.

Столько шел к этой дате, столько мечтал, придавал ей столько значения, но вот этот день наступил, а я остался прежним клятым Тоддом Хьюиттом, беспомощным и никчемным. Даже себе помочь не могу, а Виоле и недавно.

Тодд Хьюитт, черт возьми!

Пока я так лежу, а рядом храпит мэр Леджер, где-то далеко в ночи раздается едва слышный хлопок: какой-нибудь солдат, наверно, сдуру выстрелил неизвестно во что (или в кого). И тут до меня доходит.

Тут-то я понимаю, что просто терпеть и выживать недостаточно.

Мало существовать — надо жить.

Мною будут управлять до тех пор, пока я сам им разрешаю.

А Виола может быть где-то там...

Она там *сейчас*.

И я ее найду...

Как только мне представится такой шанс, я его не упущу...

И когда я найду Виолу...

Вдруг я замечаю, что мэр Леджер больше не храпит.

— Хотели что-то сказать? — громко спрашиваю я темноту.

Но храп раздается снова, и Шум у мэра Леджера по-прежнему серый и расплывчатый. Неужто мне почудилось?

В ДОМЕ БОЖЬЕМ

[Виола]

— Это ужасно. Мою скорбь не передать словами.
Я отказываюсь принимать чашку корнеплодно-
го кофе из его рук.

— Прошу тебя, Виола. — Мэр Прентисс все равно протя-
гивает ее мне.

Я беру. Руки у меня трясутся.

Трясутся со вчерашней ночи.

С той страшной секунды, когда она упала.

Сначала на колени, потом на бок — прямо на гравий,
а глаза у нее были открыты.

Открыты, но уже ничего не видели.

Она умерла прямо у меня на глазах.

— Сержанта Хаммара ждет наказание. — Мэр Прентисс
садится напротив меня. — Поверь мне, я ни при каких об-
стоятельствах не мог отдать ему такой приказ, он действо-
вал из личных побуждений

— Он ее убил, — выдавливаю я едва слышно.

Сержант Хаммар притащил меня в лечебный дом, забарабанил в дверь прикладом винтовки, перебудил всех и велел забрать труп Мэдди.

Я не могла ни говорить, ни плакать.

Остальные ученицы и целительницы от меня отвернулись. Даже госпожа Койл не смотрела мне в глаза.

Что ты натворила и зачем? Куда ты ее потащила?

Сегодня утром мэр Прентисс пригласил меня в собор, в свой дом — и дом Божий.

Вот теперь меня точно будут сторониться.

— Прости, Виола, — говорит мэр Прентисс. — У некоторых мужчин Прентисстауна — старого Прентисстауна — остались затаенные обиды на женщин. — Он замечает ужас в моих глазах. — То, что ты якобы знаешь об истории моего города, неправда.

Я все еще глазею на него.

Он вздыхает:

— Война со спэклами коснулась и Прентисстауна, дитя. Это было страшное время, и люди — мужчины и женщины — вместе боролись за свои жизни. — Он сцепляет две ладони в треугольник. Голос у него по-прежнему спокойный и мягкий. — Но в нашем маленьком форпосте, хоть мы и одерживали победу, начались... разногласия. Между мужчинами и женщинами.

— Ну-ну.

— Они создали собственную армию, Виола. Они не доверяли мужчинам, чьи мысли могли читать, и потому откололись. Мы хотели их вразумить, но они требовали войны — и в конечном итоге ее получили. — Мэр Прентисс выпрямляется и с грустью смотрит на меня. — Женская армия — это все-таки армия. Они были вооружены и хотели нас убить.

Я слышу собственное дыхание.

— Вы убили всех до единой.

— Я — нет. В сражениях погибло немало женщин, а остальные, увидев, что победы им не видать, распростра-

нили по Новому свету страшный слух о мужчинах Прентисстауна и покончили с собой. Выжившие мужчины были обречены.

— Я вам не верю. Бен рассказывал нам совсем другую версию событий. Все было не так.

— Виола, я видел это собственными глазами и помню все куда яснее, чем хотел бы. — Мэр Прентисс ловит мой взгляд. — Я сделаю все возможное, чтобы история не повторилась. Ты меня понимаешь?

Мое сердце уходит в пятки, и я, не в состоянии взять себя в руки, начинаю плакать. Я вспоминаю, как принесли труп Мэдди и госпожа Койл настояла на том, чтобы я помогала готовить его к похоронам — так я должна была лучше усвоить, какую цену заплатил лечебный дом за мою попытку разыскать башню.

— Госпожа Койл... — выдавливаю я, пытаюсь собраться. — госпожа Койл хотела знать, можно ли нам похоронить Мэдди сегодня днем...

— Мой человек уже сообщил ей, что можно, — отвечает мэр Прентисс. — Все пожелания и просьбы госпожи Койл выполняются без промедлений, даже пока мы с тобой разговариваем.

Я отставляю чашку на столик рядом с креслом. Мы сидим в огромном зале — таких больших помещений я еще не видела, если не считать ангара, в котором стоял мой корабль. Зал слишком велик для двух уютных кресел и деревянного столика. Единственный источник света здесь круглое витражное окно с изображением планеты и двух ее спутников.

Все остальное тонет во мраке.

— Как она тебе? — спрашивает мэр Прентисс. — Госпожа Койл.

На меня вдруг наваливается страшная тяжесть: смерть Мэдди, разлука с Тоддом — все это так давит на меня, что я на какое-то время вообще забываю о существовании мэра.

— В каком смысле?

Он пожимает плечами:

— Как тебе с ней работается? Хороший ли она учитель?

Я проглатываю застрявший в горле ком.

— Она лучшая целительница в Хейвене, — шепчу я.

— А теперь — в Нью-Прентисстауне, — поправляет мэр Прентисс меня. — Говорят, раньше она имела весьма немалое влияние среди местных жителей. С ней считались.

Я прикусываю губу и опускаю глаза:

— Мэдди она спасти не смогла.

— Ну, это мы ей простим, правда? — Мэр Прентисс говорит тихим, мягким, почти добрым голосом. — Никто не безупречен. — Он тоже отставляет чашку. — Мне очень больно за твою подругу, — повторяет он. — И прости, что я так долго не мог найти времени для разговора с тобой. Было много дел. Я прикладываю все усилия, чтобы *прекратить* людские страдания на этой планете, поэтому меня так печалит смерть твоей подруги. Это моя главная цель. Война окончена, Виола, это истинная правда. Пришло время зализывать раны.

Мне нечего ответить на это.

— Но у твоей госпожи другое мнение на этот счет, верно? — спрашивает мэр Прентисс. — Она видит во мне врага.

Ранним утром, когда мы закутывали Мэдди в белый саван, госпожа Койл сказала мне: «Если он хочет войны, он ее получит. Мы еще даже *не начинали бороться*». Но когда меня позвали в собор, она велела помалкивать об этом и только спросить мэра насчет похорон.

Ну и, конечно, выведать как можно больше о его планах.

— Ты по-прежнему считаешь меня врагом, — говорит он, — и меня это очень огорчает. Вчерашнее происшествие еще больше подорвало мою репутацию.

В груди снова всколыхивается память о Мэдди. И о Тодде тоже. Несколько секунд я дышу одним ртом.

— Я понимаю, как заманчива сейчас мысль о вражде, как тебе хочется занять ее сторону. — вздыхает он. — Правда, понимаю. Я даже не спрашиваю о кораблях, потому что сегодня ты мне солжешь. Тебя попросила об этом госпожа Койл. На ее месте я бы сделал ровно то же самое: вынудил бы помогать мне, использовал как козырь.

— Она меня не использует. — тихо отвечаю я.

Ты можешь принести нам немало пользы, вспоминаю я ее слова. Если решишься.

Мэр Прентисс подается вперед, ближе ко мне:

— Можно кое-что тебе рассказать, Виола?

— Что?

Он склоняет голову набок:

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты называла меня Дэвидом.

Я опять опускаю глаза:

— Ну так что, Дэвид?

— Спасибо, Виола. Для меня это очень важно. — Он ждет, пока я снова на него посмотрю. — Я встретился со всеми членами Городского совета бывшего Хейвена. Я поговорил с бывшим мэром, бывшим шерифом, главным врачом и главой комитета по образованию. Словом, я познакомился со всеми важными людьми этого города. Некоторые из них теперь работают на меня, другие не вписались в новую администрацию, но это ничего, в нашем городе очень много работы, Виола, ведь мы хотим сделать его раем для *твоих* людей — раем, о котором они так мечтали. — Он по-прежнему смотрит мне прямо в глаза. У него самого глаза темно-синие, точно вода, бегущая по черным камням. — Из всех моих новых знакомых в Нью-Прентисстауне госпожа Койл — единственный прирожденный лидер. Власть ведь не выращивают, Виола, ее *забирают*, и, вполне возможно, на всем Новом свете мы

с госпожой Койл единственные, кому достанет *воли* это сделать.

Я все смотрю ему в глаза, и мне приходит в голову одна мысль.

Шума у него по-прежнему нет — там такая же пустая чернота, как и вокруг нас, ни звука, ни единой мысли не просачивается наружу. По лицу и глазам тоже ничего не понять.

Но я начинаю подумывать...

Уж не *боится* ли он ее?

— Как ты думаешь, почему я отдал тебя, смертельно раненную, госпоже Койл? — спрашивает мэр Прентисс.

— Потому что она лучшая целительница в городе. Вы сами так говорили.

— Да, но все-таки не единственная. Основную работу делают повязки и лекарства, госпожа Койл лишь мастерски их применяет.

Я невольно тянусь к шраму:

— Дело не только в этом.

— Да, ты права. — Мэр Прентисс пододвигается еще ближе. — Я хочу переманить ее на свою сторону, Виола. Она *очень* нужна мне, чтобы создать новое общество. Если мы с госпожой Койл будем работать вместе... — он откидывается обратно на спинку кресла. — о, какой прекрасный мир мы построим!

— Вы держали ее взаперти.

— Да, но недолго. Границы между мужчинами и женщинами слишком размыты, а восстановление этих границ — медленный и болезненный процесс. Формирование взаимного доверия требует времени, но тут главное помнить, Виола, что война *окончена*. Это правда. Мне не нужны новые сражения и кровопролития.

Чтобы чем-то себя занять, я беру в руки чашку с остывшим кофе. Подношу ее к губам, но не пью.

— С Тоддом все хорошо? — спрашиваю я, не глядя на мэра Прентисса.

— Жив-здоров и работает на солнышке, — отвечает тот.

— Мы можем увидаться?

Мэр Прентисс замолкает, словно обдумывая мою просьбу.

— У меня к тебе одна просьба, — наконец говорит он.

— Какая?

Снова молчание. В моей голове начинает брезжить новая мысль.

— Вы хотите, чтобы я за ней шпионил. Для вас.

— Нет, — отвечает мэр Прентисс, — не *шпионил*, что за глупости! Просто попробуй убедить госпожу Койл, что я не тиран, что у Прентисстауна была совсем другая история и что вместе мы сможем построить мир, о котором мечтали, много лет назад покидая Старый свет. Я не враг ей. И не враг тебе.

Мэр Прентисс говорит так искренне. Честное слово, ему хочется верить.

(но правда ли это? или его искренность напускная?)

— Я прошу тебя о помощи, — говорит он.

— Вся власть в ваших руках, — отвечаю я. — Моя помощь вам не нужна.

— Неправда, — упорствует он. — Мы с госпожой Койл никогда не будем так близки, как вы.

«А мы разве близки?» — думаю я. И вспоминаю: «*Это та самая девочка*».

— И кстати, я знаю, что она нарочно усыпила тебя в тот вечер, когда я пришел с тобой поговорить.

Я отхлебываю холодный кофе:

— Разве вы не поступили бы точно так же?

Мэр Прентисс улыбается:

— То есть ты согласна, что мы очень похожи?

— Как я могу вам доверять?

— А как ты можешь доверять человеку, который накачал тебя снотворным?

— Она спасла мне жизнь.

— После того, как я привез тебя в лечебный дом.
— Она не сажала меня под замок.
— Ты ведь пришла сюда одна, без сопровождения, не так ли? Я уже снимаю запреты.
— Она учит меня лечить людей.
— А зачем она встречалась с целительницами? — Мэр Прентисс снова сцепляет пальцы. — Что они задумали, как тебе кажется?

Я смотрю в чашку и делаю глоток, гадая, откуда он знает про целительниц.

— И какие планы у них *на тебя*? — спрашивает он.

Я все еще отказываюсь на него смотреть.

Мэр Прентисс встает:

— Пойдем со мной, пожалуйста.

Мы покидаем огромный зал и проходим через что-то наподобие прихожей у входа в собор. Ворота широко открыты на городскую площадь. Там маршируют солдаты: на нас обрушивается бум-бум-бум их сапог и **PER** людей, лишенных лекарства.

Я немножко морщусь.

— Посмотри туда, — говорит мэр Прентисс.

За марширующими солдатами, ровно посреди площади, рабочие сооружают деревянный помост, из которого торчит высокий столб.

— Что это?

— Здесь завтра в полдень повесят сержанта Хаммара. Это наказание за его страшное, страшное преступление.

Перед моими глазами вновь возникает Мэдди, ее безжизненные глаза. Мне приходится зажать рот рукой, чтобы опять не разреветься.

— Я пощадил прежнего мэра этого города, — говорит мэр Прентисс, — но мой самый верный солдат пощады не получит. Ты в самом деле думаешь, что я пошел бы на это ради маленькой девочки, которая якобы владеет нужными мне

сведениями? Ты действительно считаешь, что я зашел бы столь далеко, когда вся власть, по твоему же выражению, и так в моих руках?

— И зачем же вы это делаете? — спрашиваю я.

— Потому что он нарушил закон. Потому что у нас цивилизованный мир, в котором нет места жестокостям и зверству. Потому что *война окончена*. — Мэр Прентисс поворачивается ко мне. — Я бы очень хотел, чтобы ты убедила в этом госпожу Койл. — Он подходит ближе. — Ты это сделаешь? Хотя бы расскажешь ей, как я пытаюсь загладить свою вину?

Я опускаю глаза и разглядываю свои ноги. Мысли вертятся в голове как сумасшедшие.

Быть может, он говорит правду.

Но Мэдди умерла.

И в этом виновата я.

С Тоддом мы так и не увиделись.

Что же мне делать?

(что делать?)

— Договорились, Виола?

По крайней мере, будет что рассказать госпоже Койл.

Я сглатываю слюну.

— Я попробую, — шепчу я.

Мэр опять улыбается:

— Чудесно! — Он мягко трогает меня за руку: — Ну, беги домой. На похоронах понадобится твоя помощь.

Кивнув, я выхожу на паперть и бегу прочь, но на площади меня окатывает такой волной **ПЕРА**, что я невольно замираю и пытаюсь восстановить дыхание, которое вдруг куда-то запропастилось.

— Виола. — Мэр Прентисс все еще наблюдает за мной со ступеней своего дома — собора. — Почему бы нам завтра не поужинать? — Он улыбается, видя, как я изо всех сил пытаюсь скрыть свое нежелание это делать. — Тогда, разумеется, тоже пригласим.

Я распахиваю глаза. В моей груди вздымается огромная волна радости, так что из глаз тотчас брызгают слезы.

— П-правда? — заикаясь от удивления, спрашиваю я.

— Правда.

— Вы это серьезно?

— Серьезно, — отвечает мэр Прентисс.

И простирает ко мне руки.

СПАСИТЕ ЖИЗНЬ

[Тогда]

— **Н**адо их пронумеровать, — говорит Дейви, вытаскивая с монастырского склада тяжелый мешок и швыряя его на землю. — Это наша новая работа.

Вчера вечером я разговаривал с мэром: он запоздало поздравил меня с днем рождения, а ночью я поклялся во что бы то ни стало отыскать Внолу.

Но ничего не изменилось.

— Пронумеровать? Зачем? — спрашиваю я, глядя на спэклов, все еще бессмысленно глазеющих на нас. Почему же лекарство до сих пор действует?

— Ты вообще когда-нибудь слушаешь, что тебе говорят? — Дейви достает из мешка какие-то инструменты. — Каждый должен знать свое место. Ну и потом, надо же как-то следить за поголовьем.

— Это не скот, Дейви, — говорю я почти спокойно — мы уже не раз вздорили по этому поводу. — Это местные жители.

— Да мне плевать, ушлепок! — Дейви вытаскивает огромный болторез, кладет его на траву и снова запускает

руку в мешок. — На, держи. — Он протягивает мне несколько связанных между собой железных лент.

Я беру. И только тут понимаю, что у меня в руках.

— Нет!.. — выдавливаю я.

— О да! — Дейви поднимает в воздух еще одно приспособление — его-то я ни с чем не перепутаю.

Так мы помечали овец на прентисстаунской ферме. Берешь щипцы, которые сейчас держит в руках Дейви, и обрабатываешь железную ленту вокруг овечьей ноги. Щипцами затягиваешь концы — очень туго, так туго, что металл до крови врезается в кожу, а рана потом начинает гнить. Но железо обработано специальным лекарством от воспаления, поэтому со временем железная лента просто *врастает*, полностью заменяя собой полоску кожи.

Я снова поднимаю глаза на спэклов, которые смотрят на нас.

Вся штука в том, что снять такую ленту нельзя: рана никогда не затянется, овца истечет кровью и умрет. От такого клейма невозможно избавиться.

— Тебе всего лишь надо представить, что это овцы, — говорит Дейви, вставая и оглядывая спэклов. — Стройся!

— Клеймить вас будем по участкам, — говорит он спэклам, помахивая пистолетом в одной руке и щипцами в другой. Со стен на спэклов смотрят десятки винтовок. — Как только вы получите свой номер, с участка выходить запрещено, ясно?

Им ясно.

В этом-то вся загвоздка.

Они понимают куда больше, чем овцы.

Я смотрю на железные ленты в своей руке:

— Дейви, это...

— Пошевеливайся, ушлепок! — нетерпеливо говорит он. — Нам сегодня двести спэклов надо заклеить.

Я сглатываю. Первый спэкл в очереди тоже неотрывно смотрит на железки. Похоже, это самка, иногда пол можно

определить по цвету лишайника, который растет на них вместо одежды. И к тому же она ниже ростом, чем обычные спэклы. Примерно с меня.

И вот что я думаю: если этого не сделаю я, они наймут кого-нибудь другого, кому вообще плевать на спэклов. А я хотя бы сделаю все правильно — уж получше, чем Дейви сделал бы сам.

Так ведь?

(так?)

— А ну, доставай ленту! — рявкает Дейви. — Еще не хватало тут весь день проторчать!

Я жестом велю самке спэкла протянуть руку. Она протягивает и не мигая смотрит мне в глаза. Я снова сглатываю. Разбираю связку лент и достаю одну с номером 0001. Она продолжает смотреть не мигая.

Беру ее за руку.

Она неожиданно теплая — с виду-то спэклы бледные и холодные.

Оборачиваю ленту вокруг запястья.

Под моими пальцами бьется пульс.

Она все смотрит, смотрит мне в глаза.

— Прости, — шепчу я.

Тут подходит Дейви, он зажимает свободные концы ленты в щипцы, резко выкручивает — так что спэкл от боли шипит — и одним движением превращает ее в 0001-ю на всю оставшуюся жизнь.

Из-под ленты течет кровь. Кровь у 0001-й красная.

(это я уже знал)

Придерживая запястье второй рукой, 0001-я отходит — все еще глядя на меня, не мигая, все еще не издавая ни звука, — безмолвная, точно проклятие.

Никто из спэклов не сопротивляется. Они молча ждут своей очереди и смотрят, смотрят, смотрят. Время от вре-

мении перецокиваются друг с другом, но никакого Шума, никаких волнений, никакого сопротивления.

Дейви от этого ярится все сильнее и сильнее.

— Клятые твари, — говорит он, долго-долго не отпуская щипцы, как будто хочет узнать, долго ли спэкл может шипеть от боли.

А когда шипение замолкает, держит еще пару секунд.

— Ну что, нравится, а? — орет он в спину уходящему спэклу.

Тот держится за запястье и безмолвно смотрит на нас.

Следующий в очереди — 0038-й. Он высокий, наверняка мужского пола, худой и отощавший от голода, потому что даже дураку ясно, что такого количества корма недостаточно для полутора тысяч спэклов.

— Нацепи ленту ему на шею, — говорит Дейви.

— Что? — Я выпучиваю глаза. — Нет!

— Сказал, на шею!

— Не бу...

Дейви внезапно бросается вперед, бьет меня по голове щипцами и отбирает у меня связку с лентами. Я падаю на колено, хватаясь за голову... и от боли несколько секунд не могу даже поднять глаза.

А когда все-таки поднимаю, уже слишком поздно.

Дейви заставил спэкла встать на колени, обернул ленту вокруг его шеи и теперь туго закручивает щипцами. Солдаты на стене гогочут, а спэкл хватается губами воздух и держится за ленту, из-под которой уже выступила кровь.

— Хватит! — ору я, пытаюсь встать на ноги.

Но Дейви щелкает щипцами, и спэкл валится в траву, задыхаясь. Его лицо начинает зловеще наливаться краской. Дейви стоит над ним и просто смотрит.

Тут я замечаю в траве болторез. Кидаюсь к нему, хватаю и лечу обратно к 0038-му. Дейви пытается помешать, но я замахиwaюсь болторезом, и он отпрыгивает, а я встаю на колени рядом с 0038-м и пытаюсь поддеть ленту болторезом.

зом. Дейви затянул ее слишком туго, а спэкл так мечется по земле, что я в конце концов вырубаю его кулаком.

Я разрезаю ленту. Она отлетает, во все стороны брызжет кровь и летят ошметки кожи. Спэкл вдыхает с таким громким хрипом, что ушам больно, и я отшатываюсь, все еще держа в руках болторез.

Глядя, как 0038-й пытается дышать — возможно, понапрасну — и как Дейви грозно нависает надо мной с щипцами в руках, я внезапно замечаю громкое цоканье вокруг нас, в толпе спэклов. Именно в этот миг, именно теперь, неизвестно почему...

Они бросаются в атаку.

Я чувствую легкий удар по макушке — спэклы ведь тонкие, легкие и слабые.

Но здесь их полторы тысячи.

И они налетают волной — такой плотной, что меня будто захлестывает настоящий вал.

Снова кулаки, удары и царапины по лицу и шее. Меня окончательно валят на землю, хватают за руки-ноги, за одежду и за волосы, а я кричу и воплю, и тут один спэкл выдергивает болторез и бьет меня с размаху по локтю, адская боль, и я вжимаюсь в траву изо всех сил...

А в голове только одна мысль, одна идиотская мысль...

Почему они напали на *меня*? Я ведь хотел *спасти* 0038-го!

(но они знают, знают...)

(они знают, что я убийца...)

Раздается вопль Дейви, а следом выстрелы со стен. Опять удары, царапины и выстрелы. Спэклы начинают разбегаться в стороны, но я это скорее слышу, чем вижу: от боли, пульсирующей в локте, у меня потемнело в глазах.

А на мне остался один спэкл, он царапает меня что есть сил, пока я лежу лицом в траве. Наконец мне удастся развернуться, и хотя вокруг все еще гремят выстрелы и пахнет

порохом и спэклы бегут и бегут, этот спэкл остается сидеть на мне, все царапается и молотит меня кулаками.

В ту самую секунду, когда я понимаю, что это 0001-я, самая первая в очереди, первая, к которой я прикоснулся, раздается выстрел, и она падает в траву рядом со мной. За-
мертво.

Дейви стоит над нами с пистолетом в руке, из дула все еще идет дымок. Нос и губа у него разбиты в кровь, цар-
пин ему досталось не меньше, чем мне, и он тяжело припа-
дает на одну ногу.

Но улыбается:

— Спас тебе жизнь, а?

Выстрелы не смолкают. Спэклы все бегут, но спрятать-
ся им негде. Они падают, падают и падают как подкошен-
ные.

Я смотрю на свой локоть:

— Кажется, мне руку сломали.

— А мне ногу, — говорит Дейви. — Езжай к па. Скажи
ему, что случилось. Скажи, что я *спас тебе жизнь*.

Дейви не смотрит на меня, он продолжает стрелять, чу-
дом удерживаясь на ногах.

— Дейви... — начинаю я.

— Пошел! — кричит он. От него исходит какая-то зло-
вещая черная радость. — У меня тут работка осталась....

Дейви снова выстреливает. Еще один спэкл валится
в траву. Всюду уже лежат трупы.

Я делаю шаг к воротам. И еще один.

А потом бегу.

С каждым шагом в руке отдается боль, но Анггаррад
встречает меня знакомым **жеребенок** и ласково обнюхи-
вает влажным носом. Она сгибает передние ноги в коле-
нях, чтобы я мог залезть в седло, ждет, пока я усядусь как
следует, и пускается стремительным галопом — не помню,

чтобы она когда-нибудь так неслась. Здоровой рукой я держусь за ее гриву, а больную прячу у живота и изо всех сил пытаюсь сдержать рвоту.

Поднимаю глаза: женщины в окнах домов провожают меня долгими взглядами. Мужчины тоже смотрят на мою лошадь, на мое окровавленное лицо.

Интересно, кого они во мне видят?

Одного из чужих, врага?

Кто я для них?

Я зажмуриваюсь, но тут же теряю равновесие и едва не вываливаюсь из седла. Открываю глаза.

Анггаррад мчит меня по дороге вдоль боковой стены собора: копыта выбивают искры из булыжников мостовой, когда она резко сворачивает на главную площадь. На площади маршируют солдаты. Шума у них нет, но грохот сапог сотрясает воздух.

От всего этого я морщусь и перевожу взгляд на место своего назначения — ворота собора...

И тут мой Шум так резко вскидывается, что Анггаррад встает как вкопанная. Бока у нее все в мыле от быстрой скачки.

Я этого не замечаю...

Мое сердце остановилось...

Дыхание тоже...

Потому что вот она...

Прямо у меня перед глазами... поднимается по ступеням собора...

Вот *она*.

Сердце снова начинает биться, в Шуме только ее имя, боль исчезает как по волшебству...

Потому что она жива...

Жива...

Но тут я вижу, как...
она поднимается по ступеням собора...
к мэру Прентиссу...

В его раскрытые объятия...

И он *обнимает* ее...
А она ему *позволяет*...

И все, что я способен подумать...
И выговорить...
Это...
— Виола?

ЧАСТЬ
ТРЕТЬЯ

ВОЙНЕ
КОНЕЦ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

[Виола]

Мэр Прентисс стоит на ступенях.
Властелин этого города, этого мира.
Стоит с широко раскинутыми руками.
Как будто это — плата.
Но смогу ли я ее заплатить?
Обниму всего раз, думаю я.
(да что ты?)
Я делаю шаг вперед...
(всего разочек)
И он обхватывает меня руками.
Я пытаюсь не окаменеть от его прикосновений.
— Я не успел тебе сказать, — шепчет он мне на ухо, — мы
нашли на болоте твой разбившийся корабль. И твоих роди-
телей.
С моих губ срывается всего один всхлип, но я тут же про-
глатываю слезы.
— Мы похоронили их как полагается. Бедная Виола!
Я знаю, как тебе одиноко, и я буду очень рад, если в один
прекрасный день смогу заменить тебе...

И тут над **РЕВОМ** города...

Одна особенно громкая мысль взмывает над всеми остальными, подобно стреле...

Стреле, запущенной в меня...

Виола! — кричит она, лишая мэра Прентисса дара речи...

Я оборачиваюсь...

И там, в каких-то десяти метрах от меня, верхом на лошади...

Он.

Это он.

Это он.

— **ТОДД!** — Я с криком бросаюсь к нему.

Он стоит рядом с лошастью, как-то странно держа руку, и я слышу грохочущее в его Шуме: Виола! — и немножко боли, и пронизывающее все его мысли смятение, но в моей собственной голове такая каша, а сердце колотится так громко, что я не могу толком ничего разобрать.

— **ТОДД!!!**

Я подбегаю, а его Шум открывается еще шире и словно окутывает меня одеялом, и я хватаю его и прижимаю к себе, прижимаю так крепко, словно никогда больше не отпущу.

Тодд вскрикивает от боли, но второй рукой все равно обнимает, обнимает, обнимает...

— Я думал, ты умерла, — говорит он, дыша мне в шею, — ох, господи, Виола, я так боялся, что ты умерла...

— Тодд, — твержу я, не в силах вымолвить ничего, кроме его имени. — Тодд, *Тодд!*

Он охает, и его Шум так громко взрывается болью, что я чуть не слепну.

— Твоя рука... — Я отстраняюсь.

— Сломана, — выдыхает он, — там...

— Тодд? — Мэр Прентисс стоит прямо за нами и строго смотрит на Тодда. — Ты сегодня рано.

— Рука! Это спэклы...

— *Спэклы?! —* вскрикиваю я.

— Перелом, похоже, серьезный, — встречается мэр Прентисс. — Надо немедленно показать тебя врачу.

— Пусть его вылечит госпожа Койл!

— Виола, — говорит мэр Прентисс, и я слышу удивление в мыслях Тодда: почему наш заклятый враг так спокойно со мной разговаривает? — Твой лечебный дом слишком далеко. Тодду будет тяжело туда добраться.

— Я пойду с ним! Я же теперь ученица!

— Кто? — Шум Тодда воем от боли, как сирена, но он по-прежнему переводит взгляд с мэра Прентисса на меня и обратно. — Что происходит? Откуда вы знаете...

— Я все объясню позже, — отвечает мэр Прентисс, беря Тодда под здоровую руку, — когда мы тебя вылечим. — Он оборачивается ко мне: — Приглашение на завтра в силе. А сейчас тебе нужно торопиться на похороны.

— Похороны? — не понимает Тодд. — Какие еще похороны?

— Завтра, — строго повторяет мне мэр Прентисс, уводя Тодда.

— Погодите...

— Виола! — кричит Тодд, вырываясь из хватки мэра, но тут же падает на одно колено от резкой боли — боль эта так отчетливо гремит в его Шуме, что даже солдаты на площади останавливаются, услышав ее.

Я бросаюсь на помощь, но мэр преграждает мне путь.

— Ступай, — говорит он, и по его тону ясно: спорить с ним нельзя. — Я помогу Тодду, не переживай. Иди на похороны и попрощайся с подругой. Завтра Тодд будет как новенький, вот увидишь.

Виола? — снова звучит в Шуме Тодда. Он с таким трудом сдерживает слезы боли, что и говорить уже не может.

— Завтра, Тодд, — громко говорю я, пытаюсь разобраться в его Шуме. — Увидимся завтра.

Виола! — опять вопит его Шум, но мэр Прентисс уже тащит его прочь.

— Вы обещали! — кричу я вдогонку. — Помните, вы обещали!

— Ты тоже, — с улыбкой отвечает мэр Прентисс.

«Разве?» — думаю я.

А потом они скрываются из виду, как будто ничего и не было.

Но Тодд...

Тодд жив.

Я на минуту пригибаюсь почти к самой земле, пытаюсь свыкнуться с этой мыслью.

— С тяжелым сердцем, полным скорби, предаем мы тебя земле...

— Вот. — После слов священнослужительницы госпожа Койл берет мою руку и насыпает в нее немного земли. — Брось это на крышку гроба.

Я недоуменно смотрю на землю:

— Зачем?

— Чтобы каждый принял участие в погребении.

Госпожа Койл показывает мне место среди других целительниц и учениц, собравшихся у могилы.

Мы по очереди проходим мимо, бросая по горсти сухой земли на деревянный ящик, в котором теперь лежит Мэдди. Все меня сторонятся.

Кроме госпожи Койл, никто со мной не заговаривает.

Все винят в смерти Мэдди меня.

Я тоже.

На похороны собралось больше пятидесяти женщин: целительницы, ученицы, пациентки. Со всех сторон нас оцепляют солдаты — их куда больше, чем нужно. Мужчины, включая отца Мэдди, стоят по другую сторону могилы. Ни-

чего грустнее, чем скорбящий Шум отца, я в жизни не слышала.

Мое чувство вины усиливается еще и оттого, что в основном я думаю о Тодде.

Вспоминая его Шум теперь, я гораздо яснее чувствую в нем смятение. Представляю, каково ему было увидеть меня в объятиях мэра Прентисса, услышать его дружеский тон...

Хотя все это объяснимо, я опять чувствую себя виноватой.

Бросаю горсть земли на гроб Мэдди, и госпожа Койл берет меня за руку:

— Пойдем поговорим.

— Он хочет *сотрудничать*? — спрашивает госпожа Койл, держа в руках чашку чая.

Мы сидим в моей спальне.

— Да, он восхищается вами.

Она приподнимает брови:

— Вот как он теперь заговорил?

— Знаю, знаю. Звучит странно, но вы бы его слышали...

— О нет, речей нашего президента я наслушалась вдоволь.

Я откидываюсь на спинку кровати:

— Ведь он мог *заставить* меня выдать ему все сведения о кораблях. Но пока он вообще ни к чему меня не принуждает. — Я отвожу глаза. — Даже разрешил завтра увидеться с другом.

— С Тоддом?

Я киваю. Невозмутимое лицо госпожи Койл ни капельки не меняется.

— Выходит, теперь ты ему благодарна?

— Нет. — Я растираю лицо ладонями. — Я видела, на что способна его армия. Видела собственными глазами.

Наступает долгая тишина.

— Но? — спрашивает госпожа Койл.

Я не смотрю на нее:

— Но он приказал повесить убийцу Мэдди. Казнь завтра в полдень.

Госпожа Койл презрительно фыркает:

— Конечно, ему ведь ничего не стоит убить еще одного человека, отнять еще одну жизнь! Так, по его мнению, можно решить любую проблему.

— Он вроде бы искренне говорил.

Госпожа Койл косится на меня:

— Еще бы! Надо же впечатление произвести. — Она понижает голос: — Он не президент Нового света, а король вранья, дитя мое. Он будет врать до тех пор, пока все вокруг ему не поверят. Дьявол горазд на выдумки, тебя разве мама не учила?

— Он не считает себя дьяволом. Он считает себя солдатом, выигравшим войну.

Госпожа Койл внимательно смотрит на меня:

— Политика умиротворения — вот как это называется. Скользящая дорожка, имей в виду.

— Что это значит?

— Это значит, что ты готова потакать врагу и сотрудничать с ним. Ты лучше присоединишься к нему, чем дашь отпор. И это верный способ вечно оставаться в проигравших.

— Да я вовсе не этого хочу! — взрываюсь я. — Я просто хочу, чтобы все закончилось! Чтобы эта планета наконец стала домом для людей, которые сюда летят. Мы так мечтали о доме! Я просто хочу мира и спокойствия! — В моем голосе уже звучат слезы. — Я не хочу, чтобы кто-то еще умирал...

Госпожа Койл отставляет чашку, кладет руки на колени и пылливо смотрит мне в глаза:

— Ты действительно хочешь именно этого? Или ты просто готова на что угодно ради своего мальчика?

Мне начинает казаться, что она читает мои мысли.

(потому что я и вправду хочу увидеть Тодда...)

(хочу объяснить ему...)

— О твоей преданности *нам* речи уже не идет, — продолжает госпожа Койл. — После этой выходки с Мэдди многие убеждены, что от тебя больше вреда, чем пользы.

«Опять она про пользу», — думаю я.

Госпожа Койл тяжело вздыхает:

— Если уж на то пошло, я не виню тебя в смерти Мэдди. Она была уже взрослая и сама принимала решения. Раз она сочла нужным тебе помочь, это ее выбор. — Она привычным жестом отирает лоб. — Виола, я так часто вижу в тебе себя. Даже когда мне это не нравится. — Она встает и собирается уходить. — Знай, пожалуйста, что я тебя не виню, что бы ни случилось.

— В каком смысле?

Но госпожа Койл уходит, не сказав больше ни слова.

Вечером устраивают так называемые поминки: все обитатели дома пьют некрепкое пиво, поют песни, которые любила Мэдди, и рассказывают о ней всякие истории. Конечно, многие плачут, включая меня, — горше слез просто не бывает.

Но завтра я увижу Тодда.

И это единственное, что сейчас меня радует.

Я слоняюсь по лечебному дому, перехожу от одной компании целительниц или учениц к другой, слушаю их разговоры. Со мной никто не разговаривает. Коринн сидит одна у окошка, и вид у нее особенно грозный. С тех пор как Мэдди убили, она не проронила ни слова, даже не стала произносить прощальную речь на похоронах. По ее лицу то и дело бегут слезы.

В конце концов пиво берет свое: я набираюсь храбрости и подхожу к ней:

— Ты не представляешь, как мне...

Даже не дослушав, Коринн встает и уходит.

Ко мне подходит госпожа Койл с двумя стаканами пива в руках. Один дает мне. Мы провожаем Коринн долгим взглядом.

— Не переживай из-за нее. — говорит госпожа Койл.

— Она всегда терпеть меня не могла.

— Неправда. Просто ей очень тяжело пришлось.

— Как это?

— Пусть она сама тебе как-нибудь расскажет. Пей.

Я делаю глоток. Пиво сладкое и пшеничное на вкус, пузыри приятно щекочут нёбо. Минуту или две мы сидим и молча пьем.

— Ты когда-нибудь видела океан, Виола? — спрашивает госпожа Койл.

От удивления я давлюсь пивом.

— Океан?

— Да, на нашей планете всюду океаны, — отвечает она. — Огромные.

— Я родилась на корабле. — говорю я. — А эти океаны видела только из космоса, когда мы приземлялись.

— Значит, ты никогда не стояла на берегу? Волны с грохотом разбиваются о берег, вода тянется до самого горизонта — она синяя, живая и постоянно двигается. Кажется, что океан даже больше, чем чернота наверху, потому что он не пустой. В его глубинах кроются тайны. — Она радостно встряхивает головой. — Если хочешь понять, как ты мала в Царстве Божьем, просто постой на берегу океана.

— Я бывала только на берегу речки.

Госпожа Койл задумчиво выпячивает нижнюю губу.

— Эта река впадает в океан. Он, кстати, не так уж и далеко. Два дня езды на лошади, не больше, а на ядерном автомобиле и за утро можно добраться. Дорога, правда, плохая.

— Значит, есть дорога?

— От нее мало что осталось.

— И куда она ведет?

— Раньше вела к моему дому, — отвечает госпожа Койл, устраиваясь поудобней. — Мы приземлились двадцать три года назад. Построили рыбацкую деревушку, с лодками и всем прочим. Лет через сто там, возможно, появился бы порт.

— Что случилось?

— То же самое, что случилось и со всеми остальными великими планами — они рухнули в первые же годы, не выдержав испытаний. Построить новую цивилизацию оказалось гораздо труднее, чем мы думали. Пока не научишься ходить, приходится ползать. — Госпожа Койл делает глоток пива. — Может, оно и к лучшему. Океаны Нового света, как выяснилось, не очень-то пригодны для рыбной ловли.

— Почему?

— Ну, например, мимо плавают рыбы размером с лодку и рассказывают, как хотят тебя съесть. А потом съедают.

Я тихо смеюсь. Но сразу вспоминаю, что случилось.

Госпожа Койл заглядывает мне в глаза:

— И все-таки он очень красивый, океан. На свете нет ничего прекрасней.

— Скучаете по нему? — Я допиваю пиво.

— Океан стоит увидеть однажды, чтобы потом скучать по нему всю жизнь, — говорит госпожа Койл, забирая у меня пустой стакан. — Давай еще принесу.

Ночью мне снятся сны.

Об океане и рыбах, которые хотят меня съесть. Об армиях, проплывающих мимо, под командованием госпожи Койл. О Мэдди, которая берет меня за руку и выводит из воды.

Мне снится гром — единственный оглушительный раскат, от которого небо едва не раскалывается надвое.

Я подсказываю от страха, а Мэдди только улыбается.

— Скоро я его увижу, — говорю я.

Она смотрит мне через плечо и кивает:

— Да вот же он!

Я оборачиваюсь.

Я просыпаюсь, но с солнцем что-то не так. Голова тяжелая, как камень, и мне приходится закрыть глаза, чтобы мир вокруг перестал вертеться.

— Так вот что такое похмелье. — говорю я вслух.

— Пиво было безалкогольное. — отвечает мне Коринн.

Я распахиваю глаза, и зря, потому что на меня отовсюду наползают черные пятна.

— Ты что тут делаешь? — Я в недоумении оглядываюсь.

— Жду, пока ты проснешься, чтобы отдать тебя президентским прихвостням.

— Что?!

Коринн встает.

— В чем дело?

— Она тебя усыпила. Подлила настой Джефферса в пиво, а чтобы скрыть запах, добавила немного лакрицы. Вот, она просила передать. — Коринн протягивает мне листок бумаги. — После прочтения сразу уничтожь.

Я беру у нее листок. Это записка от госпожи Койл.

«Прости меня, дитя, но президент — злодей, в этом не может быть сомнений. Война не закончилась. Оставайся на стороне добра, продолжай собирать информацию, продолжай вводить его в заблуждение. С тобой свяжутся».

— Они взорвали витрину магазина и скрылись, — говорит Коринн.

— Что они сделали?! — чуть не кричу я. — Коринн, да что тут творится?

Но она на меня даже не смотрит:

— Я пыталась объяснить им, что они забывают о своем священном долге, что на свете *нет* ничего важнее, чем жизнь человека — любого человека!

— Здесь есть еще кто-нибудь?

— Только мы. И солдаты, но они ждут тебя на улице, чтобы отвести к президенту. — Коринн опускает глаза, и я впервые замечаю, что изнутри ее сжигает лютая ярость. — Уж меня-то допрашивать будет не красавчик президент.

— Коринн...

— С сегодняшнего дня называй меня госпожа Уайетт, — обрывает она меня. — Если, конечно, мы вернемся живыми, что маловероятно.

— Неужели все ушли? — Я до сих пор не могу в это поверить.

Коринн только бросает на меня злобный нетерпеливый взгляд.

Все ушли.

Госпожа Койл бросила меня одну с Коринн.

Она *бросила* меня.

И мне теперь самой начинать войну.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

[Тогда]

— Я дерное топливо, сэр, смешивают с сухой глиной до образования пасты...

— Я знаю, как сделать фугас, полковник Паркер, — говорит мэр Прентисс, осматривая разрушения. — А вот чего я не понимаю, так это как группе невооруженных женщин удалось *подложить* его в магазин, охраняемый вашими солдатами?

Полковник Паркер с трудом проглатывает слюну — даже *видно*, как дергается его горло. Он не из Прентисстауна, стало быть, его подобрали где-то по пути. «Я заодно с теми, за кем сила», — говорил Иван. Но что делать, когда эта сила задает тебе вопросы, на которые ты не можешь ответить?

— Вероятно, это были не простые женщины, — выдавливает Паркер. — Ходят слухи о какой-то...

— Глянь сюда, ушлепок! — кричит мне Дейви. Он подъехал на своем Урагане — Желуде к поваленному дереву, неподалеку от которого мы стоим, через дорогу от взорванного магазина.

Здоровой рукой я дергаю поводья. Анггаррад легко переступает через обломки дерева, гипса, разбитое стекло и разбросанную повсюду еду — такое чувство, будто магазин терпел-терпел и наконец чихнул. Мы подъезжаем к Дейви; тот показывает мне на светлые щепки, торчащие из ствола дерева.

— Смотри, какой был взрывище! Доски аж по деревьям раскидало, — говорит он. — Вот стервы.

— Они же поздно ночью взорвали, — говорю я, поправляя подвязанную руку. — Никто не пострадал.

— Стервы, — повторяет Дейви, качая головой.

— Сегодня же сдайте свой запас лекарства, полковник, — слышим мы голос мэра Прентисса. Он нарочно говорит громко, чтобы и остальные солдаты услышали про наказание. — На ваших людей это тоже распространяется. Право на личное пространство надо заслужить.

Мэр Прентисс, не дослушав вялого бормотания полковника, поворачивается к мистеру Коллинзу и мистеру Моргану, что-то тихо им говорит, и они разъезжаются в разные стороны. Затем мэр Прентисс направляется к нам, хмурый, как осенний день. Морпет тоже зловеще смотрит на наших лошадей. **Сдавайся**, читается в его Шуме. **Сдавайся**. **Сдавайся**. Ураган и Анггаррад опускают головы и пятятся.

Все-таки лошади — сумасшедшие твари.

— Давай я их найду, а, па? — предлагает Дейви. — Стерв, которые все это устроили?

— Следи за языком, — отвечает мэр Прентисс. — У вас обоих есть работа.

Дейви косится на меня и приподнимает загипсованную левую ногу:

— Па? Ты, может, не заметил, что я еле хожу, а у ушлепка рука...

Он даже не успевает закончить, когда мимо меня проносятся что-то странное: из головы мэра Прентисса будто вылетает пуля из Шума. Дейви морщится и ненароком дер-

гает поводья, так что Ураган под ним встает на дыбы и чуть не сбрасывает его на землю. Дейви долго приходит в себя, бессмысленно тараща глаза и отдуваясь.

Это еще что такое?!

— По-твоему, сегодня подходящий день для отдыха? — спрашивает мэр Прентисс сына, обводя рукой руины вокруг нас.

Само здание местами еще дымится. Взорванное.

(я как могу пытаюсь скрыть эту мысль в своем Шуме...)

(но она бурлит почти у самой поверхности...)

(мысль о мосте, который мы однажды подорвали...)

Я оглядываюсь на мэра Прентисса, который смотрит на меня так пристально, что я, не задумываясь, выпаливаю:

— Это не она! Честно, это не она!

Он все смотрит и смотрит.

— Я и не думал ее подозревать, Тодд.

Руку мою вчера подлатали довольно быстро: мэр Прентисс оттащил меня в клинику рядом с главной площадью, где мужчины в белых халатах сделали мне два укола со сращивающим кости лекарством, боль от него была даже хуже, чем от самого перелома, но к тому времени мэр Прентисс уже ушел, пообещав, что мы с Виолой непременно увидимся завтра вечером (то есть сегодня), и я не успел задать ему миллион вопросов о том, почему они с Виолой на дружеской ноге, когда она успела стать лекарем... или как там это называется... и на какие похороны она ушла, и...

(и как мое сердце чуть не взорвалось, когда я ее увидел...)

(и как оно заболело снова, когда она ушла...)

Не успели мы и словом перемолвиться, а Виолы уже нет — ушла в свою жизнь, где больше нет меня, — а я остался один со сломанной рукой. Потом меня отвели в собор, дали болеутоляющее, и я свалился без чувств, еле успев добраться до своего матраса в колокольне.

Я не проснулся, когда мэр Леджер вернулся с работы со своим серым Шумом, полным жалоб о сборе мусора. Не

проснулся я и к ужину, и мэр Леджер слопал обе порции. Ночью я не слышал даже лязга запирающегося замка.

Зато меня разбудил оглушительный БУМ!, сотрясший весь город.

И уже тогда, сидя в темноте и мучаясь тошнотой от болеутоляющих, даже не понимая, что значит этот БУМ! и откуда он взялся, уже тогда я понимал, что все снова поменялось и мир — не тот, что раньше. Опять.

Ну и конечно, на рассвете мы с мэром Прентиссом и несколькими его людьми поехали осматривать место взрыва. Я гляжу на него, сидящего верхом на Морпете. За спиной у него светит утреннее солнце, и мы стоим в его тени.

— Наша встреча с Виолой не отменяется? — спрашиваю я.

Мэр Прентисс целую вечность смотрит на меня.

— Господин президент! — окликает его полковник Паркер, пока его солдаты снимают доски, прибитые взрывом к стволам деревьев.

На стволе что-то написано.

Хоть я и не умею...

Короче, я много чего не умею, но уж эту букву в состоянии прочитывать.

Синей краской на стволе выведена единственная буква.

«О». Просто «О».

— Как он мог отправить нас к спэклам на следующий же день после бунта? — ворчит Дейви по дороге к монастырю.

Если честно, мне тоже до сих пор не верится. Дейви еле ходит, да и я мало на что гожусь — хотя лекарство для сращивания костей действует, мне бы лучше дать руке пару дней отдыха. Она уже сгибается, но армию спэклов такой рукой точно не раскидаешь.

— Ты ему не сказал, что я спас тебе жизнь? — одновременно злобно и застенчиво спрашивает Дейви.

— А ты разве не сказал? — удивляюсь я.

Дейви кривит губы, отчего его жиденькие усики кажутся еще жиже.

— Он мне не верит, когда я такое говорю, — тихо говорит он.

Я вздыхаю:

— Да сказал я! Он бы все равно в Шуме увидел.

Дальше мы едем молча, но потом Дейви все-таки спрашивает:

— А он что?

Я медлю с ответом.

— Сказал, ты молодец.

— Больше ничего?

— Ну, что мне повезло.

Дейви прикусывает губу.

— И все?

— И все.

— Понятно.

Больше он ничего не говорит и пускает Урагана чуть быстрее.

Хотя ночью взорвалось всего одно здание, утром весь город выглядит как-то иначе. Патрулей сразу стало гораздо больше, и солдаты не маршируют, а почти бегают по улицам. На крышах тоже тут и там стоят солдаты с винтовками наготове: смотрят, смотрят, смотрят.

Обычные мирные жители, которых на улицах почти нет, торопливо бегут по своим делам, стараясь не попадаться на глаза.

Женщин этим утром я не вижу вообще. Ни одной.

(ее тоже нет)

(почему она дружит с мэром Прентиссом?)

(она его обманывает?)

(он ей верит?)

(она имеет какое-то отношение к взрыву?)

— Кто имеет отношение? — спрашивает Дейви.

— Заткнись.

— А ты попробуй меня заткнуть! — огрызается он, но как-то без души, явно думая о чем-то другом.

Мы проезжаем мимо группы солдат, ведущих по улице связанного избитого человека. Я прижимаю сломанную руку поближе к груди. Когда мы приближаемся к холму с железной башней на вершине и сворачиваем к монастырю, солнце уже стоит высоко в небе.

Дальше тянуть время не получится.

— Что случилось, когда я уехал? — спрашиваю я.

— Мы им устроили, — отвечает Дейви с досадой: у него опять разболелась нога, чувствуется по Шуму. — Всыпали по первое число.

На гриву Анггаррад падает какая-то соринка. Я смахиваю ее, но точно такая же приземляется на мою руку. Я поднимаю голову.

— Это еще что? — спрашивает Дейви.

Идет снег.

Я видел снег всего раз в жизни и был тогда так мал, что и не думал, какая эта редкость и как не скоро я увижу его снова.

Белые хлопья летят сквозь ветви деревьев на дорогу, тая на нашей одежде и волосах. Они падают бесшумно, и все вокруг отчего-то тоже затихает, словно хочет рассказать тебе тайну — ужасную, ужасную тайну.

Но на небе всю светит солнце.

И это не снег.

— Пепел, — говорит Дейви, когда одна снежинка приземляется ему на губы. — Жгут трупы.

Жгут трупы. Солдаты все еще стоят на стенах с винтовками наготове, заставляя живых спэклов складывать в кучу тела мертвых. Куча эта уже огромная, выше любого живо-

го спэкла, но на нее продолжают бросать новые трупы. Живые ходят с опущенными головами и стиснутыми губами.

У меня на глазах на вершину забрасывают очередное тело, но оно скатывается по склону, пролетает через огонь и падает в грязь лицом вверх, так что я вижу на груди пулевые отверстия с запекшейся кровью...

(мертвоглазый спэкл в лагере тоже лежал лицом вверх...)
(спэкл с ножом в груди...)

Я с трудом глотаю воздух и отворачиваюсь.

Если не считать цоканья, живые спэклы все еще безмолвны. Никаких скорбных криков, вообще ничего, хотя им приходится сжигать трупы своих собратьев.

Им будто вырезали языки.

У входа нас поджидает Иван с винтовкой в руке. Этим утром лицо у него уже не такое довольное.

— Вам приказано закончить работу, — говорит он, пинная в нашу сторону мешок с железными лентами и инструментами. — Впрочем, ее стало меньше.

— Скольких мы уложили? — с улыбкой спрашивает Дейви.

Иван с досадой пожимает плечами:

— Триста... триста пятьдесят... точно не скажешь.

У меня в животе все вздрагивает и переворачивается, но Дейви только лыбится еще шире.

— Это тебе. — Иван протягивает мне винтовку.

— Вы даете ему *оружие*?! — Шум Дейви тотчас вскидывается.

— Приказ президента, — отрезает Иван, все еще протягивая мне винтовку. — Вечером будешь сдавать ее ночной страже. Она только для защиты от спэклов... — Он хмуро глядит на меня: — Еще президент велел передать, что он знает: ты его не подведешь.

Я молча пялюсь на винтовку.

— Одуреть! — выдыхает Дейви и трясет головой.

Винтовкой я пользоваться умею. Бен и Киллиан меня научили, чтобы я ненароком не снес себе башку на охоте. Еще они втолковали мне, что пользоваться ей можно только в случае крайней необходимости.

Значит, не подведу.

Я поднимаю голову. Большинство спэклов сгрудились на дальних участках, как можно дальше от входа. Остальные подтаскивают к огню переломанные и расстрелянные тела своих.

Но те, что видят меня, не сводят с меня глаз.

Они видят, как я смотрю на винтовку.

И я не слышу ни единой их мысли.

Так откуда мне знать, что они задумали?

Я беру винтовку.

Это ничего не значит. Я не буду ей пользоваться. Просто возьму.

Иван разворачивается и уходит к воротам. Вот тут-то я замечаю.

Тихий **гул**, еле-еле слышный, но все же ощутимый. И он становится все громче.

Теперь ясно, отчего он такой пришибленный.

Мэр забрал лекарство и у него.

Остаток утра мы загружаем кормушки, поилки и засыпаем известью выгребные ямы — я однурукий, Дейви одноногий. Но мы бы все равно управились быстрее, если б не тянули время: как Дейви ни храбрится, я вижу, что ему тоже не очень охота клеймить спэклов. Пусть мы оба теперь вооружены, но прикасаться к врагу, который чуть тебя не убил... в общем, к этому надо морально подготовиться.

Утро плавно переходит в день. Впервые, вместо того чтобы сожрать оба наших обеда, Дейви бросает сэндвич и мне, от неожиданности я его не ловлю.

Мы жуем и наблюдаем за тысячей с небольшим спэклов, которые наблюдают за нами, и за горой трупов, которая

продолжает расти. Спэклы толпятся по краям участков и вдоль монастырских стен, держась как можно дальше от нас и от горящей кучи.

— Трупы спэклов надо сбрасывать в болото, — говорю я, держа сэндвич одной рукой. — Для этого болота и нужны. В воде спэклы...

— Огонь им тоже не повредит, — перебивает меня Дейви, опираясь на мешок с инструментами для клеймления.

— Да, но...

— Никаких «но», ушлепок! — Дейви хмурится. — Какая тебе вообще разница? Чего ты о них печешься? Твоя святая доброта не помешала им раздробить тебе руку!

Он прав, но я молчу, продолжая наблюдать за спэклами и чувствуя висящую за спиной винтовку.

Я мог бы это сделать. Мог бы застрелить Дейви и сбежать отсюда.

— Да тебя пришьют раньше, чем ты доберешься до ворот, — бурчит Дейви, глядя на свой сэндвич. — И твою драгоценную девку тоже.

Я молча доедаю обед. Весь корм мы выложили, поилки заполнили, выгребные ямы засыпали. Осталось одно-единственное дело.

Дейви открывает мешок с инструментами:

— Ну, на ком мы остановились?

— На 0038-м, — отвечаю я, не сводя глаз со спэклов.

Дейви проверяет оставшиеся железные ленты и дивится моей памяти:

— Как ты это запомнил?

— Просто запомнил, и все.

Теперь все спэклы глазают на нас. Лица у них бесстрашные изукрашенные синяками. Они знают, что мы делаем. Знают, что их ждет. Знают, что в мешке, и знают, что сопротивляться нам нельзя, иначе — смерть.

Потому что за спиной у меня висит винтовка.

(и что же тут значит «не подвести»?)

— Дейви, — начинаю говорить я, но больше не успеваю вымолвить ни слова, потому что...

БУМ!!!

Где-то далеко, так что и звука-то почти нет. Кажется, что это грохочет вдали буря, которая скоро доберется до твоего дома и снесет его ко всем чертям.

Мы поворачиваем головы, хотя над стенами и верхушками деревьев еще не может быть ничего видно: дым так быстро не поднимется.

Его и нет.

— Вот стервы! — шепчет Дейви.

Но я думаю...

(это она?)

(это она?!)

(что она творит?!)

ВТОРАЯ БОМБА

[Виола]

Солдаты ждут до середины дня и только потом забирают нас с Коринн. Ее приходится почти силком отрывать от оставшихся больных, а потом нас отводят в собор под конвоем из восьми человек. Солдаты на нас даже не смотрят, а тот, что марширует рядом со мной, совсем юный, не старше Тодда, и на шее у него огромный красный прыщ, от которого я почему-то не могу оторвать глаз.

И тут Коринн охает. Нас ведут мимо взорванного магазина: фасад полностью обрушился, — и солдаты оцепили руины. Наш конвой сбавляет шаг, чтобы получше все рассмотреть.

Тогда-то все и случается.

БУМ!!!

Звук этот столь огромен, что воздух становится твердым, как кулак, как волна кирпичей, а мир будто бы вылетает у меня из-под ног, и я лечу куда-то в сторону, невесомая, как чернота над головой.

Наступает тишина и пустота — я ничего не помню об этих минутах, — а потом я открываю глаза и понимаю, что лежу на земле, вокруг меня вьются парящие ленты дыма, а кое-где в небо взметается пламя. Зрелище почти мирное, почти красивое, но в какой-то момент я понимаю, что ничего не слышу, только пронзительный звон, заглушающий все остальные звуки. Вокруг, шатаясь, встают люди, рты у них безмолвно открываются, я медленно сажусь, но мир по-прежнему погружен в звенящую тишину, а рядом со мной тот юный солдатик с прыщом на шее, он лежит на земле, весь покрытый щепками. Видимо, он прикрыл меня собой, потому что я почти невредима, а он не двигается.

Не двигается.

Ко мне начинает возвращаться слух, и я слышу крики.

— Эта история не должна была повториться, — говорит мэр Прентисс, задумчиво глядя на луч света, падающий из витражного окна.

— Я ничего не знала про бомбы, — в который раз твержу я, руки у меня до сих пор трясутся, а в ушах так громко звенит, что я почти его не слышу. — Ни про первую, ни про вторую.

— Верю, — кивает мэр Прентисс. — Тебя и саму чуть не убило.

— Солдат принял на себя почти весь удар. — выдавливаю я, запинаясь.

Перед глазами — его распростертое на земле тело, кровь, торчащие отовсюду щепки...

— Она снова тебя усыпила, не так ли? — спрашивает мэр Прентисс, продолжая смотреть в витражное окно, словно там кроются все ответы. — Усыпила и бросила одну.

Удар.

Госпожа Койл в самом деле меня бросила.

И подложила в магазин бомбу, которая убила юного солдата.

— Да, — наконец отвечаю я. — Она ушла. Все ушли.

— Не все. — Мэр Прентисс ходит за моей спиной — лишь голос посреди зала, громкий и ясный, чтобы я могла слышать его сквозь звон в ушах. — В этом городе пять лечебных домов. Один полностью укомплектован, в трех частично не хватает целительниц и учениц. Лишь работники твоего дома все покинули посты.

— Коринн осталась, — шепчу я и вдруг начинаю ее защищать: — Она сразу же начала лечить пострадавших от второго взрыва солдат! Ни секунды не медлила! Перевязывала раны, прочищала дыхательные пути и...

— Я приму это к сведению, — перебивает меня мэр Прентисс, хотя я говорю чистую правду.

Коринн в самом деле подозвала меня и попросила помочь, и мы делали все, что было в наших силах, пока другие солдаты не схватили нас и не утащили прочь. Идиоты! Коринн сопротивлялась, но они ударили ее по лицу, и тогда она затихла.

— Прошу вас, не трогайте ее, — твержу я. — Она тут ни при чем. Она не принимала никаких решений, только пыталась помочь...

— Я и не собирался ее *трогать*! — вдруг орет мэр Прентисс. Я отшатываюсь. — Хватит *зажиматься*! Ни одна женщина в городе не пострадает, пока я президент! Неужели это так трудно понять?

Я вспоминаю солдат, которые били Коринн. И Мэдди, оседающую на землю.

— Пожалуйста, не трогайте ее, — шепчу я снова.

Мэр Прентисс вздыхает и понижает голос:

— Нам от Коринн нужны только ответы. Те же ответы, что от тебя.

— Я не знаю, где они, — говорю я. — Госпожа Койл мне не сказала! Она вообще ничего об этом не говорила!

Тут я осекаюсь, и мэр Прентисс это замечает. Ведь кое-что она говорила, так?

Она рассказала мне историю про...

— Ты что-то вспомнила, Виола? Поделишься? — спрашивает мэр Прентисс, вплотную подходя ко мне с заинтересованным лицом.

— Нет, — быстро выпаливаю я, — нет, только...

— Просто что? — Его взгляд порхает по моему лицу, пытаюсь прочесть мои мысли, хотя Шума у меня нет и быть не может. В какой-то миг я понимаю, насколько его это *бесит*.

— Я только припомнила, что первые годы после перелета госпожа Койл провела где-то на холмах, — вру я, сглатывая ком в горле. — К западу от города, за водопадом. Я тогда не придавала значения этому разговору.

Мэр Прентисс все еще пристально смотрит мне в глаза — долго-долго, — прежде чем снова начать расхаживать по залу.

— Самое важное тут вот что, — говорит он. — Взорвалась ли вторая бомба по ошибке? Может, она была лишь частью первой и детонировала позже по чистой случайности? — Он снова подходит вплотную ко мне. — Или все-таки нарочно? Чтобы пострадали мои люди, которые непременно должны были работать на месте взрыва? Чтобы отнять как можно больше жизней?

— Нет. — Я трясую головой. — Госпожа Койл не могла так поступить. Она целительница. Она не убила бы...

— На войне все средства хороши, — усмехается мэр Прентисс. — Потому это и война.

— Нет, — твержу я. — Нет, она не могла...

— Я знаю, что ты в это не веришь. — Мэр Прентисс снова отворачивается и отходит. — Поэтому тебя и бросили.

Он подходит к маленькому столику рядом с его креслом и берет с него листок бумаги. Показывает мне.

На нем написана синяя буква «О».

— Что это такое, Виола?

Я пытаюсь сделать непроницаемое лицо.

— Первый раз вижу, — шепчу я, громко сглатываю и осыпаю себя проклятиями. — А что это?

Мэр Прентисс сверлит меня взглядом, затем кладет листок обратно и говорит:

— Она с тобой свяжется. — Он разглядывает мое лицо. Я из последних сил скрываю чувства. — Да, — кивает он словно бы самому себе, — непременно свяжется, и, когда это произойдет, передай ей от меня несколько слов, пожалуйста.

— Я не...

— Скажи ей, что в наших силах немедленно остановить кровопролитие. Мы положим этому конец раз и навсегда, на Новом свете воцарится мир, и люди перестанут умирать. Передай ей это, Виола.

Мэр Прентисс так пристально на меня смотрит, что я выдавливаю:

— Хорошо.

Он не моргает, его глаза как черные ямы, от которых невозможно оторваться.

— Но скажи ей и вот что: если она хочет войны, она ее получит.

— Прошу...

— Это все. — Мэр Прентисс жестом велит мне встать и идти. — Возвращайся в свой лечебный дом и займись пациентами, если можешь.

— Но...

Он открывает дверь:

— Казнь сегодня не состоится. В свете недавних террористических актов исполнение некоторых приказов придется приостановить.

— *Террористических?..*

— И, увы, я буду слишком занят устранением бардака, который учинила твоя госпожа, чтобы провести сегодня обещанный ужин.

Я открываю рот, но не могу проронить ни звука.
Мэр Прентисс закрывает дверь.

Голова у меня кружится, когда я, шатаюсь, бреду по дороге. Тодд где-то там, и я могу думать лишь об одном: сегодня мы не увидимся, я опять не смогу с ним объясниться, не смогу ничего ему рассказать.

Все из-за нее.

Да, да! Ужасно так говорить, но это госпожа Койл во всем виновата! Даже если она действовала из лучших побуждений, это ее вина. Из-за нее я не увижу Тодда. Из-за нее грядет война. Из-за нее...

Я снова подхожу к руинам на месте взрыва.

На дороге лежат четыре трупа, из-под белых простыней выползают лужицы крови. Ближе всего ко мне, за кордоном из солдат, валяется простыня, укрывающая юного солдата — моего случайного спасителя.

Я даже не знала, как его зовут.

И вдруг он умер.

Если бы госпожа Койл немножко подождала, если бы увидела, чего добивается мэр Прентисс...

Но тут я вспоминаю ее слова: «Политика умиротворения, дитя мое. Скользящая дорожка, имей в виду».

Но эти трупы...

И смерть Мэдди...

Юноша, который меня спас...

И избитая Коринн, которой не дали лечить...

(ох, Тодд, где же ты?)

(что мне делать? как поступить правильно?)

— А ну, пошла! — рявкает на меня солдат.

От неожиданности я подсакиваю. Я торопливо шагаю дальше, а потом перехожу на бег.

Тяжело дыша, я влетаю в опустевший лечебный дом и хлопаю дверь. На дороге стало еще больше солдат и патрулей, чем раньше. На крышах стояли мужчины с винтов-

ками, они внимательно за мной наблюдали, а один грубо свистнул, когда я пробежала мимо.

Теперь к радиобашне точно не пробраться.

Пытаясь отдышаться, я постепенно сознаю, что в этом доме я теперь единственная, кто хоть как-то может помочь больным. Многие более-менее здоровые пациентки последовали за госпожой Койл, и как знать, может, именно они подложили те бомбы. Но в доме осталось больше двадцати больных, и каждый день поступают новые.

А целительница из меня... словом, хуже в Нью-Прентис-стауне еще не бывало, это точно.

— На помощь! — шепчу я.

— Куда все подевались? — с порога спрашивает меня миссис Фокс. — Никто меня не кормит, лекарств не выдают...

— Простите, — выпаливаю я, хватая ее судно. — Накормлю вас, как только смогу.

— Силы небесные! — восклицает старушка, таращась на мою спину.

Я выкручиваю шею и вижу на спинке халата огромное красное пятно — кровь того солдата.

— Ты цела? — спрашивает миссис Фокс.

Я снова смотрю на кровь, но отвечаю лишь:

— Сейчас принесу вам поесть.

Остаток дня проходит как в тумане. Санитарки и повара тоже ушли, и я из последних сил пытаюсь приготовить на всех еду, а потом разнести ее по палатам и узнать, какие лекарства кто принимает. Хотя всем очень хочется знать, что происходит, больные видят, как я кручусь, и стараются мне помочь.

Наступает ночь. Я выбегаю из-за угла с полным подносом грязной посуды и вдруг вижу Коринн. Она стоит у входа, одной рукой держась за стену.

Я бросаю поднос и кидаюсь к ней, но она предостерегающе поднимает руку. И морщится.

Под глазами у нее синяки.

И держится она так прямо, словно все ее тело болит, очень болит.

— Ах, Коринн! — вскрикиваю я.

— Просто... — едва выговаривает она, — просто доведи меня до комнаты.

Я беру ее за руку, и она вжимает что-то в мою ладонь, тотчас поднося к губам палец, чтобы я не вздумала задавать вопросы.

— Там... девочка, — шепчет Коринн, — в кустах спрятали, прямо возле дороги. — Она яростно качает головой. — Со-всем маленькая!

Я не смотрю, что она мне дала, пока не довожу ее до комнаты и не убегаю за перевязочными материалами. Только на складе, оставшись одна, я открываю ладонь.

Это записка, сложенная вчетверо и с буквой «О» на обороте. Внутри всего несколько строк:

«Дитя мое, пора сделать выбор».

А следом — вопрос:

«Мы можем на тебя рассчитывать?»

Я поднимаю глаза.

Глотаю ком в горле.

«Мы можем на тебя рассчитывать?»

Я складываю записку, прячу ее в карман, хватаю бинты с компрессами и спешу обратно к Коринн.

Избитой людьми мэра.

Но ее бы не избили, если б ей не пришлось отвечать за поступки госпожи Койл.

С другой стороны, мэр Прентисс обещал, что ее не тронут, и не сдержал обещания.

«Мы можем на тебя рассчитывать?»

Внизу стоит подпись, но это не имя.

Это слово: *«Ответ»*.

«Ответ» с ярко-синей «О» в начале.

ВЗАПЕРТИ

[Тогда]

Б УМ!!!

...и небо раскалывается, с дороги на нас летит ветер, а Анггарад от страха встает на дыбы, и я сваливаюсь на землю: всюду пыль, крики и в ушах стучит, пока я лежу и думаю, умер я или нет.

Еще одна бомба. Уже третья за неделю. И взрывается она буквально в пятистах футах от меня.

— Стервы! — выплевывает Дейви, вставая на ноги и оглядываясь на дорогу.

У меня звенит в ушах, и сам я весь дрожу, пытаюсь подняться. Бомбы взрывались в разное время суток, в разных местах города. Сначала взлетел на воздух акведук, снабжающий водой всю западную часть города, потом два главных моста, ведущих к фермерским землям к северу от реки. Сегодня это...

— Столовая, — говорит Дейви, пытаюсь удержать на месте Урагана — Желудя. — Для солдат.

Наконец Ураган утихает, и Дейви забирается в седло.

— Поехали! — рывкает он. — Надо узнать, не нужна ли им помощь.

Я кладу руки на шею Анггаррад, которая все еще напугана и без конца твердит: **жеребенок, жеребенок, жеребенок**. Сто раз повторив ее имя, я наконец забираюсь в седло.

— Смотри у меня, без фокусов! — говорит Дейви, грозя мне пистолетом. — Чтоб я тебя все время видел.

Вот такой стала моя жизнь после первого взрыва.

Я все время под прицелом, каждую минуту каждого дня.

Чтобы я не мог отправиться на поиски Виолы.

— Ну что за бабы! Только подливают масла в огонь, — говорит мэр Леджер, жуя кусок курятины.

Я молча ем ужин и игнорирую вопросительные знаки в его Шуме. Столовую взорвали в нерабочие часы, как и все прочие объекты, на которые покушались участницы «Ответа», но это вовсе не значит, что там никого не было. Мы с Дейви нашли трупы двух солдат и одного гражданского — уборщика или вроде того. От первых взрывов погибли еще трое солдат.

Это жутко бесит мэра Прентисса.

Я его почти не вижу с того дня, когда мне сломали руку, а вечером не состоялся обещанный ужин с Виолой. Мэр Леджер говорит, что мэр Прентисс кучами бросает людей в тюрьмы, но никаких полезных сведений добиться от них не может. Мистер Морган, мистер О'Хара и мистер Тейт повели несколько отрядов на холмы к западу от города: они думают найти там лагерь террористок-целительниц, исчезнувших в день взрыва первой бомбы.

Но армия ничего не находит, и мэр Прентисс свирепеет с каждым днем, устанавливая все новые ограничения и отбирая лекарство у все новых солдат.

Нью-Прентисстаун становится шумнее и шумнее.

— Мэр вообще не верит, что «Ответ» существует.

— Ну, *президент* пусть говорит что хочет, это его дело. — Мэр Прентисс Леджер ковыряется вилкой в еде. — Но люди-то судачат. Только так языками чешут!

Помимо матрасов нам дали тазик, куда каждое утро подливают свежую воду, а в самый темный угол поставили маленький биотуалет. Кормить стали лучше; мистер Коллинз приносит нам еду, а потом сразу запирает дверь снаружи.

Гремит замок.

Здесь, взаперти, я провожу все свободное от Дейви время. Мэр явно не дает мне отправиться на поиски Виолы, даром что галдычит о *доверии*.

— Может, там не только женщины, — говорю я, пытаюсь не пускать в Шум лишние мысли. — Наверняка-то мы не знаем.

— Организация, называющая себя «Ответом», участвовала в войне со спэклами, Тодд. Диверсии, ночные вылазки... все такое.

— И?..

— И членами «Ответа» были исключительно женщины. Чтобы враг не мог услышать их Шум. — Мэр Леджер качает головой. — Но в конце концов они совсем отбились от рук, стали независимой силой, а после окончания войны даже напали на собственный город. В итоге нам пришлось казнить многих участниц. Скверное дело...

— Но если вы их казнили, как это могут быть они?

— Идеи умирают дольше людей. — Мэр Леджер тихонько рыгает. — Уж не знаю, чего эти бабы добиваются. Рано или поздно президент их вычислит.

— Но мужчины ведь тоже пропадают, — говорю я. Это правда, вот только думаю я о другом...

(она тоже сбежала с ними?)

Облизываю губы.

— А эти лечебные дома, где работают женщины, — спрашиваю я, — они как-то помечены? Их можно отличить от других?

Мэр Леджер пьет воду, глядя на меня поверх чашки:

— Зачем тебе это?

Я ворошу свой Шум, стараясь ничем себя не выдать.

— Да просто так, интересно. — Я ставлю тарелку на недавно выданный нам столик — знак, что мэру Леджеру можно доесть мой ужин. — Лягу спать.

Я ложусь на кровать лицом к стене. Последние лучи солнца пробиваются сквозь отверстия в стене башни. Стекол в них нет, а зима уже на подходе. Понятия не имею, как мы будем тут зимовать. Я кладу руку под подушку и сворачиваюсь клубком, стараясь думать как можно тише. Мэр Леджер тихо доедает мой ужин.

А потом из его Шума до меня долетает картинка: протянутая рука, нарисованная синей краской.

Я оборачиваюсь. Такую руку я видел по меньшей мере на двух зданиях по дороге в монастырь.

— Всего их пять, — тихо произносит мэр Леджер. — Я могу рассказать, где они. Если хочешь.

Я заглядываю в его Шум, он заглядывает в мой. Мы оба что-то скрываем, прячем под слоями других мыслей. Столько дней провели вместе, а до сих пор гадаем, можно ли друг другу доверять.

— Валяйте, — говорю я.

— 1017-й, — читаю я вслух для Дейви, а тот выкручивает щипцы и мгновенно превращает безымянного спэкла в 1017-го.

— На сегодня хватит, — объявляет он.

— Но нам еще...

— Я сказал, хватит!

Дейв ковыляет к нашей бутылке с водой и делает глоток. Нога у него к этому времени почти выздоровела, но он еще прихрамывает. Моя рука зажила полностью.

— Нам же неделю дали на все про все, — говорю я. — А мы уже вторую маемся.

— Разве нас кто-то торопит? — Дейви выплевывает струйку воды.

— Нет, но...

— Ни заданий тебе новых, ни распоряжений... — Дейви умолкает, делает еще глоток и снова выплевывает. Потом злобно глядит куда-то слева от меня: — Чего уставился?

1017-й все еще стоит неподалеку, зажав ленту здоровой рукой и глядя на нас. Вроде бы он мужского пола и совсем молодой, почти подросток. Он цокает один раз, потом второй, и, хотя Шума у него нет, по звукам ясно, что он не любезничать с нами пытается.

Дейви тоже это понимает:

— Ах так?!

Он тянется за винтовкой, что висит у него за спиной, и во всех красках представляет, как палит из нее по убегающему спэклу.

1017-й не двигается с места. Он смотрит мне в глаза и цокает еще раз.

Ну, точно грубит!

Потом он пятится, все еще глядя на нас и растирая здоровой рукой железную ленту. Я оборачиваюсь к Дейви: тот целится из винтовки в спину уходящему 1017-му.

— Не надо, — говорю я.

— А что? Кто нас остановит?

Я не отвечаю, потому что остановить нас некому.

Бомбы продолжают взрываться через каждые три-четыре дня.

Никто не знает, куда и как подложат следующую, поэтому *БУМ! БУМ! БУМ!* — снова и снова. Однажды вечером,

когда на воздух взлетает маленький ядерный реактор, мэр Леджер возвращается с работы с расквашенным носом и синяком под глазом.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Солдаты! — выплевывает он и берет тарелку с ужином — сегодня опять дали тушенку.

От первой же попытки прожевать мясо он морщится.

— Что вы натворили? — спрашиваю я.

Его Шум немного вскидывается, и мэр Леджер бросает на меня злобный взгляд:

— Ничего!

— Вы меня поняли.

Недовольно ворча, мэр Леджер съедает еще кусок мяса и наконец отвечает:

— Кому-то в голову пришла блестящая идея, что «Ответ» — это я. Подумать только, я!

— Вы?! — удивленно спрашиваю я — может, чересчур удивленно.

Мэр Леджер встает и ставит на стол тарелку с почти нетронутой едой — верный признак того, что он по-настоящему зол.

— Ни одной подозрительной бабы так и не нашли, а солдатам нужен козел отпущения. — Мэр Леджер выглядывает на улицу и смотрит, как ночь опускается на город, который был когда-то его домом. — Думаешь, мэр Прентисс попытался их остановить? — спрашивает он будто самого себя. — Даже не подумал...

Я молча жую, стараясь не пускать в Шум лишние мысли.

— Ходят слухи, — продолжает мэр Леджер еле слышно, — о какой-то новой целительнице, совсем юной. Ее пару раз видели в соборе, а сейчас она работает в лечебном доме, которым раньше заведовала госпожа Койл.

Виола, громко и ясно думаю я, прежде чем успеваю скрыть эту мысль от мэра Леджера.

Он оборачивается:

— Этого дома ты видеть не мог. Он не на главной улице, а у подножия небольшого холма в сторону реки, примерно на полпути в монастырь. Повернуть надо сразу после двух амбаров, стоящих рядом на главной улице. — Он снова выглядывает на улицу. — Не ошибешься.

— Я не могу удрать от Дейви, — говорю я.

— Понятия не имею, о чем ты, — отвечает мэр Леджер, укладываясь на кровать. — Я просто сообщаю тебе отвлеченные факты о нашем славном городе.

Дышать становится тяжелей, в голове и Шуме крутятся разные варианты побега от Дейви и поисков нужного лечебного дома.

(найти ее)

Лишь много позже я спрашиваю:

— Кто такая госпожа Койл?

Даже в темноте я вижу, как краснеет Шум мэра Леджера.

— А-а... ну как же! — говорит он в темноту. — Она и есть наш «Ответ».

— Это последняя, — говорю я, провожая взглядом 1182-ю, потирающую больное запястье.

— Наконец-то, черт подери, — бурчит Дейви, плюхаясь на траву.

В воздухе чувствуется морозец, но зато светит солнце и на небе почти ни облачка.

— А теперь что будем делать? — спрашиваю я.

— Понятия не имею! — смеется Дейви.

Я стою и наблюдаю за спэклами. Если не знать, можно и впрямь подумать, что они не умнее овец.

— Они еще тупее, — усмехается Дейви.

— Заткнись, — шиплю я.

И все же... нет, вы бы их видели!

Сидят себе на траве, без Шума, без звука, половина смотрят на нас, половина друг на друга, почти не шевелясь

и время от времени цокая, ничем не пытаюсь занять руки или время. Их белые лица, кажется, полностью лишены жизни. Спэклы сидят вдоль стен и молча чего-то ждут, но чего — непонятно.

— Время этого «чего-то» настало, Тодд, — грохочет голос за нашими спинами.

Дейви вскакивает на ноги, и в главные ворота входит мэр Прентисс. Его конь остался снаружи.

Мэр Прентисс смотрит на меня — только на меня.

— Готов к новой работе? — спрашивает он.

— Он со мной неделями не разговаривает, — пыхтит Дейви по дороге домой. У них с па последнее время не все гладко. — Все одно твердит: «Следи за Тоддом» и «Скорей заканчивай со спэклами», — заладил! — Парень крепко стискивает поводья. — Неужели я так и не дождусь похвалы? Хотя бы «спасибо» сказал!

— Вообще-то нам приказали заклеить спэклов за неделю, — повторяю я распоряжение мэра. — А мы провозились почти три.

Дейви злобно оборачивается, полыхая красным Шумом:

— На нас *напали*! Я-то тут при чем?

— Я тебя и не виню, — говорю я, но Шум-то меня сдает: я вспоминаю ленту на шее 0038-го.

— Значит, по-твоему, я во всем виноват? — Дейви останавливает коня и сверлит меня злобным взглядом, уже нагибаясь в седле, чтобы спешиться.

Я открываю рот, но ничего не отвечаю, потому что впереди...

Два одинаковых амбара стоят рядышком у поворота к реке.

Я бросаю на Дейви быстрый взгляд.

Он зловеще лыбится:

— Что это у нас там?

— Ничего.

— Твоя девка, а? — язвит он.

— Пошел ты, Дейви.

— Нет, ушлепок. — Дейви соскальзывает на землю, Шум его вспыхивает алым. — Это ты пошел.

Мне остается только драться.

— Солдаты? — спрашивает мэр Леджер, окинув взглядом мои синяки и разбитый нос, когда я возвращаюсь в башню.

— Не ваше дело, — рычу я.

Давно мы с Дейви так не дрались. От боли во всем теле я еле доползаю до кровати.

— Есть будешь? — спрашивает мэр Леджер.

Мой Шум дает понять, что нет, есть я не буду. Он тут же хватает мою тарелку и принимается жевать, даже не поблагодарив.

— Решили проесть себе путь на свободу? — спрашиваю я.

— Слова мальчишки, которому никогда не приходилось добывать себе пищу.

— Я не мальчишка.

— Когда мы прилетели на Новый свет, провизии хватило только на год, — с набитым ртом говорит мэр Леджер. — А охотиться и вести сельское хозяйство научились далеко не все. — Он отправляет в рот еще одну ложку. — Голод учит ценить горячую пищу, Тодд.

— Да что творится со всеми взрослыми? Обязательно из всего надо сделать урок! — Я закрываю лицо рукой, но тут же ее отдергиваю, потому что подбитый глаз жутко болит.

Опять наступает ночь. Воздух стал еще холодней, поэтому сплю я почти целиком одетый. Мэр Леджер начинает храпеть: ему снится дом с бесконечными дверями, из которого он никак не может найти выход.

Самое безопасное время, чтобы подумать о Виоле.

Она еще в городе?

Или она теперь тоже член «Ответа»?

Ну и все в таком духе.

Типа, что бы она сказала, если б увидела меня вчера?

Если б увидела, что я делаю каждый день.

И с кем.

Я глотаю ночной воздух и смаргиваю слезы.

(ты еще со мной, Виола?)

(со мной?)

Проходит час, а я все не могу уснуть. Что-то гложет меня изнутри, я ворочаюсь с боку на бок, пытаюсь очистить Шум и успокоиться. Завтра я должен быть готов к новой работе, которую мэр Прентисс для нас придумал. И работа, похоже, совсем не так плоха.

Но ведь я что-то упустил, что-то важное и очевидное.

Что-то эдакое...

Я сажусь, прислушиваясь к Шуму храпящего мэра Леджера и РЁВУ спящего Нью-Прентисстауна внизу. К пенью ночных птиц и даже к рокоту бегущей вдали реки.

Вот оно!

Вечером я не слышал лязга запирающегося замка, когда мистер Коллинз запустил меня в комнату.

Клянусь, его не было.

Сквозь темноту я смотрю на дверь.

Он забыл ее запереть.

Сейчас, в эту самую секунду...

Она открыта.

КТО ТЫ

[Виола]

— Я слышу снаружи чей-то Шум, — говорит миссис Фокс, когда я подливаю ей свежей воды на ночь.

— Было бы странно, если б не слышали, миссис Фокс, — усмехаюсь я.

— У самого окошка!

— Солдаты, наверно, курят.

— Нет-нет, это другое, я точно знаю...

— Миссис Фокс, я очень занята, правда.

Я поправляю ей подушки и выливаю судно. Она молчит до самого моего ухода.

— Все изменилось, — говорит старушка напоследок.

— Да уж, еще как, — соглашаюсь я.

— Раньше в Хейвене было лучше, — добавляет она. — Не идеально, но гораздо лучше.

В конце дня я умираю от усталости, но, сев на кровать, все же достаю записку, которую ношу в кармане. И перечитываю ее в сотый, нет, в тысячный раз.

*«Дитя мое, пора сделать выбор.
Мы можем на тебя рассчитывать?
"Ответ"».*

Даже имя не написала.

Три недели назад я получила эту записку. Три недели прошло, а ничего не происходит. Ни записок больше, ни знаков... Я просто торчу целыми днями в лечебном доме в компании Коринн — точнее, госпожи Уайетт, как мне теперь полагается ее называть, — и пациенток. Женщин, заболевших по обычным причинам, и женщин, которых допрашивали люди мэра, — они приходят к нам избитые, с синяками, переломанными ребрами, пальцами и руками. Еще с ожогами.

И это самые везучие. Остальных бросили в тюрьму.

И каждые три-четыре дня за окном гремят взрывы — **БУМ! БУМ! БУМ!**

Все новых женщин арестовывают, все новые поступают к нам.

А от госпожи Койл ни слова.

Да и от мэра Прентисса тоже.

Ни слова о том, почему меня бросили одну. По логике, меня должны были забрать первой — допрашивать, пытаться, мучить в камере.

— Но ничего, — шепчу я. — Ничего не происходит.

И от Тодда ни весточки.

Закрываю глаза. Я так устала, что уже ничего не чувствую. Каждый день я выискиваю способ пробраться к радиобашне, но солдаты теперь *всюду*, их слишком много, чтобы просчитать смены и пересменки, и с каждой новой бомбой их становится только больше.

— Надо что-то предпринять, — говорю я вслух. — Иначе я сойду с ума. — Смеюсь. — Сойду с ума и начну разговаривать сама с собой.

Опять хохочу — куда громче и дольше, чем следовало бы.

И тут раздается стук в окно.

Я вскакиваю. Сердце едва не выпрыгивает из груди.

— Госпожа Койл? — спрашиваю я.

Неужели теперь? Неужели время пришло?

Я должна сделать выбор?

Можно ли на меня рассчитывать?

(стоп, да ведь это же Шум...)

Я встаю на колени в кровати и буквально на сантиметр отодвигаю штору — только чтобы увидеть, кто стоит снаружи. Я уже представляю знакомое хмурое лицо и руку, отирающую лоб...

Но это не она.

Совсем.

— Тодд!!!

В следующий миг я откидываю шторы, рывком поднимаю окно, а Тодд перегибается через раму, в Шуме только мое имя, больше ничего, и я втаскиваю его в комнату — честное слово, я *поднимаю* его и тащу внутрь, — и мы падаем на мою кровать, я — на спину, а он — на меня, его лицо так близко, что я сразу вспоминаю, как мы лежали точно так за водопадом, когда за нами гнался Аарон и я смотрела прямо ему в глаза.

И знала, что все будет хорошо.

— *Тодд!* — В свете лампы я вижу синяк у него под глазом, запекшуюся кровь в носу и спрашиваю: — Что случилось? Ты ранен?

Но он только выдыхает:

— Ты!

Я не знаю, сколько времени мы так лежим, просто наслаждаясь присутствием друг друга. — да, он здесь, рядом, он *жив*, я чувствую вес его тела, шершавые пальцы на своем лице, тепло и запах... и пропыленную одежду. Мы почти не говорим, в его Шуме бурлят чувства — сложные образы, картинки из прошлого, как меня подстрелили, как он боялся за мою жизнь и как приятно сейчас трогать меня кончиками пальцев, но все это перекрывает одно слово: *Виола, Виола, Виола*

Это Тодд.

Черт побери, это Тодд!

И все хорошо.

А потом в коридоре раздаются шаги.

Кто-то останавливается прямо у моей двери.

Мы резко поворачиваем головы. В щели под дверью видна тень: по ту сторону стоит человек.

Я жду стука.

И приказа вышвырнуть Тодда.

Но потом шаги удаляются и затихают в коридоре.

— Кто это был? — спрашивает Тодд.

— Госпожа Уайетт, — отвечаю я и слышу удивление в собственном голосе.

— А потом начались взрывы, — заканчиваю я свой рассказ. — Мэр Прентисс вызывал меня к себе всего два раза, узнать, известно ли мне что-нибудь о террористах, но я ничего не знала — клянусь, ничего! И про него я ничего не знаю, честное слово.

— Со мной он тоже после первого взрыва почти не разговаривал. — Тодд опускает глаза. — Я очень боялся, что это ты подкладываешь бомбы.

Я вижу в его Шуме взорванный нами мост. Взорванный мною мост.

— Нет, — говорю я, вспоминая про записку в кармане. — Это не я.

Тодд с трудом сглатывает и задает вопрос — просто, без всяких обиняков:

— Бежим?

— Да, — мгновенно отвечаю я.

Надо же, как быстро я предала Коринн... Щеки заливают краска. Но мы действительно должны бежать, бежать как можно дальше отсюда.

— Ага, вот только куда? — спрашивает Тодд. — Куда бежать-то?

Я открываю рот...

Но медлю.

— Где прячется «Ответ»? — спрашивает он. — Может, туда?

В его Шуме чувствуется легкое напряжение.

Бомбы. Ему тоже все это не нравится.

Но дело не только в бомбах, так?

Я снова медлю.

На какую-то долю секунды я задаюсь вопросом, но тут же отмахиваюсь от него, как от мухи...

Я спрашиваю себя, можно ли ему рассказать.

— Не знаю, — говорю я. — Честно. Они мне не рассказывали, потому что не доверяют.

Тодд поднимает глаза.

И на такую же долю секунды я вижу сомнение на его лице.

— Ты мне не доверяешь. — бездумно выпаливаю я.

— И ты тоже, — кивает Тодд. — Ты подозреваешь, что я работаю на мэра Прентисса. И еще ты не понимаешь, почему я так долго тебя искал. — Он с грустью опускает глаза. — Я по-прежнему могу читать твои мысли. Не хуже, чем ты мои.

Заглядываю в его Шум:

— А ты гадаешь, не принадлежу ли я к «Ответу». По-твоему, я бы могла.

Тодд, не глядя на меня, кивает.

— Я просто пытался выжить и найти способ разыскать тебя. — вздыхает он. — Надеялся, что ты меня не брошишь.

— Никогда. — говорю я. — Я никогда тебя не брошу.

Тодд снова поднимает глаза:

— Я тоже.

— Обещаешь? — Я пристально смотрю на Тодда.

— Клянусь жизнью! — громко шепчет он, застенчиво улыбаясь.

— Я тоже обещаю. — с улыбкой отвечаю я. — Я больше никогда тебя не брошу, Тодд Хьюитт!

Он радостно смеется, но потом собирается с мыслями, как будто хочет поделиться чем-то важным, но и постыдным. Однако, прежде чем он это сделает, я должна все ему рассказать. Иначе он и дальше будет во мне сомневаться.

— Думаю, члены «Ответа» где-то у океана, — говорю я. — Госпожа Койл перед побегом рассказывала мне о своей родной рыбацкой деревне. Возможно, так она пыталась намекнуть мне, куда они направляются.

Он поднимает глаза:

— Теперь только попробуй сказать, что я тебе не доверяю!

И тут я сознаю свою ошибку.

— Что такое? — удивляется Тодд, видя мое лицо.

— Теперь это в твоём Шуме, — говорю я, вставая. — Тодд, слово «океан» повсюду в твоём Шуме!

— Я не нарочно, — говорит он, но постепенно его глаза распахиваются все шире и шире.

Я вижу незапертую дверь в камере и человека, из головы которого летят вопросительные знаки...

— Ох, какой я тупица! — Тодд тоже вскакивает. — Клятый дурак! Нам надо бежать. Сейчас же!

— Тодд...

— Далеко этот океан?

— Два дня езды...

— Значит, четыре дня ходу.

Тодд принимается мерить шагами комнату. Всюду в его Шуме взрывается бомбами слово **Океан**. Он видит, что я смотрю на него во все глаза...

— Я не шпион! — кричит он. — Клянусь, слышишь? Но мэр Прентисс мог нарочно оставить дверь незапертой, чтобы я... — Он рвет на себе волосы. — Я все скрою. Вот увидишь, у меня получится. Я же смог наврать про Аарона, значит, и теперь навру...

У меня внутри все переворачивается. Я вспоминаю, что мэр Прентисс говорил об Аароне.

— Но бежать надо в любом случае, — продолжает Тодд. — Ты можешь захватить еды?

— Попробую.

— *Торопись!*

Отвернувшись, я слышу свое имя в его Шуме. **Виола** твердит он, и слово это сочится тревогой — нас подставили, я его подозреваю, не верю ему... И я ничего не могу с этим поделать, только оборачиваюсь и думаю: *Тодд*.

Надеюсь, он меня понимает.

Я врываюсь в столовую и подбегаю к шкафам. Свет не включаю и стараюсь вытаскивать буханки хлеба как можно тише.

— Быстро же ты, — говорит Коринн.

Она сидит за столиком в дальнем темном углу и пьет кофе.

— Стоило твоему дружку показаться, как ты мигом решила сбежать.

Коринн встает и подходит ко мне.

— У меня нет выхода. Прости!

— Простить? — Коринн приподнимает брови. — А что будет с домом? Что станет с пациентками, которые в тебе нуждаются?

— Из меня *никудышная* целительница. Коринн, ты ведь знаешь. Я только купаю их и кормлю...

— Чтобы у меня было время их лечить.

— Коринн...

В ее глазах вспыхивает ярость.

— *Госпожа Уайетт!*

Я вздыхаю.

— Госпожа Уайетт, — говорю я, и тут мне приходит в голову мысль, которую я мигом выдаю: — Бежим с нами!

От удивления Корин вздрагивает — почти испуганно:

— Что?

— Неужели ты не видишь, к чему все идет? Женщин сажают в тюрьму, женщин пытаются! Неужели ты не понимаешь, что лучше не станет?

— Пока бомбы будут взрываться, нет, не станет.

— Наш враг — президент, — говорю я.

Коринн скрещивает руки на груди:

— По-твоему, враг может быть только один?

— Коринн...

— Целительницы не должны отнимать жизни, — говорит она. — Это против их природы. Мы даем клятву не причинять вреда людям.

— Но взрывают только те места, где никого нет!

— Так уж и никого? — Коринн качает головой, и лицо у нее вдруг становится невозможно грустным. — Я знаю свое место, Виола. Мой долг — лечить больных.

— Если мы останемся, рано или поздно за нами придут.

— Если мы уйдем, больные умрут. — Коринн больше не злится, и от этого мне куда страшней.

— А когда заберут и тебя? — с вызовом спрашиваю я. — Кто станет их лечить?

— Я надеялась, что ты.

Секунду я молчу, раздумывая.

— Все не так просто.

— Для меня — более чем.

— Коринн, если мы сбежим, я смогу выйти на связь со своими...

— И что тогда? Им еще пять месяцев лететь. Пять месяцев — это очень большой срок.

Я отворачиваюсь к шкафам и продолжаю набивать мешок едой:

— Я должна попытаться. Должна что-то предпринять. Это мой долг. — Я вспоминаю о ждущем меня Тодде, и сердце

начинает биться вдвое быстрее. — По крайней мере, сейчас.

Коринн молча смотрит на меня, а потом цитирует любимую фразу госпожи Койл:

— Мы сами творим свою судьбу.

До меня не сразу доходит, что это — прощание.

— Почему так долго? — спрашивает Тодд, с тревогой глядя в окно.

— Потом расскажу.

— Еду достала?

Показываю ему мешок.

— Что, опять пойдем вдоль реки?

— Похоже на то. — И он бросает на меня второй смущенный взгляд, старательно пряча улыбку. — Знакомая история.

Меня захватывает какое-то странное чувство: я понимаю, что нам грозит страшная опасность, но я наконец-то счастлива, да-да, и Тодд тоже. Мы беремся за руки, крепко стискиваем ладони друг друга, и в следующий миг Тодд встает на кровать, ставит ногу на подоконник и прыгает.

Я передаю ему мешок с едой и выбираюсь на улицу. Ноги с глухим стуком ударяются о твердую землю.

— Тодд, — шепчу я.

— Что?

— Мне говорили, за городом есть радиобашня. Она, скорей всего, окружена солдатами, но я подумала...

— Такая здоровенная железная штука? Выше деревьев?

Я удивленно моргаю:

— Ну да, наверно. — Распахиваю глаза. — Ты знаешь, где она?!

Тодд кивает:

— Каждый день мимо езжу.

— Правда?

— Да, правда. — И я вижу в его Шуме дорогу...

— Пожалуй, хватит, — говорит голос из темноты.

Голос, хорошо знакомый нам обоим.

На свет выходит мэр Прентисс, а за ним — отряд солдат.

— Добрый вечер. — говорит он.

Из его головы вырывается вспышка Шума.

И Тодд падает.

ТЯЖКИЙ ТРУД

[Тогда]

Это звук и в то же время не звук, невозможно громкий — кажется, что барабанные перепонки лопнут, если слушать его ушами, а не просто чувствовать в голове. Все вокруг белеет, при этом ты не просто слепнешь, а заодно глхнешь, немеешь и превращаешься в льдинку. Боль идет откуда-то изнутри, так что от нее не защититься — это как жгучая оплеуха прямо по самой твоей душе.

Так вот что чувствовал Дейви, получая затрещины от мэра...

Причем это *слова*.

Слова.

Как будто все слова разом запихивают тебе в голову, и весь мир орет на тебя: *ты ничтожество, ничтожество, ничтожество*, и этот вопль вырывает из тебя твои собственные слова, точно волосы, а заодно и кожу сдирает...

Вспышка слов, и я — ничтожество.

Ничтожество.

Ты ничтожество.

Я падаю на землю, и мэр Прентисс может делать со мной что угодно.

Не хочу даже говорить о том, что происходит дальше.

Половине солдат мэр Прентисс велит охранять лечебный дом, а остальные тащат меня в собор. По дороге он молчит, а я умоляю его не трогать Виолу, и кричу, и бьюсь в истерику, обещая выполнить любые его требования, только пусть он не тронет Виолу.

(заткнись, заткнись)

В соборе мэр Прентисс снова привязывает меня к стулу.

И велит мистеру Коллинзу прогуляться.

А потом...

Не хочу об этом говорить.

Потому что я плачу, умоляю, твержу ее имя, блюю и снова плачу, и все это так ужасно и так стыдно, что лучше не вспоминать.

А мэр Прентисс просто молчит. Нарезает круги по залу и молча слушает мои вопли, мои мольбы.

Но прежде всего слушает мой Шум.

А я убеждаю себя, что кричу, воплю и молю с одной целью — скрыть в Шуме слова Виолы, уберечь ее, не открыть мэру Прентиссу самого главного. Я уговариваю себя кричать и молить как можно громче, чтобы он не услышал.

(заткнись)

Вот что я себе говорю.

И больше об этом ни слова.

(черт, да заткнись же!)

Когда я возвращаюсь в башню, мэр Леджер не спит и ждет меня. Хотя я почти не соображаю, мне все-таки приходит в голову мысль, что без Леджера тут не обошлось. Но он так искренне взволнован и приходит в такой искренний ужас от моего вида, что я просто медленно оседаю на кровать, не зная, что думать.

— Они даже входить не стали, — говорит он у меня за спиной. — Коллинз молча открыл дверь, быстро оглядел комнату и тут же запер меня снова. Как будто знал.

— Да, — говорю я в подушку. — Конечно же знал.

— Я тут ни при чем, Тодд, — тут же добавляет мэр Леджер, читая мои мысли. — Клянусь! Я бы никогда не стал помогать этому человеку.

— Да оставьте меня в покое! — бормочу я.

И он оставляет.

Уснуть не получается.

Я горю.

Горю от понимания, как легко меня поймали в ловушку, как легко оказалось использовать Виолу против меня. Горю от стыда за то, что плакал под пытками. Горю от боли новой разлуки, ведь мы поклялись друг другу не расставаться, и от ужаса перед неизвестностью — что с Виолой теперь будет?

Мне плевать, что будет со мной.

Наконец встает солнце, и я узнаю, какое мне назначили наказание.

— Вперед, ушлепок!

— Заткнись, Дейви.

Наша новая работа — сгонять спэклов в группы и отправлять на строительство новых зданий на территории бывшего монастыря. В этих зданиях они будут жить зимой.

Наказание заключается в том, что я работаю вместе с ними.

А Дейви всем заправляет.

И у него новенькая плетка.

— Давай! — кричит он, охаживая меня ею по плечам. — За работу!

Я резко оборачиваюсь — все тело болит и горит огнем.

— Еще раз ударишь меня этой штукой, глотку порву!

Он улыбается во все зубы, его Шум ликует.

— А ты попробуй, мистер Хьюитт!

И смеется, гад!

Я опять берусь за лопату. Спэклы в моей группе не сводят с меня глаз. Я не спал всю ночь, пальцы сводит от утренней стужи, и я, не выдержав, ору на них:

— За работу!

Они перецокиваются друг с другом и снова начинают копать землю голыми руками.

Все, кроме одного, который смотрит на меня чуть дольше остальных.

В ответ я смотрю на него, мой Шум клокочет и шипит от ярости. Он не обращает на это внимания, изо рта поднимается пар, в глазах вызов. Он показывает мне запястье, как бы представляясь — можно подумать, я не знаю, кто он, — и продолжает неспешно работать.

1017-й — единственный, кто нас не боится.

Я беру лопату и со всех сил вонзаю в землю.

— Ну что, нравится? — окликает меня Дейви.

Я вставляю в свой Шум пару ласковых.

— О, моя мать давным-давно умерла, — отвечает Дейви. — Как и твоя. — Грубый смех. — Интересно, в жизни она была такой же болтуньей, как и в своем дурацком дневничке?

Я выпрямляюсь, мой Шум полыхает красным.

— Дейви...

— А то в дневничке прямо несет...

— Когда-нибудь, Дейви, — выплевываю я, чувствуя, как от моего раскаленного Шума почти дрожит воздух, — я с тобой такое сделаю...

— Что же, мальчик мой? — спрашивает мэр Прентисс, въезжая в ворота на Морпете. — Вашу ругань с дороги слышно. — Он поворачивается к Дейви: — А ругаться — не работать.

— Они у меня работают, па! Еще как работают! — Дейви кивает на участки.

Это правда. Всех спэклов поделили на несколько команд по десять и двадцать человек и равномерно распределили

по монастырским владениям: кто-то разбирает внутренние каменные перегородки, кто-то копает землю. Остальные разносят выкопанное по другим участкам. Моя группа уже почти закончила рыть траншею под фундамент первого здания. Я работаю лопатой. Спэклам приходится копать голыми руками.

— Неплохо, — говорит мэр. — Очень неплохо.

Шум Дейви так раздувается от гордости, что мне за него стыдно. Никто на него не смотрит.

— А ты как, Тодд? — обращается мэр Прентисс ко мне. — Как идет твое утро?

— Умоляю, не трогайте ее, — говорю я.

— *Умоляю, не трогайте ее!* — передразнивает меня Дейви.

— Последний раз повторяю, Тодд, — усмехается мэр Прентисс, — я не собираюсь причинять Виоле вред. Я только хочу поговорить с ней. И планирую сделать это прямо сейчас.

Мое сердце чуть не выпрыгивает из груди, Шум вскидывается.

— О, ему *не нравится*, па! — смеется Дейви.

— Тихо, — осаживает его мэр. — Тодд, вы еще не захотел мне что-нибудь рассказать? Чтобы мой визит к Виоле прошел как можно быстрее и безболезненней для всех?

Я сглатываю.

А мэр Прентисс просто *смотрит* на меня, смотрит в мой Шум, и у меня в голове складываются слова «*Прошу, не трогайте ее*», сказанные моим и его голосом одновременно. Они пролезают во все щели, суются туда, куда не просят, пытаются открыть запертые двери, перевернуть все камни и пролить свет на то, что должно оставаться в тени, *прошу, не трогайте ее*, — снова и снова, так что в конце концов меня прямо *подмывает* сказать (*океан*), я уже сам хочу отпереть эти двери (*океан*), хочу выполнить все его

требования, потому что он прав, прав по всем статьям, и кто я такой, чтобы сопротивляться...

— Она ничего не знает, — дрожащим голосом повторяю я, почти задыхаясь.

Мэр Прентисс выгибает бровь:

— Ты чем-то взволнован, Тодд?

Он подъезжает поближе. **Сдавайся**, говорит Морпет. Дейви видит, что все внимание мэра обращено на меня, и даже издали я слышу ревность в его Шуме.

— У меня есть одно верное средство от волнений, Тодд, — усмехается мэр Прентисс.

Он смотрит мне в глаза.

Я — круг, круг — это я.

Эти слова извиваются в моем мозгу, будто червяки в яблоке.

Снова и снова, прямо внутри меня.

— Что это значит? — еле выговариваю я, потому что от тяжести этих слов мне трудно даже пошевелить губами.

А потом раздается звук.

Какой-то вой в воздухе, высокий гул, похожий не на Шум, а на жужжание огромной пурпурной пчелы, которая хочет тебя ужалить.

— Что за... — роняет Дейви.

И мы все оборачиваемся, глядя в дальний конец монастырских владений, поверх стены...

Бззззз...

Звук летит с неба как будто по дуге, высокий и пронзительный, из леса за монастырем, а за ним вьется дым. Вой становится громче, а дым — гуще и черней.

Мэр Прентисс вытаскивает из нагрудного кармана бинокль Виолы и смотрит вдаль.

Я плююсь на бинокль, Шум клокочет вопросами, на которые мэр Прентисс не обращает внимания.

Видать, Дейви нашел их на холме и принес отцу.

Я стискиваю кулаки.

— Не знаю, что это, — говорит Дейви, — но оно летит к нам.

Оглядываюсь. Штуковина достигла высшей точки дуги и устремилась вниз.

К монастырю.

Бззззз...

— Надо убираться отсюда! — кричит мэр Прентисс. — Это бомба.

Бросив плетку, Дейви кидается к воротам. Солдаты на стене начинают спрыгивать на землю. Мэр Прентисс готовит коня, но поводья пока не дергает — хочет посмотреть, куда именно упадет бомба.

— Трассирующая, — с удивлением сообщает он. — Устаревший и почти бесполезный снаряд. Использовался на войне со спэклами.

Бзззз становится громче. Бомба падает, постепенно набирая скорость.

— Мэр Прентисс?

— *Президент*, — поправляет он меня, как замороженный глядя в бинокль. — Громкий и заметный снаряд. Слишком заметный для тайных диверсий.

— Мэр Прентисс!!! — Мой Шум от страха ревет все громче.

— Раньше в городе взрывали только фугасы, так почему... — Мэр Прентисс не успевает закончить.

— БЕГИТЕ! — ору я.

Морпет трогается, а мэр Прентисс удивленно смотрит на меня.

Но я не к нему обращаюсь.

— БЕГИТЕ!!! — воплю я и машу рукой и лопатой на ближайших спэклов — спэклов с моего участка.

Участка, на который скоро упадет бомба.

Бззззз...

травой, катимся кубарем по земле и падаем в неглубокую канаву, когда невероятный, неописуемый, титанический...

БУМ

съедает в один звуковой присест всю планету,

уничтожая любой намек на мысль или Шум,

хватая твой мозг и разбивая его вдребезги,

высасывая весь воздух и унося его прочь,

швыряя в нас тяжелые твердые комья грязи,

заполняя легкие дымом.

А потом — тишина.

Оглушительная тишина.

— Ты ранен? — доносится до меня крик мэра Прентисса, как будто издалека или из-под толщи воды.

Я сажусь и вижу огромный дымящийся кратер посреди участка, дым уже рассеивается, потому что гореть нечему, а из-за перегородок на все это глазают спэклы.

Я дышу, но не слышу своего дыхания.

Поворачиваюсь к 1017-му — он все еще лежит подо мной и пытается выбраться. Я открываю рот и хочу спросить, цел ли он, хотя ответа все равно не получу...

И в этот миг он влепляет мне пощечину, раздирая когтями лицо.

— Эй! — воплю я и сам себя не слышу.

Он извивается подо мной, стараясь выбраться, и я протягиваю руку...

А он впивается в нее зубами...

Отдергиваю руку — из ранок тотчас выступает кровь...

Я замахиваюсь, мне хочется ударить его, *врезать* ему...

Но он выпрыгивает и несется через кратер к остальным спэклам...

— Эй! — Мой Шум краснеет.

1017-й бежит и оглядывается, остальные спэклы тоже смотрят на меня, на их глупых лицах нет никакого выражения, овцы и то умней смотрят, по руке течет кровь, в ушах звенит, лицо жжет от царапин — я спас ему жизнь, и вот его «спасибо»?

Звери, думаю я. Тупые никчемные клятые животные.

— Тодд? — снова спрашивает мэр Прентисс, подъезжая ближе. — Ты ранен?

Я поворачиваю голову, даже не зная, смогу ли ответить, но стоит мне открыть рот...

...как земля вздымается.

Слух ко мне еще не вернулся, поэтому я скорее чувствую это, чем слышу, — дрожь земли, три мощные волны в воздухе, одна за другой, — и мэр Прентисс вдруг поворачивается в сторону города, Дейви и все спэклы — тоже.

Еще одна бомба.

Где-то далеко, рядом с городом, взорвалась самая большая бомба в истории этого мира.

ЖИТЬ И БОРЬТЕСЯ

[Виола]

После того как мэр и его солдаты уводят Тодда, меня начинает бить такая истерика, что Коринн в итоге приходится вколоть мне успокоительное — правда, я почти не чувствую ни укола, ни ее рук на своей спине. Коринн не пытается приласкать меня или утешить, она просто крепко прижимает меня к земле.

Жаль, благодарности я не чувствую.

Когда я наконец прихожу в себя, за окном начинает брезжить рассвет — солнце еще не вышло из-за горизонта, и все тонет в утренних сумерках.

Рядом с кроватью сидит Коринн.

— Тебе сейчас лучше выспаться, — говорит она, но я понимаю, что это невозможно.

Я сгибаюсь почти вдвое: в груди застрял такой тяжелый ком, что меня как будто тянет к земле.

— Да. — шепчу я. — да.

Я даже не знаю, почему Тодд упал. Он был не в себе, почти без сознания, изо рта шла пена... А потом солдаты подняли его и куда-то унесли.

— Они придут и за мной, — говорю я, пытаюсь проглотить ком. — Когда закончат с Тоддом.

— Скорей всего, — просто отвечает Коринн, глядя на свои руки — пальцы в белесых мозолях и серую кожу, шелушащуюся от постоянных стирок и мытья посуды.

Утро выдалось удивительно морозное. Хотя окно закрыто, я все равно чувствую снаружи холод. Обхватываю себя руками.

Его нет.

Его нет.

И я понятия не имею, что будет дальше.

— Я выросла в деревушке под названием Кентишгейт, — вдруг заговаривает Коринн, не глядя на меня, — на краю огромного леса.

Я поднимаю голову:

— Что?

— Мой отец погиб на войне со спэклами, — продолжает она, — а мама выжила. Я стала работать с ней на огородах, как только научилась ходить: собирала яблоки, хохлатые ананасы и ройзин...

Я удивленно глазею на Коринн: к чему эта история?

— В награду за труд мама после сбора урожая брала меня с собой в поход: мы забирались далеко-далеко в лес, насколько отваживались, и разбивали там лагерь. — Коринн смотрит в окно на занимающуюся зарю. — На свете столько жизни, Виола. Она в каждом уголке леса, в каждом ручье, в каждой реке, на каждой горе. Эта планета буквально *гудит* жизнью. — Она пробегает кончиком пальца по мозолям. — Последний раз, когда мы ходили в лес, мне было восемь. Мы шли на юг целых три дня — подарок в честь моего взросления. Бог знает, сколько миль мы прошагали, но главное, что мы были вдвоем, все остальное для меня не имело значения.

Коринн делает долгую паузу.

Я не нарушаю тишины.

— Когда мама ополаскивала ноги в ручье, ее укусила красная полосатая змея. — Девушка снова растирает свои руки. — Укус красной полосатой смертелен, но смерть наступает очень медленно.

— Ах, Коринн! — еле слышно выдавливаю я.

Она вдруг встает, как будто мое сочувствие ее обижает. Подходит к окну.

— Мама умирала семнадцать часов, — продолжает она, не глядя на меня. — Это было ужасно, она мучилась от страшной боли и ослепла, а потом вцепилась в меня и стала умолять спасти ей жизнь.

Я молчу.

— А потом стало известно — ученые выяснили, — что я могла запросто спасти маме жизнь: надо было просто напоить ее отваром ксантуса. — Коринн скрещивает руки. — Его в лесу хоть отбавляй.

Вместе с солнцем начинает подниматься и **РЕБ** Нью-Прентисстауна. Из-за горизонта пробиваются первые лучи, но мы храним молчание.

— Какой ужас, Коринн, — говорю я. — Это так...

— Каждая пациентка нашего дома — чья-то дочь. Каждый солдат — чей-то сын. Единственное преступление — *единственное*, слышишь? — это отнять у человека жизнь. Все остальное ерунда.

— Поэтому ты не борешься? — спрашиваю я.

Коринн резко оборачивается:

— Жить — значит бороться. Спасать жизни — значит бороться со *все*м, что делает человек. — Она яростно фыркает. — А теперь еще *эта*, с бомбами! Я борюсь с ними всякий раз, когда перевязываю женщине подбитый глаз или вынимаю шrapнель из раны солдата. — Эти слова девушка произносит громко и с жаром, но потом опять переходит на шепот: — Вот моя война. Вот с чем я борюсь... — Она подходит к стулу и берет с пола лежащий рядом сверток. — И потому ты должна надеть вот это.

Коринн не дает мне шанса поспорить или хотя бы спросить, что у нее на уме. Просто забирает у меня застиранную одежду и форму ученицы, а вместо них протягивает какие-то лохмотья — кофту с длинными рукавами, длинную юбку и платок на голову, полностью закрывающий волосы.

— Коринн, — говорю я, повязывая платок.

— Молчи и пошевеливайся.

Я переодеваюсь, и Коринн ведет меня по длинному коридору к дверям, выходящим к реке. На полу стоит тяжелый мешок с лекарствами и перевязочными материалами. Она дает его мне со словами напутствия:

— Прислушивайся к крикам. Ты сразу поймешь, когда услышишь.

— Коринн...

— Знай, шансы твои невелики. — Девушка смотрит мне прямо в глаза. — Но если ты все-таки доберешься до их логова, используй эти запасы для *лечения*, хорошо? Слушай сердце, оно подскажет тебе, что и как делать.

От страха я еле дышу, но все-таки поднимаю глаза и выдавливаю:

— Да, *госпожа*.

— Так-то лучше. — Сквозь дверное стекло Коринн выглядывает на улицу. На углу лечебного дома стоит единственный солдат, от скуки ковыряющий в носу. — А теперь ударь меня.

Я моргаю:

— Чего?

— Ударь меня! — повторяет Коринн. — Постарайся разбить нос или хотя бы губу.

— Коринн...

— Быстрее, а то улицы скоро будут кишеть солдатами.

— Я не хочу тебя бить!

Девушка хватается меня за руку — так крепко, что я отшатаюсь.

— Ты в самом деле думаешь, что выживешь после допроса президента? Он уже пытался выудить из тебя правду — сна-

чала ласковыми расспросами, потом разлукой с другом. Неужели ты станешь испытывать терпение такого человека?

— Коринн...

— Рано или поздно он с тобой расправится. — продолжает она. — Если ты откажешься ему помогать, он тебя убьет.

— Но я же ничего *не знаю*...

— Да ему плевать, что ты не знаешь! — шипит девушка. — Если в моих силах спасти чью-то жизнь, я это сделаю. Даже если это жизнь такой бестолковой девчонки, как ты.

— Больно. — тихо говорю я: пальцы Коринн все сильнее впиваются в мои руки.

— Вот и хорошо. Проще будет меня ударить.

— Но зачем...

— Бей! — кричит Коринн.

Я набираю побольше воздуха в легкие и со всех сил бью ее по лицу.

А потом долго жду под дверью, не сводя глаз с солдата на углу. Шаги Коринн стихают в коридоре: она убегает в регистратуру. Жду и жду. Солдат — из тех, у кого отобрали лекарство (их становится больше с каждым днем), поэтому в относительной тишине раннего утра я слышу его мысли. Ему скучно, он вспоминает вторжение армии Прентисстауна в его родную деревню и как потом пришлось записываться в добровольцы.

Вспоминает свою погибшую девушку.

И тут у главного входа в лечебный дом раздается вопль Коринн. Она расскажет охране, что ночью «Ответ» пробрался в дом, избил ее до полусмерти и похитил меня. Она даже покажет, в каком направлении скрылись целительницы, а я побегу в обратном.

История, конечно, бредовая. Кто поверит, что «Ответу» удалось проникнуть в охраняемый солдатами дом?

Но я знаю, на что она рассчитывает. На слухи. У «Ответа» уже есть определенная репутация.

Удается же им незаметно подкладывать бомбы.

Как? Почему их никто не видит?

Если они способны на это, то могут и мимо вооруженной охраны пробраться, верно?

Они что, невидимые?

Эти мысли проносятся в голове солдата, когда он вскидывает голову на крик Коринн, и звучат все громче, когда он бросается на помощь и скрывается за углом.

Пора.

Я закидываю мешок с лекарствами за спину.

Открываю дверь.

И бегу.

Я бегу к деревьям на берегу реки. Вдоль него идет тропинка, но я стараюсь не выходить из леса. Мешок бьет по плечам и спине острыми уголками коробок, и я невольно вспоминаю, как мы с Тоддом бежали вдоль этой самой реки, по этому же берегу — бежали от армии.

Мне надо добраться до океана.

Мой единственный шанс спасти Тодда — сначала найти «Ответ».

И тогда я вернусь за ним.

Обязательно.

(«Я больше никогда тебя не брошу, Тодд Хьюитт»)

Сердце обливается кровью.

Я нарушила свое обещание.

(держись, Тодд)

(только живи)

Я бегу.

Ядвигаюсь вдоль реки, прячась от патрулей, срезая путь через огороды, пробегая за заборами и держась как можно дальше от домов и барakov.

Долина вновь начинает сужаться. Холмы подбираются ближе к дороге, а дома редуют. В какой-то миг, заслышав поблизости марш, я падаю в подлесок и лежу затаив дыхание, пока в воздухе не остается одно птичье пение (где мой

дом? (где безопасно?) и теперь уж совсем далекий **РЕР** города. Наконец я поднимаю голову и смотрю на дорогу.

Река уходит вниз, а дорога теряется за холмами и лесами. Здесь, вдали от города, на пологих склонах расположились фермерские дома и земли. Прямо напротив меня начинается короткая дорожка, ведущая к дому — фасад прячется за аккуратными деревьями. Справа расстилаются поля, но сзади к дому уже подступает густой лес. Если я смогу подняться по дорожке, там будет безопаснее всего — можно и наступления ночи дожидаться, чтобы дальше бежать в темноте.

Я снова осматриваю дорогу: не слышно ли где марша, отдельного Шума, скрипа телеги?

Делаю глубокий вдох.

И бросаюсь через дорогу.

Я не свожу глаз с фермерского дома, мешок бьет по спине, легкие сжимаются, а я бегу все быстрее и быстрее...

По дорожке...

Деревья уже близко...

Я почти на месте...

И тут на дорожку выходит крестьянин-фермер.

Я резко торможу, скользя по грязи и чуть не падая. Он отскакивает в сторону, явно напуганный не меньше меня.

Мы молча глазеем друг на друга.

Шум у него тихий, дисциплинированный, почти любезный, поэтому я его и не услышала. В одной руке у него корзина, а в другой — спелая красная груша.

Крестьянин оглядывает меня с головы до ног, замечает мешок с лекарствами, видит, что я одна на дороге — и уже только этим нарушаю закон — и что дышу я тяжело, как будто долго бежала.

В его Шуме раздается одно слово, ясное и чистое, как сегодняшнее утро.

«Ответ», — думает он.

— Нет, — выпаливаю я, — я не...

Но он подносит палец к губам.

И склоняет голову, прислушиваясь к звукам с дороги.

Мы оба слышим марширующих вдалеке солдат.

— Сюда, — шепчет крестьянин и показывает на узкую тропинку, убегаящую в лес, если не знать, ее и не заметишь. — Быстро!

Я всматриваюсь в него, пытаюсь разглядеть подвох, но времени нет. Времени нет.

— Спасибо, — говорю я и бросаюсь бегом по тропинке.

Она почти сразу заводит меня в чащу леса, раскинувшегося на склоне холма. Тропка настолько узкая, что мне приходится раздвигать руками ветви кустов. Деревья поглощают меня с головой, назад пути нет, и мне остается только надеяться, что это не ловушка. Я добираюсь до вершины холма, а там небольшой спуск и новый подъем. Его я тоже одолеваю бегом. Двигаюсь я по-прежнему на восток, но вокруг себя толком ничего не вижу — где дорога? где река?

А в следующий миг я вылетаю на полянку.

Меньше чем в десяти метрах от меня стоит солдат.

Он стоит спиной (слава богу, слава богу), и от страха я не сразу понимаю, что он охраняет, — только отдышавшись и придя в себя.

Прямо передо мной — она.

Посреди поляны на вершине холма, на трех железных ногах, высотой около пятидесяти метров. Деревья вокруг вырубili, поэтому за ней я вижу небольшую будку и дорогу, уходящую по другому склону холма к реке.

Я нашла радиобашню.

Она прямо у меня под носом.

И охраны вокруг совсем немного. Я насчитала пять, нет, шесть солдат.

Всего шестеро. Стоят очень далеко друг от друга.

Сердце начинает биться быстрее.

Я ее нашла!

А потом где-то далеко-далеко раздается *БУМ!*

Я вздрагиваю, солдаты тоже. Еще одна бомба. Еще одна весточка от «Ответа». Еще...

Солдаты убегают.

Они бросаются в ту сторону, откуда грянул взрыв, спускаются по другому склону холма. Внизу я уже вижу белый столб дыма.

Башня прямо передо мной.

И ее совершенно никто не охраняет.

Я не успеваю даже задуматься о своем безрассудном поступке...

Просто бегу...

Бегу к башне...

Если это шанс спасти всех нас, то...

Не знаю...

Просто бегу...

По поляне...

К башне...

К будке под ней...

Я могу нас спасти...

Да-да, каким-то чудом я могу...

И тут краем глаза я замечаю слева от себя какое-то движение...

Кто-то вырывается из леса и бежит ко мне...

Кто-то...

Вторящий мое имя...

— Виола! — слышу я. — Назад!!! Виола, НЕТ!!! — кричит госпожа Койл.

Я не останавливаюсь...

Она тоже...

— НАЗАД!!! — вопит она...

И бросается мне наперерез...
Бежит, бежит и бежит...
А потом до меня доходит...
Точно удар под дых...
Я понимаю, отчего она так кричит...
Нет...
Даже останавливаясь...
Нет, думаю я...
Нет, так нельзя...
Тут госпожа Койл подбегает ко мне...
Так НЕЛЬЗЯ...
Она валит меня на землю...
НЕТ!!!

Три яркие вспышки — и опоры башни взрываются.

ЧАСТЬ
ЧЕТВЕРТАЯ

СГУЩАЕТСЯ
МРАК

ТО, ЧЕГО ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ

[Виола]

— Слезьте с меня!
Госпожа Койл залепляет мне рот рукой и при-
давливает к земле всем своим весом.

— Перестань орать, — шипит она.

Я кусаю ее за руку.

Она кривится от боли, она рассержена, но меня не отпу-
скает, молча сносит укус.

— Орать и сопротивляться будешь позже, дитя мое, — го-
ворит госпожа Койл, — но через две секунды здесь будет
толпа солдат. По-твоему, они поверят, что ты просто *прохо-*
дила мимо?

Она молча ждет ответа. Я сверлю ее злобным взглядом,
но в конце концов киваю. Она отнимает руку.

— Никогда не называйте меня «дитя»! — тихо, но с яро-
стью заявляю я. — Не смейте так меня называть!

Я бегу за госпожой Койл по пологому склону, поскаль-
зываясь на мокрых от росы листьях. Перепрыгиваю через

упавшие деревья и корни. Мешок с лекарствами оттягивает плечи, точно каменный.

Выбора нет: только идти за ней.

Если я вернусь в город, меня схватят, и тогда... бог знает что тогда.

Другого выбора меня лишила госпожа Койл.

Она подходит к густым зарослям кустарника у подножия склона, тут же ныряет в них и манит меня за собой. Я прыгаю следом, едва дыша, а она шепчет:

— Что бы ни случилось, молчи.

Не успеваю я и рта раскрыть, как госпожа Койл выбирается из кустов. Ветви смыкаются за ее спиной, и дальше я продираюсь сама. Все еще размахивая руками, я вываливаюсь наружу.

На дорогу.

Два солдата стоят рядом с телегой, на которой сидит крестьянин. Все они смотрят на нас с госпожой Койл.

Солдаты скорее удивлены, чем рассержены, но Шума у них нет, так что толком не поймешь.

Зато у них есть винтовки.

И они целятся в нас.

— Это еще кто?! — рявкает один, бритый наголо и со шрамом на подбородке.

— Не стрелять! — приказывает ему госпожа Койл, подняв руку.

— Мы слышали взрыв, — говорит второй солдат, совсем молодой, примерно моего возраста, со светлыми волосами по плечи.

Тогда второй солдат выдает нечто совершенно неожиданное:

— Вы *опоздали*.

— Хватит, Магнус, — говорит госпожа Койл, опуская руки и делая шаг к телеге. — И опустите винтовки, она со мной.

— Что?! — Я стою как вкопанная, не в силах шевельнуться.

— Трассирующая бомба подвела, — отчитывается перед ней блондин. — Мы даже не поняли, куда она в итоге упала.

— Я же говорил, они слишком старые, — с укором произносит Магнус.

— Свою задачу она выполнила, куда бы ни упала, — усмехается госпожа Койл, торопясь к телеге.

— Эй! Что тут происходит? — спрашиваю я.

А потом вдруг слышу: «Хильди?»

Госпожа Койл замирает на месте, и оба солдата тоже. Они не сводят глаз с крестьянина в телеге.

— Ты, что ли? — спрашивает он, глядя на меня. — Хильди, которая Виола!

У меня в голове была такая каша, я так сосредоточилась на солдатах, что на крестьянина и не взглянула. Лицо почти без всякого выражения, знакомая одежда, шляпа, голос, тихий и мирный Шум, точно ясное небо на горизонте...

— Уилф! — охаю я.

Теперь все взгляды обращены на меня, а госпожа Койл так вскинула брови, что они, кажется, вот-вот заползут ей в волосы.

— Здорово! — радостно приветствует меня Уилф.

— Здорово! — отвечаю я, от потрясения не в силах вымолвить ничего другого.

Он подносит пальцы к полам шляпы и салютует:

— Так тебе удалось сбежать! Радость-то какая!

Губы госпожи Койл шевелятся, но секунду-другую с них не срывается ни единого звука.

— Потом поговорим. — Она наконец обретает дар речи. — Мы должны ехать. Немедленно!

— А для двоих там место найдется? — спрашивает молодой солдат.

— Что-нибудь придумаем.

Госпожа Койл залезает под телегу и снимает со дна деревянную крышку.

— Залезай, — велит она мне.

— Куда? — Я нагибаюсь и вижу над задней осью узкий потайной отсек.

— Мешок туда не влезет, — говорит Уилф, показывая на мою поклажу. — Давай сюда, я довезу.

Я снимаю мешок и отдаю ему:

— Спасибо, Уилф!

— Живо, Виола! — подгоняет меня госпожа Койл.

Я напоследок киваю Уилфу, ныряю под телегу и кое-как заползаю в отсек, пока не упираюсь головой в заднюю стенку. Госпожа Койл тут же залезает следом. Молодой солдат был прав: места для двоих недостаточно. Мы с целикательницей вплотную прижаты друг к другу, ее коленки упираются мне в ляжки, между носами не больше сантиметра. Едва она успевает втянуть ноги, как солдаты ставят деревянную крышку на место, и мы оказываемся в полной темноте.

— Где мы... — начинаю я, но госпожа Койл тут же на меня шикает.

Снаружи доносятся топот марширующих солдат и цоканье конских копыт по дороге.

— Доложите! — кричит один из них, останавливаясь рядом с телегой.

Этот голос...

Высокий, визгливый, да и ржание лошади я уже где-то слышала...

Но этот голос...

— Услышали выстрел, сэр, — отвечает один из солдат. — Этот человек говорит, что видел женщину, пробежавшую мимо него к реке. Примерно час назад.

Настоящий солдат сплевывает:

— Стервы.

Наконец я узнаю голос.

Это сержант Хаммар.

— Из какой вы части? — спрашивает он.

— Из первой, сэр, — отвечает молоденький, промедлив всего долю секунды. — Командир О'Хара.

— А... эта *тряпка*, — презрительно фыркает сержант Хаммар. — Хотите узнать, что такое настоящая служба, переводитесь в четвертую. Я вам покажу что к чему.

— Да, сэр, — отвечает Магнус. Голос у него дрожит чуть сильнее, чем хотелось бы.

Я слышу Шум солдат из отряда Хаммара. Они думают о телеге. И о взрывах. И о стрельбе по женщинам.

Но у сержанта Хаммара Шума нет.

— Арестуйте его, — наконец произносит Хаммар.

— Этим мы и занимались, сэр.

— Стервы, — повторяет Хаммар и пришпоривает коня (**Покорись**, говорит тот). Солдаты спешно удаляются следом за ним.

Я выдыхаю — похоже, все это время я пролежала затаив дыхание.

— Его даже не *наказали*! — шепчу я скорее себе, чем госпоже Койл.

— Все потом, — шепчет та в ответ.

Уилф щелкает поводьями, и телега медленно трогается с места.

Выходит, мэр Прентисс мне лгал. С самого начала.

Ну *конечно*, балда!

Убийца Мэдди на свободе и готов убивать дальше — Шума у него нет.

А я лежу рядом с женщиной, уничтожившей мой единственный шанс связаться с людьми, которые могли нас спасти.

И Тодд где-то далеко. Не рядом. Я его бросила.

Никогда в жизни мне не было так одиноко.

В тайном отсеке адски тесно. Мы дышим воздухом друг друга, локти и плечи все в синяках от тряской дороги, одежда пропиталась потом.

Мы не разговариваем.

Время идет. Минута за минутой. Минута за минутой. Я постепенно проваливаюсь в какое-то забытие: жар и духота высасывают из меня жизнь. Все мои тревоги растворяются в мерном покачивании телеги, и я закрываю глаза.

Меня будит стук Магнуса. Я подаю голос — неужели приехали? Но Магнус только предупреждает:

— Сейчас потрясет немного. Держитесь.

— За что? — спрашиваю я, но больше ничего сказать не успеваю: телегу как будто сбрасывают с обрыва.

Лоб госпожи Койл врежется мне в нос, сразу же начинает пахнуть кровью. Она охает: локтем я бью ее в горло. Телега продолжает трястись и прыгать на ухабах, и я, стиснув зубы, терплю боль.

Но тут госпожа Койл крепко прижимает меня к своей груди, а свободной рукой и одной ногой упирается в стенки отсека. Я сопротивляюсь — не нужны мне утешения! Но тут же понимаю, что она обнимает меня неспроста: мы перестали биться друг о друга, хотя телега по-прежнему едет по ухабам.

Так последний отрезок моего пути проходит в объятиях госпожи Койл. И именно в ее объятиях я попадаю в лагерь «Ответа».

Телега останавливается, почти в тот же миг с отсека снимают крышку.

— Приехали. — говорит молодой солдат — тот, что белобрысый. — Все целы?

— А ты как думал? — бурчит госпожа Койл, отстраняясь от меня и выбираясь наружу.

Она протягивает мне руку, но я не принимаю помощи — вылезая сама и оглядываюсь по сторонам.

Мы спустились по крутой скалистой тропе — удивительно, как телега вообще могла по такой проехать, — и очутились в своего рода расселине среди скал. Со всех сторон нас укрывают деревья, а прямо впереди они растут ровными рядами.

Наверно, за ними океан. Либо я спала дольше, чем мне показалось, либо госпожа Койл мне соврала и океан гораздо ближе.

Что ничуть бы меня не удивило.

Увидев наши лица, белобрысый солдат присвистывает. Я и сама чувствую, что под носом у меня запеклась кровь.

— Давайте я сбегая, принесу что-нибудь... — предлагает солдат.

— Она же целительница, сама справится, — отвечает за меня госпожа Койл.

— Меня зовут Ли, — говорит солдат, широко улыбаясь.

На короткий миг я с ужасом осознаю, как страшно выгляжу — с расквашенным носом и в этих лохмотьях.

— А меня — Виола, — говорю я в землю.

— Вот твоя сумка! — Рядом внезапно оказывается Уилф, протягивающий мне мешок с лекарствами и перевязочными материалами.

Секунду я молча смотрю на него, а потом бросаюсь к нему в объятия, крепко-крепко прижимая к себе его большую надежную тушу.

— Рад тебя видеть, Хильди, — говорит он.

— И я тебя! — чуть не плача, восклицаю я и только тут забираю у него мешок.

— Коринн собрала? — спрашивает госпожа Койл.

Я достаю вату и начинаю стирать кровь со своего лица:

— А вам не все равно?

— Меня во многом можно обвинить, — усмехается госпожа Койл. — Но только не в том, что мне все равно, дитя мое.

— Я же говорила, — гневно шепчу я, — не смейте так меня называть!

Госпожа Койл облизывает губы. Она бросает быстрый взгляд на Магнуса и Ли, те без разговоров скрываются за деревьями.

— Ты тоже, Уилф, — говорит целительница.

Он смотрит на меня:

— Все нормально?

— Надеюсь, Уилф. — Я сглатываю. — Но далеко лучше не уходи.

Он кивает, снова салютует на прощание и уходит за солдатами. Мы провожаем его взглядом.

— Ну, хорошо, — говорит госпожа Койл, скрещивая руки на груди. — Теперь я готова тебя выслушать.

Я смотрю на нее, на ее взгляд, бросающий мне вызов, — и чувствую, как дыхание мое убыстряется, а гнев так быстро и так легко наполняет всю меня, что я, кажется, вот-вот лопну.

— Как вы *посмели*...

Госпожа Койл *тут же* меня осаживает:

— У того, кто первым свяжется с кораблями, будет неоценимое преимущество. Мэр, конечно, расскажет переселенцам о мелкой террористической группировке, с которой он никак не может совладать: не помогут ли они выследить преступников и стереть их с лица Нового света?

— Да, но если бы мы...

— Если бы мы вышли на связь первыми, конечно, мы бы рассказали им о местном жестоком тиране, вот только этому не бывать.

— Мы могли попытаться...

— Где была твоя голова, когда ты бросилась к этой башне? Ты хоть понимала, что делаешь?

Я стискиваю кулаки:

— Нет, но я могла хотя бы...

— Хотя бы что? — Госпожа Койл сверлит меня гневным взглядом. — Послать сообщение по координатам, которых

так давно ждет президент? Ты не подумала, что он только об этом мечтает? Иначе как вышло, что ты до сих пор на свободе?

Я так крепко сжимаю кулаки, что ногти впиваются в ладони. Главное, не слушать ее.

— Время шло, — продолжает госпожа Койл. — И мы приняли решение: раз мы сами не можем выйти на связь с переселенцами, надо хотя бы помешать мэру Прентиссу это сделать.

— А что будет, когда они прилетят? На этот счет у вас тоже разработан блестящий план?

— Что ж... — Опустив руки, госпожа Койл шагает мне навстречу. — Если нам не удастся его свергнуть, то мы хотя бы можем поучаствовать в гонке — кто первым доберется до кораблей? И на сей раз битва будет справедливой.

Я трясую головой:

— Вы не имели права!

— Это война.

— Которую вы же и развязали!

— Ее развязал *он*, дитя мое.

— А вы подлили масла в огонь.

— Иногда всем приходится принимать непростые решения.

— И кто же дал вам на это право?

— А кто дал *ему* право держать взаперти половину населения этой планеты?

— Правильно, лучше их взрывать!

— Мы не хотели, так вышло. И мы очень скорбим.

Теперь моя очередь делать шаг ей навстречу.

— Именно *так* сказал бы и он!

Госпожа Койл всплескивает руками. Будь у нее Шум, он бы уже снес мне голову.

— Ты когда-нибудь видела женские тюрьмы, дитя? Да твоим невежеством можно наполнить *кратер*...

— Госпожа Койл! — доносится голос из-за деревьев.
К нам снова подходит Ли. — Только что пришло срочное до-
несение.

— Какое? — спрашивает она.

Ли переводит взгляд с нее на меня. Я опускаю голову.

— По дороге вдоль реки марширует три дивизии солдат.
Они двигаются в сторону океана.

Я резко поднимаю взгляд:

— Они идут *сюда*?!

Госпожа Койл и Ли смотрят на меня.

— Нет, — отвечает Ли, — я же сказал: к океану.

Я удивленно моргаю и перевожу взгляд с него на цели-
тельную:

— Но мы разве не...

— Разумеется, нет, — насмешливо отрезает госпожа
Койл. — С чего ты это взяла? И с чего это взял *президент*?

Несмотря на яркое солнце, меня пробивает озноб. Под
дурацкой толстой кофтой я вся трясусь.

Она меня *испытывала*.

Как будто я могла сказать мэру Прентиссу...

— Да как вы *смеете*... — начинаю я.

Но гнев внезапно отступает — так же быстро, как накатил.

— Тодд... — шепчу я.

Слово «*океан*» было всюду в его Шуме.

Он обещал его скрыть.

И я знала, что он сдержит обещание...

Если сможет.

(о боже, Тодд, неужели он?..)

(ты?..)

Нет, нет!

— Мне надо назад, — говорю я. — Я должна *спасти* его...

Госпожа Койл уже качает головой:

— Сейчас мы ничем не можем ему помочь...

— Он убьет его!

Целительница смотрит на меня, и не без сострадания:

— Вероятно, он уже умер, дитя.

Мне спирает грудь, но я борюсь со слезами.

— Вы не можете знать наверняка!

— А если он жив, значит, добровольно признался во всем. — Госпожа Койл вскидывает голову. — Тебе какой вариант больше нравится?

— Нет. — Я трясую головой. — Нет, нет!

— Сочувствую, дитя. — Голос у целительницы стал чуть спокойней и мягче, но он по-прежнему властный. — Я искренне тебе сочувствую, однако на кону стоят тысячи жизней. И, нравится тебе это или нет, ты уже выбрала, на чьей ты стороне. — Она переводит взгляд на Ли. — Так почему бы тебе не познакомиться со своей армией?

РУКНЫ

[Тодд]

— Стервы, — шипит мистер Хаммар, сидя верхом на коне.

— Вашего мнения никто не спрашивал, сержант, — осаживает его мэр Прентисс, проезжая на Морпете сквозь дым и покоренный металл.

— Смотрите-ка, они оставили отметку, — говорит мистер Хаммар, показывая на ствол огромного дерева на краю поляны.

На нем намалевана синяя буква «О».

— Ваша забота о моем зрении похвальна, — язвительно отвечает мэр Прентисс, так что Хаммар в итоге затыкается.

Они приехали сюда прямо из монастыря и встретили эскадрон Хаммара, поднимавшийся на холм в полной боевой готовности. На вершине мы увидели Ивана и солдат, которым полагалось охранять башню. Когда всех спэклов заперли в одном месте, Ивана, видать, повесили. Но сейчас у него такое лицо, будто он предпочел бы никогда не слышать о радиобашне.

Потому что ее больше нет. Она превратилась в грудку железок и лежит на земле, точно пьяница, который повалился на дорогу и решил прикорнуть прямо на месте.

(а я изю всех сил пытаюсь не думать о том, как она спрашивала дорогу до башни...)

(и говорила, что сюда надо наведаться первым делом...)

(ох, Виола, ты же не могла...)

— Если они способны взорвать такую громадину... — начинает Дейви, оглядывая поле. Но не договаривает, потому что мы все думаем об одном и том же — одна мысль сквозит в Шуме каждого.

Каждого, у кого Шум есть. Хаммару явно повезло.

— Эй, малыш! — ухмыляется он. — Ты уже стал мужчиной?

— Вам разве никуда не надо, сержант? — спрашивает мэр Прентисс, не глядя.

— Лечу, сэр!

Мистер Хаммар зловеще подмигивает мне, затем прищипоривает коня и велит своим солдатам следовать за ним.

Они быстро спускаются с холма — в жизни не видел такого быстрого марша.

Мы остаемся с Иваном и его людьми. Все они, как один, глубоко сожалеют, что бросились на звук взрыва, когда на монастырь упала трассирующая бомба.

Это ведь так просто и предсказуемо, если подумать. Взорвать маленькую бомбу, чтобы отвлечь внимание от того места, где надо взорвать большую.

Но с какой стати они бомбили монастырь?

Зачем ударили по спэклам?

Зачем ударили по *мне*?

— Рядовой Фарроу, — приветствует мэр Прентисс Ивана.

— Вообще-то *капрал* Фарроу... — поправляет тот.

Мэр медленно поворачивается к нему, и Иван умолкает, сообразив, что значит это обращение.

— Рядовой Фарроу, — повторяет мэр Прентисс, — вы соберете как можно больше металла и мусора, а затем сдадите командиру вашей воинской части весь запас лекарства...

Он умолкает. Шум Ивана четко и ясно звенит в воздухе. Мэр оглядывается. От каждого солдата в эскадроне Фарроу исходит Шум. Всех их уже покарали за какую-нибудь провинность.

— А потом обратитесь к командиру части, чтобы он назначил вам наказание, — продолжает мэр Прентисс.

Иван не отвечает, но Шум его бурлит.

— Вам что-то неясно, рядовой? — спрашивает мэр Прентисс, зловеще чеканя слова. Он смотрит прямо в глаза Ивану. — Повторяю: командир части назначит вам наказание. — С его голосом что-то не так, от него исходят какие-то странные волны.

Глаза у Ивана затуманиваются, губы обвисают.

— Командир части назначит мне наказание, — повторяет он.

— Хорошо. — Мэр Прентисс снова окидывает взглядом руины башни.

Иван чуть не падает, когда зрительный контакт обрывается, но тут же приходит в себя, словно только проснулся.

— Но, сэр...

Мэр Прентисс опять оборачивается, и вид у него *очень* удивленный.

— Сэр, мы ведь спешили на помощь ... — не унимается Иван.

Мэр Прентисс сверкает глазами:

— То есть действовали согласно плану «Ответа», чтобы они тем временем могли спокойноенько взорвать *мою* башню?

— Но, сэр...

Ничуть не изменившись в лице, мэр Прентисс выхватывает из кобуры пистолет и стреляет Ивану в ногу.

Тот со стоном валится на землю.

Мэр Прентисс оглядывает остальных солдат:

— Кто-то еще хочет со мной поспорить, прежде чем приступить к работе?

Солдаты, не обращая внимания на крики Ивана, начинают разгребать завалы, а мэр Прентисс подъезжает вплотную к букве «О» — яркой и громкой, как и само их заявление.

— «Ответ», — тихо говорит он сам себе. — «Ответ».

— В погоню, па! — кричит Дейви.

— Хм-м-м?.. — тянет мэр Прентисс, медленно оборачиваясь к сыну, словно забыл, где находится.

— Мы же умеем драться! — нетерпеливо говорит Дейви. — Мы это доказали. А ты зачем-то посадил нас нянькаться с тупыми животными, которых мы и так давным-давно разбили.

С минуту мэр Прентисс молча разглядывает меня и Дейви — уж не знаю, с каких пор это «мы».

— Если ты думаешь, что спэклы разбиты, Дэвид, — наконец произносит он, — значит, ты ничего о них не знаешь.

Шум Дейви немного вскидывается.

— А вот и нет. Кое что я о них узнал.

Как ни противно, я вынужден с ним согласиться.

— Да, наверно, — кивает мэр Прентисс. — Вы оба узнали...

Он смотрит мне в глаза, и я невольно вспоминаю, как спас 1017-го от бомбы, рискуя собственной жизнью. А он в благодарность укусил меня и расцарапал.

— Тогда как насчет нового проекта? — спрашивает мэр Прентисс, подъезжая поближе. — Здесь вы сможете применить на деле все свои навыки.

Шум Дейви колеблется. Да, в нем слышна гордость, но и подозрение тоже.

В моем Шуме — чистый ужас.

— Ты готов вести за собой людей, Тодд? — спрашивает мэр Прентисс.

— Я готов, па, я! — не унимается Дейви.

Мэр Прентисс по-прежнему смотрит мне в глаза. Он знает, что я думаю только о Виоле, но игнорирует вопросы в моем Шуме.

— «Ответ», — говорит мэр Прентисс, снова поворачиваясь к синей букве «О». — Если они хотят так называться, что ж, не будем им мешать... — Он переводит взгляд на нас: — Но чтобы кто-то дал ответ, сперва нужно...

Он умолкает и рассеянно улыбается, как будто мысленно смеется над собственной удачной шуткой.

Дейви разворачивает на траве большой белый свиток, не обращая внимания на то, что бумага мокнет от утренней росы. Весь лист забит диаграммами, рисунками и подписями к ним.

— Да тут одни чертежи и размеры, — разочарованно говорит Дейви. — Черт, их слишком много! Нет, ну ты глянь!

Он протягивает свиток и ждет моего согласия.

А я...

Да, я...

Неважно.

— Да уж, — говорю я. Под мышками сразу мокреет.

Башня упала только вчера, а сегодня мы уже снова на монастырских землях, собираем спэклов в команды и распределяем по участкам. О моем побеге как будто забыли, словно это было в прошлой жизни, а теперь началась новая, и в ней у всех есть другие важные дела. Мэр Прентисс не разговаривает со мной о Виоле, и я снова работаю с Дейви — он тоже не слишком-то рад.

Словом, все по-старому.

— На носу война, черт подери, а он хочет, чтобы мы дворец строили! — Дейви хмурится, разглядывая чертеж.

Конечно, это не дворец, но отчасти Дейви прав. Раньше нам говорили, что здесь будут зимние бараки для спэклов, но, судя по плану, это большое и просторное здание для людей, которое займет большую часть монастырских владений.

У него даже есть название, написанное сверху большими буквами.

Мой взгляд натывается на эти буквы, я пытаюсь прочесть...

И тут Дейви резко оборачивается, тараща на меня глаза. Я стараюсь напустить в свой Шум побольше бессмысленных помех.

— За работу, — говорю я, вставая.

Но Дейви продолжает пялиться.

— Как тебе это название? — спрашивает он, показывая пальцем на сочетания букв. — Правда, круто?

— Ну да... — я пожимаю плечами, — типа того.

От восторга Дейви распахивает глаза еще шире.

— Это же список материалов, ушлепок! — радостно выдает он. — Да ты читать не умеешь!

— Заткнись. — Я отвожу взгляд.

— Ты не умеешь *читать*! — Дейви лыбится яркому холодному солнцу и спэклам вокруг нас. — Нет, ну каким же дубиной надо быть...

— Я сказал, заткнись!!! — ору я.

От внезапной догадки Дейви разевает рот.

И я заранее знаю, что он сейчас скажет.

— Дневник твоей мамы! — охает он. — Она написала для тебя целый дневник, а ты...

И что мне еще остается, как не вдарить со всего маху по его мерзкой роже?

Я стал выше и крепче, так что Дейви теперь тоже достается в драках, да только ему как будто все равно. Даже когда

мы возвращаемся к работе, он все еще хихикает и устраивает целый спектакль из чтения чертежей.

— Такая заумь эти планы! — говорит он, ухмыляясь окровавленными губами.

— Заткнись и делай дело!

— Ладно, ладно. Первый шаг — это то, что мы уже делаем. Снести все перегородки. — Дейви поднимает голову. — Если хочешь, я напишу тебе план.

Мой Шум вспыхивает красным, но из Шума оружие никудашное.

Если ты не мэр.

Я и не догадывался, что жизнь может стать еще гаже, но так уж оно повелось, верно? Бомбы, падающие башни, работа бок о бок с Дейви, особое внимание мэра Прентисса...

(и я не знаю, где Виола)

(и я не знаю, что мэр Прентисс с ней сделает)

(а вдруг она тоже подкладывает бомбы?)

(вдруг?)

Я оглядываю рабочее место.

Тысяча сто пятьдесят пар спэчных глаз смотрят на нас, смотрят на *меня* — ни дать ни взять скотина, напуганная громким звуком.

Тупые *клятые* овцы.

— ЗА РАБОТУ! — ору я.

— Ну и видок у тебя, — говорит мэр Леджер, когда я падаю без сил на матрас.

— Плевать, — огрызаюсь я.

— Запряг тебя по полной, а? — Он подносит мне тарелку с ужином, который уже принесли, — почти нетронутую.

— А вас разве не запряг? — спрашиваю я, набрасываясь на еду.

— По правде говоря, у меня такое чувство, что он про меня забыл. — Мэр Леджер садится на свою кровать. — Я уже черт знает сколько с ним не разговаривал.

Поднимаю голову. Шум у него серый, как будто он что-то скрывает, но это обычное дело.

— Все эти дни я просто собираю мусор, — продолжает мэр Леджер, глядя, как я уплетаю ужин, — и подслушиваю разговоры на улице.

— И о чем говорит народ? — спрашиваю я, потому что мэру Леджеру, кажется, очень хочется мне все рассказать.

— Ну... — Он неловко ерзает на месте.

— Что «ну»?

И тут я понимаю, что скрывал мэр Леджер: ему не хотелось об этом говорить, но он чувствовал, что должен.

— Тот лечебный дом... — выдавливают он. — Про который я тебе рассказывал.

— Что с ним? — Напрасно я пытаюсь сделать вид, что мне все равно.

— Он закрылся, — отвечает мэр Леджер. — Стоит пустой.

Я перестаю жевать:

— Что значит «пустой»?

— То и значит, — ласково произносит он, потому что понимает: новость-то плохая. — Там никого нет, даже пациентов. Все ушли.

— Ушли? — шепчу я.

Ушли.

Я встаю, хотя идти мне некуда, и как дурак держу в руке тарелку.

— Куда ушли? Что он с ней сделал?!

— Ничего, — отвечает мэр Леджер. — Твоя подруга сбежала. По крайней мере, так говорят. Скрылась с другими целительницами и ученицами прямо перед взрывом на холме. — Он потирает подбородок. — Всех остальных арестовали и бросили в тюрьму, а твоей подруге чудом удалось сбежать.

Он говорит «чудом удалось сбежать» таким тоном, словно имеет в виду вовсе не это, словно Виола с самого начала планировала побег.

— Может, это все вранье, — говорю я. — Может, это только слухи.

Мэр Леджер пожимает плечами:

— Ну да. Я слышал это от одного из солдат, охранявших лечебный дом.

— Нет, — говорю я, сам не понимая, что несу, — нет.

— Ты так в ней уверен? — спрашивает мэр Леджер.

— Молчите!

Я тяжело дышу, грудь поднимается и опускается.

Это ведь хорошо, что она сбежала, да?

Да?

Ей грозила страшная опасность, и...

(но)

(но неужели она взорвала башню?)

(почему она мне не сказала, что собирается это сделать?)

(она соврала мне?)

Я не должен так думать, не должен, но вот оно, само приходит в голову...

Она обещала.

И бросила меня.

Бросила *меня*.

(Виола?)

МИНА

[Виола]

Я открываю глаза под звуки хлопающих крыльев из-за двери. За эти несколько дней я уже успела привыкнуть к ним: это значит, что летучие мыши вернулись в пещеру после ночной охоты и скоро взойдет солнце. То есть пора вставать.

Некоторые женщины тоже начинают ворочаться на своих койках. Остальные еще безразличны к миру: храпят, пускают газы, парят в пустоте снов.

В первую секунду мне тоже хочется туда.

Общая спальня представляет собой барак с выметенным земляным полом, дощатыми стенами, дощатой дверью и практически без окон. В центре стоит единственная печка, тепла которой на всех не хватает. Все пространство занимают койки со спящими на них женщинами.

Как новенькая, я лежу в самом конце.

И наблюдаю за хозяйкой другой койки — в противоположном конце спальни. Она садится прямо, как штык, полностью владея своим телом, словно и не спала вовсе, а про-

сто поставила себя на паузу, чтобы потом вновь приняться за работу.

Госпожа Койл опускает ноги на пол и смотрит поверх спящих прямо на меня.

Первым делом проверяет.

Мало ли, вдруг я среди ночи убежала к Тодду?

Я не верю, что Тодд умер. И что сказал мэру про океан, тоже не верю.

Тут что-то другое.

Я вновь смотрю на неподвижную госпожу Койл.

Да не сбежала я. Пока.

Но лишь потому, что еще не знаю, где нахожусь.

Мы не на берегу океана. Даже не близко. Больше мне сказать нечего, потому что в этом лагере все помешались на секретности. Никто тебе ничего не скажет, если в этом нет острой необходимости. А необходимость наступит только в том случае, если кого-то схватят во время очередной диверсии или вылазки за продуктами — запасы еды и лекарств у «Ответа» начали подходить к концу.

Госпожа Койл бережет информацию как зеницу ока.

Я только знаю, что лагерь разбит возле старой шахты, которую первые переселенцы вырыли в надежде на новую жизнь — как и многое в этом мире, — но через несколько лет забросили. Вокруг ям, ведущих в глубокие пещеры, стоит несколько бараков — одни новые, другие сохранились еще с той поры, когда здесь что-то добывали. В бараках спят, проводят собрания, едят и все прочее.

Пещеры — те, где нет летучих мышей, — служат складами для хранения продуктов и прочих припасов. Все это на исходе и яростно охраняется госпожой Лоусон: она по-прежнему тревожится за брошенных детей и свою боль вымещает на любом, кто попросит второе одеяло.

Еще глубже под землей начинаются шахты, изначально вырытые для добычи угля и соли; когда этого не нашли,

стали искать золото и алмазы, но и их в породе не оказалось. Можно подумать, в этом мире от них был бы какой-то прок! В шахтах теперь хранятся боеприпасы и взрывчатка. Я не знаю, как они сюда попали и откуда взялись, но если лагерь обнаружат враги, все это взорвется и сотрет нас с лица Нового света.

Но пока это лагерь, разбитый посреди леса и неподалеку от родника. Попасть сюда можно только по той дорожке, по которой привез нас Уилф. Она такая крутая и скалистая, что неожиданных гостей можно услышать задолго до их появления в лагере.

— А они непременно явятся, — говорит мне госпожа Койл в первый же день. — Главное, быть готовыми к их приходу.

— Странно, что до сих пор не явились. Про эти шахты должны знать многие.

Госпожа Койл только подмигивает и подносит к губам указательный палец.

— И как это понимать? — спрашиваю я.

Но ответа, разумеется, не получаю, ведь информацию надо беречь как зеницу ока, не так ли?

За завтраком Тея и остальные ученицы устраивают мне уже привычный бойкот: все по-прежнему винят меня в смерти Мэдди и дружбе с мэром Прентиссом, а может, даже в начале этой войны, будь она неладна.

А мне все равно.

Просто плевать.

Я выхожу из столовой и несу свою тарелку с серой овсянкой на большие камни возле входа в пещеру. Пока я ем, лагерь вокруг начинает потихоньку просыпаться и приступать к повседневным делам террористов.

Больше всего меня удивляет, как мало здесь народу. Человек сто от силы. Вот вам и могучий «Ответ», с которым не может справиться армия Нью-Прентисстауна. Сто человек.

Целительницы и их ученицы, бывшие пациенты и еще несколько человек, которые уходят ночью, а возвращаются утром, — кто-то поддерживает жизнь лагеря, пока никого нет, кто-то ухаживает за лошадьми и быками — словом, дел тут миллион.

Но человек-то всего сто. И если армия мэра Прентисса все-таки пойдет на лагерь, никто не услышит нашей молитвы.

— Как жизнь, Хильди?

— Привет, Уилф! — отвечаю я.

Старик идет к камням — тоже с тарелкой овсяной каши. Я немного подвигаюсь, и он садится рядышком. Ничего не говорит, молча ест кашу и дает спокойно поесть мне.

— Уилф? — доносится до нас женский голос.

Это Джейн, жена Уилфа, она идет к нам с двумя дымящимися чашками.

Джейн с трудом пробирается между скал и один раз чуть не падает, расплескивая кофе. Уилф бросается было на помощь, но женщина успевает сама восстановить равновесие.

— Ну-ка, держите! — говорит она, вручая нам чашки.

— Спасибо! — благодарю я, принимая кофе.

Джейн прячет руки под мышками и улыбается, окидывая нас искательным взглядом широко распахнутых глаз — кажется, будто она ими ест.

— Холодина жуткая, а вы на улице завтракаете! — говорит она, явно требуя объяснений.

— Да уж, — кивает Уилф и продолжает жевать.

— Да ладно, нормально! — говорю я и тоже принимаюсь за завтрак.

— Слыхали, ночью зерновой амбар ограбили? — спрашивает Джейн шепотом, но все равно получается очень громко. — Хлебушком полакомимся!

— Да уж, — повторяет Уилф.

— Любишь хлеб? — спрашивает меня Джейн.

— Люблю, — улыбаюсь я.

— Скоро получишь! — говорит она земле, небу и камням. — Скоро получишь!

А потом, не сказав больше ни слова, возвращается в столовую. Уилфу как будто все равно, он даже не замечает. Но я-то знаю, *навверняка* знаю, что ясный и размеренный шум Уилфа, его молчаливость и кажущаяся пустота — все это напускное, а на самом деле он другой.

Уилф и Джейн стали беженцами: они удрали в Хейвен прямо из-под носа у армии Прентисстауна и подобрали нас неподалеку от Карбонел-даунс, когда Тодда была лихорадка. По дороге Джейн разболелась, и Уилф, наведя справки, отвез ее прямиком в лечебный дом госпожи Форт, где та и лежала во время вторжения армии в город. Уилфа приняли за идиота и даже позволили ему навещать жену, хотя всем остальным это было строго запрещено.

Когда женщины решили сбежать, он им помогал. Я спросила его почему, а он только пожал плечами и ответил: «Иначе бы у меня забрали Джейн». Больных он прятал в своей телеге, а для других приспособил тайник под днищем, чтобы возить их на задания и обратно. Солдаты полагали, что балбес с таким прозрачным Шумом не может ничего скрыть, поэтому Уилф вот уже несколько недель, рискуя собственной жизнью, перевозил туда-сюда целительниц.

Все это ужасно поразило членов «Ответа».

Но не меня.

Однажды Уилф уже спас нас с Тоддом, хотя и не обязан был, а потом снова спас Тодда, когда им грозила еще большая опасность. В первую же ночь, когда я только прибыла в лагерь «Ответа», Уилф даже предложил мне вернуться в город за Тоддом, но теперь, когда его увидел и приказал арестовать сам сержант Хаммар, это было бы самоубийством.

Я собираю в ложку остатки каши и со вздохом запикиваю в рот. У меня много причин, чтобы вздохнуть: холод, невкусная каша, безделье.

Но каким-то чудом Уилф все понимает. Уилф всегда все понимает.

— Да цел он, Хильди, — говорит он, доедая свою кашу. — Наш Тодд спасется как пить дать!

Я гляжу на холодное утреннее солнце и сглатываю, хотя каша уже давно проглочена.

— Крепись, — вставая, говорит Уилф. — Крепись и готовься.

Я удивленно моргаю.

— К чему? — бросаю я ему вслед, но старик уходит, молча попивая кофе.

Я тоже пью кофе, растирая руки и обещая себе, что уж сегодня-то я подойду к госпоже Койл и *потребую* взять меня с собой на новое задание. Мне нужно узнать...

— Ты что же, совсем одна тут сидишь?

Я поднимаю голову. Это Ли, белобрысый солдатик, стоит и улыбается мне широченной улыбкой.

У меня тут же начинают гореть щеки.

— Нет-нет!

Я вскакиваю, отворачиваюсь от него и поднимаю тарелку.

— Не уходи...

— Да я уже закончила.

— Виола...

— Освобождаю место.

— Да я не к тому...

Но я уже топаю прочь, проклиная себя за пунцовые щеки.

Ли здесь — не единственный мужчина. Ну, то есть его вообще сложно назвать *мужчиной*, но вы меня поняли. Как

и Уилфу, им с Магнусом больше нельзя возвращаться в город: их уже видели.

Но есть другие, которым можно. И это — самая большая тайна «Ответа».

Примерно треть обитателей лагеря — мужчины. Они добровольно вступили в армию, чтобы помогать женщинам выбираться из города, а госпоже Койл — планировать диверсии. Это мужчины, знающие толк во взрывчатке, мужчины, истово верящие в свое дело, мужчины, которые хотят бороться с мэром Прентиссом и всем, за что он ратует, до победного конца.

Это мужчины, потерявшие своих жен, дочерей и матерей, которые борются за их спасение или отмщение.

В основном — за отмщение.

Наверное, это хорошо, что в сплетнях об «Ответе» речь идет только о женщинах — это дает больше свободы мужчинам, даже если мэр Прентисс догадывается что к чему (иначе бы он не отбирал лекарство у стольких своих солдат). Однако пополнять запасы лекарства становится для «Ответа» все трудней и трудней.

Я быстро оглядываюсь на Ли.

Интересно, почему он здесь?

У меня еще не было случая...

Я еще *не успела* его расспросить.

Я иду в столовую, не глядя на дверь: она открывается еще до того, как я хватаюсь за ручку.

Прямо передо мной стоит госпожа Койл.

Я даже не здороваюсь.

— Возьмите меня с собой в следующий рейд.

Целительница ничуть не меняется в лице.

— Ты прекрасно знаешь, почему это невозможно.

— Тодд перейдет на нашу сторону. — говорю я. — Сразу же!

— Остальные думают иначе, дитя. — Я открываю рот, чтобы возразить, но госпожа Койл меня перебивает: — Если он вообще жив. Но даже это не имеет значения, потому что

главное для нас — ты. Мы не позволим мэру Прентиссу тебя схватить. Ты — наш самый главный козырь. Девочка, которая должна помочь президенту встретить корабли.

— Я...

Целительница поднимает руку:

— Ссориться с тобой я не намерена. У нас слишком много важной работы.

Лагерь погрузился в тишину. Люди в столовой замерли на местах и наблюдают за мной, не решаясь попросить госпожу Койл отойти в сторонку и выпустить их на улицу. Даже госпожа Форт и госпожа Надари терпеливо ждут, пока она уйдет. Как и Тея, они почти не разговаривают со мной — все эти собачонки госпожи Койл, которые никогда бы не посмели заговорить с ней тоном, который позволяю себе я.

Мне кажется, они меня побаиваются.

И, как ни странно, это приятно.

Я смотрю целительнице в глаза — холодные, суровые.

— Я вам никогда этого не прощу, — тихо говорю я, словно бы только ей. — Никогда. Ни сегодня, ни потом, слышите?

— Пусть не простишь, — так же тихо отвечает госпожа Койл, — но однажды *поймешь*. — И потом, сверкнув глазами, она растягивает губы в улыбке: — А знаешь, пора придумать тебе какое-нибудь занятие.

1017-й

[Тодд]

— **Ш** евелитесь, клятые твари!
 Четыре спэкла, стоящие ближе всего ко мне, шарахаются в стороны, хотя я даже не орал.

— Вперёд!

И, как обычно, ни тебе Шума, ни мыслей, ни звуков.

Лекарство они могут получать только с кормом, который я рассыпаю по кормушкам, но зачем? Почему им можно, когда всем остальным нельзя? Это превращает их в море безгласных, тупо цокающих зверей: белые спины, которыми они загораживаются от ледяного ветра, белые рты, выпускающие облака пара, белые руки, таскающие землю... Поглядеть на них сверху, так все эти белые тела за работой жутко походят на стадо овец.

Хотя если приглядеться, то можно различить семьи: мужей, жен, отцов и сыновей. Старики загребают меньше земли и работают медленней. Те, что помоложе, им помогают, пытаясь скрыть от нас, что старики не годятся для тяжелого труда. Иногда можно увидеть младенца, привязан-

ного платком к материнской груди. Один высокий самец подгоняет других, а одна маленькая самка обкладывает целебной грязью загноившуюся рану вокруг клейма другой самки, покрупней. Они работают в группах, не поднимая голов, стараясь не попадаться на глаза мне, Дейви и стражникам на стенах.

Все это можно увидеть, если приглядеться.

Но проще не приглядываться.

Лопат мы им дать не можем, понятное дело. Из лопат получается прекрасное оружие, а стражники на стенах начинают нервничать, стоит какому-нибудь спэклу слишком высоко поднять руку. Так что они роют, носят камни и страдают молча — безгласные, как облака.

А у меня, кстати, есть оружие. Мне вернули винтовку.

Потому что бежать-то мне теперь некуда.

Виолы нет.

— Живо, живо! — ору я на спэклов. Мой Шум краснеет при мысли о ней.

Я замечаю, что Дейви косится на меня с удивленной ухмылкой. Отворачиваюсь и иду на другой конец участка. На полпути меня останавливает громкое цоканье.

Оглядываюсь по сторонам.

Ну понятно, так я и думал.

Опять 1017-й, стоит и смотрит на меня странным взглядом. Смотрит на мои руки.

Я опускаю глаза и замечаю, что обеими руками крепко вцепился в винтовку.

Когда я вообще успел снять ее со спины?

Хотя спэклской рабочей силы у нас немерено, все равно на строительство такого большого здания — уж не знаю, для чего оно, — уйдет пару месяцев. К тому времени будет разгар зимы, а бараков, которые спэклы должны были строить для себя, никто за них не построил. Вообще-то они любят жить под открытым небом, но в зимнюю стужу и спэ-

клам нужно где-то укрываться. Лично я не слышал, чтобы для них приспособили какое-то другое помещение.

Как бы то ни было, за неделю мы снесли все внутренние перегородки (на два дня опередили график), и ни один спэкл не погиб, правда, без поломанных рук не обошлось. Травмированных сразу куда-то уводили.

Больше их никто не видел.

К концу второй недели после падения башни мы выкопали почти все нужные траншеи и котлованы для закладки будущего фундамента. Мы с Дейви должны будем руководить работой спэклов, хотя ни черта в этом деле не понимаем.

— Па говорит, они сами все отлично умеют, потому что им пришлось перестраивать город после войны. По этим мордам не скажешь, а?

Дейви грызет семечки и сплевывает на землю шелуху. С едой последнее время у нас туго — «Ответ» теперь не только взрывает, но еще и грабит склады, — однако Дейви всегда удается что-нибудь раздобыть. Мы сидим на гряде камней и смотрим на раскинувшийся под нами большой участок с квадратными ямами, траншеями и горами камней. Для спэклов свободного места почти не осталось.

Поэтому они жмутся к краям и друг к другу. Но возмущаться не думают.

Дейви сплевывает шелуху.

— Ты что, говорить разучился? — усмехается он.

— С чего бы? — выдавливаю я.

— Да ты целыми днями только орешь на рабочих и ворчишь на меня. Так не годится. — Дейви делает плевков на дальность и точность, попадая аккуратно в голову ближайшего спэкла. Тот молча смахивает шелуху и продолжает рыть траншею. — Она тебя бросила, — говорит парень. — Смирись и живи дальше.

Мой Шум вскидывается.

— Заткнись!

— Да я же в хорошем смысле.

От удивления у меня чуть глаза на лоб не лезут.

— А что? — спрашивает он. — Я просто так сказал... Она же ушла, а не померла или еще чего. — Плевок. — Насколько я помню, она девка боевая, умеет за себя постоять.

В его Шуме всплывает воспоминание о том, как его прошили током на берегу реки. Мне бы улыбнуться, но я не улыбаюсь, потому что вот она, прямо у него и у меня перед глазами.

Здесь — и не здесь.

(где она?)

(черт, где она?)

Мэр Леджер рассказал, что сразу после падения башни армия двинулась напрямик к океану, якобы по чьей-то наводке.

(по моей? неужели он меня услышал? я весь горю от этой мысли...)

Но мистер Хаммар и его люди ничего там не нашли — лишь несколько ветхих домов да две-три утлые лодчонки.

Потому что наводка оказалась ложной.

И от этого я тоже весь горю.

(она мне соврала?)

(нарочно?)

— Господи, ушлепок! — Дейви снова сплевывает. — Да тут *ни у кого* подружек нет. Они либо в тюрьме сидят, либо раз в неделю бомбы взрывают, либо ходят такими большими группами, что подойти страшно.

— Она мне не подружка, — шиплю я злобно.

— Неважно. Я только хотел сказать, что тут все без баб. Смирись уже.

Внезапно в Шуме Дейви поднимается мощная волна какого-то чувства, но он тут же ее смахивает, не дав мне взглядеться.

— Чего уставился? — рявкает он.

— Да ничего...

— Ну и все тогда! — Дейви встает, подбирает с камня винтовку и топает обратно на участок.

Не знаю почему, но 1017-й в конце дня всегда оказывается рядом со мной. Я обычно работаю где-нибудь в дальнем уголке, заканчиваю траншеи. Дейви — ближе к переднему краю, следит за возведением дощатой опалубки для будущего фундамента. Этим должен заниматься и 1017-й, но почему-то, стоит мне поднять голову, он всегда оказывается неподалеку. Сколько раз я уже отсылал его подальше...

Нет, он не отлынивает: исправно роет землю или складывает ее ровными рядками, — но при этом неотрывно пялится на меня, норовя поймать мой взгляд.

И цокает.

Я подхожу к нему, держа руку на прикладе винтовки. Над нашими головами собираются серые тучи.

— Тебе было велено работать у Дейви! — рываю я. — Что ты тут делаешь?

Дейви, услышав свое имя, кричит с дальнего участка:

— Что?

Я ору в ответ:

— Почему ты все время пересылаешь его ко мне?

— Ты сдурел? — огрызается Дейви. — Они же все одинаковые!

— Это 1017-й!

Дейви картинно пожимает плечами:

— Ну и?!

За моей спиной раздается громкое язвительное цоканье.

Я поворачиваюсь и... клянусь, 1017-й *улыбается*.

— Ах ты кусок... — начинаю я, перенося винтовку вперед.

Но тут до меня долетает яркая вспышка Шума.

Она идет от 1017-го.

Едва ощутимая, но ясная как день: я стою перед ним и тянусь за винтовкой. Просто картинка происходящего с его точки зрения.

А в следующую долю секунды 1017-й выхватывает у меня винтовку...

И наваждение рассеивается.

Винтовка все еще у меня в руках, 1017-й стоит по колено в траншее.

Никакого Шума у него нет.

Я оглядываю его с головы до ног. Он заметно похудел — впрочем, как и остальные спэклы, — корма на всех не хватает, а 1017-й как будто вообще не ест.

Значит, и лекарства не получает.

— Ты что задумал? — спрашиваю я.

Но он уже вернулся к работе и всю загребает руками землю. Ребра торчат из-под белой-белой кожи.

1017-й молчит.

— Почему никому не дают лекарство, а спэклам дают?

Настал следующий день, мы обедаем. Небо затянуло тяжелыми тучами, и скоро наверняка пойдет дождь — первый настоящий дождь за долгое время. Он, конечно, будет холодный, но нам приказано работать в любую погоду, так что мы продолжаем следить за тем, как спэклы выливают первый бетон из бетономешалки.

Иван привез ее только сегодня утром. Нога у него почти срослась, но он еще прихрамывает, и Шум его полыхает. Интересно, что он *теперь* думает о тех, за кем сила.

— Как же, это не дает им сговариваться и строить планы, — ухмыляется Дейви. — Мало ли какие подлые мыслишки у них водятся...

— Но они ведь и с помощью цоканья могут общаться. — Я задумываюсь. — Разве нет?

Дейви только пожимает плечами, как бы говоря: «Да мне плевать, ушлепок».

— Еще сэндвич есть? — спрашивает он.

Я отдаю ему свой, не сводя глаз со спэклов.

— Разве не лучше знать, о чем они думают? — размышляю я вслух. — Разве так не безопасней?

Я смотрю на другой конец участка, где работает 1017-й, а он, понятное дело, смотрит на меня.

Плюх. Первая капля дождя падает на мои ресницы.

— Вот дерьмо! — шипит Дейви, поднимая голову к небу.

Дождь льет три дня без остановки. Строительная площадка становится все грязней и грязней, но мэр Прентисс не дает нам передышки, поэтому все три дня мы месим ногами и руками коричневую жижу и накрываем траншеи брезентом.

Дейви работает под этими навесами: следит за спэклами, расставляющими новые каркасы для брезента. Я большую часть времени мокну под дождем, придавливая края брезента тяжелыми камнями.

Что за *идиотское* занятие!..

— Живее! — ору я на спэкла, который помогает мне прижать к земле последний кусок брезента.

Пальцы заledenели и почти не двигаются, потому что перчаток нам никто не дал, а мэр Прентисс к нам сто лет не наведывался, так что и спросить некого.

— Ай! — Черт, в миллионный раз ободрал кожу на косяшках. Прижимаю ссадину к губам.

Спэкл продолжает наваливать камни, не обращая внимания на дождь — это хорошо, потому что под брезентом на всех места нет.

— Эй! — Я повышаю голос. — За краем смотри! За кра...

Порыв ветра в секунду сдирает кусок брезента, который мы так долго прищипливали. Спэкл не выпускает его из рук и летит следом. Я бросаюсь за брезентом, скользящим по грязи на небольшое возвышение, и...

Поскальзываюсь, начинаю съезжать по склону...

И тут понимаю, куда меня тащит...

Прямиком в выгребную яму.

Я пытаюсь ухватиться за жидкую грязь, но ничего не выходит, и я громко шлепаюсь в мерзкую жижу.

— Фу!!! — ору я, пытаюсь выкарабкаться.

Я почти по живот стою в засыпанном известью спэчем дерме, от жуткой вони тут же начинается тошнить...

И вдруг — опять вспышка Шума.

Я стою в выгребной яме.

А спэкл — надо мной.

Поднимаю голову.

И в первом же ряду.

Он, 1017-й.

Надо мной.

С огромным камнем в руках.

Он стоит молча и неподвижно, но если решит бросить в меня этим камнем и попадет, мало мне не покажется.

— Значит, вот как? — кричу я ему. — Вот чего ты хочешь?

1017-й молча пялит на меня глаза.

Я медленно тянусь за винтовкой.

— А теперь что скажешь? — спрашиваю я, и он видит, как решительно я настроен.

Я готов дать отпор, готов, как никогда.

Готов хоть сейчас...

Приклад винтовки уже под моей рукой.

Но 1017-й просто смотрит.

А потом бросает камень на землю и возвращается к своему куску брезента. Я провожаю его взглядом: пять шагов, десять... уф, ушел. Я немного расслабляюсь.

Начинаю выбираться из ямы и тут... слышу это.

Цоканье.

Наглое мерзкое цоканье.

И все, меня не остановить.

Я бросаюсь за ним и ору сам не знаю что, и Дейви в ужасе оборачивается, но я уже вбегаю под брезент за 1017-м,

держа винтовку над головой как сумасшедший, ей-богу как дикарь какой-то, и 1017-й оборачивается, но я не даю ему шанса закрыться и с размаху впечатываю приклад ему в лицо, и он падает, а я снова заново винтовку и опускаю ее, и он пытается защититься, но я бью еще и еще...

По рукам...

По лицу...

По тонким губам...

Шум ревет...

Я бью...

И бью...

И бью...

И ору...

Я ору...

ПОЧЕМУ ТЫ УШЛА?

ПОЧЕМУ ТЫ МЕНЯ БРОСИЛА?

И тут отчетливо хрустит сломанная кость.

Звук этот наполняет воздух, он громче, чем дождь и ветер, вместе взятые, нутро у меня сжимается, в горле встает липкий ком.

Я замираю как вкопанный.

Дейви пялится на меня с разинутым ртом.

Спэклы испуганно разбегаются.

А с земли на меня смотрит 1017-й, кровь хлещет из его странного носа и из уголков слишком высоко поставленных глаз, но сам он не издает ни звука, ни Шума, ничего...

(мы в лагере, на земле лежит мертвый спэкл, и Виола так напугана, она пятится, и всюду кровь, я опять это сделал, я опять... ох, черт побери, Виола, зачем ты ушла?..)

1017-й просто смотрит.

И клянусь, в его глазах — ликование.

ЧТО-ТО БУДЕТ

[Виола]

— Насос как новенький, Хильди! — улыбается старик. — Спасибо, Уилф. — Я вручаю ему поднос с горячим свежим хлебом, от него так и пышет жаром. — Отнесешь это Джейн? Она накрывает стол к завтраку.

Он берет поднос — в Шуме звучит незамысловатая мелодия — и выходит из кухни с криком:

— Жена!

— Почему он зовет тебя Хильди? — спрашивает Ли, возникшая на пороге с полной корзиной муки. На нем рубашка без рукавов, а руки по самые локти покрыты мукой.

Секунду я смотрю на них и тут же отвожу взгляд.

С тех пор как Ли попался на глаза сержанту Хаммару и больше не может ездить в город, госпожа Койл ставит нас работать вместе.

Нет, я никогда ее не прощу.

— Так звали одну женщину, которая выручила нас из беды, — отвечаю я. — Для меня это большая честь.

— А под «нами» ты имеешь в виду...

— Нас с Тоддом, да. — Я забираю у Ли корзину и с грохотом ставлю на стол.

Наступает тишина — как всегда, стоит упомянуть Тодда.

— Никто его не видел, Виола, — осторожно говорит Ли. — Но наши-то в основном по ночам в городе бывают, так что...

— Даже если б она его увидела, мне бы все равно не сказала. — Я начинаю рассыпать муку по мискам. — А вообще она думает, что он давно умер.

Ли переступает с ноги на ногу:

— Но ты с ней не согласна.

Я смотрю на него. Ли улыбается, и я ничего не могу с собой поделать — улыбаюсь в ответ:

— И ты мне веришь, так?

Ли пожимает плечами:

— Уилф верит. А ты даже представить себе не можешь, какой вес тут имеет слово Уилфа.

— Да уж. — Я выглядываю в окно на улицу, куда недавно ушел Уилф. — Не могу.

День проходит без толку, как и все остальные, но мы хотя бы готовим. Да, это наше с Ли новое задание — стряпать на весь лагерь. Мы научились не только печь хлеб, но и молоть муку. Мы мастерски снимаем шкуру с белок, панцири с черепах и в два счета разделяем рыбу. Мы знаем, сколько продуктов нужно для супа на сто человек. Картошку и груши, подзреваю, мы чистим быстрее всех на этой дурацкой планете.

Госпожа Койл утверждает, что именно так выигрываются войны.

— Я не совсем за этим пришел в «Ответ», — говорит Ли, ощипывая шестнадцатую за день птицу.

— Но ты хотя бы пришел сам, — отвечаю я, принимаясь за следующую тушку.

Перья в воздухе похожи на липких мух, пристающих ко всему подряд. Пучки зеленого пуха застряли у меня под ногтями, в сгибах локтей, в уголках глаз.

Я это знаю, потому что вижу Ли: его длинные светлые волосы и такие же золотистые волосы на руках все в перьях.

Я снова заливаюсь краской и в сердцах продолжаю драть перья.

Проходит день, второй, третий, неделя... Потом еще одна и еще, а я стряпаю с Ли, стираю с Ли, безвылазно торчу три дня дома (потому что за окном непрерывно льет дождь) тоже с Ли.

И все же. И *все же*.

Что-то готовится, что-то будет, но никто не говорит мне что.

А я застряла здесь.

Ли швыряет ошипанную тушку на стол и берет следующую:

— Такими темпами этот вид скоро вымрет.

— Магнусу удастся подстрелить только этих. Остальные слишком проворны.

— Да уж, целый птичий вид вымрет, только потому что в «Ответе» не нашлось толкового глазного врача.

Я смеюсь — чересчур громко. Сердито закатываю глаза — ну что за дура!

Ошипав одну птицу, я принимаюсь за вторую.

— Пока ты ошипываешь двух, я успеваю справиться с тремя, — говорю я. — И хлеба я больше испекла, и...

— Ага, только половину булок спалила, — смеется Ли.

— Потому что *ты* слишком сильно растопил печь!

— Я родился не для того, чтобы возиться на кухне. Я рожден воевать.

Я охаю:

— То есть это я рождена возиться на кухне!

Но Ли только хохочет... и заливается еще громче, когда я швыряю в него горсть мокрых перьев и случайно попадаю рукой в глаз.

— Ого! — Он оттирает лицо. — Вот это меткость! Тебе бы дать ружье в руки...

Я опускаю глаза на миллионную по счету тушку.

— Или не стоит, — тут же добавляет парень.

— Ты когда-нибудь... — Я умолкаю.

— Что?

Я облизываю губы, и напрасно, в рот мигом набивается пух, так что, когда мне наконец удастся отплеваться и задать вопрос, получается уж совсем отчаянно.

— Ты когда-нибудь стрелял в человека?

— Нет. — Он напряженно распрямляет плечи. — А ты?

Я качаю головой. Ли успокаивается, отчего я не сдерживаюсь и тут же добавляю:

— Зато стреляли в меня.

— Да ты что!

А потом, не успеваю я хорошенько подумать и все осмыслить, как с моих губ срывается признание. Я понимаю, что никогда и никому не признавалась, даже самой себе, а тут вот, на кухне, среди пуха и перьев вдруг вырвалось...

— И еще я зарезала человека. — Замираю. — Убила.

В воцарившейся тишине мое тело вдруг становится вдвое тяжелее.

Когда я начинаю плакать, Ли дает мне полотенце и дает выплакаться — не утешает, не говорит глупостей, ни о чем не спрашивает, хотя наверняка сгорает от любопытства. Я просто плачу.

И это хорошо.

— Да, но сторонников у нас все больше и больше, — говорит Ли.

Мы сидим за столом с Уилфом и Джейн, доедая ужин. Я растягиваю последние крошки, потому что после ужина нам с Ли придется ставить опару для *завтрашнего* хлеба. Вы не поверите, сколько хлеба может съесть сто человек.

Я откусываю половинку корочки:

— Все равно вас очень мало.

— Не вас, а *нас*, — серьезно поправляет меня Ли. — У «Ответа» шпионы по всему городу, да и новые люди при-

ходят. Жить в Хейвене становится невозможно. Дошло до того, что еду выдают только по карточкам, лекарство вообще никто не получает. Люди неизбежно начнут бунтовать.

— А сколько народу в тюрьмах! — добавляет Джейн. — Сотни женщин, все гниют под землей, скованные цепями, и мрут от голода как мухи!

— Жена! — обрывает ее Уилф.

— Да я только повторяю, что услышала!

— Ничего ты такого не слыхала!

Джейн мрачнеет:

— От этого правда слаще не становится.

— Но в тюрьмах у нас тоже сообщники, — говорит Ли. — Возможно...

Он умолкает.

— Что? — спрашиваю я, поднимая глаза. — Что возможно?

Ли не отвечает, только смотрит на другой стол, за которым сидит госпожа Койл с целительницами Брэтит, Форт, Ваггонер и Баркер. Там же и Тея. Они, как обычно, перешептываются, строя новые тайные планы.

— Ничего, — говорит Ли, видя как госпожа Койл встает и направляется к нам.

— Уилф, подготовь, пожалуйста, телегу на завтра, — говорит она.

— Будет сделано, госпожа.

Уилф мигом вскакивает из-за стола.

— Не торопись, поужинай, — пытается остановить его госпожа Койл. — Необязательно делать это прямо сейчас.

— Да я ж только рад! — Старик стряхивает крошки со штанов и уходит.

— Кого взрываем сегодня? — спрашиваю я.

Госпожа Койл поджигает губы:

— Хватит, Виола!

— Я тоже хочу поехать. Если вы едете в город, я с вами!

— Терпение, дитя. — отвечает она. — Всему свое время.
— И когда наступит мое? — не унимаюсь я. — *Когда?*
Но госпожа Койл только повторяет:
— Терпение.
Надо сказать, тон у нее отнюдь не терпеливый.

С каждым днем темнеет все раньше и раньше. Я сижу на улице на груде камней, слежу за наступлением ночи: сегодняшние подрывники грузят на телеги мешки с неизвестно чем. У некоторых из них теперь есть Шум: лекарство приходится экономить, поскольку запасы его подходят к концу. Мужчины «Ответа» принимают уменьшенную дозу, только чтобы Шум не слишком выделялся из общего городского РЁВА, однако для допросов с пристрастием этого недостаточно. Риск очень велик, нашим мужчинам становится все опаснее появляться на улицах города, но ничего другого не остается.

А поскольку жители Нью-Прентисстауна ночью спят, их можно ограбить и взорвать.

— Привет! — Из темноты ко мне незаметно подходит Ли и садится рядом.

— Привет! — здороваюсь я.

— Все хорошо?

— А почему нет?

— Да так. — Ли подбирает с земли камень и швыряет в ночь. — Действительно, чего это я.

На небе начинают появляться звезды. Мои корабли где-то там. А на их борту люди, которые могли бы нам помочь, нет, которые *помогли бы*, если б только удалось с ними связаться... Симона Уоткин, Брэдли Тенч, славные, *умные* люди, которые прекратили бы весь этот бред, эти взрывы и...

У меня снова спирает грудь.

— Ты в самом деле убила человека? — спрашивает Ли, швырнув еще один камень.

— Да. — Я подтягиваю колени к груди.

Минуту-другую Ли молчит, а потом все-таки спрашивает:
— С Тоддом?

— Ради Тодда, — отвечаю я. — Чтобы спасти его. Вернее, нас обоих.

Солнце окончательно село, начинает быстро холодать. Я еще крепче прижимаю к себе колени.

— Знаешь, а она ведь тебя боится, — говорит Ли. — Ну, госпожа Койл. Думает, что ты очень сильная.

Я смотрю на него сквозь темноту, пытаюсь разглядеть лицо:

— Глупости!

— Я случайно подслушал, что она сказала госпоже Брэтти: мол, ты могла бы вести в бой целые армии, если б захотела.

Я качаю головой, но Ли-то, конечно, не видит.

— Она меня не знает.

— Пусть так, но зато она очень умная.

— И все покорно идут за ней, как собачонки.

— Кроме тебя. — Ли дружески пихает меня плечом. — Может, это она и хотела сказать.

Из пещер поднимается легкий гул: летучие мыши готовятся вылететь на охоту.

— А ты-то почему здесь? — спрашиваю я. — Почему пошел за ней?

Я уже задавала Ли этот вопрос, и он всякий раз менял тему.

Но сегодня будет по-другому. Я чувствую.

— Мой отец умер на войне со спэклами, — говорит Ли.

— У многих там отцы умерли...

Я вспоминаю Коринн. Где она, что с ней?..

— Я его почти не помню, — продолжает Ли. — Нас со старшей сестрой воспитывала мама. А сестра у меня... — он смеется, — тебе бы она понравилась. Такая боевая. язык что бритва. А какие у нас драки были, ты не поверишь! — Ли опять смеется, но уже тише. — Когда пришла армия, Ши-

вон хотела сражаться, а мама нет. Я тоже хотел, но Шивон с мамой жутко повздорили: сестра готова была броситься в бой, — и нам пришлось чуть ли не силой держать ее дома.

Гул становится все громче: Шум мышей эхом отдается в стенах пещеры.

Лететь, лететь. говорят они.

— Но долго держать ее взаперти мама не могла. — продолжает Ли. — Армия вторглась в город, а на следующий день всех женщин свезли на восток города. Мама велела нам сотрудничать: «Это только на время, пока мы не поймем, что происходит, может, он и не злодей вовсе»... ну, все такое...

Я молчу и радуюсь, что Ли не видит моего лица.

— Шивон не могла сдаться без боя, понимаешь? Она орала на солдат, отказывалась идти с ними, а мама умоляла ее замолчать, не злить их, но Шивон... — Ли умолкает и цокает языком. — Шивон ударила первого же солдата, попытавшегося увести ее силой. — Он делает глубокий вдох. — А потом все смешалось. Я бросился в драку, но меня тут же уложили на лопатки, в ушах какой-то звон, солдат прижал меня коленом к земле, мама вопит, а от Шивон — ни звука... Я вырубился, а потом, когда очнулся, в доме никого, кроме меня, не было...

Лететь, лететь. говорят мыши в пещере. **Прочь, прочь**

— Я искал их, когда режим немного смягчили, но так и не нашел. В каждую хижину, в каждое общежитие заглянул, обошел все лечебные дома. А в последнем, доме госпожи Койл, нашел «Ответ». — Ли умолкает и поднимает голову. — Смотри, полетели.

Из пещер вырываются огромные стаи летучих мышей: как будто мир перевернули вверх дном, и из дырок хлынула чернота, затопляющая синее ночное небо. Вокруг стоит такой грохот, что разговаривать невозможно. Мы сидим и молча наблюдаем.

Размах крыльев у летучей мыши минимум два метра, сами крылья мохнатые, уши короткие и щетинистые, а на кончике каждого расправленного крыла ярко зеленеют фосфоресцирующие пятна: благодаря им они сбивают с толку свою добычу, мошек и жуков. Эти пятна светятся в темноте, и нас на какое-то время словно накрывает покрывалом из мерцающих зеленоватых звезд. Трепещущий воздух полон тонкого писка: **лететь, лететь, прочь, прочь.**

Через пять минут они исчезают в лесу и не вернутся до самого рассвета.

— Что-то готовится, — говорит Ли в наступившей тишине. — Ты прекрасно знаешь, я не могу сказать тебе что именно, однако я пойду со всеми — это шанс отыскать мою мать и сестру.

— Тогда я тоже пойду, — говорю я.

— Госпожа Койл тебе не позволит. — Ли оборачивается ко мне. — Обещаю, я постараюсь найти Тодда. Я буду искать его так же, как Шивон и маму, клянусь.

Над лагерем раздается звон колокола, означающий, что рейдерские группы отправились в город, а всем остальным пора укладываться спать. Мы с Ли ненадолго остаемся в темноте и сидим, касаясь друг друга плечами.

ТЮРЕМНЫЕ СТЕНЫ

[Тогда]

— Неплохо, — говорит мэр Прентисс, сидя верхом на Морпете, — особенно для неквалифицированной рабочей силы.

— Мы бы еще больше успели, — говорит Дейви, — если бы не дождь и грязь.

— Нет-нет, — успокаивает его мэр Прентисс, окидывая взглядом участки, — вы прекрасно справились, вы оба. Столько всего сделали за какой-то месяц!

Мы дружно смотрим на то, с чем так прекрасно справились за месяц: полностью заложили фундамент для одного длинного здания, подготовили опалубку для остальных, а местами даже начали засыпать ее камнями из разобранных монастырских стен. Из брезента получилось что-то вроде крыши — наше творение уже похоже на настоящую постройку.

Он прав, мы прекрасно справились.

Мы и тысяча сто пятьдесят спэклов.

— Да, — кивает мэр Прентисс, — я весьма рад.

Шум Дейви приобретает розоватое сияние — смотреть противно, ей-богу!

— Так что это такое? — спрашиваю я.

Мэр Прентисс удивленно смотрит на меня:

— Что именно?

— Ну, все это. — Я показываю на здание. — Что мы строим?

— Как закончишь стройку, Тодд, я непременно приглашу тебя на торжественное открытие.

— Но ведь это не для спэклов?

Мэр Прентисс хмурится:

— Нет, Тодд, не для спэклов.

Я тру лицо тыльной стороной ладони и слышу какой-то лязг в Шуме Дейви — лязг этот станет еще громче, если я окончательно испоганю ему момент славы.

— Да просто... морозы уже три ночи подряд бьют, и зима на носу.

Мэр Прентисс разворачивает ко мне морду Морпета. **Жеребенок** думает тот. **Жеребенок отходит**

Я пячусь, даже не задумываясь.

Мэр Прентисс вскидывает брови:

— Ты просишь поставить обогреватели для рабочих?

— Ну... — Потупившись, я смотрю на землю, а потом на здание и спэклов, которые забились в самый дальний угол, насколько это вообще возможно в такой тесноте. — Может пойти снег. Я не знаю, выживут ли они.

— О, спэклы куда живучее, чем ты думаешь. — Голос у мэра Прентисса тихий, полный какого-то неуловимого чувства. — Куда живучее.

Я снова опускаю глаза:

— Ну да. Наверно.

— Я попрошу рядового Фарроу привезти сюда маленькие ядерные обогреватели, если тебе станет от этого легче.

Я удивленно моргаю:

— Правда?

— Правда?! — вторит мне Дейви.

— Они хорошо поработали, — говорит мэр Прентисс. — Под вашим руководством, конечно. Ты проявил настоящее усердие, Тодд. Настоящие *лидерские качества*. — Он улыбается почти тепло. — Я знаю, как ты не любишь видеть страдания других. — Он все смотрит мне в глаза, прямо-таки подбивая меня нарушить зрительный контакт. — Твоя нежность похвальна.

— *Нежность*, — хихикает Дейви.

— Я горжусь тобой. — Мэр Прентисс берет за поводья. — Я горжусь вами обоими. Скоро вас ждет награда за труды.

Шум Дейви снова вспыхивает от удовольствия, а мэр Прентисс выезжает за монастырские ворота.

— Слыхал? — Дейви дергает бровями. — Нас ждет награда, мой *нежный* ушлепок!

— Заткнись, Дейви.

Я уже иду вдоль одной из дощатых стенок в дальний конец здания, где остались последние метры свободного пространства и где теперь толпятся спэклы. Они пятаются, когда я иду мимо.

— Скоро привезут обогреватели! — говорю я им, рисуя в Шуме картинку. — Станет потеплей.

Но спэклы продолжают забиваться в углы и шарахаться от меня.

— Я сказал, станет потеплей!

Ах вы тупые неблагодарные...

Я замолкаю. Набираю в легкие побольше воздуха. Иду дальше.

Я добираюсь до самого дальнего края монастырских земель, где мы сколотили из лишних дощатых стенок небольшой закуток.

— Можешь выходить, — говорю я.

Минуто ничего не происходит, но потом из закутка вылезает 1017-й с рукой на перевязи — ее сделали из моей рубашки, которых у меня, между прочим, совсем немного.

Он еще больше похудел, под кожей на месте перелома видна краснота, но она, кажется, сходит.

— Я раздобыл болеутоляющие. — Протягиваю ему пилюли.

1017-й выхватывает их, оцарапывая мне ладонь.

— Аккуратней! — цежу я сквозь стиснутые зубы. — Хочешь, чтобы тебя забрали, как всех больных спэклов?

Снова вспышка Шума — к этим картинкам я уже привык. Обычное дело: он стоит надо мной с винтовкой, я молю его о пощаде, а он все бьет меня и бьет и ломает *мне* руку.

— Ну-ну, заливай, — говорю я. — Мне плевать!

— Играешь со своим питомцем? — спрашивает Дейви, выходя из-за угла со скрещенными на груди руками. — Знаешь, когда конь ломает ногу, его пристреливают.

— Это не конь, — зло говорю я.

— А... ну да, — ухмыляется Дейви. — Это овца!

Я поджимаю губы:

— Спасибо, что не проболтался па.

Дейви пожимает плечами:

— Да мне то что, ушлепок? Лишь бы нас без награды не оставили.

1017-й грубо цокает нам обоим, но в основном — мне.

— Не очень-то он благодарен, — замечает Дейви.

— Вот-вот. Я уже два раза ему жизнь спас. — Я смотрю на 1017-го, смотрю ему прямо в глаза. — Но больше не буду.

— Ты только говоришь так, а потом как миленький спасешь. — Дейви кивает на 1017-го. — Даже его. — Он нелепо тарашит глаза. — Ты ведь у нас такой *нежный*!

— Заткнись!

Но Дейви уже гогочет и убегает, а 1017-й просто смотрит и смотрит на меня.

А я смотрю в ответ.

Я его спас.

(я спас его ради нее)

(если б она была здесь, она бы увидела, как я его спасаю)

(если б она была здесь)

Но ее нет.

Я стискиваю кулаки и усилием воли заставляю себя их разжать.

Нью-Прентисстаун за последний месяц очень изменился — я вижу это всякий раз, когда возвращаюсь домой.

Отчасти это связано с наступлением зимы. Листья на деревьях покраснели и побагровели, а потом свалились на землю, оставив за собой голые зимние скелеты. Хвойные от иголок не избавились, но шишки посбрасывали, а ричеры прижали ветки к стволам, так что теперь из земли торчат одни голые палки. Из-за всего этого — да еще из-за вечно хмурого неба — складывается впечатление, что Нью-Прентисстаун умирает от голода.

Так и есть. Армия вторглась в город под конец сбора урожая, поэтому запасы провизии тогда были, но за пределами Нью-Прентисстауна больше никого не осталось, а значит, неоткуда привозить еду, да еще «Ответ» постоянно совершает набеги на склады. Как-то раз они целиком очистили склад с пшеницей — сработано все было настолько чисто, что ни у кого больше не осталось сомнений: «Ответу» помогают горожане и военные.

Для горожан и военных это плохая новость.

Две недели назад запретное время перенесли на час, на прошлой неделе — еще на час. Теперь с наступлением темноты на улицах разрешено находиться только патрулям. Площадь перед собором стала местом для сжигания книг и пожитков тех людей, что помогали «Ответу». Там же после закрытия последнего лечебного дома мэр Прентисс публично сжег ворох форменной одежды целительниц. Лекарство не принимает почти никто, кроме ближайших сподвижни-

ков мэра: мистера Моргана, мистера О'Хары, мистера Тейта и мистера Хаммара — жителей старого Прентисстауна, давным-давно присягнувших мэру на верность.

Нам с Дейви вообще ни разу не довелось попробовать лекарства. Так что и лишать нас нечего.

— Может, оно и будет нашей наградой? — гадает Дейви по дороге домой. — Может, он поделится с нами своим запасом и мы наконец узнаем, что это такое.

Наша награда, думаю я. Мы.

Глажу Анггарад по холодному боку.

— Почти приехали, девочка, — шепчу я промеж ее ушей. — Тебя ждет теплая, уютная конюшня.

Тепло. думает она. **Жеребенок.**

— Анггарад, — отзываюсь я.

Лошади — не домашние питомцы, и большую часть времени у них в голове творится черт-те что, безумие прямо, но зато теперь я знаю: если хорошо с ними обращаться, они к тебе привыкают.

— Или нам дадут женщин! — вдруг восклицает Дейви. — Ага, вдруг он уже приготовил для нас парочку? В кои-то веки станешь настоящим мужчиной.

— Заткнись, — говорю я, но до драки не довожу.

Мы не дрались уже сто лет. Видно, привыкли друг к другу.

Женщин мы тоже не видели очень давно. Когда упала башня, их снова заперли. Только в полях работают большие женские бригады — готовятся к следующей посевной, — но их охраняет множество вооруженных солдат. Мужей, сыновей и отцов они видят не чаще раза в неделю.

До нас доходят жуткие слухи: как солдаты проникают в женские общежития и творят там всякие ужасы, и никто их за это не наказывает.

А тюрьмы! Я их видел только со своей башни: несколько переделанных зданий на западной окраине города, у подножия водопада. Как знать, что творится внутри? Они далеко, и видит их только стража.

Прямо как со спэклами.

— Господи, Тодд! — не выдерживает Дейви. — Ну ты и шумишь! Можно хоть изредка не думать?

Я давно привык выслушивать от него такое. Но на этот раз он назвал меня «Тодд».

Мы спешиваемся в конюшне на главной площади. Дейви провожает меня до собора, хотя в конвое я больше не нуждаюсь.

Бежать-то мне некуда.

Я вхожу в главные ворота.

— Тодд!

Внутри меня поджидает мэр Прентисс.

— Да, сэр.

— Ты всегда такой вежливый, — улыбается он, подходя ближе. Каблуки цокают по мраморному полу. — Кажется, ты стал поспокойнее. — Он останавливается в метре от меня. — Пользовался моим средством?

Я не понял:

— Каким еще средством?

Он вздыхает. А потом...

Я — круг, круг — это я.

Я хватаюсь рукой за висок:

— Как вы это делаете?

— Шум можно использовать, Тодд, — говорит мэр Прентисс, — если ты достаточно владеешь собой. А первый шаг к такой внутренней дисциплине — мое испытанное средство.

— Я — круг, круг — это я?

— Это позволяет сосредоточиться, — кивает мэр Прентисс, — разложить Шум по полочкам, управлять им, *контролировать* его, а у человека, который может контролировать свой Шум, есть неоценимое преимущество.

Я вспоминаю жуткие слова, доносившиеся из его дома в Прентисстауне, каким пронзительным и страшным был

его Шум по сравнению с Шумом остальных мужчин, как он был похож на...

На оружие.

— Что означает круг?

— Это твоя судьба, Тодд Хьюитт. Круг — замкнутая система. Из нее нельзя выбраться, поэтому проще смириться и не пытаться.

Я — круг, круг — это я.

На сей раз эти слова повторяет мой собственный голос.

— Я так многому хочу тебя научить, — говорит мэр Прентисс и уходит, даже не пожелав спокойной ночи.

Я хожу вдоль стен колокольни и гляжу в окошки: то на западный водопад, то на южный холм с раздвоенной вершиной, то на восток, где за холмами прячется монастырь, отсюда его не видно. Видно только Нью-Прентисстаун, съезжившийся от наступающих холодов.

Она где-то там.

Прошел месяц, а ее все нет.

Месяц, а она...

(заткнись)

(заткни свой клятый рот, *нытик*)

Снова принимаюсь расхаживать вдоль стен.

Отверстия, заменяющие окна, недавно застеклили, а в комнату поставили обогреватель, чтобы мы не слишком мерзли по ночам. Еще нам выдали побольше одеял, лампы и несколько разрешенных книг, чтобы мэру Леджеру было что почитать.

— И все-таки это тюрьма, — говорит он с набитым ртом. — Ты небось думаешь, что *для тебя* он мог бы подобрать местечко и получше.

— Как же меня бесит, что все так запросто читают мой Шум! Хоть бы разрешения сперва спросили! — ворчу я, не оборачиваясь.

— Он, верно, захочет поселить тебя подальше от города, — говорит мэр Леджер, прикончив ужин. Порции стали почти вдвое меньше, чем раньше. — Подальше от сплетен и слухов.

— Каких еще слухов? — спрашиваю я, хотя мне не очень-то интересно.

— Ну, например, о великом даре нашего мэра управлять своими и чужими мыслями. Еще ходят слухи об оружии, которое он кует из Шума. И слухи о том, что он умеет летать.

Я не оглядываюсь и стараюсь не Шуметь.

Я — *круг*, осторожно думаю я.

И сразу перестаю.

Первая бомба взрывается сразу после полуночи.

Бум!

Я немного подскакиваю от неожиданности, и все.

— Как думаешь, откуда это? — спрашивает мэр Леджер, тоже не вставая с матраса.

— Как будто на востоке, — отвечаю я, глядя на колокола внизу. — Может, очередной склад?

Мы выжидаем еще секунду. За первой бомбой теперь всегда следует вторая: часть солдат бросается на место первого взрыва, и «Ответ» этим пользуется ...

Бум!

— Вторая пошла.

Мэр Леджер садится и выглядывает на улицу. Я тоже встаю.

— Черт!

— Что такое? — Я подхожу вплотную к нему.

— Похоже, котельную у реки подорвали.

— И чем это нам грозит?

— Придется теперь самим кипятить каждую чашку...

БУМ!

В темноте загорается ослепительная вспышка, так что мы с мэром Леджером шарахаемся от окна. В рамах дрожат стекла.

И весь свет в Нью-Прентисстауне гаснет.

— Электростанция, — ошалелым голосом выговаривает мэр Леджер. — Но там же круглосуточная охрана! Как им удалось это повернуть?!

— Не знаю. — Мое сердце уходит в пятки. — Но расплата будет жестокой.

Мэр Леджер проводит усталой рукой по лбу. Снизу уже воют сирены и кричат солдаты. Он качает головой:

— Не знаю, чего они добив...

БУМ!

БУМ!

БУМ!

БУМ!

БУМ!

Пять мощных взрывов один за другим сотрясают башню, так что нас с мэром Леджером бросает на пол, несколько стекол разбиваются внутрь, и нас осыпает ливнем из осколков и стеклянного крошева.

Небо озаряется светом.

Небо на западе.

Столп пламени и дыма выстреливает так высоко над тюрьмами, что кажется, его швыряет великан.

Мэр Леджер пытается перевести дух.

— Они смогли, — выдавливает он. — Теперь начнется!

В самом деле, они смогли.

Они развязали войну.

И я ничего не могу поделать...

Мысль напрашивается сама ...

Ну, теперь-то она придет за мной?

РОКОВАЯ НОЧЬ

[Виола]

— **М**не нужна твоя помощь, — говорит госпожа Лоусон, стоя в дверях кухни.

Я показываю ей перепачканные мукой руки:

— Вообще-то я за...

— Госпожа Койл велела тебя привести.

Я хмурюсь. Не нравится мне это «привести».

— И кто будет печь завтрашний хлеб? — недовольно спрашиваю я. — Ли ушел за дровами...

— Госпожа Койл говорит, что у тебя есть опыт работы с лекарствами и перевязочными материалами, — перебивает меня госпожа Лоусон. — Пришла очень большая партия, и моя помощница не справляется.

Я вздыхаю. Все-таки это лучше, чем стряпня.

Выхожу за ней в сумерки. Мы забираемся в пещеру и, пропетляв несколько минут по переходам, выходим в большой гулкий зал, где хранятся самые ценные наши запасы.

— Это может занять много времени, — предупреждает меня госпожа Лоусон.

Весь оставшийся вечер и начало ночи я пересчитываю лекарства, пластыри, бинты, компрессы, постельное белье, бутылки с эфиром, жгуты, биндажи, рукава, стетоскопы, манжеты, халаты, таблетки для очистки воды, лонгеты, вату, зажимы, пилюли с корнем Джефферса и все остальное. Я раскладываю запасы на небольшие кучки и занимаю ими все свободное пространство вплоть до входа в пещеру.

Стираю со лба холодный пот.

— Может, начнем раскладывать все по коробкам? — спрашиваю я.

— Пока не надо, — отвечает госпожа Лоусон. Она окидывает взглядом аккуратные кучки и потирает руки. Между бровей у нее появляется тревожная морщинка. — Надеюсь, этого хватит.

— Для чего? — Я слежу взглядом за госпожой Лоусон, перебегающей от одной кучки к другой. — Для чего хватит, госпожа Лоусон?

Она поднимает голову и прикусывает губу.

— Надеюсь, ты еще не забыла, чему научилась в лечебном доме?

Секунду я смотрю на нее, в груди поднимается страшная догадка. Я бросаюсь вон из пещеры.

— Стой! — кричит она мне вслед, но я уже в центральном туннеле, несусь к выходу на улицу, а оттуда напрямик в лагерь.

Который совершенно пуст.

— Не злись, — говорит госпожа Лоусон.

Я обошла все хижины и спальни, а теперь стою как дура, руки в боки, и смотрю на пустой лагерь. Придумав мне занятие до глубокой ночи, госпожа Койл уехала в город, прихватив с собой остальных целительниц и учениц.

И вообще всех. В лагере не осталось ни одной телеги, ни одной лошади или быка.

Ли тоже исчез.

И Уилфа нигде нет, зато осталась Джейн — одна-единственная.

Сегодня — та самая ночь.

Ночь решающих событий.

— Ты ведь понимаешь, почему тебя не взяли? — усмехается госпожа Лоусон.

— Она мне не доверяет. Никто мне не доверяет!

— Это не имеет отношения к делу. — В голосе госпожи Лоусон уже сквозят строгие целительские нотки, которые я так ненавижу. — Важно другое: когда они вернутся, нам нужны все целительницы и ученицы без исключения.

Я хочу возразить, но тут замечаю, как госпожа Лоусон ломает себе руки и какое у нее озабоченное лицо.

А потом она добавляет:

— Если кто-нибудь вообще вернется.

Нам остается только ждать. Джейн наливает кофе, и мы сидим на крепчающем морозе, не сводя глаз с дорожки, уходящей в лес. Кто же вернется?

— Иней! — Джейн ковыряет мыском ботинка белый островок на камне.

— Надо было раньше все провернуть, — говорит госпожа Лоусон в свою чашку, грея лицо над паром. — До наступления холодов.

— Да что провернуть-то? — спрашиваю я.

— Освобождение, — просто отвечает Джейн. — Мне Уилф сказал перед отъездом.

— Освобождение кого? — Хотя к чему вопросы, я и так знаю...

С дорожки доносится грохот осыпающихся камней. Мы вскакиваем на ноги, и в ту же секунду из-за деревьев вылетает Магнус.

— Живо! — кричит он. — За мной!

Госпожа Лоусон хватается материалы для оказания первой помощи и бросается за ним по дорожке. Мы с Джейн делаем то же самое.

На телегах, на спинах мужчин, на носилках, на спинах лошадей и быков... по дорожке двигаются люди, а за ними — еще и еще.

Освобожденные.

Бывшие узники тюрем.

И боже, в каком они *состоянии*...

— Ох, господи помилуй! — Джейн тихо присвистывает.

Мы стоим как вкопанные, не в силах пошевелиться.

О боже!

Следующие несколько часов пролетают как в тумане. Мы пытаемся быстро внести всех раненых в лагерь, но у некоторых травмы слишком серьезные, приходится оказывать им помощь прямо на месте. Я бегаю от одной цели — к другой, от раны к ране, ношусь за свежими бинтами и пластырями, и все это на такой скорости, что до меня не сразу доходит: большинство ранений получены не в битве. Это следы избиения.

— Их били! — говорю я.

— И морили голодом, — злобно добавляет госпожа Лоусон, делая очередной женщине внутривенный укол. — И пытали.

Эта женщина лишь капля в море, заливающим лагерь. Большинство больных глубоко потрясены и не могут даже говорить: они таращатся на нас невидящими глазами или бормочут что-то бессвязное. На руках и лицах следы от ожогов, старые незалеченные раны. Глаза глубоко запали от постоянного голода.

— Это его рук дело, — говорю я себе под нос. — Это все он.

— Держись, дитя! — подбадривает меня госпожа Лоусон.

Мы бросаемся на улицу, набрав полные руки бинтов и пластырей, но этого не хватает — катастрофически. Меня лихорадочно подзывает к себе госпожа Брэтти. Она рвет из

моих рук бинты и начинает заматывать ногу женщине, истошно вопящей на земле.

— Корень Джефферса! — бросает целительница.

— Я не принесла, — шепчу я.

— Тогда неси, черт возьми!

Я возвращаюсь в пещеру, петляя между целительницами, ученицами и солдатами; все они пытаются помочь раненым, которые лежат повсюду — на склонах холмов, в телегах, прямо на земле. Раненые не только женщины, я вижу и мужчин, таких же оголодавших и избитых. Попадаются и члены «Ответа», раненные в бою; я замечаю Уилфа с ожоговой повязкой на лице, который продолжает таскать носилки с больными.

Я вбегаю в пещеру, хватаю бинты и ампулы Джефферса, в сотый раз вылетаю на улицу. Несясь по поляне, я поднимаю глаза на деревья, из-за которых продолжают иногда выходить люди.

Я на секунду останавливаюсь и рассматриваю их лица, а потом бегу к госпоже Брэтит.

Госпожа Койл еще не вернулась.

И Ли тоже.

— Он залез в самое пекло, — говорит мне госпожа Надари, когда я помогаю ей поднять на ноги обмякшую под действием Джефферса женщину. — Все искал кого-то.

— Мать и сестру. — Я покрепче перехватываю раненую.

— Мы не всех смогли вывести. Там целое здание осталось, бомба не сработала...

— Шивон! — раздается вдали чей-то крик.

Я оборачиваюсь, сердце колотится как сумасшедшее, губы сами растягиваются в улыбке:

— Он их нашел!

Но тут же понимаю, что это не так.

— Шивон? — Ли спускается по дорожке, рука и плечо его куртки почернели, лицо вымазано сажей, глаза бегают по сторонам, по лицам людей на поляне. — Мама?

— Поди узнай, не ранен ли он. — говорит мне госпожа Надари.

Я перекладываю раненую на ее плечи и бегу к Ли, не обращая внимания на окликающих меня целительниц.

— Ли! — кричу я.

— Виола, — наконец Ли замечает меня, — ты не знаешь, их здесь нет?

— Ты ранен? — Я подбегаю, щупаю опаленную куртку, осматриваю его руки. — Ты обгорел!

— Там был пожар.

Я пытаюсь заглянуть ему в глаза. Он смотрит на меня, но не видит: у него перед глазами словно проплывают тюрьмы, пожары, заключенные, а может, и стражники, которых ему пришлось убивать.

Но матери и сестры он так и не увидел.

— Они здесь?! — взмаливается он. — Скажи, что да!

— Я же не знаю, как они выглядят, — тихо отвечаю я.

Ли смотрит на меня невидящими глазами, тяжело и хрипло дыша, как будто наглотался дыма.

— Это... Ох, господи, Виола, это было... — Он поднимает голову и смотрит куда-то за мою спину. — Мне надо их найти. Они должны быть здесь...

Он бежит дальше с криками:

— Шивон! Мама!

Я не могу ничего с собой поделаться и кричу ему вдогонку:

— Ты видел Тодда?!

Но Ли молча идет дальше, пошатываясь и спотыкаясь.

— Виола! — снова слышу я окрик. Наверно, какой-нибудь госпоже нужна моя помощь.

Но тут рядом со мной раздается другой голос:

— Госпожа Койл!

Я оборачиваюсь. У самого начала каменистой дорожки появляется госпожа Койл верхом на лошади. За ее спиной в седле есть кто-то еще, кто-то крепко привязанный.

Во мне просыпается надежда. Вдруг это Шивон? Или мама Ли?

(или он, может быть, это он)

— На помощь, Виола! — кричит госпожа Койл, подхлестывая лошадь поводьями.

И я бросаюсь к ним навстречу. В этот миг лошадь разворачивается, пытаюсь найти опору понадежней, и я вижу, кто еще сидит в седле — без сознания, опасно свесившись на бок.

Коринн!

— Нет, — твержу я себе под нос, почти не сознавая этого. — Нет, нет, нет, нет, нет.

Мы укладываем Коринн на плоскую скалу, и к нам подбегает госпожа Лоусон с грудой бинтов и лекарств.

— Нет, нет, нет, нет.

Я подхватываю голову Коринн, чтобы она не ударилась о камень. Госпожа Койл отрывает ей рукав и делает укол.

— Нет! — Госпожа Лоусон подлетает к нам и охает, увидев, кого привезла госпожа Койл. — Вы ее нашли!

— Нашла.

Кожа Коринн пылает под моими пальцами, щеки осунулись, под глазами жуткие синяки. Из-под ворота рубашки торчат ключицы, на шее белесые кружки от ожогов, на руках порезы. Ногти вырваны с корнем.

— Ох, Коринн! — шепчу я, и слезы капают ей на лоб.

— Держись, дитя! — говорит госпожа Койл, и я не знаю, кому адресованы эти слова, мне или Коринн.

— А Тея? — спрашивает госпожа Лоусон.

Госпожа Койл качает головой.

— Умерла? — догадываюсь я.

— И госпожа Ваггонер, и остальные.

Я замечаю на лице госпожи Койл копоть и красные ожоговые пятна. Ее губы вытягиваются в ниточку.

— Но *им* от нас тоже досталось.

— Ну же, девочка! — приговаривает госпожа Лоусон, обращаясь к Коринн. — Ты же всегда была такой упрямой. И где теперь твое упрямство?

— Подержи. — Госпожа Койл протягивает мне прозрачный мешочек с какой-то жидкостью и трубкой с иглой на конце.

Я беру его одной рукой, а другой поддерживаю голову Коринн, чтобы она не скатилась с коленей.

— Вот она. — Госпожа Лоусон отдирает запекшийся ло-
скут с бока Коринн.

Страшный запах бьет в ноздри.

Но дела Коринн гораздо хуже, чем этот запах.

— Гангрена, — сообщает нам госпожа Койл, хотя в этом нет нужды.

Мы все видим, что тут не просто инфекция. Вонь означает, что ткани отмерли. Гангрена начала пожирать Коринн живо. Ох, лучше б я не помнила уроков Коринн!

— Ей даже элементарных лекарств не давали, — ворчит госпожа Лоусон.

Она встает и убегает в пещеру за самыми сильными препаратами, какие у нас есть.

— Ну же, моя упрямец, очнись, — тихо приговаривает госпожа Койл, глядя Коринн по лбу.

— Вы искали ее до последнего. — говорю я. — Поэтому и задержались.

— Она не сдалась, не предала нас. — Голос у госпожи Койл хриплый, но не только из-за дыма. — Храбро сносила все пытки.

Мы смотрим на лицо Коринн, на ее закрытые глаза и широко разинутый рот, из которого вырывается сбивчивое дыхание.

Госпожа Койл права. Коринн бы никогда и ничего не сказала врагу. Она снесла бы любые муки, лишь бы спасти от них других дочерей и матерей.

— Гангрена, — выдавливаю я. Грудь и горло спирает от ужаса. — Этот запах... значит...

Но госпожа Койл только поджимает губы и качает головой:

— Ох, Коринн! О, нет!

И в этот самый миг, прямо у меня на руках...

Она умирает.

Когда это случается, просто наступает тишина. Коринн не кричит и не бьется в конвульсиях — ничего такого. Она просто замолкает, но стоит услышать такую тишину, как сразу становится ясно, что это навсегда. На секунду тишина приглушает все окружающие звуки, полностью убирая всю громкость мира.

Единственное, что я еще слышу, — свое собственное дыхание, тяжелое и влажное, как будто мне больше никогда не будет легко на душе. И в тишине своего дыхания я смотрю на холм, вижу раненых вокруг, рты, разинутые в криках боли, незрячие глаза, полные неизбывного ужаса, от которого их не избавило даже освобождение. Я вижу госпожу Лоусон, которая бежит к нам с лекарствами — поздно, слишком поздно. Я вижу Ли, бредущего обратно по тропинке и зовущего сестру и мать: он так и не может поверить, что их нет в этом хаосе.

Я вспоминаю мэра Прентисса и наши разговоры в соборе — все ложь, наглая ложь.

(и Тодд попал в его лапы)

Я смотрю на Коринн, которая никогда меня не любила, но отдала за меня жизнь...

Мы сами творим свою судьбу.

Я смотрю на госпожу Койл, от стоящих в моих глазах слез все вокруг светится, а первый луч солнца превращается в размытое пятно на небосводе.

Но госпожу Койл я вижу четко.

Стиснув зубы говорю:

— Я готова. Я сделаю все, что вы скажете.

«ОТВЕТ»

[Тогда]

— О боже! — твердит мэр Леджер себе под нос. —
О боже!

— А *вы*-то чего так расстроились? — не выдерживаю я.

Утром дверь так и не отперли. Про нас вообще все забыли. За городом до сих пор все горит и грохочет, но отчасти — какой-то нехорошей своей частью — я убежден, что мэр Леджер так нервничает из-за пропущенного завтрака.

— Хейвен сдался, чтобы на Новом свете воцарился мир, — говорит он. — А эти клятые бабы все испортили!

Я смотрю на него с удивлением:

— Можно подумать, благодаря вам тут стало как в раю! А все эти комендантские часы, тюрьмы и...

Мэр Леджер уже трясет головой:

— До того как она начала свою гнусную *кампанию*, режим существенно смягчили. Ограничений становилось все меньше. Жизнь *налаживалась*.

Я встаю и смотрю на запад, где до сих пор валит дым, бушует пламя; по Шуму мужчин не скажешь, что это скоро закончится.

— Всегда нужно помнить о *здравомыслии*, — продолжает мэр Леджер, — даже перед лицом тирана.

— Так вот кем вы себя считаете? — спрашиваю я. — Здравомыслящим человеком?

Мэр Леджер щурится:

— Не понимаю, куда ты клонишь, мальчик.

Я сам не знаю, куда клоню, но я напуган, голоден и торчу в этой идиотской башне, пока весь остальной мир разваливается на части. Остается только *наблюдать*, потому что *изменить* мы ничего не можем, и я понятия не имею, какую роль в этом сыграла Виола, где она и что вообще с нами будет, я не знаю, как это может закончиться хорошо, но разговоры о *здравомыслии* жутко меня бесят.

Ах да, и еще кое-что.

— Я вам не «мальчик»! — довольно грубо говорю я.

Мэр Леджер делает шаг навстречу:

— Мужчина бы на твоём месте понимал, что все гораздо сложнее и что мир не черно-белый.

— Мужчина, который печется только о своей шкуре, — огрызаюсь я. — А в моем Шуме звучит: *ну давай попробуй подойди*.

Мэр Леджер стискивает кулаки.

— Ты кое-чего не знаешь, Тодд, — цедит он, раздувая ноздри. — Тебе кое-что не объяснили.

— Что же? — спрашиваю я, но тут раздается лязг замка, и дверь открывается.

В комнату врывается Дейви с винтовкой.

— Пошли, — говорит он мне. — Па зовет.

Я выхожу за ним, не сказав ни слова, а мэр Леджер кричит «Эй!» нам вдогонку. Дейви запирает дверь.

— Пятьдесят шесть наших убито, — сообщает Дейви, пока мы спускаемся по винтовой лестнице. — Мы убили

дюжину, еще столько же взяли в плен, но этим теткам удалось выкрасть почти две сотни заключенных.

— Две сотни?! — Я останавливаюсь как вкопанный. — Но сколько же тогда человек сидело в тюрьмах?

— Пошли, ушлепок, па ждет.

Я догоняю Дейва. Мы проходим к главным воротам собора.

— Эти стервы... — Парень качает головой. — Ты не поверишь, на что они способны. Они взорвали казарму! Казарму! Там живые люди спали!

Мы выходим из собора. На площади царит хаос. Небо на западе до сих пор дымится, отчего все вокруг погружено в дымку. Солдаты — кто в одиночку, кто отрядами — бегают туда-сюда: одни ведут пленных, другие охраняют группы перепуганных до смерти женщин и отдельные группы таких же перепуганных мужчин.

— Но мы им задали жару, — добавляет Дейви, мерзко гримасничая.

— Ты тоже там был? — спрашиваю я.

— Нет. — Дейви смотрит на свою винтовку. — Но в следующий раз буду.

— Дэвид! — слышим мы. — Тодд!

К нам скачет мэр Прентисс — так стремительно, что из-под копыт Морпета вылетают искры.

— Что-то стряслось в монастыре! — кричит он. — Живо туда!!!

Хаос царит по всему городу. Куда ни сунься, всюду солдаты: они сгоняют мирных жителей в шеренги и заставляют тушить ведрами небольшие пожары от первых трех бомб — те, что уничтожили котельную, электростанцию и склад. Они до сих пор полыхают, потому что все пожарные шланги брошены на тушение тюрем.

— Ничего, скоро от них мокрого места не останется, — говорит Дейви.

— От кого? — не понимаю я.

— Ну, от «Ответа» и их пособничков.

— Тогда люди вымрут.

— Почему? Мы-то выживем. Будет с чего начать.

Чем дальше от города, тем тише становится на дороге. В конце концов мне даже начинает казаться, что все нормально, вот только за нашими спинами в небо поднимаются столпы дыма. На дорогах так безлюдно, словно наступил конец света.

Мы проезжаем мимо холма с грудой железок на вершине. На тропинке, ведущей к этой груде, нет ни одного солдата. За последним поворотом показывается монастырь.

Мы резко осаживаем лошадей.

— Вот дерьмо! — шипит Дейви.

Всю переднюю стену монастыря снесло до основания. На стенах — ни одного стражника, а на месте ворот зияет огромная дыра.

— Стервы, — бормочет Дейви. — Они выпустили их на свободу.

От этой мысли у меня внутри все улыбается.

(так вот что она сделала?)

— Теперь и с этими тварями придется сражаться, — хнычет Дейви.

Но я уже соскакиваю с Анггаррад, в животе какая-то странная приятная легкость. *Свободны, думаю я. Они свободны!*

(так вот зачем она с ними связалась?)

Я чувствую такое...

Такое *облегчение*.

Я бегу во весь дух к дыре, крепко держа винтовку, хотя, скорей всего, она мне не понадобится.

(Ах, Виола, я же знал, что могу на тебя расчи...)

И тут я все вижу.

Мир останавливается.

Сердце уходит в пятки.

— Ну что, сбежали? — спрашивает Дейви, догоняя меня.

А потом видит и он.

— Какого хр...

Спэклы не сбежали.

Они все на месте.

Все до единого.

Все тысяча сто пятьдесят.

Мертвы.

— Ничего не понимаю, — оглядываясь по сторонам, говорит Дейви.

— Заткнись! — ору я.

Все дощатые стенки для фундамента снесло подчистую, так что перед нами опять ровное поле. Всюду груды трупов: один спэкл на другом, кто-то просто на траве, словно их расшвыряла некая сила. Самцы, самки, детеныши раскиданы по полю, точно мусор.

Где-то неподалеку по-прежнему бушует пожар, и белый дым обволакивает груды трупов, он щупает их белыми дымчатыми пальцами и не находит ничего живого.

И тишина.

Ни цоканья, ни шорохов, ни дыхания.

— Надо сказать па, — говорит Дейви, уже разворачиваясь. — Надо сказать па!

Он бежит за ворота, запрыгивает на Урагана и выезжает на дорогу.

Я не еду за ним.

Ноги несут меня вперед, сквозь трупы, винтовка тащится по земле.

Некоторые груды тел выше меня. Мне приходится задираТЬ головы, чтобы разглядеть мертвые лица, открытые глаза. Травянухи уже выются вокруг пулевых отверстий. Похоже, всех спэклов перестреляли — большинству пули вле-

пили ровно промеж глаз; другие зарезаны — кому-то вспороли глотку, кому-то грудь. Местами валяются оторванные руки и головы...

Я роняю винтовку в траву, почти не замечая этого.

Иду дальше, не моргая, разинув рот, не веря собственным глазам, не в силах оценить масштабы...

Потому что мне приходится перешагивать через трупы с раскинутыми руками, на которых поблескивают железные ленты — это я их надевал, — с широко раскрытыми ртами — это я их кормил, — с переломанными спинами — это я...

Это я...

О, боже.

О, боже, я их ненавидел...

Я пытался, но ничего не мог с собой поделать.

(нет, мог...)

Я вспоминаю, сколько раз осыпал их проклятиями...

Сколько раз называл их овцами...

(нож в руке, удар...)

Но *такого* я никогда не хотел...

Никогда, я...

Тут я подхожу к самой большой груде трупов, сваленных у восточной стены...

И вижу это.

И падаю на колени в покрытую инеем траву.

На стене, на высоте человеческой руки...

Выведена «О».

«О» — «Ответ».

Синим цветом.

Я медленно склоняю голову, пока она не касается земли. Холод проникает в череп.

(нет)

(нет, она не могла)

(не может быть)

От моего теплого дыхания в грязи образуется маленькое
оттаявшее пятно. Я не шевелюсь.

(что они с тобой сделали?)

(они тебя изменили?)

(Виола?)

(Виола?)

Чернота начинает переполнять меня, накрывать меня,
будто одеяло, будто вода, захлестывающая с головой... Нет,
Виола, нет, ты не могла, ты не могла (могла?), нет, нет,
нет...

Нет...

Нет...

И я сажусь.

Выпрямляюсь.

Бью себя по лицу.

Сильно.

И еще раз.

И еще.

Не чувствуя ударов и боли.

Губы лопаются.

Глаза распухают.

Нет...

Боже, нет...

Прошу...

Я заново беру руку для нового удара...

Но потом выключаюсь...

Внутри меня что-то леденеет...

Глубоко внутри...

(где ты была, почему ты не спасла меня?)

Я выключаюсь.

Немею.

Вокруг спэклы, мертвые спэклы, куда ни кинь взгляд.

А Виола ушла...

Не просто ушла, она совершила нечто немыслимое, не-
возможное...

(ты сделала это?)

(ты сделала *это*, вместо того чтобы найти меня?)

И глубоко внутри я *умираю*.

С груди трупов скатывается тело и врезается прямо в меня.

Я быстро отползаю назад, перебираясь через тела, вскакиваю на ноги, вытираю руки о штаны...

А потом с груди падает еще одно тело.

Я поднимаю голову.

Из-под трупов пытается вылезти 1017-й.

Увидев меня, он замирает, его голова и руки торчат над остальными телами, сквозь кожу просвечивают кости — он худой как смерть.

Конечно же он выжил. *Конечно*. Если кому-то хватило бы желчи и злобы, чтобы выжить, так это ему.

Я подбегаю к груди трупов и начинаю тащить его за плечи — надо вызволить его из этой мертвой трясины.

Наконец он выскакивает из нее, и мы падаем вниз, разлетаемся в разные стороны и молча смотрим друг на друга.

Оба тяжело дышим, выпуская облака пара.

1017-й вроде цел, хотя повязка куда-то подевалась. Он просто смотрит на меня широко распахнутыми глазами — такими же, как мои.

— Ты жив! — зачем-то говорю я. — Жив!

Он просто смотрит, на сей раз ни Шума, ни цоканья — ничего. Мы просто молчим, столбы дыма вьются в утреннем небе.

— Как? — спрашиваю я. — Как тебе...

Но ответа от него не дождешься.

— Ты... — начинаю я и откашливаюсь. — Не видел... девочку?

А потом слышу...

Тук-дук, тук-дук.

Копыта по дороге. Дейви позвал сюда отца.

Я пристально смотрю в глаза 1017-му.

— Беги, — говорю я. — Вали отсюда!

Тук-дук, тук-дук.

— Пожалуйста, — шепчу я, — прости меня, прости, но тебе нужно бежать, беги отсюда, убирайся...

Я умолкаю, потому что 1017-й резко встает на ноги. Он все еще глазеет на меня, не моргая, без всякого выражения на лице.

Тук-дук, тук-дук.

Он делает шаг назад, два шага, три и наконец припускает к взорванным воротам.

На бегу оглядывается.

Отчетливая вспышка Шума летит прямо в меня.

Я один.

А 1017-й стоит с ружьем.

И стреляет.

Я умираю, корчась у его ног.

1017-й отворачивается и ныряет в лес за воротами.

— Я понимаю, как тебе тяжело, Тодд, — говорит мэр Прентисс, осматривая взорванные ворота.

Мы вышли за территорию монастыря. Никому не хочется смотреть на горы трупов.

— Но зачем? — Я пытаюсь скрыть слезы. — Зачем они это сделали?

Мэр Прентисс молча разглядывает мое окровавленное лицо.

— Видимо, подумали, что мы и спэклов превратим в солдат.

— Но убить *всех*? — Я поднимаю голову и смотрю на него. — Раньше «Ответ» никого не убивал специально.

— Пятьдесят шесть человек, — вставляет Дейви.

— Семьдесят пять, — поправляет его мэр Прентисс. — А еще выкрали триста узников.

— Они уже пытались нас подорвать, помнишь? — добавляет Дейви. — Вот стервы!

— «Ответ» вышел на тропу войны, — говорит мэр Прентисс, обращаясь главным образом ко мне. — И мы ответим им тем же.

— Точно! — Дейви зачем-то передергивает затвор винтовки.

— Понимаю, что ты чувствуешь из-за Виолы, — продолжает мэр Прентисс. — Я не меньше твоего удивлен и расстроен ее поступком.

— Мы еще ничего не знаем, — шепчу я.

(неужели?)

(правда?)

— Как бы то ни было, детство твое осталось в далеком прошлом. Мне нужны настоящие лидеры, вожаки. И я хочу сделать вожаком *тебя*. Ты готов, Тодд Хьюитт?

— Я готов, па, — говорит Дейви, его Шум жалобно кудахчет.

— Да, я и так знал, что на тебя можно положиться, сынок.

Шум Дейви снова вспыхивает розовым.

— Но сейчас я хочу услышать ответ Тодда. — Мэр Прентисс подъезжает ближе. — Ты больше не мой пленный, Тодд Хьюитт. Наши отношения вышли на новый уровень. Но я должен знать, на чьей ты стороне... на моей... — он кивает головой в сторону дыры, — или на их. Третьего не дано.

Я смотрю на монастырь, на горы трупов, на испуганные мертвые лица сотен напрасно убитых спэклов.

— Ты pomoжешь мне, Тодд? — Мэр Прентисс пристально смотрит на меня.

— Как? — спрашиваю я землю.

Но он только повторяет вопрос:

— Ты мне pomoжешь?

Я вспоминаю 1017-го — он теперь один, один на всем белом свете.

Его друзья и родные, если они были, свалены в одну кучу, словно мусор, на съедение мухам.

Я не могу стереть из головы эту картинку.

Я не могу не видеть ярко-синюю «О».

Не предай меня, думаю я.

Не оставь меня.

(но она оставила)

(она ушла)

А я умер.

Внутри я мертв, мертв, мертв.

Ничего живого не осталось.

— Хорошо, — говорю я. — Помогу.

— Отлично! — с чувством восклицает мэр Прентисс. — Я знал, что ты особенный, Тодд. С самого начала знал!

Шум Дейви опять ревниво взвизгивает, но мэр Прентисс не обращает на него внимания. Он поворачивает морду Морпета в сторону безжизненных монастырских земель.

— А насчет того, как мне можно помочь... — говорит мэр Прентисс. — Мы познакомились с «Ответом», верно? — Глаза его вспыхивают. — Теперь им пора познакомиться с «Вопросом».

ЧАСТЬ
ПЯТАЯ

МИНИСТЕРСТВО
ВОПРОСОВ

НАША НОВАЯ ЖИЗНЬ

[Тодд]

— **Э**то лишь затишье перед бурей, не давайте им себя одурачить, — говорит мэр Прентисс, стоя на помосте.

Его голос гремит из динамиков, стоящих по углам площади, — они включены на полную громкость, чтобы перебить **РЕВ**. Этим холодным утром на мэра смотрят все жители Нью-Прентисстауна: мужчины стоят у самого помоста, окруженного армией, женщины — в переулках.

Знакомая история.

Мы с Дейви сидим на лошадях позади помоста, прямо за спиной мэра Прентисса.

Типа, почетный караул.

В новеньких формах.

У меня в голове стучит одна фраза: *Я — круг, круг — это я.*

Потому что, когда я повторяю ее, других мыслей в голове нет. Совсем.

— Даже сейчас наш враг не дремлет и плетет козни, строит новые планы, — ораторствует мэр Прентисс. —

У нас есть все основания полагать, что скоро последует очередной удар.

Он окидывает толпу долгим взглядом. Как-то не верится, что в городе еще осталось столько жителей и все они продолжают работать, пытаются что-то есть, как-то жить. У них изможденный вид, они голодают, почти не моются, но до сих пор смотрят, до сих пор слушают.

— «Ответ» может нанести удар по любому месту, в любое время, по *кому угодно*, — продолжает мэр Прентисс, хотя «Ответ» уже месяц ничего такого не делал.

Удар по тюрьмам был их последним шагом, а потом они просто испарились в лесах — солдат, которые могли бы за ними погнаться, убило во сне.

Но это значит только одно: они живы, радуются победе и планируют новые диверсии.

— Триста человек сбежали из тюрем, — вещает мэр Прентисс. — Почти двести солдат и мирных жителей убиты.

— Опять заливает, — бормочет Дейви, имея в виду новые цифры. — Если так пойдет, скоро у него умрет весь город. — Он с надеждой косится на меня. Но я не смеюсь. Даже не смотрю на него. — Ладно, неважно.

— И я уже не говорю о геноциде, — продолжает мэр Прентисс.

В толпе поднимается ропот, общий Шум становится громче и красней.

— Те спэклы, что мирно служили в ваших домах последние десять лет, чья выносливость вызывала наше восхищение и в ком мы научились видеть своих соратников и помощников ... — Мэр Прентисс ненадолго замолкает. — Все они умерли.

Шум толпы опять вскидывается. Смерть спэклов в самом деле потрясла мирных жителей — даже сильнее, чем смерть солдат и горожан, случайно попавших под огонь. В армию стали записываться новые добровольцы. А потом мэр Прентисс выпустил из тюрем часть женщин, некоторые да-

же вернулись в семьи, а не в общежития. Еще через несколько дней он увеличил всем паек.

И начал проводить вот такие митинги. Чтобы держать людей в курсе.

— «Ответ» говорит, что борется за свободу. Но разве можно доверять таким людям? — разглагольствует мэр Прентисс. — Беспощадно уничтожившим целую популяцию невооруженных существ?

В груди поднимается мерзкая волна, но я опустошаю свой Шум, превращаю его в бесплодную пустыню, лишенную всяких чувств...

Я — круг, круг — это я.

— Да, последние несколько недель дались вам нелегко. Нехватка воды и еды, запреты, отключение электричества... особенно сложно было холодными ночами. Но сейчас без этого нельзя. Снимаю шляпу перед вашей нестигаемой волей. Единственный способ выжить для нас — это объединиться перед лицом общего врага, твердо решившего нас истребить.

И люди в самом деле объединились, верно? Они не высываются из дома в комендантский час, пьют и едят ровно столько, сколько дают, и прилежно выключают свет в назначенное время, из последних сил борясь с холодом. Днем в городе открыты все лавки и магазины, у дверей которых выстраиваются большие очереди.

Люди терпеливо ждут, уперев взгляды в землю.

Вечером мэр Леджер рассказывает мне, что народ все еще недолюбливает мэра Прентисса, но куда больше недовольства вызывает теперь «Ответ»: зачем они взорвали котельную, электростанцию... и главное, зачем они убили спэклов?

Из двух зол выбирают меньшее, говорит мэр Леджер.

Мы по-прежнему живем вдвоем на вершине колокольни, почему? — спросите Прентисса. Но теперь у меня есть ключ: уходя, я сам запираю мэра Леджера. Ему это не по нраву, конечно, но что он может поделать?

Из двух зол выбирают меньшее.

А вообще непонятно, почему выбирать надо только из двух зол.

— Я хочу также выразить признательность, — продолжает вещать мэр Прентисс, — за вашу постоянную поддержку и готовность делиться сведениями. Лишь бдительность и неусыпное внимание приведут нас к свету. Пусть ваш сосед знает, что за ним смотрят. Только тогда мы будем в безопасности.

— Да когда он уже заткнется? — Дейви случайно прищипывает Урагана — Желудя и потом долго пытается его унять.

Ангарад подо мной нетерпеливо переступает с ноги на ногу. *Едем?* — спрашивает ее Шум. Она тяжело дышит, выпуская облака густого белого пара.

— Потерпи еще чуть-чуть, — говорю я, глядя ее по спине.

— Как ни эффективен комендантский час, мы решили сократить его на два часа, а время свиданий с женами и матерями увеличить на тридцать минут.

В толпе кивают, из переулков раздаются вздохи облегчения.

Они благодарны, думаю я. Благодарны мэру Прентиссу. Ничего себе, а?

— И наконец, — подытоживает мэр Прентисс, — с радостью сообщаем вам об окончании строительства здания для нового министерства, которое призвано обезопасить нас от происков «Ответа». В этом здании не место секретам и тайнам, а любой, кто попытается подорвать наш уклад жизни, будет немедленно перевоспитан и обучен нашим идеалам. Новое министерство позволит нам построить светлое будущее вопреки вражеским попыткам его у нас отнять... — Мэр Прентисс умолкает — для пущего эффекта. — Сегодня мы открываем министерство Вопросов.

Дейви ловит мой взгляд и стучит пальцем по серебряному «В» на рукаве новенького бушлата.

Мы с Дейви теперь офицеры Вопросы.
Я не разделяю его радости.
Потому что вообще ничего не чувствую.
Я — круг, круг — это я.

— Отличная речь, па, — говорит Дейви. — Длинная такая.

— Я произнес ее не для тебя, — усмехается мэр Прентисс, не глядя на сына.

Мы скачем по дороге к монастырю.

Хотя это больше не монастырь.

— Все готово, надеюсь? — спрашивает мэр Прентисс, почти не поворачивая головы. — Меньше всего мне хотелось бы прослыть лжецом.

— Если все время спрашивать, лучше не станет, — бормочет Дейви.

Мэр оборачивается к нему — черный, как туча, — но я успеваю встрять и спасти Дейви от очередной Шумной оплеухи.

— Мы сделали, что могли, — говорю я. — Стены и крыша готовы, но внутри...

— Ну что ты, не убивайся, Тодд, — успокаивает меня мэр Прентисс. — Для внутренней отделки еще будет время. Здание построено — это главное. При виде его мирных жителей должно бросать в дрожь.

Он едет впереди, и лица его не видно, но я *нутром* чувствую его улыбку при слове «дрожь».

— На сей раз у нас будет настоящая работа? — спрашивает Дейви с негодованием. — Или ты опять посадишь нас с кем-нибудь нянькаться?

Мэр Прентисс разворачивает Морпета и загораживает нам путь.

— Вот скажи мне, Тодд хоть раз на что-нибудь жаловался? — спрашивает он сына.

— Нет, — угрюмо отвечает Дейви. — Но он же *Todd*.

Мэр Прентисс вскидывает брови:

— И?..

— А я твой сын!

Мэр Прентисс подъезжает ближе, так что Анггаррад в страхе пятится. **Сдавайся** говорит Морпет. **Веди**. просит Анггаррад, склоняя голову. Я глажу ее по гриве, распутывая узелки и пытаюсь ее успокоить.

— Позволь рассказать тебе об одном интересном факте, Дэвид, — говорит мэр Прентисс, пристально глядя на сына. — Когда офицеры, рядовые и простые горожане видят вас вдвоем на улицах города, в новой форме, они знают, что один из вас — мой сын. — Мэр Прентисс почти вплотную приблизился к Дейви, сталкивая его с дороги. — Знаешь ли ты, как часто они ошибаются? Насчет того, кто из вас моя собственная плоть и кровь... — Он переводит взгляд на меня: — Вот перед ними Тодд, всегда такой обязательный, скромный и серьезный, с невозмутимым лицом и чистым, сдержанным Шумом. А потом они видят тебя — избалованного, мягкотелого *нахала*. Им даже в голову не приходит, что этот нахал может быть моим сыном.

Дейви смотрит в землю, Шум его клокочет, зубы стиснуты.

— Да он даже не похож на тебя!

— Знаю, — говорит мэр Прентисс, разворачивая Морпета. — Я как раз недавно об этом думал. Как ни странно, такое бывает довольно часто.

Мы едем дальше. Дейви, окруженный неистовым красным Шумом, плетется сзади. Мы с Анггаррад держимся за мэром.

— Хорошая девочка, — шепчу я ей.

Жеребенок. говорит она в ответ, а потом добавляет: **Тодд**.

— Да, девочка, я здесь.

Последнее время я часто хожу к ней по вечерам: сам расседываю, чешу гриву, угощаю яблоками. Единственное, что ей от меня нужно, — это уверенность, что я рядом и никуда не сбежал. Пока это так, она довольна и зовет меня Тоддом, мне не надо ничего ей объяснять или спрашивать о чем-то, а ей ничего не надо от меня.

Лишь бы я ее не оставил.

Лишь бы не бросил.

Мой Шум начинает затягиваться черными тучами, и я тут же мысленно произношу: *Я — круг, круг — это я.*

Мэр Прентисс оглядывается. С улыбкой.

Хотя нам выдали форму, военными мы не считаемся, мэр Прентисс это специально подчеркнул. У нас не будет воинских званий, кроме офицерских, но узнаваемой форменной одежды с буквой «В» на рукаве должно быть достаточно, чтобы люди нас сторонились.

До сих пор наша работа заключалась в том, чтобы охранять узников и узниц, в основном узниц. После того как тюрьмы взорвали, оставшихся заключенных перевели в лечебный дом у реки.

Угадайте — в какой?

Последний месяц мы с Дейви заняты тем, что сопровождаем рабочие бригады заключенных до бывших монастырских земель и обратно. Они заканчивают работу, начатую спэклами. И работают, надо сказать, куда быстрее. Ладно хоть мэр Прентисс больше не просит нас следить за строительством, и на том спасибо.

Когда все узники ложатся спать, нам с Дейви остается только объезжать лечебный дом по кругу и стараться не слышать жутких криков изнутри.

Видите ли, некоторые из заключенных новенькие. Это члены «Ответа», пойманные мэром в ту страшную ночь. Мы никогда их не видели, на строительные работы их не посылают, а только целыми днями допрашивают, пока не добива-

ются какого-нибудь ответа. Пока что мэру удалось выяснить одно: лагерь располагался вокруг заброшенных шахт в лесу, но прибывшие туда солдаты ничего не нашли. Остальные полезные сведения приходится выдавливать по капле.

Были среди заключенных и другие, брошенные в тюрьму за самые разные преступления, в том числе и помощь «Ответу». Они признались, что видели, как террористки убили спэклов и нарисовали букву «О» на стене, и мэр Прентисс сразу отпустил их по домам. Хотя видеть этого они никак не могли.

Остальным... остальным продолжают задавать Вопросы, пока не добиваются ответов.

Дейви говорит нарочито громко и беззаботно, чтобы перекрыть звуки допросов, но любому дураку ясно, как ему не по себе.

А я просто молчу с закрытыми глазами и жду, пока крики умолкнут.

Мне легче, чем Дейви.

Потому что, как я уже говорил, я ничего не чувствую.

Я — круг, круг — это я.

Но сегодня все изменится. Сегодня достроили новое здание — ну, почти, — и мы с Дейви будем охранять его, а не лечебный дом, и, похоже, учиться задавать Вопросы.

Мне плевать. Подумаешь.

Ничто не имеет значения.

— Министерство Вопросов, — говорит мэр Прентисс вслух, когда дорога делает последний поворот.

Переднюю стену монастыря перестроили, и теперь из-за нее торчат верхние этажи нового здания, большой каменной коробки. Выглядит она так, словно вышибет тебе мозги, если подойти слишком близко. А на новеньких воротах красуется огромная серебристая «В», такая же, как на наших бушлатах.

С двух сторон от ворот стоят стражники в военной форме. Один из них — Иван, все еще рядовой, все еще недо-

вольный всем вокруг. Он пытается поймать мой взгляд, когда я проезжаю мимо, и в Шуме его лязгают мысли, которых мэру Прентиссу лучше не слышать.

А мне все равно. Да и мэру тоже.

— Вот теперь мы им покажем, что такое настоящая война, — говорит мэр Прентисс.

Ворота распахиваются, и на улицу выходит главный по Вопросам, человек, которому поручили вычислить местонахождение «Ответа» и заставить его членов врасплох.

Наш новый босс.

— Господин президент, — почтительно здоровается он с мэром Прентиссом.

— Капитан Хаммар, — кивает тот.

СОЛДАТ

[Виола]

— Тихо! — шепчет госпожа Койл, поднося палец к губам.

Ветер стих, и теперь слышно треск веток под нашими ногами. Мы замираем: не доносится ли откуда марш солдат?

Нет, ничего.

Ничего.

Госпожа Койл кивает и продолжает свой путь по склону холма, через деревья. Я иду следом. Нас только двое.

Она, я... да бомба, привязанная к моей спине.

Из тюрем удалось освободить сто тридцать два человека. Двадцать девять из них все равно умерли в лагере. Коринн была тридцатой. Другие остались за решеткой, например бедная миссис Фокс, о чьей судьбе я, пожалуй, никогда уже не узнаю. Но госпожа Койл говорит, что мы убили минимум двадцать их солдат. По какому-то чудесному стечению обстоятельств в бою погибло лишь шестеро членов

«Ответа», включая Тею и госпожу Ваггонер, но еще пятерых взяли в плен и несомненно будут пытаться, чтобы узнать о местонахождении «Ответа».

Поэтому мы свернули лагерь. Очень быстро.

Хотя многие раненые еще не могли ходить и не оправились после пережитого в тюрьмах, мы погрузили все припасы, лекарства и оружие в телеги, на лошадей и здоровых людей и ушли в чащу леса. Мы шагали всю ночь, весь следующий день и еще одну ночь, пока не добрались до озера у подножия скалистого утеса. Здесь, по крайней мере, были вода и какое-никакое укрытие.

— Сойдет, — сказала госпожа Койл.

Мы разбили лагерь на берегу.

И начали готовиться к войне.

Она делает движение ладонью, и я мгновенно ныряю в кусты. Мы подошли к узкой проселочной дорожке, отходящей от главной дороги, с которой доносится едва слышимый Шум марширующего отряда.

Наш запас лекарства стремительно иссякает, и госпожа Койл ввела строгую систему распределения таблеток. Но после той ночи, когда мы взорвали тюрьмы, в город опасно въезжать любому мужчине, с Шумом или без, поэтому нас больше не могут подвозить к объектам в тайных отсеках телег. Приходится доезжать только до определенной точки далеко за городом, а остаток пути идти пешком.

Убегать тоже стало труднее, поэтому мы должны быть предельно осторожны.

— Давай, — шепчет госпожа Койл.

Я встаю. На небе светят две луны — других источников света нигде поблизости нет.

Пригнувшись, мы переходим дорогу.

После вынужденного переезда на озеро, после освобождения сотни людей, после смерти Коринн...

После моего вступления в «Ответ»...

Я многому научилась.

Госпожа Койл называет это начальной подготовкой. Ведет ее госпожа Брэттит, но на уроки хожу не только я, а все более-менее выздоровевшие пациенты — таких большинство. Словом, учеников у госпожи Брэттит очень много, и все вместе мы учимся заряжать винтовку и стрелять из нее, постигаем основы засылки агентов на территорию противника, ночных маневров, слежки и общения с помощью жестов и кодов.

А еще — как соорудить и заложить бомбу.

— Откуда вы все это знаете? — спросила я как-то раз за ужином. Все тело ныло от бесконечной беготни, плавания и ношения тяжестей. — Вы же целительницы. Откуда вам знать, как...

— Управлять армией? — перебила меня госпожа Койл. — Ты забываешь о войне со спэклами.

— У нас была собственная дивизия, — добавила госпожа Форт.

Увидев, как прилежно я учусь, целительницы начали со мной разговаривать.

— Нас не очень-то любили, — хихикнула сидевшая напротив госпожа Лоусон.

— Не все генералы правильно вели войну, — сказала мне госпожа Койл. — Мы решили, что подпольная деятельность будет эффективней.

— А поскольку Шума у нас не было, — добавляет госпожа Надари. — мы могли запросто проникать куда угодно.

— Но мужчины, заправлявшие городом и армией, считали, что это не ответ, — снова хихикая, говорит госпожа Лоусон.

— Отсюда и наше название, — вставляет госпожа Койл.

— А когда сформировали новое правительство и заново отстроили город, тогда... Ну, мы решили, что все важные запасы лучше хранить под рукой.

— Взрывчатка в шахтах! — догадываюсь я. — Вы запаслись ею давным-давно.

— Как оказалось, не напрасно. Никола Койл всегда обладала даром предвидения.

Услышав это имя, Никола, я изумленно моргаю: раньше мне как-то не приходило в голову, что у госпожи Койл может быть имя.

— Да уж, — говорит она. — Мужчины созданы для войны. Благоразумная женщина об этом не забывает.

На объекте никого нет, как мы и задумывали. Мишень совсем маленькая, зато символичная — это колодец неподалеку от земель к востоку от города. Колодец и отходящая от него система водоснабжения питают водой лишь одно поле, а не здания. Но если город будет и дальше позволять мэру заточать крестьян в тюрьмы, пытать и убивать, тогда городу станет нечего есть.

Хорошо и то, что отсюда далеко до центра, то есть Тодда я не увижу.

Пока я решила с этим не спорить. Пока.

Мы срезали путь через поле и, затаив дыхание, крадемся мимо крестьянского дома. Там все спят. Наверху все еще горит свет, но это наверняка для вида.

Госпожа Койл делает жест рукой, и я, обогнав ее, ныряю под чистое белье, развешанное на веревках. Там я случайно спотыкаюсь о детскую игрушку и чудом остаюсь на ногах.

Бомбу нужно нести очень осторожно, любая встряска может привести к...

Но нет.

Я облегченно выдыхаю и бегу дальше.

Даже в те недели, когда мы скрывались в лесу и вообще не подходили к городу, проводя все время в тренировках,

несколько сбежавших от мэра Прентисса людей сумели нас разыскать — чудом, не иначе.

— *Что про нас говорят?!* — спросила госпожа Койл.

— Что вы убили всех спэклов, — ответила женщина, прижимая к разбитому носу примочку.

— Погодите, — встряла я. — Так что же получается, *все* спэклы мертвы?

Женщина кивнула.

— А вину свалили на нас, — добавила госпожа Койл.

— Но зачем?!

Госпожа Койл встала и посмотрела через озеро в сторону города:

— Чтобы настроить против нас мирных жителей. Чтобы те считали нас злодеями.

— Да, именно так он и говорит, — кивнула женщина. Я нашла ее во время лесной пробежки. Она споткнулась и упала на каменистом берегу, но разбила, к счастью, только нос. — Он чуть ли не каждый день проводит митинги. И люди его слушают.

— Еще бы, — ответила госпожа Койл.

Я вскинула голову:

— Вы ведь ничего такого не делали? Не убивали их?

Глаза госпожи Койл вспыхнули так, что ими можно было зажечь спичку.

— Ты за кого нас принимаешь, дитя?!

Я выдержала ее взгляд:

— Откуда мне знать? Хватило же вам духу взорвать казармы и убить солдат.

Госпожа Койл только покачала головой — хороший ответ, ничего не скажешь.

— За вами точно не было слезки? — спросила она женщину.

— Я три дня блуждала по лесу, — ответила та. — Но все равно вас не нашла. Это *она* нашла меня.

— Да, — пристально глядя на меня, сказала госпожа Койл. — Виола это умеет.

Когда мы подходим к колодцу, выясняется, что не все так просто.

— Дом слишком близко! — шепчу я.

— Ничего подобного, — шепчет в ответ госпожа Койл, обходя меня сзади и расстегивая мой рюкзак.

— Точно? Бомбы, которыми вы подорвали башню, были...

— Бомбы бывают разные. — Госпожа Койл поправляет содержимое моего рюкзака, затем разворачивает меня к себе: — Готова?

Я еще раз осматриваю дом, внутри которого наверняка спят женщины, мужчины, дети. Я никогда не стану убивать людей. Только если другого выхода не будет. И если ради Тодда и Коринн я должна взорвать бомбу, что ж...

— Вы уверены? — спрашиваю я.

— Виола, ты либо доверяешь мне, либо нет. — Госпожа Койл склоняет голову. — Ну, что ты выбираешь?

Ветер немного усилился и теперь доносит до нас Шум спящего Нью-Прентисстауна. Один сплошной храпящий **РЕР**, почти умиротворенный, как будто ничего страшного не происходит.

Тодд где-то там.

(нет, он не умер, пусть она говорит что хочет, он не умер)

— За дело, — говорю я, снимая рюкзак.

Освобождение узников ничего не дало Ли. Среди них не оказалось его сестры и матери — ни среди живых, ни среди погибших. Возможно, они остались в том единственном блоке, ворота которого «Ответу» не удалось взорвать.

Но...

— Даже если они умерли, — сказал Ли однажды вечером, когда мы сидели на берегу озера и бросали в воду камешки, — я хочу это знать.

Я покачала головой:

— Когда не знаешь, то хотя бы надеешься.

— От моего знания или незнания они не оживут. — Ли сел поближе. — Мне кажется, они умерли. Я чувствую.

— Ли...

— Я его убью. — Парень сказал это без угрозы в голосе, а как мужчина, который дает клятву. — Только бы удалось подобраться. Клянусь, я его убью!

На небо взошли луны, отчего на поверхности озера появились наши силуэты. Я бросила еще один камешек и любовалась кругами, расходящимися по воде от отражения желтой луны. В деревьях за нашими спинами тихо гудел лагерь. Время от времени из этого гудения пробивался чей-нибудь Шум, в том числе и Шум Ли, которому госпожа Койл не сочла нужным выдавать лекарство.

— Это совсем не так, как ожидаешь, — тихо сказала я.

— Ты про убийство? — спросил Ли.

Я кивнула:

— Да. Даже если человек заслуживал смерти, даже если бы он запросто тебя убил, если б смог, все равно это ужасно.

Ли помолчал немного и выдавил:

— Знаю.

Я посмотрела на него:

— Ты убил солдата?

Ли не ответил, — а это уже само по себе ответ.

— Ли? Почему ты не расска...

— Потому что это совсем не так, как ожидаешь, верно? — перебил меня он. — Даже если человек заслужил.

Ли швырнул в озеро еще один камешек. Нет, мы не утешали друг друга. Между нами разверзлась пропасть.

— Но я все равно его убью, — сказал парень.

Я убираю картонку с бомбы и крепко прижимаю ее к стенке колодца — на обратной стороне у нее вязкий клей из древесного сока. Я достаю из рюкзака два проводка, а еще два — уже торчащие из бомбы — скручиваю между собой, потом соединяю все вместе, оставляя болтаться только один кончик.

Все, бомба готова.

Я достаю из переднего кармана рюкзака маленький зеленый дисплей и прикручиваю его к болтающемуся проводу. Нажимаю на нем красную кнопку, затем серую. Загораются зеленые цифры.

Теперь можно выставить время.

Жму на серую кнопку несколько раз, пока на экране не появляется цифра 30.00. Еще раз нажимаю на красную кнопку, переворачиваю дисплей, заправляю один металлический клапан в другой и снова жму на серую. На дисплее начинается обратный отсчет: 29:59, 29:58, 29:57.

Бомба ожила.

— Молодец! — шепчет госпожа Койл. — А теперь бежим.

И вот, после месяца затишья, пока выздоравливали освобожденные узники, пока мы учились и вдыхали жизнь в нашу армию, наступила ночь, когда ожидание наконец подошло к концу.

— Просыпайся, дитя, — сказала госпожа Койл, стоя на коленях у моей койки.

Я открыла глаза и заморгала. Была глубокая ночь. Госпожа Койл говорила очень тихо, чтобы не разбудить остальных спящих.

— Зачем? — удивилась я.

— Ты сказала, что готова на все.

Я встала и вышла в холодную ночь, обуваясь на ходу. Госпожа Койл уже приготовила для меня рюкзак.

— Мы едем в город? — спросила я, зашнуровывая ботинки.

— Она великолепна, — заглянув в рюкзак, пробормотала госпожа Койл.

— Почему сегодня? Почему сейчас?

Госпожа Койл подняла голову:

— Пора напомнить мэру Прентиссу о нашем существовании.

У меня за спиной болтается пустой рюкзак. Мы перебегаем двор и крадемся мимо дома, то и дело останавливаясь и слушая ночь.

Вокруг ни звука.

Я уже готова скрыться в лесу, но госпожа Койл встала и разглядывает белую стену дома.

— Можно здесь, — говорит она.

— Что «можно»? — Я с опаской озираюсь по сторонам: время-то идет.

— Ты забыла, кто мы? — Госпожа Койл запускает руку в карман длинной форменной юбки, которую надевает даже на задания, хотя в штанах было бы куда удобнее. Достает оттуда какой-то небольшой предмет и бросает мне. Я машинально ловлю. — Исполнишь ритуал?

Я опускаю глаза. В ладони у меня рассыпающийся кусочек синего угля, какого в лагере всегда в достатке: чтобы согреться, мы сжигаем остатки ричеров. Уголек оставляет пыльное синее пятно на моей руке.

Я смотрю и смотрю на него.

— Тик-так, — говорит госпожа Койл.

Я сглатываю. Затем поднимаю руку и быстрым движением черчу овал на белой стене.

На меня смотрит синяя «О» — дело моих собственных рук.

Я вдруг замечаю, что очень тяжело дышу.

Оглядываюсь: госпожа Койл уже скрылась в канаве рядом с дорожкой. Пригнув голову, я бегу за ней.

А через двадцать восемь минут, как раз когда мы добираемся до телеги в глубине леса, вдалеке раздается *Бум!*

— Поздравляю, солдат, — говорит госпожа Койл. Телега трогается. — Ты только что сделала первый выстрел в последнем сражении.

ИСКУССТВО ЗАДАВАТЬ ВОПРОСЫ

[Тогда]

Женщина привязана к железной раме, руки задраны вверх и чуть заведены назад.

Она как будто собралась нырять.

Только на лице у нее разбавленная водой кровь.

— Сейчас она получит, — говорит Дейви.

Но голос у него на удивление тихий.

— Еще раз, моя дорогая, — говорит мистер Хаммар, обходя ее сзади. — Кто установил бомбу?

Вчера вечером прогремел первый взрыв после долгого затишья, уничтожив колодец и водяной насос на одной ферме.

Началось.

— Я не знаю, — отвечает женщина, нутужно кашляя. — Я ведь даже ни разу не выезжала из Хейвена после ...

— *Откуда* ты не выезжала? — вопрошает мистер Хаммар.

Он хватает раму за специальную ручку и резко наклоняет вперед, погружая лицо женщины в бочку с водой. И держит, держит, пока та бьется в конвульсиях.

Я упираюсь взглядом в пол.

— Подними голову, Тодд, — говорит мэр Прентисс, стоящий за нашими спинами. — А то ничему не научишься.

Поднимаю голову.

Мы стоим по другую сторону двустороннего зеркала, в маленькой наблюдательной комнате, выходящей зеркальной стороной на Арену Вопросов — обычный зал с высокими бетонными стенами и такими же зеркальными окнами со всех сторон. Мы с Дейви сидим рядом на коротенькой скамейке.

И наблюдаем.

Мистер Хаммар поднимает раму. Женщина хватается губами воздух и пытается вырваться из пут.

— Где ты живешь? — Мистер Хаммар улыбается, гнусная ухмылка вообще никогда не сходит с его лица.

— В Нью-Прентисстауне, — выдавливают женщина. — В Нью-Прентисстауне.

— Верно.

Мистер Хаммар смотрит, как бедная женщина кашляет снова и снова, пока ее не вытащивает прямо на грудь. Он берет полотенце и тщательно вытирает рвоту.

Женщина все еще задыхается, но взгляд ее не сходит с мистера Хаммара.

Она перепугана до полусмерти.

— Зачем он так? — спрашивает Дейви.

— Как? — не понимает мэр Прентисс.

Дейви пожимает плечами:

— Ну, типа, по-доброму.

Я молчу. И стараюсь выгнать из Шума воспоминания о компрессах, которые накладывал мне мэр Прентисс во время допроса.

Как давно это было...

Я слышу, как мэр Прентисс меняет позу и шуршит одеждой, чтобы Дейви не услышал моего Шума.

— Мы же не звери, Дэвид. Мы не ради удовольствия это делаем.

Я смотрю на мистера Хаммара, на его улыбку.

— Да, Тодд, — говорит мэр Прентисс. — Капитан Хаммар, быть может, чересчур *весел*, и поведение его отчасти неуместно, однако признай: оно приносит плоды.

— Ну что, пришла в себя? — спрашивает мистер Хаммар женщину. Его голос доносится из динамиков в углах комнаты, но звук немного отстает от движений губ, отчего кажется, что мы смотрим передачу по визору. — Я сожалею, что мне приходится задавать Вопросы, — говорит мистер Хаммар. — Но наша беседа может закончиться очень быстро. Тебе стоит только захотеть.

— Прошу вас, — шепчет женщина, — умоляю, отпусти-те меня, я ничего не знаю!

И она начинает плакать.

— Господи... — выдыхает Дейви.

— В арсенале врага множество уловок, чтобы вызвать в нас сочувствие, — говорит мэр Прентисс.

— Так это уловка? — спрашивает его Дейви.

— Почти наверняка, — ухмыляется мэр Прентисс.

Я все наблюдаю за женщиной. На уловку что-то непохоже.

Я — круг, круг — это я.

— Решать вам, — продолжает мистер Хаммар, снова начиная кружить по залу.

Женщина пытается не выпускать его из виду, но ее движения ограничены рамой. Он нарочно не показывается ей на глаза и стоит где-то за спиной. Чтобы ей было не по себе.

Потому что Шума у мистера Хаммара нет.

Но у нас-то с Дейви он есть.

— Она слышит лишь невнятные помехи, Тодд, — говорит мэр Прентисс, читая мой Шум. — Видите железные стрелки, торчащие из рамы с двух сторон от ее головы?

Он показывает на них пальцем. Мы с Дейви видим.

— Из них доносится постоянный свист, который приглушает любой Шум из наблюдательных комнат. Не дает отвлекаться от Вопросов.

— Ну да, иначе она может услышать, что нам уже известно! — догадывается Дейви.

— Вот именно, — отвечает мэр Прентисс, слегка удивившись. — Ты совершенно прав, Дэвид.

Тот улыбается.

— На стене фермерского дома кто-то начертил синюю букву «О», — продолжает сержант Хаммар, все еще не показываясь на глаза женщине. — То есть бомбу подложили члены твоей группировки.

— Это не *моя* группировка! — говорит женщина, но мистер Хаммар ее будто и не слышит.

— Нам также известно, что весь последний месяц ты работала на этом самом поле.

— И многие другие женщины! — вопит бедняжка все отчаянней и отчаянней. — Милла Прайс, Кассиа Макрэй, Марта Сатпен...

— Значит, они тоже в сговоре?

— Да нет же! Я только..

— Видите ли, миссис Прайс и миссис Сатпен уже ответили на наши Вопросы.

Женщина резко умолкает, в глазах — новый страх.

На сей раз Дейви хихикает:

— Попалась!

Но я слышу в его Шуме едва заметное облегчение.

Интересно, а мэр Прентисс слышит?

— Что... — выдавливают женщина, потом умолкает ненадолго и с трудом заканчивает: — Что они сказали?

— Что вы просили у них помощи, — спокойно отвечает мистер Хаммар, — и хотели завербовать их в террористки, но они отказались, и тогда вы решили действовать в одиночку.

Женщина бледнеет, изумленно раскрывает рот и глаза.

— Но ведь это неправда? — спокойно спрашиваю я мэра Прентисса. *Я — круг, круг — это я.* — Мистер Хаммар вы-

нуждает несчастную признаться, делая вид, что в ее признании уже нет нужды.

— Отлично, Тодд! — одобрительно восклицает мэр Прентисс. — Чувствую, у тебя дар.

Дейви вопросительно смотрит на меня, потом на отца, потом снова на меня, но сказать что-нибудь не решается.

— Мы уже знаем, что вы виновны, — говорит мистер Хаммар. — Свидетельских показаний достаточно на пожизненный срок. — Он останавливается прямо перед ото-ропевшей женщиной. — Поверьте, я — ваш друг. Человек, в чьих силах спасти вас от участи куда более страшной, чем тюремное заключение.

Женщина с трудом сглатывает — похоже, ее снова тошнит.

— Но я ничего не знаю, — слабо произносит она. — Правда, *ничего*.

Мистер Хаммар вздыхает:

— Что ж, должен сказать, я страшно разочарован.

Он снова обходит ее со спины, хватая раму и окунает женщину в воду.

И держит...

Держит...

Поднимает глаза на наше зеркало...

И улыбается...

И держит...

Вода бурлит от ее конвульсий...

Я — круг, круг — это я, думаю я, зажмуриваясь.

— Открой глаза, Тодд, — говорит мэр Прентисс.

Открываю...

А мистер Хаммар все держит бедняжку.

Она бьется что есть сил...

Так что из-под веревок на запястьях проступает кровь...

— Господи... — выдыхает Дейви...

— Он ее убьет, — говорю я тем же тихим голосом...

Это только визор...

Просто визор...
(а вот и нет)
(ничего не чувствую)
(потому что я умер)
(умер)

Мэр Прентисс протягивает руку к стенке и нажимает кнопку.

— Достаточно, капитан, — говорит он, и его голос оглашает стены Арены.

Мистер Хаммар поднимает раму. Медленно.

Женщина висит на ней неподвижно, уронив подбородок на грудь. Из носа и рта льется вода.

— Он ее убил! — вскрикивает Дейви.

— Нет — усмехается мэр Прентисс.

— Ответьте мне, — повторяет мистер Хаммар женщине, — и все закончится.

Наступает долгая тишина, очень долгая.

А потом в горле женщины что-то щелкает.

— Что вы сказали? — спрашивает мистер Хаммар.

— Я это сделала, — шепчет женщина.

— Не может быть! — охает Дейви.

— Что вы сделали? — задает следующий вопрос мистер Хаммар.

— Подложила бомбу, — отвечает женщина, не поднимая головы.

— И пыталась завербовать других в террористическую группировку? — добавляет мистер Хаммар.

— Да, да, — шепчет женщина, — как угодно.

— Ха! — кричит Дейви — опять с облегчением, которое он тщательно пытается скрыть. — Созналась! Созналась!

— А вот и нет, — говорю я, не шевелясь и не сводя глаз с женщины.

— Чего?! — орет Дейви.

— Она врет. — Я все гляжу и гляжу сквозь зеркало. — Чтобы он перестал ее мучить. — Я немного поворачиваю

голову, показывая, что обращаюсь к мэру Прентиссу: — Так ведь?

Мэр Прентисс немного выжидает. Хоть у него нет Шума, я вижу, как он поражен моей догадливостью. С тех пор как я начал упражняться, мне многое стало ясно.

Может, в этом и суть.

— Ну разумеется, она врет, — наконец произносит мэр Прентисс. — Но зато теперь мы можем использовать ее признание против нее.

Взгляд Дейви бегаёт между мной и отцом.

— То есть он... он снова будет ее допрашивать?

— Все женщины — члены «Ответа», — говорит мэр Прентисс, — если не на деле, так в душе. Мы должны выяснить, о чем она думает. И что *знает*.

Дейви переводит взгляд на задыхающуюся женщину:

— Не понимаю...

— Когда ее отправят обратно в тюрьму, — говорю я, — остальные женщины увидят, что с ней случилось.

— Верно. — Мэр Прентисс кладет ладонь мне на плечо — почти ласково. Я не шевелюсь, и тогда он убирает руку. — Они поймут, что ждет непослушных. И постепенно мы выпытаем из них все нужные сведения. Вчерашняя бомба означала возобновление вражды и переход к решающим действиям. Нам необходимо выяснить, каким будет следующий шаг «Ответа».

Дейви все еще смотрит на женщину:

— А с ней что будет?

— Ее накажут за преступление, в котором она призналась, разумеется, — отвечает мэр Прентисс, не давая Дейви вставить ни слова. — И как знать? Вдруг ей в самом деле что-то известно. Есть лишь один способ это выяснить...

— Я хочу поблагодарить тебя за помощь, — говорит мистер Хаммар, беря женщину под подбородок и поднимая ее лицо. — Ты проявила редкую силу воли и отвагу, можешь собой гордиться. — Он улыбается, но она не смотрит ему

в глаза. — Не каждый мужчина способен так храбро сносить наши Вопросы.

Мистер Хаммар отходит к столику в углу и снимает с него тряпку. В тусклом свете Арены вспыхивают какие-то блестящие железки. Мистер Хаммар берет одну.

— А теперь пришла пора для второй части нашей беседы, — усмехается он, приближаясь к женщине.

И она начинает кричать.

— Это... это было... — безуспешно пытается выговорить Дейви, расхаживая из стороны в сторону. — Это было... — Он поворачивается ко мне: — Черт подери, Тодд!

Я молча достаю из кармана припрятанное яблоко.

— Яблоко, — шепчу я на ухо Анггаррад.

Яблоко. говорит она в ответ, трогая его зубами. **Тодд.** говорит она, а потом вопросительно: **Тодд?**

— Ты тут ни при чем, девочка, — шепчу я, глядя ее по носу.

Мы стоим недалеко от ворот, которые все еще охраняет Иван; он пытается поймать мой взгляд. Я слышу, как он тихо повторяет мое имя в своем Шуме.

Но я не обращаю внимания.

— Это было жестоко, — наконец выговаривает Дейви, стараясь прочесть мой Шум, мои мысли, но я делаю их как можно более неразборчивыми.

Я ничего не чувствую.

Мне плевать.

— Смотрю, ты крутой стал, — насмешливо говорит Дейви, не слушая нытье Урагана, который тоже кланчит яблоко. — Даже не поморщился, когда...

— Господа, — говорит мэр Прентисс, выезжая из ворот. В одной руке у него длинный тяжелый мешок.

Иван встает по стойке «смирно».

— Па! — здоровается Дейви.

— Она умерла? — спрашиваю я, не отрываясь от Анггаррад.

— Ну что ты, какой нам смысл ее убивать, — отвечает мэр Прентисс.

— А выглядела так, как будто умерла, — говорит Дейви.

— Только потеряла сознание, — усмехается мэр Прентисс. — Так, у меня для вас новая работа.

Слова на секунду повисают в воздухе — *новая работа*.

Я закрываю глаза. *Я — круг, круг — это я.*

— Да хватит уже это повторять!!! — орет на меня Дейви.

Но мы все слышим ужас в его Шуме, страх перед отцом и перед *новой работой*, страх, что он не сможет...

— Задавать Вопросы тебе не придется, не бойся, — заверяет его мэр Прентисс.

— А я и не боюсь, — слишком громко отвечает Дейви. — Кто сказал, что я боюсь?

Мэр Прентисс бросает мешок нам под ноги.

Я узнаю очертания.

Дейви с ужасом смотрит на мешок. Даже *ему* стало дурно.

— Только заключенных, — говорит мэр Прентисс. — Чтобы враг не сумел незаметно просочиться.

— Ты хочешь, чтобы мы?.. — Дейви потрясенно смотрит на отца. — *Живых людей?!*

— Не людей, — возражает мэр Прентисс. — Врагов государства.

Я все еще пялюсь на мешок.

Хорошо знакомый нам обоим. Мешок с щипцами и связкой железных лент.

ЖЕЛЕЗНАЯ ЛЕНТА

[Виола]

Только я запустила таймер и повернулась к госпоже Брэтит — сказать, что все готово и можно уходить, — как из кустов за нашими спинами вываливается женщина.

— Помогите, — говорит она так тихо, словно и не видит нас, а просто умоляет Вселенную о помощи.

И падает наземь.

— Что это за дрянь? — спрашиваю я, доставая еще один пластырь из набора для оказания первой помощи, который мы спрятали в телеге. Раскачиваясь туда-сюда на тряской дороге, я пытаюсь хоть как-то обработать раны несчастной.

На предплечье женщины — железный браслет, такой тугой, что кажется, он *врос* в кожу. Кожа воспаленная и красная, я буквально чувствую исходящий от руки жар.

— Ими раньше клеймили скот, — отвечает госпожа Брэтит, злобно подстегивая быков. Мы мчимся по дорожкам,

вовсе не предназначенным для такой быстрой езды. — Вот *сволочь!*

— Помогите. — шепчет женщина.

— Я вам помогаю, — говорю я.

Ее голова поκειται на моих коленях. Я обворачиваю по-вязкой железную ленту и замечаю выбитый на ней номер.

1391-й.

— Как вас зовут? — спрашиваю я.

Глаза у женщины полуприкрыты, и она лишь повторяет:

— Помогите.

— Откуда нам знать, что она не шпионка? — спрашивает госпожа Койл, скрестив руки на груди.

— Господи! — огрызаюсь я. — Есть у вас сердце или нет?

Госпожа Койл мрачнеет:

— Мы должны быть готовы к любым уловкам.

— У нее заражение, руку уже не спасти, — говорит госпожа Брэтит. — Если она и шпионка, вернуться в город она сможет не скоро.

Госпожа Койл вздыхает:

— Где вы ее нашли?

— Рядом с новым министерством Вопросов, о котором нам докладывали, — отвечает госпожа Брэтит, хмурясь еще сильнее.

— Мы подложили бомбу в здание небольшого склада неподалеку, — говорю я. — Ближе подобраться не удалось.

— Силы небесные, Никола, он их *клеят*! — всплескивает руками госпожа Брэтит.

Госпожа Койл потирает пальцами лоб:

— Знаю.

— Нельзя эту ленту просто вырезать? — спрашиваю я. — А рану потом вылечить?

Госпожа Брэтит качает головой:

— Лента обработана специальными веществами, которые не дадут ране затянуться. В этом суть: снять клеймо

нельзя, если не хочешь истечь кровью. Это навсегда. *На- всегда.*

— О, боже... — шепчу я.

— Мне надо с ней поговорить, — заявляет госпожа Койл.

— Сейчас там Надари, — объясняет госпожа Брэтит. — Возможно, она придет в сознание перед операцией.

— Тогда идем, — говорит госпожа Койл.

Целительницы направляются в сторону палатки-лазарета. Я иду за ними, но госпожа Койл останавливает меня строгим взглядом:

— Тебе с нами нельзя, дитя.

— Почему?

Но они молча уходят, оставляя меня одну на холодном ветру.

— Ты цела, Хильди? — спрашивает Уилф.

Я хожу среди его быков, пока он гладит их натертые сбруей шеи и спины **Уилф**, говорят они.

Других слов от них я не слышала.

— Ага. Правда, ночь выдалась тяжелая. Мы спасли женщину, у которой на руке было клеймо из железного обруча.

Уилф ненадолго погружается в раздумья, а потом указывает на железные полоски, оковывающие ногу каждого быка:

— Такие, что ли?

Киваю.

— На человеке?! — Уилф присвистывает.

— Жизнь в городе меняется, — говорю я. — Меняется к худшему.

— Знаю, — отвечает Уилф. — Скоро мы кой-чего устроим, и тогда все кончится. Так или иначе.

Я удивленно смотрю на него:

— Ты знаешь, что она задумала?

Уилф качает головой и поглаживает железную ленту на ноге быка. **Уилф**, говорит тот.

— Виола! — окликает меня женский голос с другого конца лагеря.

Через темную поляну к нам стремительно шагает госпожа Койл.

— Она тут всех перебудит, — бурчит Уилф.

— Больная немного бредит, — говорит госпожа Надари, когда я встаю на колени рядом с койкой. — У тебя минута в лучшем случае.

— Скажи ей, что говорила нам, — просит госпожа Койл женщину. — Просто скажи — и сразу уснешь.

— Рука, — выдавливают женщина. Глаза у нее затуманены. — Моя рука... уже не больно.

— Ну же, голубушка, скажи ей, — на удивление теплым голосом говорит госпожа Койл. — И тебе сразу станет хорошо.

Глаза женщины останавливаются на мне и слегка приоткрываются.

— Ты, — говорит она, — девочка на площади...

— Виола, — киваю я, кладя ладонь на ее здоровую руку.

— У нас очень мало времени. Джесс, — уже строже говорит госпожа Койл, называя раненую по имени. — Скажи ей.

— Да что сказать? — с досадой спрашиваю я. Ну, разве можно так тревожить больную?

Я уже собираюсь задать этот вопрос, когда госпожа Койл отвечает:

— Скажи, кто с тобой это сделал.

В глазах Джесс вспыхивает страх.

— О... О, нет, нет!

— Только два слова, и мы дадим тебе уснуть.

— Мальчики, — отвечает женщина. — Мальчики. Под-
ростки.

Я судорожно глотаю воздух.

— Какие мальчики? — спрашивает госпожа Койл. — Скажи имена.

— Дейви... — Глаза женщины стекленеют, нас она больше не видит. — Дейви — старший.

Госпожа Койл ловит мой взгляд:

— А второй?

— Такой тихий... Ни с кем не разговаривал. Все делал... молча.

— Как его звали? — не унимается госпожа Койл.

— Мне пора, — говорю я, вставая и не желая слышать ответ.

Госпожа Койл хватается за руку и не дает уйти.

— Как его звали? — повторяет она вопрос.

Дыхание больной становится натужным, она почти хрипит.

— Ну все, довольно, — говорит госпожа Надари. — Я с самого начала была против...

— Еще секунду, — обрывает ее госпожа Койл.

— Никола...

— Тодд, — выдавливает женщина на койке — женщина с воспаленной рукой, которую сейчас ампутируют, спасенная мною женщина... Глаза бы мои ее не видели. — Второго звали Тодд.

— Оставьте меня в покое, — кричу я, когда госпожа Койл выбегает за мной из палатки.

— Он жив! — говорит она. — Но перешел на их сторону!

— Заткнитесь!!!

Я бегу по лагерю, не заботясь о сне его обитателей.

Госпожа Койл догоняет меня и хватается за руку:

— Ты потеряла его, дитя. Если он вообще когда-то был твоим...

Я наотмашь бью целительницу по лицу — так быстро и сильно, что она не успевает защититься. Все равно что по

дереву ударить. Ее твердое крепкое тело пошатывается, а моя рука звенит от боли.

— Прекратите молоть чушь! — ору я.

— Да как ты *посмела*, — выдавливает госпожа Койл, хватаясь за лицо.

— Да вы еще *не видели* меня в деле! — кричу я, не сходя с места. — Я взорвала мост, чтобы остановить армию. Я за-резала сумасшедшего убийцу! Я спасала жизни людей, пока вы их убивали!

— Ах ты хамка... — шипит госпожа Койл.

Я шагаю ей навстречу.

Она не пятится.

Но умолкает.

— Я вас ненавижу, — медленно выговариваю я. — На любое ваше действие мэр Прентисс отвечает какими-нибудь ужасами!

— Не я развязала эту войну... — пытается оправдаться госпожа Койл.

— Но вы ее обожаете! — Я делаю еще шаг вперед. — Вам нравятся все эти взрывы, битвы, освобождения...

Лицо целительницы искажает такая злоба, что это видно даже в темноте.

Но я не боюсь ее.

И она это чувствует.

— В жизни не все так просто, дитя. Мир не черно-белый. Никогда не был таким и не будет. И ты, похоже, забыла, — от ее улыбки мороз идет по коже, — что в этой войне заняла мою сторону.

Я подхожу к госпоже Койл вплотную:

— Мэра надо свергнуть, поэтому я вам помогаю. Но когда это случится... — я стою так близко, что чувствую на лице ее дыхание, — не придется ли мне свергать и вас?

Целительница не отвечает.

Но и не пятится.

Я разворачиваюсь на каблуках и ухожу прочь.

— Его больше нет, Виола! — кричит госпожа Койл мне в спину.

Но я просто иду дальше.

— Мне нужно в город, — говорю я.

— Сейчас? — спрашивает Уилф, глядя на небо. — Скоро рассвет уже. Опасно.

— А когда не опасно? У меня нет выбора.

Уилф рассеянно моргает, но сразу же принимается готовить телегу.

— Нет, — останавливаю его я. — Научи меня править, я поеду одна. Тебе нельзя так рисковать.

— За Тоддом едешь?

Киваю.

— Тогда я с тобой.

— Уилф...

— Еще рано, — перебивает меня он, впрягая быков. — Хоть до дороги тебя подброшу.

И продолжает молча запрягать телегу. Быки недоумевают, почему им так и не дали отдохнуть, и все твердят: **Уилф? Уилф?**

Я вспоминаю про Джейн: что она скажет, узнав, какой опасности я подвергаю ее мужа?

Но говорю только:

— Спасибо.

— Я с вами, — раздается чей-то голос.

Оборачиваюсь: передо мной стоит сонный, но уже одетый Ли.

— Ты почему не спишь? Нет, с нами нельзя.

— Можно. Вы тут весь лагерь перебудили.

— Это слишком опасно. Они услышат твой Шум.

Не открывая рта, он говорит мне: **Ну и пусть слышат.**

— Ли...

— Ты ведь едешь искать его, так?

Я вздыхаю. Может, лучше остаться, пока не пришлось рисковать еще чьей-нибудь жизнью?

— Ты едешь в министерство Вопросов. — Ли говорит очень тихо.

Киваю.

А потом до меня доходит.

Шивон и его мама тоже могут быть там.

Киваю снова, и на сей раз Ли понимает: мы едем вместе.

Никто не пытается нам помешать, хотя уже пол-лагеря знает, куда мы собрались. У госпожи Койл есть на то причины.

По дороге мы почти не разговариваем. Я просто слушаю Шум Ли и его мысли о семье, мэре Прентиссе и о том, что тот с ним сделает, если схватит.

Мысли обо мне.

— Лучше скажи что-нибудь, — говорит Ли. — Невежливо так вслушиваться в чужой Шум.

— Знаю, — улыбаюсь я.

Но у меня жутко пересохло во рту, и сказать особо нечего.

Солнце всходит раньше, чем мы успеваем добраться до города. Уилф изо всех сил подгоняет быков, но все равно мы страшно рискуем: нельзя появляться в проснувшемся городе на телеге, в которой едет два Шумных человека.

Но Уилф не останавливается.

Я объяснила ему, куда именно мне надо, и он сказал, что знает это место. Он останавливает телегу в чаще леса и показывает на утес:

— Бегите, только людям на глаза не показывайтесь!

— Хорошо, — спрашиваю я. — Но если через час мы не вернемся, езжай обратно, не жди нас.

Уилф молча смотрит на меня. Мы оба понимаем: никуда он не уедет.

Мы с Ли взбираемся на утес, стараясь все время двигаться под покровом деревьев, а на вершине нам становится ясно, почему Уилф высадил нас именно тут. Неподалеку возвышается холм, на котором стояла башня, и отсюда хорошо видно дорогу к министерству Вопросов — это что-то вроде тюрьмы или пыточной или...

Даже думать тошно.

Мы лежим рядом на животе и выглядываем из-за кустов на дорогу.

— Будь начеку, — шепчет Ли.

В этом нет нужды. Как только солнце окончательно встает, Нью-Прентисстаун погружается в **РЕВ** своих жителей. Непонятно, зачем Ли так уж прятать свой Шум. В этом потоке можно утонуть, не то что спрятаться.

— Вот именно, в нем тонешь, — отвечает Ли, когда я задаю вопрос вслух. — Если в него погрузиться, мигом задохнешься.

— Не представляю, — вздыхаю я, — каково было расти в таком мире...

— Да, не представляешь, — кивает парень.

Но тон у него не самодовольный.

Я шурюсь, пытаюсь разглядеть дорогу в ослепительно-ярком солнце:

— Эх, жаль бинокля нет!

Ли запускает руку в карман и достает бинокль.

Я недоуменно смотрю на него:

— Ты что, нарочно ждал, пока я попрошу? Чтобы произвести впечатление?

— Не понимаю, о чем ты, — с улыбкой отвечает парень и подносит бинокль к глазам.

— Брось! — Я пихаю его плечом. — Дай мне посмотреть!

Ли убирает руку подальше, чтобы я не могла дотянуться. Я начинаю хихикать, он тоже. Крепко вцепившись в него, я пытаюсь удержать его на месте, а сама тянусь за би-

ноклем, но Ли гораздо крупнее меня и все время увертывается.

— Я не побоюсь сделать тебе больно, — говорю я.

— Верю, — смеется Ли, снова глядя в бинокль на дорогу.

Внезапно его Шум ощетинивается, да так громко, что мне становится страшно — как бы кто не услышал?

— Что там? — спрашиваю я, мигом прекратив хихикать.

Ли отдает мне бинокль и показывает пальцем:

— Вон, по дороге едут.

Но я уже и сама вижу. Бинокль фокусируется на двух всадниках в новеньких формах. Один из них что-то говорит и жестикулирует.

Смеется. Улыбается.

Второй не сводит глаз с лошади, но спокойно едет дальше.

Едет на работу в министерство Вопросов.

В форме с серебряным «В» на плече.

Тодд.

Мой Тодд.

Едет бок о бок с Дейви Прентиссом.

Едет работать с человеком, который в меня стрелял.

ЦИФРЫ И БУКВЫ

[ТОДД]

Дни тянутся один за другим. Каждый день хуже предыдущего.

— Всех-всех? — спрашивает Дейви отца. В его Шуме звенит плохо скрываемая тревога. — До единой?

— Это вопрос доверия, Дэвид, — отвечает мэр Прентисс, стоя с нами у ворот конюшенного двора, пока наших лошадей готовят к рабочему дню. — Вы с Тоддом так прекрасно справились с клеймлением узниц, что поручить дальнейшие шаги в рамках этой программы я могу только вам.

Я ничего не говорю и даже не смотрю на Дейви, который то и дело косится на меня. Шум его сияет розовым светом от отцовской похвалы.

Но под этим сиянием — тревожные мысли о новой работе. Нам поручили клеймить всех женщин Нью-Прентисстауна.

Всех до единой.

Потому что клеймить только тех, что побывали в министерстве Вопросов, оказалось бесполезно.

— Они продолжают убегать, — говорит мэр Прентисс. — Среди ночи скрываются в лесу и уходят к террористкам.

Дейви наблюдает за тем, как седлают Урагана, в Шуме — лица орущих от боли женщин.

Их слова.

— А раз кто-то убегает, — добавляет мэр Прентисс, — другие проникают внутрь.

Он имеет в виду бомбы. Последние две недели они взрываются каждую ночь, за таким числом подрывниц должна стоять довольно сильная и многочисленная армия. Ни одну из женщин поймать не удалось; лишь одна подозрелась вместе с бомбой, которую устанавливала. Ее разорвало в клочья.

Вспоминая это, я закрываю глаза.

Я умер, мне плевать.

(это была она?)

Ничего не чувствую.

— Ты хочешь, чтобы мы заклеямили всех женщин?.. — тихо повторяет Дейви, не глядя на отца.

— Я ведь уже объяснял. — Мэр Прентисс нетерпеливо вздыхает. — *Каждая* женщина — член «Ответа», пусть из одной только женской солидарности.

Конюхи выводят из загона Ангарад. Она высовывает голову за ограду и ласково тычется в меня носом. **Тодд**, говорит она.

— Они будут сопротивляться, — говорю я, глядя ее по голове. — Да и мужчины не обрадуются.

— Ах да, — говорит мэр Прентисс, — вы ведь пропустили вчерашний митинг!

Мы с Дейви переглядываемся. Вчера мы весь день работали и слыхом не слыхивали о митинге.

— Я поговорил с мужчинами Нью-Прентисстауна. Помужски поговорил. Объяснил, чем нам грозит «Ответ» и как можно устранить эту угрозу. — Мэр Прентисс гла-

дит гриву Анггаррад. Я пытаюсь скрыть свое недовольство. — Они полностью со мной согласны.

— На митинге не было женщин, так? — спрашиваю я.

Мэр Прентисс поворачивается ко мне:

— Конечно. Мы ведь не хотим раззадоривать врага, не так ли?

— Да их же тут тысячи! — взрывается Дейви. — Мы целую вечность будем их клеймить!

— У вас будут помощники, Дэвид, — спокойно отвечает мэр Прентисс, следя за тем, чтобы все внимание сына было приковано к нему. — Но ваша команда, не сомневаюсь, будет работать быстрее всех.

Шум Дейви самодовольно всколыхивается от этих слов.

— А то!

Он снова смотрит на меня.

Ему не по себе.

Я снова глажу Анггаррад по морде. Конюхи выводят Морпета; его только что смазанная маслом шкура лоснится на солнце. ~~Сдавайся~~ говорит он.

— Если вам это не по душе, — говорит мэр Прентисс, беря Морпета под уздцы, — задайте себе такой Вопрос. — Одним ловким движением он вскакивает на коня и бросает на нас последний взгляд. — Зачем невинная женщина станет противиться тому, чтобы ее личность было легко утаивать?

— Вам это с рук не сойдет, — почти невозмутимо говорит женщина.

Мистер Хаммар взводит винтовку и целится женщине в голову.

— Слепая что ли? — спрашивает Дейви слегка визгливым голосом. — Мне уже сошло это с рук!

Мистер Хаммар смеется.

Дейви зажимает щипцами ленту. Металл вгрызается в кожу женщины чуть выше запястья. Она вскрикивает, хватается

ся за ленту и падает на пол, едва успев подставить здоровую руку. Потом несколько секунд лежит, пытаясь отдышаться.

Ее волосы затянуты в тугий узел, светлые и коричневые пряди скручены вместе — похоже на проводки с обратной стороны визора. На затылке видна единственная седая прядь — точно река, бегущая по пыльной земле.

Я смотрю на седую прядь, стараясь немного расфокусировать взгляд.

Я — круг, круг — это я.

— Поднимайся, — велит Дейви женщине. — Ступай к целительницам.

Он оглядывается на очередь из женщин, неотрывно глядящих на нас из коридора перед общей спальней.

— Не слышала? — окликает ее мистер Хаммар. — Мальчик велел тебе встать.

— Вообще-то мы и без тебя справимся, — бурчит Дейви. — Нам нянька не нужна!

— Я не нянька, — улыбается мистер Хаммар. — Я — страж порядка.

Женщина медленно встает, глядя на меня.

Лицо у меня каменное, взгляд отсутствующий. Меня здесь нет.

Я — круг, круг — это я.

— Где ваше сердце? — вопрошает женщина. — Как вы можете такое вытворять?

Она разворачивается и уходит к уже заклеянным целительницам, которые ждут пациенток.

Я провожаю ее взглядом.

Я не знаю ее имени.

Но зато знаю номер — 1484-й.

— 1485-я! — кричит Дейви.

К нам подходит следующая женщина.

Весь день мы с Дейви ездим от общежития к общежитию и успеваем заклеить почти триста женщин — со

спэклами так быстро не выходило. На закате мы возвращаемся домой, а мысли Нью-Прентисстауна обращаются к комендантскому часу.

Мы почти не разговариваем.

— Ну и денек, а, ушлепок? — наконец открывает рот Дейви.

Я молчу, но он и не ждет ответа.

— Ничего с ними не будет, — заверяет он сам себя. — Целительницы снимут боль и воспаление.

Цок-цок, стучат копыта.

Спускаются сумерки. Я уже не вижу его лица.

Может, поэтому Дейви его не прячет.

— Но как они вопили...

Я молчу.

— Тебе что, вообще нечего сказать? — Голос у Дейви набирает силу. — Все молчишь и молчишь, как будто со мной и разговаривать нельзя, как будто я этого не достоин. — Его Шум начинает искрить. — А мне, ушлепок, больше и поговорить не с кем. Выбора в этой ситуации у меня нет. Что бы я ни делал, отец не дает мне *настоящей* работы. Сначала со спэклами нянькались, теперь то же самое с бабами. А за что? За что, спрашивается? — Он продолжает уже тише: — Они только и делают, что орут на нас. И смотрят, как на зверей.

— Мы и есть звери, — говорю я вслух и сам себе удивляюсь.

— Вон ты как заговорил, — презрительно ухмыляется Дейви. — Ты же теперь крутой тип, в голове одни круги и никаких чувств! Да ты бы родную ма пристрелил, если б тебе велели.

Я молча стискиваю зубы.

Дейви на минуту умолкает. А потом говорит:

— Извини. — И добавляет: — Извини, Тодд, я не хотел. — Называет меня по имени. Но тут же спохватывается: — С какой стати я перед тобой извиняюсь? Ты же тупой

ушлепок, который даже читать не умеет и подлизывается к моему па! Да пошел ты!

Я все молчу. Цок-цок, стучат копыта.

— Вперед, — ржет Анггаррад, подбадривая Урагана. — Вперед.

Вперед, слышу я в ее Шуме. И: **Жеребенок Тодд**.

— Анггаррад, — шепчу я ей на ухо.

— Тодд? — окликает меня Дейви.

— Что?

Он сопит носом.

— Так, ничего. — Но потом все же спрашивает: — Как ты это делаешь?

— Что?

Дейви пожимает плечами:

— Ну, не паришься... Ты такой... бесчувственный. Даже когда они... — Он умолкает на секунду и едва слышно произносит: — Когда они плачут.

Я молчу, потому что помочь ему мне нечем. Раз он не знает про упражнение «Я — круг, круг — это я», выходит, так решил его отец.

— Да знаю я, — отвечает Дейви. — Сто раз пытался — ничего не выходит. А па не... — Он резко замолкает, будто сказал слишком много. — Да ну тебя!

Мы едем дальше, все глубже погружаясь в **РЕР** Нью-Прентисстауна, и наконец выезжаем на главную площадь. Лошади твердят друг другу приказы, напоминая себе, кто они и зачем находятся здесь.

— Ты — мой единственный друг, ушлепок, — наконец говорит Дейви. — Ну, разве это не самая грустная фигня на свете?

— Тяжелый день? — с порога спрашивает меня мэр Леджер. Голос у него на удивление непринужденный, и он не сводит с меня глаз.

— Вам-то что? — Я сбрасываю сумку на пол и плюхаюсь на матрас, не сняв формы.

— Ну, это непросто — целыми днями пытаться женщин.

Я удивленно моргаю.

— Я их не пытаю, — рычу я. — Не смейте так говорить!

— Ну конечно, не пытаешь! Экий я старый болван! Ты просто прикручиваешь к их рукам ржавые железки, которые нельзя снять. Разве это пытка?

— Эй! — Я сажусь. — Мы делаем все быстро и почти без боли! Другие с ними бы не церемонились. Раз кому-то все равно придется это делать, пусть лучше это будем *мы*.

Он скрещивает руки на груди и прежним непринужденным тоном спрашивает:

— Это оправдание поможет тебе спать спокойно?

Мой Шум вскидывается.

— Ах так?! То-то мэр не слышал на вчерашнем митинге ваших криков? Не очень-то вы возмущались его решением!

Он мрачнеет, а в его Шуме вспыхивает серая ярость.

— И получить пулю в лоб? Или угодить на допрос? Как это поможет женщинам?

— А, так вот что вы делаете! *Помогаете!*

Мэр Леджер ничего не отвечает, просто молча выглядит на улицу. Там горит всего несколько фонарей — те, без которых нельзя обойтись. Город **PERBET** вопросами о том, когда «Ответ» предпримет решающий шаг, и что это будет, и кто всех спасет.

Мой Шум — рассерженный и красный. Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

Я — круг, круг — это я.

Мне плевать, я ничего не чувствую.

— Они начинают снова к нему привыкать, — говорит мэр Леджер, глядя в окно. — Стоило отменить несколько запретов и ограничений, как люди к нему потянулись. Но это — тактическая ошибка.

Я открываю глаза: уж очень он странное выражение выбрал — «тактическая» ошибка?

— Мужчины теперь в ужасе, — продолжает мэр. — Они не знают, чего им ждать. — Он опускает глаза на руку и потирает место, где могла бы быть железная лента. — С политической точки зрения он допустил ошибку.

Я прищуриваюсь.

— А вы-то чего распереживались? — спрашиваю я. — На чьей вы стороне?

Он резко оборачивается, как будто я его обидел — похоже, так и есть.

— Я на стороне *города*, — злобно отвечает он. — А ты на чьей, Тодд Хьюитт?

Раздается стук в дверь.

— Спасен звоном обеденного колокольчика, — язвительно цедит мэр Леджер.

— Когда вы последний раз слышали стук в дверь? — замечаю я, поднимаясь на ноги. Достаяю ключ и отпираю замок.

На пороге стоит Дейви.

Сначала он ничего не говорит — только глазки тревожно бегают туда-сюда. Решив, что возникла какая-то проблема в общежитии, я вздыхаю и иду к матрасу за вещами. Даже разуться не успел...

— Придется немного подождать, — говорю я. — Ангарад еще ест. Она не любит, когда ее дергают.

Дейви все молчит, и я удивленно поворачиваюсь к нему. Он заметно нервничает и прячет от меня глаза.

— Ну что?! — спрашиваю я.

Он прикусывает нижнюю губу. В его Шуме ничего не разобрать, кроме стыда, вопросительных знаков и злобы на мэра Леджера, перед которым ему неудобно. А за всем этим кроется какое-то странное чувство, почти раскаяние...

Дейви тут же его прикрывает, а на передний план выступают гнев и стыд.

— Клятый ушлепок, — бормочет он себе под нос и сердито стягивает с плеча лямку. Только тут я замечаю, что у него за спиной болтается сумка. — Клятый... — Но не договаривает, а открывает сумку и что-то оттуда достает. — На, забирай, — чуть не орет Дейви, тыча в меня каким-то предметом.

Дневник моей ма.

Он возвращает мне мамин дневник!

— Бери уже!

Я медленно протягиваю руку, обхватываю корешок пальцами и осторожно тяну на себя, точно это не книжка, а что-то очень хрупкое. Кожа на обложке все такая же мягкая, с порезом посередине, куда вонзился нож Аарона — дневник спас меня от верной смерти. Я глажу его рукой.

Потом поднимаю глаза на Дейви, но он прячет взгляд.

— Пошел я, — говорит он, разворачивается и, торопливо сбежав по винтовой лестнице, уходит в ночь.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

[Виола]

Я прячусь за деревом: сердце едва не выпрыгивает из груди.

В руке — пистолет.

Я прислушиваюсь к хрусту веток, звукам шагов — словом, к любым признакам приближения солдата. Я знаю, что он рядом — слышу его Шум, но он такой неясный, что направление толком не определишь.

А идет он за мной. В этом не может быть сомнений.

Шум становится все громче. Я прижимаюсь спиной к дереву и слышу его где-то слева от себя.

Надо точно рассчитать момент, когда выпрыгнуть из-за дерева.

Я поднимаю пистолет.

В Шуме солдата появляются деревья, растущие вокруг меня, и вопросительные знаки: где же я прячусь? Выбор постепенно останавливается на двух деревьях, за одним из которых действительно стою я.

Ох, пусть он выберет второе — в нескольких футах слева.

Наконец я слышу тихие шаги по мягкой лесной земле. Закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на Шуме солдата, походке и точном положении ног.

Какое же дерево он выбрал?

Шаг. Пауза. Еще шаг.

Он делает выбор...

Я тоже...

Выскакиваю из-за дерева, мгновенно приседаю, делаю подножку и сшибаю солдата с ног. Застигнутый врасплох, он падает, целясь в меня из винтовки, но я успеваю прижать дуло ногой к земле, навалиться на него всем своим весом и приставить к подбородку пистолет.

— Молодец, — с улыбкой крикает Ли.

— Очень хорошо. — Из темноты выходит госпожа Брэтит. — А теперь самый ответственный момент, Виола. Что ты сделаешь с врагом, попавшим тебе в руки?

Я смотрю на лицо Ли, который тяжело дышит подо мной, чувствую тепло его тела...

— Ну, что ты сделаешь? — настаивает госпожа Брэтит.

Я опускаю глаза на пистолет:

— То, что должна.

Я сделаю то, что должна, чтобы его спасти.

Чтобы спасти Тодда.

— Ты точно этого хочешь? — в сотый раз спрашивает меня госпожа Койл, когда мы утром выходим из столовой, едва отбившись от Джейн, которая так и норовила спить нам ведро чая.

— Точно.

— У тебя только один шанс, прежде чем мы нанесем удар. Виола. *Всего один.*

— Однажды он спас меня, — говорю я. — Когда меня поймали, он спас меня — и принес ради этого самую большую жертву, какую только мог.

Госпожа Койл хмурится:

— Люди меняются, Виола.

— Я обязана дать ему этот шанс.

— Хм-м... — потянет госпожа Койл, по-прежнему сомневаясь.

Но я не оставляю ей выбора.

— Вы только подумайте, сколько полезного он нам расскажет, когда станет членом «Ответа»!

— Да. — Госпожа Койл окидывает взглядом лагерь, обитатели которого готовятся к войне. — Да, ты все время это говоришь.

Хотя я прекрасно знаю Тодда, все остальные давно сочли бы его предателем, если б увидели в новенькой форме, да на коне, да еще рядом с Дейви.

И в самые темные часы ночи, лежа под одеялами, не в силах уснуть...

Я тоже так думаю.

(что он творит?)

(зачем он помогает *Дейви*?!)

И я изо всех сил пытаюсь выбросить эти мысли из головы.

Потому что я его спасу.

Госпожа Койл мне разрешила. Она позволила мне рискнуть жизнью и отправиться в собор — ночью накануне решающего удара.

Она согласилась, потому что я поставила ультиматум: если она не даст мне спасти Тодда, я больше ни в чем не стану ей помогать — ни с бомбами, ни с решающим ударом, ни с кораблями, которые прилетят уже через восемь недель.

Но мне кажется, что она согласилась совсем по другой причине. Ей не терпится выяснить, что он знает.

Госпожа Койл *любит* все знать.

— Ты очень храбрая, — говорит она. — Глупая, но храбрая. — И еще раз осматривает меня с ног до головы, лицо у нее при этом непроницаемое.

— Что?

Она качает головой:

— Да так... снова поражаюсь, насколько ты похожа на меня, непокорная девчонка.

— Думаете, я уже готова вести в бой армию? — спрашиваю я чуть ли не с улыбкой.

Госпожа Койл только бросает на меня еще один непроницаемый взгляд и уходит в лагерь, чтобы опять раздавать приказы и готовить людей к последнему удару.

Который мы нанесем завтра.

— Госпожа Койл! — окликаю ее я.

Она оборачивается.

— Спасибо.

Она удивленно морщит лоб, но в конце концов понимающе кивает.

— Готово? — спрашивает сидящий в телеге Ли.

— Готово! — Я завязываю последний узел и закрепляю хомут на месте.

— Ну все, управились! — Уилф стряхивает пыль с ладоней.

Мы окидываем взглядом все одиннадцать телег, заваленных лекарствами, перевязочными материалами, оружием и взрывчаткой. Здесь почти все запасы «Ответа».

Одиннадцать телег — не очень-то много против тысячной армии мэра, но это все, что у нас есть.

— И не в таких переделках бывали, — цитирует Уилф госпожу Койл, но по его невыразительному Шуму не поймешь, издевается он или говорит всерьез. — Главное — тактика. — И улыбается загадочной улыбкой госпожи Койл. Это так смешно и неожиданно, что я прямо покатываюсь со смеху.

А вот Ли — нет.

— Да уж, вечно у нее секреты. — Он проверяет прочность веревки, которой закреплены коробки на телеге.

— Думаю, это как-то связано с *ним*, — говорю я. — Сначала надо схватить его, а потом, когда его не станет...

— ...армия развалится, город восстанет против тирании, и победа будет в наших руках! — насмешливо договаривает за меня Ли и смотрит на Уилфа: — А ты что думаешь?

— Она говорит, этим мы положим всему конец. — пожимает плечами Уилф. — По крайней мере, так она хочет.

Госпожа Койл в самом деле часто это повторяет: достаточно нанести один-единственный удар в нужное время и по нужному месту, чтобы раз и навсегда положить конец конфликту. Если к нам присоединятся хотя бы женщины Нью-Прентисстауна, мы свергнем мэра Прентисса еще до наступления зимы — до прилета кораблей и до того, как он успеет нас отыскать.

И вдруг Ли говорит:

— Я кое-что знаю... чего мне знать не положено.

Мы с Уилфом удивленно смотрим на него.

— Госпожа Койл с госпожой Брэтит недавно проходили мимо окна кухни, и я случайно услышал... Они обсуждали, откуда мы нанесем завтрашний удар.

— Ли... — начинаю я.

— Ничего не говори! — предостерегает его Уилф.

— С холма к югу от города, — продолжает Ли, широко раскрывая перед нами Шум, чтобы мы точно все услышали. — Того, что с раздвоенной вершиной. Эта дорога ведет прямо к главной площади у собора.

Уилф таращит на него глаза:

— Зря ты это сказал! Если Хильди поймают...

Но Ли только смотрит на меня.

— Если попадешь в беду, — говорит он, — беги к этому холму. Там ты найдешь подмогу.

А в его Шуме читается: **там ты найдешь меня**

— С тяжелым сердцем, полным скорби, предаем мы тебя земле.

Мы по очереди бросаем землю на пустой гроб, где должны были покоиться останки госпожи Форт, но ее разнесла

в клочья взорвавшаяся раньше времени бомба, которую она подложила в зерновой амбар.

Солнце постепенно садится, над озером мягко сияют сумерки — ранним утром наше озеро по краям сковало льдом, и за весь день эта ледяная кромка так и не растаяла. Люди начинают расходиться по делам: кто-то упаковывает последние вещи, кто-то получает задания. Все эти мужчины и женщины готовятся стать солдатами и нанести последний, решающий удар по врагу.

Но сейчас они выглядят как самые обычные люди.

Сегодня, как только полностью стемнеет, я уйду из лагеря.

Остальные уйдут завтра на закате, что бы со мной ни случилось.

— Пора, — говорит госпожа Койл.

Она имеет в виду не мое отбытие из лагеря.

А кое-что другое, что необходимо сделать сначала.

— Готова? — спрашивает она.

— Насколько это вообще возможно.

— Помни, это огромный риск, дитя мое. Если тебя поймут...

— Не поймут.

— Но если все-таки поймут, ты знаешь местонахождение лагеря, знаешь, когда мы выдвигаемся, знаешь, что мы войдем в город по восточной дороге — той, что проходит мимо министерства Вопросов. — Госпожа Койл берет меня за руки и заглядывает мне в глаза: — Понимаешь, о чем я говорю?

Я понимаю. Правда. Госпожа Койл нарочно вбивает мне в голову ложные сведения, чтобы под пытками я врала честно, как однажды вышло с океаном.

На ее месте я бы так и сделала.

— Понимаю, — говорю я.

На ледяном ветру госпожа Койл покрепче запахивает плащ. Несколько минут мы с ней молча идем к лазарету.

— Так кого вы спасли? — спрашиваю я.

— Что? — Она растерянно оглядывается.

Мы останавливаемся. Я, если честно, только рада немного потянуть время.

— Ну, тогда, много лет назад, — поясняю я. — Коринн сказала, что вас выгнали из Совета за спасение чьей-то жизни. Кого вы спасли?

Госпожа Койл бросает на меня задумчивый взгляд и потирает лоб.

— Я могу и не вернуться, — говорю я. — Если мы больше никогда не увидимся, умирая, я предпочла бы знать о вас хоть что-то хорошее, а не считать просто занозой в заднице.

Госпожа Койл почти улыбается, но тут же берет себя в руки, и в глазах ее снова вспыхивает тревога.

— Кого я спасла? — повторяет она и делает глубокий вздох. — Врага государства.

— Что?!

— Видишь ли, «Ответ» никогда не был законной организацией. — Госпожа Койл отходит в сторону, к берегу замерзающего озера. — Те, кто воевал со спэклами, не очень-то одобряли наши методы, какими бы эффективными они ни были. — Она оглядывается на меня. — А они действительно были эффективны. *Очень*. Настолько эффективны, что верхушка «Ответа» со временем вошла в Городской совет, когда Хейвен оправился после войны.

— Поэтому вы думаете, что все получится и на сей раз. Хотя враг гораздо сильнее.

Госпожа Койл кивает и снова трет лоб. Странно, что там до сих пор нет мозоли.

— Хейвен начал новую жизнь, — продолжает она, — а плененные спэклы стали рабочей силой. Но не все люди были довольны новым руководством. Кое-кому тоже хотелось власти. — Ее пробивает дрожь. — Кое-кому из «Ответа».

Она дает мне время сообразить, что это значит.

— Бомбы, — выдавливаю я.

— Именно. Некоторые из наших так увлеклись войной, что продолжали вести ее по привычке.

Госпожа Койл отворачивается — чтобы я не видела ее лица или чтобы не видеть моего укоризненного взгляда?

— Ее звали Трэйс, госпожа Трэйс. — Она словно обращается к озеру и ночному небу. — Умная, сильная, всеми уважаемая... но уж очень равнодушная к власти. Поэтому никто не захотел видеть ее в Городском совете, включая членов «Ответа», и поэтому она так резко отреагировала на наше решение. — Госпожа Койл поворачивается ко мне. — У нее были сторонники. И она начала вести подрывную деятельность, очень похожую на нашу, за тем исключением, что время было мирное. — Она поднимает глаза на луны. — Ее коронным номером стала «бомба Трэйс», которую с тех пор так и называют. Она оставляла ее в месте скопления солдат под видом обычного свертка. Взрыватель срабатывал на человеческий пульс, но не сразу, а только если бомбу выпустить из рук. Стоило тебе обнаружить ее и выронить или не суметь обезвредить... — Она пожимает плечами. — Бум! — Мы обе смотрим на облако, проплывающее между лунами. — Считаю, тебе не повезло...

Она снова берет меня за руку и увлекает к лазарету.

— Словом, войной это было сложно назвать. Так, досадные стычки. А потом, к всеобщему восторгу, госпожу Трэйс смертельно ранило.

Ненадолго наступает тишина, нарушаемая только нашими шагами и Шумом мужчин в морозном воздухе.

— Видимо, не так уж смертельно, — замечаю я.

Госпожа Койл качает головой:

— Я — очень хорошая целительница. — Мы подходим к приподнятому пологу лазарета. — Мы с ней были знакомы с детства, дружили еще в Старом свете. Я не видела дру-

ного выхода. — Она потирает руки. — За это меня и высвирнули из Совета. А ее потом все равно казнили.

Я смотрю на госпожу Койл и стараюсь понять ее, пытаюсь увидеть в ней что-то хорошее, осознать все неоднозначные события, сделавшие ее такой, какой я ее знаю.

Мы сами творим свою судьбу. И порой принимаем вынужденные решения. Но все-таки мы делаем это сами.

— Готова? — повторяет госпожа Койл свой вопрос, теперь уже в последний раз.

— Готова.

Мы входим в палатку.

Там меня уже дожидается рюкзак, собранный лично госпожой Койл, — его я погружу на телегу Уилфа и вместе с ним въеду в Нью-Прентисстаун. Он полон еды, самой обыкновенной и безобидной еды. Если все пойдет по плану, это мой пропуск в город — он позволит мне пробраться мимо охраны, а потом и в собор.

Если все пойдет по плану.

А если нет, в тайном кармашке на дне лежит пистолет.

Госпожа Лоусон и госпожа Брэтит тоже в лазарете: они приготовили для меня перевязочные материалы.

И Ли здесь, хотя я не просила его приходить.

Я сажусь на стул лицом к нему.

Он берет меня за руку, стискивает ее, и я чувствую в ладони сложенную в несколько раз записку. В его Шуме — образы того, что должно случиться.

Я аккуратно открываю записку, не показывая целителям: пусть думают, что это какая-нибудь сентиментальная чушь.

«Не подавай виду. — написано там. — Я решил пойти с тобой. Встречу твою телегу в лесу. Ты хочешь найти свою семью, а я хочу найти свою, и поодиночке мы не справимся».

Я не подаю виду. Складываю записку и смотрю на Ли, едва заметно кивая.

— Удачи, Виола, — говорит госпожа Койл.

Остальные вторят ей, последним желает мне удачи Ли.

Потому что есть только один способ безопасно передвигаться по Нью-Прентисстауну. Единственный способ, если верить полученным от шпионов сведениям.

Единственный способ найти Тодда.

— Готова? — спрашивает Ли, но от него этот вопрос звучит совсем не так, как от госпожи Койл, и я ни капельки не злюсь.

— Готова. — Я протягиваю руку и закатываю рукав. — Только побыстрее, — говорю я, глядя ему в глаза. — Пожалуйста.

— Постараюсь.

Он достает из мешка железную ленту с номером 1391.

ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ

[Тогда]

— Он не сказал тебе, чего хочет? — спрашивает Дейви.
— Мы с ним только при тебе разговариваем, не заметил?

— Да брось, ушлепок, вы же в одном здании живете!

Мы едем в министерство Вопросов, заходящее солнце освещает конец нашего рабочего дня. Мы заклеили двести женщин. В городе работают еще две команды во главе с мистером Морганом и мистером О'Харой, и говорят, что незаклейменных женщин почти не осталось. Правда, раны заживают на людях куда медленней, чем на овцах и спэклах.

Я поднимаю глаза к сумеречному небу, и тут до меня доходит.

— А ты-то где живешь?!

— Спросил, надо же! — Дейви подстегивает Урагана — Желудя. Тот на несколько секунд переходит на легкий галоп, но потом снова замедляет шаг. — Мы уже пять месяцев вместе работаем.

— Ну, а спрашиваю я сейчас.

Шум Дейви немного жужжит. Он не хочет отвечать, это ясно.

— Можешь не...

— Над конюшней, — говорит Дейви. — В малюсенькой каморке. На полу один матрас... и вечно конским дерьмом воняет.

Мы едем дальше.

— Вперед, — ржет Анггаррад.

— Вперед, — отвечает ей Ураган.

Тодд, думает Анггаррад.

— Анггаррад, — говорю я.

С тех пор как четыре дня назад Дейви принес мне дневник моей ма, мы с ним об этом не разговаривали. Ни словом не перекинулись. Если в его или моем Шуме случайно появляется какая-нибудь мысль о дневнике, мы оба делаем вид, что не обращаем внимания.

Но вообще разговаривать мы стали больше.

Я начинаю гадать, каким бы вырос я, если б моим отцом был мэр. А я — сыном, от которого одни разочарования. Тоже, наверно, спал бы в конюшне.

— Я очень стараюсь, — говорит Дейви, — но разве ему угодишь?

Я не знаю ответа и поэтому молчу.

Мы привязываем лошадей к главным воротам. Иван снова пытается поймать мой взгляд, но я на него не смотрю.

— Тодд, — окликает он, когда мы проходим мимо.

— Для тебя он мистер Хьюитт, *рядовой*, — фыркает Дейви.

Я иду дальше. Мы выбираем тропинку покороче и подходим к дверям министерства. Они тоже охраняются, но мы без промедлений идем мимо, по бетонному полу — все еще голому, все еще ледяному, — напрямик в знакомую наблюдательную комнату.

— А... мальчики, входите! — здоровается с нами мэр Прентисс, отворачиваясь от зеркального стекла.

За ним, на Арене Вопросов, стоит мистер Хаммар в резиновом фартуке. Рядом — голый, вопящий от боли мужчина.

Мэр Прентисс нажимает кнопку, и крик тут же замолкает.

— Как я понимаю, маркировка проведена? — радостно спрашивает он.

— Насколько нам известно, да, — отвечаю я.

— А это кто? — спрашивает Дейви, показывая на мужчину.

— Сын террористки, подорвавшейся на собственной бомбе, — говорит. — Дурачок, не пожелал бежать вместе с матерью. Теперь мы пытаемся выяснить, что ему известно.

Дейви поджимает губы:

— Но раз он не сбежал, значит...

— Вы оба проделали огромную работу, — перебивает его мэр Прентисс, сцепляя руки за спиной. — Я очень доволен.

Дейви улыбается, и его Шум розовеет.

— Но опасность близка, как никогда, — продолжает мэр Прентисс. — Нам наконец удалось расколоть одну террористку, пойманную еще во время атаки на тюрьмы. — Он бросает взгляд на Арену. Мистер Хаммар почти целиком загораживает собой происходящее, видны только ноги допрашиваемого мужчины, которые сводит судорогой от боли. — Прежде чем отдать Богу душу, о чем мы глубоко скорбим, она успела сказать нам, что, судя по частоте последних бомбежек, в ближайшие дни «Ответ» перейдет к решительным действиям. Возможно, это случится уже завтра.

Дейви косится на меня. Я не свожу глаз с голой стены за спиной мэра Прентисса.

— Мы их разобьем, естественно, — говорит он. — Раздавим, как мошку. Их армия так мала по сравнению с нашей, что сражение не займет больше дня.

— Покажем им, па! — воодушевленно кричит Дейви. — Мы готовы, ты же знаешь!

Мэр Прентисс улыбается — улыбается родному сыну. Шум у Дейви такой розовый, что стыдно смотреть.

— Я повышаю тебя, Дэвид, — говорит мэр Прентисс. — Отныне ты военный, отныне ты — сержант Прентисс.

Лицо и Шум Дейви буквально взрываются довольной улыбкой.

Он смачно выругивается, как будто нас тут нет.

— Ты станешь первым помощником капитана Хаммара и вместе с ним поскачешь в бой — вы поведете за собой первую волну, — продолжает мэр Прентисс. — Как ты и хотел, тебя ждут настоящие сражения.

Дейви буквально сияет от гордости:

— Вот это я понимаю! *Спасибо*, па!

Мэр Прентисс поворачивается ко мне:

— А ты отныне лейтенант Хьюитт.

Шум Дейви резко меняется.

— *Лейтенант?!!*

— С первой минуты боя ты будешь моим личным телохранителем, — продолжает мэр Прентисс. — Пока я команду войсками и слежу за ходом битвы, ты будешь защищать меня от любых опасностей.

Я молчу и все смотрю на голую стену.

Я — круг, круг — это я.

— Вот так замыкается круг, Тодд, — говорит мэр Прентисс.

— Почему ты сделал лейтенантом *его*? — спрашивает Дейви, скрипя и лязгая Шумом.

— Лейтенант — офицерское звание, — спокойно и ласково отвечает мэр Прентисс. — А вот сержант — солдатское. Стань ты лейтенантом, тебе бы опять не пришлось сражаться, а ты так об этом мечтал.

— А-а... — Глазки Дейви бегают от меня к отцу: он пытается понять, дурачат его или нет.

У меня на этот счет вообще никаких мыслей.

— Не стоит благодарности, лейтенант, — поддразнивает меня мэр Прентисс.

— Спасибо, — говорю я, не сводя глаз со стены.

— Зато тебе не придется делать того, что противоречит твоей природе, — продолжает он. — Не придется убивать.

— Если, конечно, никто не захочет напасть на вас, — замечаю я.

— Совершенно верно, если никто не захочет напасть на меня. Это проблема, Тодд?

— Нет, — отвечаю я. — Нет, сэр.

— Превосходно.

Я смотрю сквозь зеркало. Голова допрашиваемого безвольно свесилась набок, с приоткрытых губ свисает слюна. Мистер Хаммар сердито стягивает перчатки и бросает их на стол.

— Мне невероятно повезло, — тепло говорит мэр Прентисс. — Я добился своей цели: вернул жизнь на этой планете в нужное русло. Вот уже через несколько дней, а может быть, и часов я уничтожу террористов. А когда придут переселенцы, их встретит с распростертыми объятиями гордый и справедливый властитель Нового света, нового мира...

Он поднимает руки, как будто ему не терпится скорее раскрыть объятия.

— Надеюсь, вы будете рядом со мной. — Он протягивает руки к нам. — Вы оба.

Дейви, розово сияя, хватая отца за ладонь.

— Я прибыл в этот город с одним сыном, — говорит мэр Прентисс, все еще призывая меня взять другую, свободную руку. — Но обрел здесь второго.

Его рука нетерпеливо замерла в воздухе и ждет, когда я ее возьму.

Ждет, когда ее пожмет второй сын.

— Поздравляю, лейтенант Ушлепок, — фыркает Дейви, запрыгивая в седло.

— Тодд? — окликает меня Иван, покидая свой пост. Я тоже залезаю на Анггарад. — Можно тебя на минутку?

— Он теперь твой начальник, — говорит ему Дейви. — Если не хочешь рыть ямы для нужников, называй его «лейтенант».

Иван делает глубокий вдох, как бы беря себя в руки:

— Очень хорошо, *лейтенант*, можно мне с вами поговорить?

Не спешиваясь, я смотрю на него сверху вниз. Шум Ивана разрывается от ярости, обиды за раненую ногу и открытого желания при первом удобном случае отомстить мэру Прентисс. Он как будто бахвалится этим передо мной.

— Лучше держи это при себе, — говорю я. — Мало ли кто услышит.

Я дергаю поводья, и мы уезжаем прочь. В спину мне летит Шум Ивана. Я не обращаю на него никакого внимания.

Я ничего не чувствую, мне плевать.

— Он назвал тебя сыном, — говорит Дейви, глядя строго вперед, на солнце, опускающееся за водопад. — Стало быть, мы теперь братья.

Я молчу.

— Надо отметить, что ли?

— Где? — спрашиваю я. — Как?

— Ну, мы же теперь офицеры, а, брат? У офицеров должны быть *привилегии*. — Дейви смотрит на меня искоса, Шум горит ярким пламенем, и в нем — знакомые по старому Прентисстауну картинки.

Голые женщины.

Я хмурюсь и посылаю ему в ответ картинку голой женщины с железным обручем на руке.

— Подумаешь!

— Ты больной.

— Нет, брат, я теперь *сержант Прентисс*. Жизнь налаживается!

Дейви хохочет и хохочет. Ему так хорошо, что отчасти его настроение передается и мне. Мой Шум немного светлеет, хотя я и не просил.

— Ой, да брось, лейтенант Ушлепок! Ты что, до сих пор сохнешь по той девчонке? Уже сто лет прошло! Подыщем тебе новую подружку.

— Заткнись, Дейви.

— Заткнись, *сержант Дейви*. — Он опять смеется. — Ладно, ладно, сиди дома, читай свою книжку... — Он резко умолкает. — Ой, слушай, извини, я не хотел... Я забыл.

И, как ни странно, он говорит это искренне.

Наступает тишина, в которой его Шум опять вспыхивает каким-то мощным чувством, которое он старательно прячет...

Из-за которого ему...

И тут он говорит:

— Знаешь... — Я уже вижу, что он сейчас предложит, и просто *не могу* это вынести. Я умру, если он скажет это вслух. — Хочешь, я тебе почита...

— Нет, Дейви, — выпаливаю я. — Спасибо, но нет.

— Точно?

— Да.

— Ну, мое дело предложить. — Его Шум снова светлеет и расцветает при мысли о новом звании, женщинах и нашем родстве.

Всю дорогу до города он радостно насвистывает какую-то дурацкую мелодию.

Я лежу на матрасе спиной к мэру Леджеру, который, как обычно, уминает ужин. Я тоже ем, но при этом гляжу на мамин дневник, который вытащил из-под подушки и положил на одеяло.

— Народ готовится к последнему удару «Ответа», — говорит мэр Леджер.

Я не отвечаю. Как всегда перед сном, пробегаю пальцами по прохладной кожаной обложке и нащупываю прорезь, оставшуюся от ножа.

— Ходят слухи, что ждать осталось недолго.

— Мне все равно.

Я открываю дневник. Под обложкой по-прежнему прячется сложенная вчетверо карта Бена. Похоже, Дейви даже не потрудился открыть книжку. Она немного пахнет ко-нюшной — теперь-то я знаю, где она побывала, — но это по-прежнему дневник, *дневник* моей мамы.

Моей мамы. Слова моей ма.

Вот, ма, что стало с твоим сыном...

Мэр Леджер громко вздыхает.

— Они ударят прямо по нам, между прочим, — говорит он. — Надеюсь, на тебя можно рассчитывать? Ты откроешь мне дверь?

— Помолчите хоть пять секунд, а?

Я переворачиваю первую страницу и вижу первую запись, сделанную моей ма в день моего рождения. Страница полна слов, которые мне когда-то читали вслух...

(читала она...)

— У меня ведь ни ружья, ни ножа. — Мэр Леджер встал и снова смотрит в окна. — Я совершенно безоружен.

— Не бойтесь, я не дам вас в обиду. А теперь *помолчите*, ради бога...

Я все еще лежу к нему спиной, смотрю на первые слова моей ма, написанные ее собственной рукой. Я знаю, о чем там говорится, но все же пытаюсь прочесть.

М-О... Мой. Н-Е... Не... Н-А-Г-Л-Я... Ага, ненаглядный. Мой ненаглядный, значит. А последнее слово «сын», его я сегодня уже слышал.

Я вспоминаю протянутую руку мэра.

И как я ее взял.

Мой ненаглядный сын.

— Я ведь предлагал почитать тебе вслух, — говорит мэр Леджер, не в состоянии сдержать стон при звуке моего неумело читающего Шума.

Я резко оборачиваюсь:

— Просил же, *заткнитесь!!!*

Мэр Леджер виновато поднимает руки:

— Ладно, ладно, как скажешь. — Он садится и добавляет тихо, но язвительно: — *Лейтенант.*

Я сажусь. Выпрямляюсь:

— Что-что?

— Ничего. — В глаза он мне не смотрит.

— Я вам не рассказывал! Ни словом не обмолвился.

— Я в твоём Шуме прочел.

— Неправда! — Я вскакиваю на ноги. Потому что он врет. Этим вечером я только и думал, что о дневнике моей ма. — *Откуда вы знаете?*

Мэр Леджер поднимает глаза, но сам ничего не говорит, а его Шум пытается что-то сказать...

И не может.

Я делаю шаг к нему.

В этот миг лязгает замок, и к нам входит мистер Коллинз.

— К тебе посетители, — говорит он мне и вдруг замечает мой разъяренный Шум. — Что стряслось?

— Я никого не жду, — цежу я сквозь зубы, все еще сверля взглядом мэра Леджера.

— Это девчонка, — добавляет мистер Коллинз. — Говорит, ее прислал Дейви.

— Черт! Я же сказал ему.

— Да мне-то что? Девчонка ни с кем не хочет разговаривать, только с тобой. — Он мерзко хихикает. — Хорошенькая, между прочим!

От его тона меня прямо выворачивает.

— Оставьте ее в покое, ясно? Так же нельзя!

— В общем, ты тут не слишком задерживайся, а то я за себя не отвечаю. — Мистер Коллинз хохочет и закрывает за собой дверь.

Я снова смотрю на мэра Леджера. Шум у меня все такой же взвинченный.

— Я с вами не закончил.

— Да я в твоём Шуме все прочитал, честное слово... — мямлит он, но я уже выбегаю за дверь и запираю ее с обратной стороны.

Топая вниз по лестнице, я думаю о том, как бы увести девчонку подальше от мистера Коллинза, чтобы ей не пришлось терпеть всю эту мерзость. Мой Шум кипит подозрениями и вопросами к мэру Леджеру. Понемногу картина начинает проясняться...

Мистер Коллинз стоит, опершись спиной о стену и скрестив ноги, весь такой расслабленный и улыбчивый. Показывает большим пальцем через плечо.

Я смотрю.

И вижу ее.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

[Виола]

— **О**ставьте нас, — велит Тодд мужчине, который меня впустил. При этом он не сводит с меня взгляда.

— *Говорил же, хорошенькая!* — усмехается тот и исчезает в смежной комнате.

Тодд стоит и смотрит.

— Ты, — говорит он.

Но ближе не подходит.

— Тодд... — Я делаю шаг навстречу.

Он делает шаг назад.

Я останавливаюсь.

— Кто это? — спрашивает он, глядя на Ли, который из всех сил корчит из себя настоящего солдата.

— Ли, — отвечаю я. — Друг. Он пришел, чтобы...

— Что ты тут делаешь?

— Я вернулась за тобой... чтобы тебя спасти.

Тодд сглатывает слюну — я вижу, как дергается его горло.

— Виола, — наконец говорит он. И мое имя всюду в его Шуме: **Виола Виола Виола**

Тодд хватается за волосы — они стали длиннее и лохматее, чем раньше.

А сам он заметно вырос.

— Виола, — повторяет он.

— Да, это я. — Делаю еще шаг навстречу. Он не пятится, поэтому я иду дальше, не бегу, но подхожу ближе и ближе.

Когда я уже совсем рядом, он снова делает шаг назад.

— Тодд?

— Что ты тут *делаешь*?

— Я пришла за тобой. — У меня ёкает в груди. — Как обещала.

— Ты обещала меня не бросать, — говорит Тодд, в Шуме — громкая досада на самого себя, на свои слова и голос. Тодд откашливается. — Но *бросила*.

— Меня забрали, я ничего не могла поделать.

Его Шум становится громче, и я слышу в нем не только радость, но и...

Ох, господи, Тодд... ты злишься.

— Да что я такого сделала? Нам надо бежать. «Ответ» скоро...

— Так ты заодно с «Ответом»? — рывкает он с неожиданной злостью в голосе. — Заодно с *убийцами*...

— А ты, значит, солдат? — спрашиваю я в отместку, дивясь самой себе. Меня тоже одолевает гнев, и я показываю пальцем на букву «В» у него на рукаве. — Только не говори мне про *убийц*...

— «Ответ» убил всех спэклов, — с яростью в голосе проговаривает Тодд.

И в его Шуме — горы трупов.

Высокие кучи, похожие на мусорные.

На стене — наша синяя «О».

А посреди всего этого — Тодд.

— Лучше б и меня сразу убили, — говорит он.

И закрывает глаза.

Я — круг, круг — это Я, твердит его Шум.
— Виола? — подает голос Ли за моей спиной.
Я оборачиваюсь. Он прошел уже половину зала.
— Подожди снаружи.
— Виола...
— Снаружи.

У него такой озабоченный взгляд, он так готов вступить-
ся за меня, что мое сердце на миг замирает. По дороге сюда
он как можно громче думал, что я его пленница. В итоге
большинство встречных солдат решали, что он ведет меня
насиловать, и радостно присвистывали, желая ему удачи.
Потом мы спрятались возле собора и увидели отъезжаю-
щего Дейви Прентисса — все его гнусные мысли были
о том, как они с Тоддом должны *отпраздновать* свое по-
вышение.

И тогда мы притворились подарком.
Сработало.

Я даже немного разочарована, что все так легко прошло.
Ли переминается с ноги на ногу:
— Позови меня, если что.
— Позову, — отвечаю я.

Ли ждет еще секунду, потом выходит за дверь, но остав-
ляет ее открытой, чтобы присматривать за нами.

Глаза Тодда по-прежнему закрыты, и он все твердит про
себя: «**Я — круг, круг — это я**». Должна сказать, это ужасно
похоже на то, что я слышала раньше от мэра.

— Мы не убивали спэклов.
— «Мы»?! — открывая глаза, переспрашивает он.
— Я не знаю, кто это сделал, но не мы.

— Вы сбросили на них бомбу в тот же день, когда *ты*
взорвала башню. — Тодд едва не выплевывает эти слова. —
А потом вернулись за узниками и довели задуманное до
конца.

— Бомбу? Какую еще бомбу?
Но потом я вспоминаю...

Первый взрыв, заставивший солдат убежать от радиобашни...

Нет.

Она не могла.

Даже госпожа Койл не могла на такое пойти. «За кого ты нас принимаешь?» — в гневе спросила она...

Но на вопрос так и не ответила.

Нет, нет, это неправда, и к тому же...

— Кто тебе это сказал? — выпаливаю я. — Дейви Прентисс?

Тодд удивленно моргает:

— Кто?

— Как это кто? — Мой голос стал уверенней и жестче. — Твой новый лучший друг! Негодяй, который хотел меня убить. Тодд, и с которым вы весело ездите на работу каждое утро!

Тодд стискивает кулаки.

— Так ты за мной *шпионила*? — вопрошает он. — Я не видел тебя три месяца, *три месяца* от тебя ни слуху ни духу, и все это время ты шпионила за мной — в свободное от бомбежек время!

— Конечно! — воплю я, чтобы его перекричать. — Три месяца я выгораживала тебя перед людьми, которые с удовольствием назвали бы тебя предателем и врагом, Тодд! Три месяца удивлялась, с какой стати ты работаешь на мэра Прентисса и откуда он узнал про океан — на следующий же день после разговора с тобой! — Он морщится, но я не унимаюсь, задираю рукав и показываю ему руку: — Три месяца гадала, зачем ты клеймишь женщин *этим*!

Лицо Тодда мигом меняется, и он едва сдерживает крик, словно это его только что клеймили железным обручем. Он прикрывает рот рукой, но его Шум на мгновение заливают черным. Другой рукой Тодд тянется ко мне, к железной ленте, от которой я уже никогда не избавлюсь. Кожа вокруг еще красная, под лентой с номером 1391 до сих пор пуль-

сирует боль, хотя надо мной колдовали целых три целительницы.

— О, нет, — бормочет он. — Нет, нет.

Дверь открывается, и из нее высовывается мужчина, который нас впустил:

— Все нормально, лейтенант?

— Лейтенант? — спрашиваю я.

— Да, все хорошо, — отвечает Тодд, немного задыхаясь. — Все хорошо.

Мужчина немного выжидает, потом закрывает за собой дверь.

— *Лейтенант?* — повторяю я уже тише.

Тодд стоит, уперев руки в колени и свесив голову, глядя в пол.

— Это же не я, правда? — тихо-тихо говорит он. — Я не... — Он снова показывает на железную ленту. — Я ведь не мог это сделать, не узнав тебя, так?

— Нет, — говорю я, читая в его Шуме ужас, которым он так упорно пытался пренебрегать. — Это сделал «Ответ».

Он вскидывает голову, в Шуме — сплошь вопросительные знаки.

— Только так я могла спокойно войти в город, чтобы найти тебя, — говорю я. — Только так нам удалось пройти мимо солдат, марширующих по всему городу. — они думали, раз я заклеимена, опасаться нечего.

До него понемногу доходит, и он меняется в лице:

— О, Виола...

Я тяжело выдыхаю воздух:

— Тодд, прошу тебя, пойдем...

Глаза у него мокрые, но теперь я наконец вижу его, моего Тодда, — в лице, во взгляде, в руках, обреченно повисших по бокам.

— Слишком поздно, — говорит он, и голос его настолько полон печали, что у меня на глазах тоже выступают слезы. — Я умер, Виола. Я умер.

— Неправда! — говорю я, подходя еще ближе. — Просто сейчас такое время.

Тодд смотрит в пол невидящими глазами.

Ничего не чувствую. стучит в его Шуме. **На все плевать**

Я — круг, круг — это я.

— Тодд? — Я уже могу протянуть руку и дотронуться до него. — Тодд, посмотри на меня.

Он поднимает голову, и горе утраты в его Шуме так велико, что я словно стою на краю пропасти: вот-вот я упаду в него, в черноту, такую пустую и одинокую, что выбраться из нее уже не смогу.

— Тодд, — говорю я дрогнувшим голосом, — помнишь, что ты сказал мне в пещере за водопадом? Помнишь, что ты сказал, чтобы меня спасти?

Он медленно качает головой:

— Я сделал очень много плохого, Виола. Столько ужасного...

— «Мы все падаем», — сказал ты тогда. — Я крепко хватаю его за руку. — «Мы все падаем, но главное — суметь подняться».

Тодд снова качает головой и отворачивается:

— Нет, нет, с тобой было иначе, с тобой было легче. Намного легче, когда ты...

— Тодд, я пришла за тобой...

— *Нет!* Я научился не думать, не чу...

— Еще не поздно.

— Поздно, — качая головой, твердит Тодд свое. — Поздно! И уходит.

Уходит от меня.

Я теряю его...

Но тут мне в голову приходит идея.

Опасная, очень опасная.

— «Ответ» нанесет последний удар завтра на закате, — говорю я.

Тодд удивленно моргает:

— Чего?

— Да, я узнала точное время, — говорю я, сглатывая и делая еще шаг вперед. — Мне наврали про время и место, но я выяснила правду. «Ответ» ударит с южного холма, который с раздвоенной вершиной, Тодд. Они придут прямо сюда за мэром Прентиссом.

Он с тревогой косится на дверь в смежную комнату, но я говорю очень тихо:

— Их всего двести, Тодд, но зато у них есть винтовки, бомбы, четкий план и сумасшедшая предводительница, которой сам черт не брат.

— Виола...

— Они *идут*... — говорю я, подходя еще ближе. — Теперь ты знаешь когда и откуда. Если эти сведения попадут к мэру Прентиссу...

— Ты не должна была мне говорить! — Тодд не смотрит мне в глаза. — Что бы я ни прятал, он все находит, все узнает. *Ты не должна была мне говорить!*

Я делаю еще шаг и еще.

— Значит, тебе придется пойти со мной, так? *Придется*, иначе мэр Прентисс победит и будет править этой планетой... и встретит новых переселенцев...

— С распростертыми объятиями, — говорит Тодд неожиданно тихим голосом.

— Что?

Тодд молча протягивает руку в пустоту и смотрит туда невидящими глазами:

— А рядом будет стоять его сын.

— Верно, и мы этого не хотим, так? — Я тревожно кошусь на входную дверь. Ли поглядывает на нас, стараясь выглядеть как можно непринужденнее перед солдатами, марширующими по площади. — Времени совсем мало, Тодд!

Его рука все еще протянута в пустоту.

— Я тоже делала плохое, — говорю я. — Мне бы хотелось, чтобы все вышло иначе, но ведь не вышло. Есть только здесь и сейчас, Тодд! Ты должен пойти со мной, так у нас будет шанс хоть что-то исправить.

Тодд ничего не говорит, но по-прежнему тянет руку в пустоту и смотрит на нее, поэтому я делаю шаг вперед и беру ее в свою ладонь.

— Мы можем спасти мир, — говорю я, пытаюсь улыбнуться. — Мы с тобой.

Он смотрит мне в глаза, ищет что-то, пытается прочесть мои мысли, убедиться, что я действительно здесь, что я говорю правду, ищет и ищет...

Но не находит.

О, Тодд...

— Уходите, стало быть? — спрашивает чей-то голос из другого конца комнаты.

Голос человека с пистолетом.

Это не тот человек, что пустил нас в собор, другой. Я его раньше не видела.

Только однажды — в Шуме Тодда.

— Как вы выбрались? — спрашивает его Тодд, обомлев.

— Ты ведь не мог уйти без *этого*, правда? — В свободной руке у неизвестного — книжка, дневник мамы Тодда.

— А ну отдайте! — кричит Тодд.

Незнакомец не обращает на него внимания и делает жест Ли, наводя дуло пистолета на Тодда:

— Иди сюда. Или я с удовольствием пристрелю нашего общего друга.

Я оглядываюсь. Ли отчаянно думает о побеге, но потом видит пистолет, нацеленный на Тодда, видит мое лицо и заходит в собор, так громко думая, что не бросит меня здесь

одну, что я на секунду даже забываю о его собственном пистолете.

— Брось, — говорит незнакомец, имея в виду оружие Ли.

Пистолет с грохотом падает на пол.

— Ах вы лжец! — презрительно выплевывает Тодд. — И трус!

— Я стараюсь ради города, Тодд, — говорит незнакомец.

— Все это нытье и страдания, треп о том, как мэр Прентисс рушит ваш город, одно сплошное вранье! Вы просто очередной шпион Прентисса!

— Так было не всегда. Сначала я был таким, каким ты меня видел: бывшим мэром, оскорбленным и униженным. — Незнакомец проходит мимо Тодда ко мне, сунув дневник под мышку. — Давай сюда рюкзак.

— Что?! — недоуменно спрашиваю я.

— Давай живо. — Незнакомец снова прицеливается в Тодда.

Я стаскиваю рюкзак с плеч и отдаю ему. Он сразу начинает щупать дно, где в секретном кармашке спрятан пистолет.

Улыбка.

— А-а... вот и он! «Ответ» совсем не меняется, правда?

— Тронете ее хоть пальцем, — говорит Тодд, — я вас убью.

— И я, — добавляет Ли.

Мужчина приподнимает брови:

— Похоже, у тебя появился соперник, Тодд!

— Вы кто такой? — спрашиваю я, раздосадованная чрезмерной опекой и потому осмелевшая.

— Кон Леджер, мэр Хейвена к твоим услугам, Виола. — Он едва заметно кланяется. — Ведь это ты, верно? — Он обходит Тодда по кругу. — О, президента очень интересовал твой спящий Шум, мальчик мой. Ему *очень* хотелось узнать.

о чем ты думаешь во сне. Как ты скучаешь по Виоле и делаешь все, чтобы ее найти...

Лицо Тодда вспыхивает красным.

— Он стал куда обходительней со мной, а я взамен должен был передавать ему определенные сведения о тебе. Чтобы понять, можно ли заставить тебя делать то, что он хочет. — Мэр Леджер выглядит ужасно нелепо с этим пистолетом в одной руке, рюкзаком — в другой и дневником под мышкой, но все равно пытается напустить на себя злое вид. — Должен сказать, все получилось как нельзя лучше. — Он подмигивает. — Теперь я знаю, когда и откуда ударит «Ответ».

Шум Ли вскидывается, он в ярости шагает к мэру Леджеру.

Тот сразу наводит на него пистолет. Ли замирает.

— Нравится, а? — спрашивает мэр Леджер. — Президент подарил его мне вместе с ключом от комнаты. — Он снова улыбается, но потом замечает, с каким презрением мы все на него смотрим. — Ой, да хватит вам! Когда мэр Прентисс уничтожит «Ответ», все закончится. Не будет никаких бомбежек, запретов и комендантских часов. — Его улыбка слегка меркнет. — Надо уметь *сотрудничать* с системой. Когда я стану помощником президента, я приложу все усилия, чтобы жизнь в Нью-Прентисстауне стала лучше для всех... — Он кивает в мою сторону: — И для женщин тоже.

— Лучше сразу меня убейте, — говорит Тодд. Его Шум горит красным пламенем. — Не советую вам опускать пистолет: ваша жизнь уже не в безопасности.

Мэр Леджер вздыхает:

— Я *никого* не хочу убивать, Тодд...

Вдруг боковая дверь открывается, и из нее выходит человек, который нас впустил. На его лице и в Шуме удивление.

— Ты что тут твори...

Мэр Леджер прицеливается и трижды спускает курок. Человек отлетает обратно и скрывается в комнате, только ноги торчат наружу.

Мы все ошалело замираем на месте и слушаем эхо выстрелов, отдающееся в мраморных стенах.

В Шуме мэра Леджера появляется четкая картинка: он сам с разбитой губой и синяком под глазом, а человек, которого он только что застрелил, продолжает его бить.

Мэр Леджер оглядывается на нас:

— Что?!

— Мэру Прентиссу это не понравится, — говорит Тодд. — Они с мистером Коллинзом дружили с детства.

— Уверен, Виола и сведения о грядущей атаке с лихвой компенсируют любые недоразумения.

Мэр Леджер озирается по сторонам в поисках какого-нибудь стола или стула, чтобы освободить руки. В конце концов он просто бросает дневник Тодду, как надоевшую игрушку. Тодд от удивления перекидывает его с руки на руку, но потом ловит.

— Твоя мать была никудышным писателем, Тодд. — говорит мэр Леджер, открывая мой рюкзак освободившейся рукой. — Да и грамотность у нее хромала.

— Вы за это поплатитесь. — Тодд удивленно оглядывается на меня, и я вдруг осознаю, что эти слова сорвались с моих губ.

Мэр Леджер роется в рюкзаке.

— О, еда! — просияв, восклицает он и тут же принимает жевать кусок ананаса, не переставая рыться в моих вещах и надкусывая все съедобное, что попадает под руку. — Да тут съестного на несколько дней. Надолго ты к нам? — спрашивает он с набитым ртом.

Я замечаю, что Тодд начинает понемногу двигаться в его сторону.

— Я тебя слышу, — говорит мэр Леджер, махнув пистолетом. Он добирается до дна рюкзака, что-то нащупывает и бросает на меня вопросительный взгляд: — Что это такое?

Ощупав предмет как следует, он вытаскивает его из рюкзака. Сначала я ошибочно принимаю его за пистолет, но потом рюкзак падает на землю...

Мэр Леджер встает...

И с любопытством рассматривает бомбу Трейс в своей руке.

Поначалу я ничего не понимаю и оттого вижу совсем не то, что вижу, хотя такую бомбу мне уже показывали. На протяжении этой секунды мэр Леджер держит в руках просто какой-то неизвестный предмет, который ничего не значит, совсем ничего.

Но вдруг Ли рядом со мной охает, и все становится ясно — ужасней и быть ничего не может.

— Нет, — выдавливаю я.

Тодд разворачивается:

— Что? Что это такое?

Время почти останавливается. Вот мэр Леджер вертит бомбу в руках, вот она начинает пикать — очевидно, ее запрограммировали на человеческий пульс. Кто бы ни нашел ее в моем рюкзаке, она убьет любого выпустившего ее из рук.

— Не может бы... — Мэр Леджер поднимает глаза...

Но Ли уже тянется ко мне...

Он хочет схватить меня за руку и потащить к выходу...

— Бежим! — кричит он...

Но я прыгаю вперед, а не назад...

И с размаху толкаю Тодда...
Падая вместе с ним в комнату с мертвецом...
Мэр Леджер не пытается нас застрелить...
Он вообще ничего не делает...
Просто стоит, медленно соображая...
А когда мы вваливаемся в комнату...
И перекатываемся через труп...
И вжимаемся друг в друга, чтобы защититься...
Мэр Леджер пытается отшвырнуть бомбу как можно
дальше...

Выпускает ее из рук...

И...

БУМ

...она разрывает его на тысячу кусков, снося стены за его спиной и большую часть стены комнаты, в которой мы лежим. Жар от взрыва опаливает нашу одежду и волосы, сверху валятся камни, и мы лезем под стол, но что-то с силой бьет Тодда в затылок, а мне на ноги падает длинная тяжелая балка, я слышу хруст собственных костей, но в голове, когда я кричу от невыносимой боли, стучит одна мысль: она меня предала, предала, предала. Задача была не спасти Тодда, а *убить* его и заодно мэра Прентисса, если повезет...

Она предала меня...

Предала *снова*...

И я тону в черноте.

Позже сознание возвращается, и сквозь пыль и обломки в мою пульсирующую от боли голову проникают голоса...

Один голос.

Его голос.

Он стоит надо мной.

— Так-так, — говорит мэр Прентисс. — Смотрите, кто к нам пришел.

ЧАСТЬ
ШЕСТАЯ

«ВОПРОС»
И «ОТВЕТ»

ВИОЛЕ ЗАДАЮТ ВОПРОСЫ

[Тогда]

— **ОТПУСТИТЕ ЕЕ!!!**
Я барабаню кулаками по стеклу, но оно все не бьется, как бы сильно я не колотил.

— **ОТПУСТИТЕ ЕЕ!!!**

Мой голос ломается от напряжения, но я кричу и кричу, пока не теряю его окончательно.

— **ТРОНЕШЬ ЕЕ ХОТЬ ПАЛЬЦЕМ, Я ТЕБЯ УБЬЮ!!!**

Виола привязана к раме на Арене Вопросов, руки задраны назад и вверх, кожа вокруг железного обруча горит красным, у головы — металлические стержни, перебивающие Шум непрерывным свистом.

Рядом столик с острыми железками и бочка с водой.

Мистер Хаммар стоит, молча дожидаясь приказов. Дейви тоже в комнате, нервно мнетя у самой двери в дальнем конце.

А мэр Прентисс спокойно нарезает круги вокруг Виолы.

Я помню только оглушительный *БУМ* и мэра Леджера, мигом исчезнувшего во вспышке света и дыма.

Очнулся я уже здесь. Голова раскалывалась, все тело было в копоты, пыли и запекшейся крови.

Я встал.

И увидел ее.

За стеклом.

На Арене Вопросов.

Я снова нажимаю кнопку и кричу в микрофон:

— ОТПУСТИТЕ ЕЕ!!!

Но меня, похоже, вообще никто не слышит.

— Я делаю это с большой неохотой, Виола, — говорит мэр Прентисс, все еще обходя ее по кругу. *Его* я слышу прекрасно. — Мне казалось, мы с тобой были друзьями. Мне казалось, мы поняли друг друга. — Он останавливается прямо перед ней. — Но потом ты взорвала мой дом.

— Я не знала, что в рюкзаке бомба, — говорит Виола, и я вижу боль на ее лице. Она тоже покрыта кровью: всюду царапины и порезы после взрыва.

Но больней всего смотреть на ее ноги. Ботинки кто-то снял, и я вижу опухшие, почерневшие лодыжки. Мэр Прентисс, конечно, не дал ей обезболивающего.

Это написано на ее лице.

Страдания и боль.

Я хватаюсь за скамейку, чтобы разбить ею зеркало, но она намертво прикручена к бетонному полу.

— Я верю тебе, Виола, — говорит мэр Прентисс, снова начиная обходить ее по кругу. Мистер Хаммар ухмыляется, наблюдая за происходящим, а иногда поглядывает на мое зеркало и ухмыляется еще гнуснее. — Я верю, что предательство госпожи Койл глубоко тебя ранило. Хотя не понимаю, чему ты удивляешься.

Виола молча роняет голову на грудь.

— Не делайте ей больно, — шепчу я. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

— Если тебе от этого легче, — продолжает мэр Прентисс, — я, вероятно, не стану держать на тебя зла. Госпожа Койл нашла способ пронести бомбу в самое сердце моего собора, чтобы уничтожить его и заодно, если получится, меня.

Он поднимает глаза на мое зеркало. Я опять барабаню по нему кулаками. Уж *это* они точно должны слышать, но мэр Прентисс не обращает на меня внимания.

Дейви тоже поднимает голову, и лицо у него серьезное, как никогда.

Даже отсюда я слышу беспокойство в его Шуме.

— Ты подарила ей шанс, который она не могла упустить, — продолжает мэр Прентисс. — Твоя преданность Тодду провела бы тебя туда, куда никто другой проникнуть не мог. Возможно, она не хотела тебя убивать, но такого верного шанса уничтожить меня ей больше не представилось бы. Взвесив «за» и «против», она приняла решение.

Я смотрю на ее лицо.

В нем грусть и отчаяние.

И я снова слышу ее тишину, в груди щемит и тянет от чувства знакомой утраты, как тогда — целую вечность назад. От этой боли в глазах встают слезы, нутро скручивается в узел, горло спирает.

— Виола, — говорю я. — Виола, пожалуйста.

Но она даже головы не поднимает.

— Вот как ты ей дорога, Виола, вот как много ты для нее значишь. — Мэр Прентисс наклоняется и заглядывает ей в лицо. — Может, ты наконец-то поняла, кто твой истинный враг? — Он умолкает. — А кто друг?

Виола что-то тихо отвечает.

— Не понял? — переспрашивает мэр Прентисс.

Она откашливается и повторяет:

— Я пришла только ради Тодда.

— Знаю. — Мэр Прентисс встает и снова начинает расхаживать по Арене. — Я тоже успел полюбить Тодда. Он

стал мне вторым сыном. — Он бросает взгляд на Дейви, тот вспыхивает. — Верный и трудолюбивый, он вложил немало сил в строительство нашего нового будущего.

Я опять барабаню в стекло.

— ЗАТКНИСЬ!!! — ору я. — ЗАТКНИСЬ!!!

— Если *он* с нами, Виола, — продолжает мэр Прентисс, — а твоя госпожа желает тебе зла, то ты не должна сомневаться, чье дело правое.

Но Виола уже трясет головой:

— Я вам ничего не скажу. Ничего!

— Но ведь она предала тебя. — Мэр Прентисс снова встает перед ней. — Пыталась тебя *убить*.

И тут Виола поднимает голову.

Она смотрит ему прямо в глаза:

— Нет, она пыталась убить *вас*.

Ох, молодчина!

Мой Шум наполняется гордостью.

Какая же она молодчина!

Мэр дает знак мистеру Хаммару.

Который берется за ручку и окунает Виолу в воду.

— НЕТ! — ору я и колочу по стеклу что есть сил. — НЕТ, ЧЕРТ, НЕТ!!! — Я подбегаю к двери в каморку и начинаю ее пинать. — **ВИОЛА! ВИОЛА!**

Тут я слышу ее оханье и бегу обратно к стеклу...

Виолу вытащили из воды, она плюется водой и кашляет.

— Время на исходе, — говорит мэр Прентисс, стряхивая с пальто соринку. — Так что не будем мешкать, перейдем к делу.

Я все еще барабаню в зеркало и ору. Мэр Прентисс оборачивается и смотрит на меня, и хотя он не может меня видеть, его глаза буравят меня насквозь.

— **ВИОЛА!** — кричу я и снова бью по стеклу.

Он слегка хмурится.

— **ВИОЛА!**

И мэр Прентисс наносит мне Шумовой удар.

Этот удар куда сильнее, чем предыдущие.

В голове будто разом кричит миллион голосов, и вопль этот запрятан так глубоко, что до этого места никак не дотянуться и не закрыться. Все они кричат одно: *ты ничтожество, ты ничтожество*, так что кровь кипит в жилах и глаза вылезают из орбит и стоять больше нет никакой возможности, я отшатываюсь от зеркала, падаю на лавку, и в голове все звенит оплеуха, звенит и звенит...

Когда я наконец открываю глаза, мэр Прентисс хватается за руку убегающего с Арены Дейви. Дейви снова бросает взгляд на зеркало.

В его Шуме — тревога и волнение.

За меня.

— Отвечай: когда «Ответ» планирует напасть на город? — спрашивает мэр Прентисс Виолу. Голос у него стал холодный и жесткий. — И откуда?

Она качает головой, так что в разные стороны летят брызги воды.

— Не скажу, — говорит Виола.

— Скажешь, — говорит мэр. — Боюсь, что сказать придется.

— Нет. Никогда.

И Виола все трясет головой.

Мэр Прентисс бросает взгляд на мое зеркало и снова бугорит меня им насквозь.

— Увы, — говорит он, — на отказы у нас времени нет.

И кивает мистеру Хаммару.

Тот снова окунает Виолу в воду.

— ХВАТИТ! — ору я, барабани по стеклу. — ХВАТИТ!!!

Мистер Хаммар держит Виолу под водой...

Держит...

И держит...

Я с такой силой колочу по зеркалу, что на руках уже выступили синяки.

— ПОДНИМИТЕ ЕЕ!!! ПОДНИМИТЕ! ПОДНИМИТЕ!!!

Виола бьется в конвульсиях...

Мечется под водой...

А он все держит ее...

— ВИОЛА!!!

Ее руки натягивают веревки...

Вода брызжет во все стороны...

Ох господи, господи, ох господи... Виола... Виол а... Виол а... Виол а...

Я не могу...

Не могу...

— НЕТ!

Прости меня

Умоляю, прости...

— СЕГОДНЯ! — ору я. — СЕГОДНЯ НА ЗАКАТЕ!
С ЮЖНОГО ХОЛМА! СЕГОДНЯ!

Я жму кнопку и кричу, опять и опять...

— СЕГОДНЯ!

Виола бьется под водой...

Но меня никто не слышит.

Он выключил звук...

Он выключил клятый звук...

Я возвращаюсь к зеркалу и бью по нему кулаками...

Но никто даже бровью не поводит...

А она все еще под водой...

Как бы я ни колотил руками по стеклу...

Почему оно не бьется...

Почему оно не бьется, черт его дер...

Мэр Прентисс подает знак мистеру Хаммару, и тот поднимает руку. Виола хрипит, ловя воздух огромными глот-

ками, ее волосы (длиннее, чем я помню) прилипли к лицу, обвили уши, вода хлещет с нее толстыми струями.

— Все здесь в твоих руках, Виола, — говорит мэр Прентисс. — Просто скажи, когда «Ответ» планирует напасть на город, и все кончится.

— СЕГОДНЯ! — ору я так громко, что голос трескается, точно засохшая грязь. — С ЮГА!

Но Виола лишь качает головой.

Никто меня не слышит, а она качает головой.

— Ведь она предала тебя, Виола. — В голосе мэра Прентисса слышится знакомое поддельное удивление. — Зачем ее спасать? Зачем жертвовать ради нее?..

Он умолкает, сознавая что-то.

— В «Ответе» есть дорогие тебе люди, — догадывается он.

Виола перестает трясти головой. Не поднимает ее, но и не трясет.

Мэр Прентисс встает перед ней на колени:

— Тогда ты тем более должна мне ответить. Тогда ты тем более должна рассказать мне, где она. — Он протягивает руку и убирает с лица Виолы несколько прилипших прядей. — Если ты мне поможешь, обещаю: я не причиню им вреда. Мне нужна только госпожа Койл. Все прочие целительницы попадут в тюрьму, а остальные — невинные жертвы их красноречия и пламенной риторики — будут освобождены сразу после воспитательной беседы.

Он жестом просит мистера Хаммара дать ему полотенце, которым вытирает Виоле лицо. Она по-прежнему на него не смотрит.

— Ответив мне, ты спасешь множество жизней, — договаривает мэр Прентисс, ласково промокивая воду на ее лице. — Даю слово.

Наконец Виола поднимает голову:

— Ваше слово... — Она смотрит мимо него на мистера Хаммара.

И лицо у нее такое злое, что даже *он* удивляется.

— Ах да! — вставая, говорит мэр Прентисс и отдает полотенце обратно. — Мистер Хаммар — живой пример моего милосердия, Виола. Я его пощадил. — Он снова начинает ходить кругами и, когда оказывается за ее спиной, украдкой бросает взгляд на мое зеркало. — Точно так же, как помилую твоих друзей и любимых.

— Сегодня, — хриплю я.

Почему он меня не слышит?!

— Впрочем, — продолжает мэр, — если ты не знаешь ответа, быть может, его знает твой друг Ли?

Виола вскидывает голову, глаза распахнуты, грудь тяжело вздымается...

Уж не знаю, как ему удалось выжить...

— Ничего он не знает, — выпаливает Виола. — Ни времени, ни места!

— Даже если я тебе поверю, — говорит мэр Прентисс, — нам все равно придется долго и настойчиво задавать ему Вопросы, чтобы убедиться окончательно.

— Не трогайте его! — кричит Виола, выкручивая шею и стараясь не выпускать мэра Прентисса из виду.

Он останавливается прямо перед зеркалом, спиной к Виоле, лицом ко мне:

— Или, быть может, нам стоит расспросить Тодда.

Я барабаню кулаками по стеклу прямо у него под носом. А ему хоть бы что.

И тут Виола говорит:

— Тодд никогда вам не признается! Никогда!

А мэр Прентисс просто смотрит на меня.

И *улыбается*.

Сердце уходит в пятки, нутро съеживается, а голова вдруг становится такой легкой, что я вот-вот упаду на пол.

Ох, Виола...

Виола, умоляю...

Прости меня.

— Капитан Хаммар, — говорит мэр Прентисс, и Виолу снова погружают в воду, с ее губ срывается крик...

— НЕТ! — ору я, прижимаясь к зеркалу.

Но мэр Прентисс на нее даже не смотрит.

Он смотрит прямо на меня, словно зеркало ему не помеха, да и кирпичная стенка тоже.

— ХВАТИТ!

А Виола все бьется...

И бьется...

— **ВИОЛА!!!**

Я так колочу по зеркалу, что, кажется, ломаю руки...

А мистер Хаммар все ухмыляется и держит ее под водой...

— **ВИОЛА!!!**

Из-под веревок на ее запястьях начинает сочиться кровь...

— **УБЬЮ ТЕБЯ!!!**

Кричу я в лицо мэру Прентиссу...

Всей силой своего Шума...

УБЬЮ ТЕБЯ!!!

А ее держат и держат...

— **ВИОЛА! ВИОЛА!!!**

И тут из всех людей на свете...

Дейви...

Кладет конец этому ужасу.

— Поднимите ее! — внезапно громко кричит он, стремительно подбегая к раме из своего угла. — Господи, да вы же ее убьете! — Он хватает раму и начинает поднимать.

Мэр кивает мистеру Хаммару, и Дейви вытаскивает Виолу из воды. Ее горло ревет и хрипит, втягивая воздух, а потом она тут же выкашливает его обратно с водой.

Минуту никто ничего не говорит, а мэр Прентисс с любопытством рассматривает сына — точно какую-то диковинную живность.

— Что толку от мертвой девчонки? — спрашивает Дейви дрожащим голосом, не глядя ни на кого. — Я только это имел в виду.

Мэр Прентисс молчит. Дейви, пятась, возвращается в свой угол.

Виола кашляет и дергается на раме, а я так крепко вжался в стекло, что вот-вот *просочусь* сквозь него.

— Итак, — говорит мэр Прентисс, сцепив руки за спиной и глядя на Дейви. — Пожалуй, на этом сегодня закончим. Все необходимое мы уже узнали.

Он подходит к кнопке на стене и нажимает ее:

— Будь любезен, повтори свои слова, Тодд.

Услышав мое имя, Виола поднимает глаза.

Мэр Прентисс возвращается к раме и отводит железные стержни от ее головы. Она озирается по сторонам, будто наконец услышала мой Шум.

— Тодд? — спрашивает она. — Тодд, ты здесь?

— Да, здесь! — воплю я, и мой голос на сей раз оглашает стены Арены.

— Пожалуйста, повтори то, что ты сказал несколько минут назад, Тодд. — Мэр Прентисс снова смотрит на меня. — Что-то про сегодняшний вечер?

Виола, проследив за его взглядом, потрясенно смотрит на зеркало.

— Нет, — шепотом выдавливают она, но этот шепот гремит у меня в голове, как крик.

— Повтори свои слова, Тодд. Виола имеет право их слышать.

Он знал. Все это время он слышал мой Шум, ну *конечно*, он слышал мои мысленные вопли.

— Виола... — В голосе только мольба.

Она искательно смотрит на зеркало.

— Не говори им! — кричит она. — Пожалуйста, Тодд, не го...

— Еще разок, Тодд, — перебивает ее мэр Прентисс, кладя руку на раму, — или мне придется снова ее испугать.

— Тодд, нет!!! — кричит Виола.

— Сволочь! — ору я. — Я убью тебя, слышишь? *УБЬЮ!!!*

— Нет, не убьешь, и мы оба это знаем, — усмехается мэр Прентисс.

— Тодд, прошу тебя, не... — шепчет Виола.

— Ну же, Тодд. Когда и откуда? — спрашивает мэр Прентисс.

Он начинает опускать раму.

Виола храбрится, как может, но все ее тело извивается, пытаясь отодвинуться как можно дальше от воды.

— Нет! — кричит она. — **НЕТ!**

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

— **НЕТ!**

Виола...

— Сегодня на закате, — говорю я. Динамики включены на полную громкость, и мой голос заглушает ее крики, Шум Дейви, мой собственный Шум, заполняя собой всю Арену. — С холма на юге, что с раздвоенной вершиной.

— **НЕТ!** — орет Виола...

И на ее лице...

Написано такое...

Что мое сердце рвется напополам.

Мэр Прентисс возвращает раму на место.

— Нет, — шепчет Виола.

И только тогда начинает плакать.

— Спасибо, Тодд, — говорит мэр Прентисс и поворачивается к мистеру Хаммару. — Теперь вы знаете, когда и откуда ударит «Ответ». Отдайте соответствующие распоряжения капитанам Моргану, Тейту и О'Харе.

Мистер Хаммар вытягивается по стойке «смирно».

— Так точно, сэр! — Голос у него такой, будто он только что выиграл приз. — Мы бросим туда все силы, сэр. Враг даже глазом моргнуть не успеет.

— Возьмите моего сына, — просит мэр Прентисс, кивая на Дейви. — Пусть узнает, что такое война.

Дейви заметно нервничает, но все же горд собой и взбодражен — он не замечает, как странно ухмыльнулся мистер Хаммар.

— Вперед, — говорит мэр Прентисс. — Пленных не брать.

— Так точно, сэр! — язвительно отвечает мистер Хаммар, когда Виола тихонько всхлипывает.

Дейви отдает честь отцу, пытаясь напустить на себя браво-вид, а затем бросает взгляд на зеркало — то есть на меня, — и в его Шуме сплошное сочувствие, страх, радостное волнение и снова страх.

А потом он вслед за мистером Хаммаром выходит за дверь.

Мы с Виолой и мэром Прентиссом остаемся одни.

Я могу лишь смотреть, как Виола висит на раме, уронив голову, рыдает, все еще связанная и мокрая насквозь, и такая от нее исходит невероятная грусть, такая боль, что я чувствую ее почти кожей.

— Займись своей подругой, — говорит мне мэр Прентисс, вплотную приблизившись к стеклу. — Я должен вернуться в свой взорванный дом и готовиться к новому рассвету. — Лицо у него совершенно каменное, будто ничего не случилось.

Это не человек.

— Еще какой человек, Тодд, — возражает мэр Прентисс. — Стражники отведут вас в собор. — Он поднимает брови. — Нам надо серьезно обсудить ваше будущее.

ПОРАЖЕНИЕ

[Виола]

Я слышу, как Тодд входит в зал — впереди летит его Шум, — но головы не поднимаю.

— Виола? — зовет он.

Я не смотрю на него.

Все кончено.

Мы проиграли.

Я чувствую его пальцы на своем запястье, он тянет веревку, наконец развязывает ее, но моя рука так затекла, что опускать ее ужасно больно.

Мэр Прентисс победил. Госпожа Койл хотела принести меня в жертву. Ли — в тюрьме, если только мэр Прентисс снова мне не наврал и не убил его сразу. Мэдди умерла зря. Коринн умерла зря.

А Тодд...

Он встает передо мной и начинает развязывать вторую руку. Я падаю прямо на него, он ловит меня и осторожно опускается на колени.

— Виола? — говорит он, прижимая меня к себе, мою голову к своей груди.

Я вся мокрая, вода пропитывает его пыльную форму, а руки меня не слушаются и безвольно висят, кожа под железным обручем пульсирует от боли.

Я поднимаю глаза и вижу серебряную «В» у него на рукаве.

— Пусти, — говорю я.

Но Тодд не отпускает, держит меня.

— *Пусти!*

— Не пущу.

Я пытаюсь оттолкнуть его бессильными руками, но я слишком устала, и поделать больше ничего нельзя... Все кончено.

Тодд меня обнимает.

И я опять начинаю плакать, он сжимает меня все крепче, и я плачу все громче, а когда силы немного возвращаются к рукам, я обвиваю ими Тодда и заливаюсь еще более горькими слезами, потому что чувствую его, вдыхаю его запах, слышу его Шум, полный тревоги, заботы, ласки, тоски...

До сих пор я не понимала, насколько по нему соскучилась.

Но Тодд проболтался мэру Прентиссу...

Он *проболтался*...

Я снова пытаюсь его оттолкнуть, хотя душа моя этому противится...

— Ты ему сказал, — задыхаясь, говорю я.

— Прости, прости! — В широко распахнутых глазах Тодда неприкрытый ужас. — Он тебя топил, и я не мог, просто не мог ина...

Я смотрю на него, и вижу себя в его Шуме, как мистер Хаммар опускает меня в воду, а он барабанит кулаками по стеклу и истошно вопит, но что еще хуже, я вижу его чувства в ту минуту, его безнадежную *ярость*.

И у него такое лицо...

— Виола, прошу тебя, — взмаливается он. — *Пожалуйста...*

— Он их убьет, — говорю я. — Всех до единого. А там ведь Уилф, Тодд. *Уилф.*

Он в ужасе смотрит на меня:

— Уилф?!

— И Джейн. И многие другие. Он всех убьет, всех уничтожит. И тогда наступит конец. Конец *всему*, Тодд.

Его Шум чернеет и пустеет, Тодд съеживается на полу в лужице воды, собравшейся под нами.

— Нет, — выдавливают он. — О нет...

Я не хочу это говорить, но мои губы сами произносят слова:

— Ты сделал все в точности так, как он задумал. Он знал, как на тебя надавить.

Тодд поднимает на меня глаза:

— А что мне оставалось?

— Ты должен был молчать! Пусть бы меня убили!

Он смотрит мне в глаза, и я вижу в его Шуме, что он ищет меня, ищет настоящую Виолу, которая прячется где-то за страхом и болью, все ищет...

И на долю секунды мне хочется, чтобы он ее не нашел.

— Пусть бы меня убили, — тихо повторяю я.

Но он не мог так поступить, верно?

Поступить так и остаться собой.

Остаться Тоддом Хьюиттом.

Мальчиком, который не умеет убивать.

Мужчиной, который не умеет убивать.

Мы сами творим свою судьбу.

— Надо их предупредить. — говорю я, стыдясь и пряча от него глаза. — Если сможем.

Я хватаюсь за край бочки с водой и пытаюсь подняться. Лодыжки простреливает резкая боль. Я вскрикиваю и падаю обратно на пол.

И Тодд снова меня ловит.

— Ноги...

Мы оба опускаем глаза на мои босые ноги, распухшие и наливающиеся жутким синевато-черным цветом.

— Отнесу тебя к целительнице. — Тодд обхватывает меня одной рукой, чтобы поднять.

— Нет! — останавливаю я его. — Надо предупредить «Ответ». Это самое главное.

— Виола...

— Их жизни важнее мо...

— Она пыталась тебя убить, Виола. Хотела тебя взорвать.

Я тяжело дышу, пытаюсь не чувствовать боли в ногах.

— Ты ничего ей не должна.

Я чувствую на себе его руки и понимаю, что все не так уж невозможно. Тодд касается меня, и во мне поднимается гнев, но не на него. Охнув и опираясь на него, я встаю на ноги.

— Нет, кое-что все-таки должна, — говорю я. — Я должна посмотреть ей в глаза, когда она увидит меня живой.

Я пытаюсь сделать крошечный шаг вперед, но это невыносимо. Я снова кричу.

— У меня есть лошадь. — говорит Тодд. — Я могу посадить тебя в седло.

— Он не даст нам уйти, — говорю я. — Он же сказал, что нас отведет стража.

— Ага. Это мы еще посмотрим.

Тодд одной рукой обхватывает мои плечи и нагибается, чтобы другой взять меня под колени.

И вот я у него на руках.

Случайно шевельнув ногой, я снова кричу, но Тодд несет меня вперед, как тогда, на холме возле Хейвена...

Он тоже это вспоминает. Я вижу картинку в его Шуме.

Обвиваю рукой его шею. Он пытается улыбнуться.

Улыбка, как всегда, получается кривой.

— Видно, мы так и будем все время друг друга спасать. — говорит Тодд. — Интересно, счет когда-нибудь сравняется?

— Надеюсь, нет.

Он снова хмурится, и в его Шуме сгущаются тучи.

— Прости, — тихо говорит он.

Я хватаю воротник его рубашки и крепко стискиваю:

— Ты тоже меня прости.

— Значит, мир? — Кривая улыбка опять озаряет лицо Тодда. — Снова?

И я заглядываю ему в глаза, глубоко-глубоко в душу, потому что хочу, чтобы он услышал не только мои слова, но и чувства.

— И навсегда, — говорю я. — Так будет всегда.

Тодд сажает меня на стул, а сам подходит к двери и начинает в нее стучать.

— Открывайте! — кричит он.

— Это ведь кое-что значит, Тодд. — говорю я, стараясь делать как можно более частые и неглубокие вдохи, иначе они отдаются болью в ногах. — С этого дня мы должны помнить о самом главном.

— В смысле? — Он снова бьет в дверь кулаком и охает, потому что кулаки у него разбиты.

— Мэр Прентисс знает твое слабое место. — говорю я. — Угрожая мне, он может вынудить тебя на что угодно.

— Да уж, — говорит Тодд, не глядя на меня. — Это я и так знал.

— Он и дальше будет пытаться тобой манипулировать.

Тодд резко оборачивается и стискивает кулаки:

— Он больше никогда тебя не увидит! Я ему не позволю!

— Нет. — Я качаю головой и тут же кривлюсь от боли. — Так нельзя, Тодд. Его нужно остановить.

— Ну, это не обязательно должны делать *мы*.

— Кто-то должен. — Я выгибаю спину так, чтобы на ноги приходилось как можно меньше веса. — Нельзя отдать ему победу.

Тодд начинает пинать дверь:

— Тогда пусть это делает твоя госпожа! Мы доберемся до «Ответа», предупредим их, а потом сбежим отсюда.

— Куда сбежим?

— Не знаю. — Он начинает искать глазами какой-нибудь тяжелый предмет, чтобы вышибить дверь. — В какую-нибудь заброшенную деревню. Дождемся там прилета твоих кораблей.

— Он убьет госпожу Койл и первым доберется до переселенцев. — Я поворачиваю голову, чтобы не выпустить из виду Тодда, и тихонько охаю от боли. — На кораблях бодрствуют лишь несколько хранителей, все остальные спят, Тодд! Он может убить хранителей и поддерживать сон остальных сколько душе угодно. А может вообще их не будить!

Тодд замирает на месте:

— Правда?

Я киваю:

— Конечно. Когда «Ответ» уничтожат, кто сможет ему помешать?

Тодд стискивает и разжимает кулаки:

— Придется нам.

— Сперва надо найти «Ответ», — говорю я, пытаюсь выпрямиться. — Предупредим их...

— И расскажем, что за человек их госпожа, — добавляет Тодд.

Я вздыхаю:

— Получается, мы должны остановить обоих...

— Ну, госпожу-то несложно остановить. — усмехается Тодд. — Мы просто расскажем, какая она на самом деле, и кто-нибудь другой займет ее место... — Он пытливо смотрит на меня: — Может, ты.

— Или *ты*. — Я пытаюсь перевести дыхание. Это не так-то просто. — В любом случае, надо их найти.

И тут дверь внезапно открывается.

На пороге стоит солдат с винтовкой.

— Мне приказано отвести вас в собор, — говорит он.

Кажется, я его узнаю.

— Иван, — говорит Тодд.

— Лейтенант, — кивает Иван, — у меня приказ.

— Вы же из Фарбранча! — вскрикиваю я, но солдат, не мигая, смотрит на Тодда.

В его Шуме слышится что-то...

— *Лейтенант*, — с упором повторяет он, как будто хочет что-то этим сказать.

Я перевожу взгляд на Тодда:

— Что это значит?

— Приказ, *рядовой* Фарроу? — спрашивает Тодд, пристально глядя на Ивана.

Между их Шумами быстро мелькает что-то размытое.

— Так точно, сэр, — отвечает Иван, встав на вытяжку. — Непосредственный приказ от вышестоящего по званию.

Тодд косится на меня. Я слышу работу его мысли.

— Что происходит?

В Шуме Тодда появляется Ли.

— Рядовой Фарроу, здесь есть еще один заключенный? Юноша? Со светлыми лохматыми волосами?

— Есть, сэр.

— Если я прикажу вам отвести нас к нему, вы выполните приказ?

— Вы же вышестоящий по званию, *лейтенант*, — говорит Иван, пристально глядя на Тодда. — Я обязан выполнять любые ваши приказы.

— Тодд?.. — Кажется, я начинаю понимать, что происходит.

— Я уже давно пытаюсь вам это сказать, лейтенант, — с легким нетерпением в голосе говорит Иван.

— На данный момент в министерстве есть офицеры выше меня рангом? — спрашивает Тодд.

— Нет, сэр. Тут только я и стражники. Всех остальных забрали на войну.

— Сколько стражников?

— Шестнадцать, сэр.

Тодд облизывает губы, соображая.

— Они тоже сочтут меня начальником, рядовой?

Иван впервые отводит взгляд, быстро озирается по сторонам и уже тише отвечает:

— У нас тут небольшие разногласия насчет того, кто будет за главного. Думаю, их можно уговорить.

Тодд расправляет плечи и одергивает полы форменной куртки. Я снова замечаю, какой он стал высокий — намного выше, чем когда мы виделись в последний раз, — и лицо у него больше не детское, а голос стал ниже и глубже.

Я смотрю на него и вижу мужчину.

Он откашливается и вытягивает руки по швам:

— Рядовой, отведите меня к заключенному по имени Ли!

— Хотя мне приказано отвести вас прямоиком к президенту, — официальным тоном чеканит Иван, — я не могу вас послушаться, сэр.

Он выходит наружу и ждет нас в коридоре. Тодд подходит к моему стулу и встает передо мной на колени.

— Что ты задумал? — спрашиваю я, пытаюсь читать его Шум, но мысли в нем вертятся так быстро, что я не успеваю ничего разобрать.

— Ты говоришь, что мы должны остановить мэра Прентисса, потому что больше некому, — говорит Тодд, еще сильнее растягивая губы в кривой усмешке. — Я, кажется, придумал способ.

ЛЕЙТЕНАНТ

[Тогда]

Когда мы с Иваном уходим по коридору, я чувствую на своей спине взгляд Виолы. Она сомневается, можно ли ему доверять.

Я, если честно, тоже.

Потому что доверять ему нельзя, верно? Иван вступил в армию добровольцем, чтобы спасти собственную шкуру, и я помню, как он тайком поведал мне о своем желании перейти на сторону Прентисстауна. Ему явно не терпелось стать военным, а за усердие его даже сделали капралом.

Но потом мэр Прентисс выстрелил ему в ногу.

Надо быть заодно с теми, за кем сила, говорил он. Только так и можно выжить.

Быть может, он решил, что нашел новую силу?

— Именно так, сэр, — говорит Иван, останавливаясь у двери. — Он здесь.

— Ходить может? — спрашиваю я, пока Иван открывает ключом дверь...

Но Ли уже вылетает из камеры с криком «АААААААА-ААА!!!», сшибает Ивана с ног и бьет его по лицу снова и снова, так что мне приходится его оттаскивать. Он резко оборачивается с кулаками наготове и только тут видит меня.

— Тодд!.. — изумленно охает он.

— Надо как можно быстрее... — начинаю я.

— Где она?! — кричит он, уже озираясь по сторонам в поисках Виолы.

Мне приходится встать между ним и Иваном, чтобы тот не разбил ему голову прикладом винтовки.

— Она ранена, — говорю я. — Ей надо наложить шину. — Я поворачиваюсь к Ивану: — У вас тут есть перевязочные материалы?

— Есть набор для оказания первой помощи.

— Сгодится. Отдай его Ли, он позаботится о Виоле. Потом скажи стражникам, что я хочу с ними поговорить.

Иван злобно сверлит взглядом Ли.

— Это приказ, рядовой.

— Будет сделано, сэр, — язвительно отвечает Иван и скрывается в коридоре.

Ли тарашит на меня глаза:

— Сэр?!

— Виола все объяснит. — Я толкаю его вслед за Иваном. — Скорей отнеси ей бинты и шину! Ей больно!

Это приводит Ли в чувство. Я разворачиваюсь и иду в сторону вестибюля мимо двух стражников.

— Что происходит? — спрашивает один из них.

— Что происходит, сэр, — отрезаю я, не оборачиваясь, и стремительно выхожу из министерства Вопросов на улицу, а там иду напрямик к воротам.

На улице — тишь и покой.

И Анггаррад.

Видимо, ее привел Дейви.

— Привет, девочка! — говорю я, медленно подходя к ней и глядя ее по носу.

Жеребенок Тодд? — слышится в ее Шуме.

— Все хорошо, девочка, — шепчу я. — Все в порядке.

Ее Шум все твердит без конца мое имя: **Тодд, Тодд, Тодд.** Я подхожу к седлу. На нем до сих пор висит моя винтовка.

И дневник моей мамы тоже там.

Дейви постарался.

Я отвязываю поводья Ангарад от столба и вывожу ее на дорогу, так чтобы морда смотрела прямо на огромную серебряную «В» на воротах.

— Мне тут надо речь произнести, — говорю я. — Хорошо бы с твоей спины.

Жеребенок Тодд, говорит она.

— Ангарад, — говорю я.

Ставлю ногу в стремя, запрыгиваю в седло и поднимаю глаза к небу. Темнеть еще не начало, но солнце уже начинает сползать к водопаду. День подходит к концу.

Время на исходе.

— Пожелай мне удачи, — говорю я.

— Вперед! — ржет Ангарад. — Вперед.

Стражники переводят взгляд с меня на Ивана, который пытается заставить их молчать — впрочем, это не поможет заглушить их Шум, который блеет и кричит, точно овца на пожаре.

— Он же лейтенант, — увещевает Иван стражников.

— Мальчишка он, а не лейтенант! — возражает ему рыжеволосый солдат.

— Любимец президента, — добавляет Иван.

— Да, и вам приказали отвести его в город, рядовой, — говорит стражник с большим пузом и капральскими нашивками на рукаве. — Еще скажите, что ослушались непосредственного приказа!

— Лейтенант отдал мне другой приказ, — говорит Иван.

— С каких пор он у нас главнее президента?

— Да бросьте! — взрывается Иван. — Вас же всех поголовно наказали, поэтому вы здесь!

Это немного утихомиривает странников.

— Ты идиот, если думаешь, что я встану на сторону мальчишки и послушаюсь президента, — усмехается капрал Пузан.

— Прентисс все узнает, — добавляет рыжий, — как ни скрывай.

— Он прикажет нас расстрелять, — поддакивает ему его товарищ, долговязый, с бледной, землистой кожей.

— Кому прикажет? — не унимается Иван. — Все солдаты на войне, а президент сидит в своем разрушенном соборе и ждет, когда я приведу Тодда.

— С какой стати? — спрашивает рыжий. — Почему он не с армией?

— Это не в его духе, — отвечаю я. Все снова поднимают глаза на меня. — Мэр Прентисс не участвует в сражениях. Он правит, руководит, но курка не спускает и рук не пачкает. — Анггаррад чует мое волнение и делает едва заметный шагжок в сторону. — За него это делают другие люди.

И потом, думаю я, пытаюсь утопить эту мысль в Шуме, ему очень хочется поговорить со мной.

Что, по мне, гораздо хуже войны.

— Так ты чего, решил его свергнуть? — спрашивает капрал, скрещивая руки на груди.

— Он обычный человек, — говорю я. — А человек небессмертен.

— Нет, он не так прост, — возражает рыжий. — Говорят, он сделал из своего Шума оружие.

— И если близко к нему подойти, он может завладеть твоим разумом, — добавляет долговязый.

Иван презрительно фыркает:

— Бабушкины сказки! Ничего такого он не умеет...

— Умеет, — говорю я, и снова все взгляды обращаются на меня. — От его Шумных оплеух потом полдня в голове

звенит, боль адская. А еще он может пролезть в мозг и заставить тебя что-нибудь сделать или сказать. Все это чистая правда.

Стражники удивленно пялятся на меня, гадая, когда я скажу что-нибудь более утешительное.

— Но, кажется, для этого надо смотреть ему в глаза.

— Тебе *«кажется»*? — фыркает рыжий.

— А Шумные удары несмертельны, и он не может бить нескольких людей разом. Если мы нападём вместе, всех ему не достать.

Правда, я тщательно скрываю в Шуме воспоминание о его последнем ударе — сегодня, на Арене. Он был куда мощнее и страшнее всех предыдущих.

Мэр Прентисс оттачивает свое оружие.

— Неважно, — говорит долговязый. — У него тоже есть охрана. Ты зовёшь нас на верную смерть.

— Он ждёт, что вы меня приведёте, — говорю я. — Мы спокойно пройдем мимо охраны прямо к нему.

— И с чего мы должны тебе подчиняться, *лейтенант*? — спрашивает капрал, глумясь над моим званием. — Что мы за это получим?

— Свободу от тирании! — восклицает Иван.

Капрал закатывает глаза. Не он один.

Иван не понимает:

— Мы свергнем его и сами захватим власть!

Глаза уже никто не закатывает, но долговязый говорит:

— Кто-нибудь жаждет увидеть в президентах Ивана Фарроу?

Он хотел всех насмешить, но никто не смеется.

— А как насчет президента *Хьюитта*? — говорит Иван, глядя на меня со странным блеском в глазах.

Капрал Пузан фыркает и повторяет:

— Да он же мальчишка!

— Нет, — говорю я. — Уже нет.

— Он один решил сопротивляться режиму, — добавляет Иван. — Это кое-что да значит.

Стражники начинают переглядываться. Я вижу вопросительные знаки в их Шуме, сомнения и страхи, а также мысль о неизбежном поражении.

Но из их Шума я узнаю, как можно спасти дело.

— Если вы мне поможете, — говорю я, — я дам вам лекарство.

Разговоры тут же умолкают.

— Что, правда? — недоверчиво спрашивает рыжий.

— Да блефует он! — отвечает за меня капрал.

— Лекарство хранится в подвалах собора. Я сам видел, как мэр Прентисс его туда...

— Почему ты все время называешь Прентисса мэром? — спрашивает долговязый.

— Пойдемте со мной, — говорю я. — Помогите мне схватить его, и я разрешу каждому взять столько лекарства, сколько он сможет унести. — Стражники теперь слушают меня во все уши. — Пора Хейвену снова стать Хейвеном!

— Он отобрал лекарство у всех солдат, — говорит Иван. — Если мы свергнем президента и раздадим лекарство обратно, кого, по-вашему, они станут слушать?

— Ну уж не тебя, Иван, — смеется капрал.

— Верно. — Он снова бросает на меня тот странный взгляд. — Но, быть может, *его*.

Стражники смотрят на меня, сидящего верхом на Анггарад, вооруженного и в пропыленной форме, видят мои надежды и обещания, и в их Шуме поднимается ропот. Каждый невольно спрашивает себя, готов ли он рискнуть и попытать судьбу, настолько ли он отчаялся.

А я думаю о Вноле, сидящей в министерстве Вопросов, — я делаю это только ради нее, я на все готов ради нее.

И тут мне приходит в голову еще один аргумент.

— Всех женщин уже клеймили, — говорю я. — Кто следующий?

Когда я возвращаюсь на Арену, Ли уже заканчивает накладывать Виоле повязки. Лицо у нее порозовело, и она выглядит куда менее измученной.

— Стоять можешь? — спрашиваю я.

— Чуть-чуть, — улыбается Виола.

— Неважно, — говорю я. — Анггаррад ждет нас во дворе. Вы с Ли поедете на ней искать «Ответ».

— А ты? — спрашивает Виола.

— Я должен встретиться с мэром и положить конец его тирании.

Услышав это, Виола подсакивает на месте.

— Я с тобой! — тут же выпаливает Ли.

— Нет, вы должны остановить атаку и рассказать всем про госпожу Койл.

Ли поджимает губы, и я вижу, как бурлит яростью его Шум. Он тоже чуть не умер от той бомбы.

— Виола сказала, ты не умеешь убивать.

Я бросаю на нее гневный взгляд. Она тут же отворачивается.

— Я убью его, — говорит Ли. — Убью за то, что он сделал с моей матерью и сестрой.

— Если вы не предупредите «Ответ», жертв будет столько, что мэр Прентисс никогда за них не расплатится.

— Хорошо бы он добрался до госпожи Койл, — говорит Ли, но тут же в его Шуме начинают вертеться другие люди: Уилф с женой... и Виола... Виола... Виола...

— Что ты задумал, Тодд? — спрашивает она. — Нельзя же идти на мэра Прентисса в одиночку!

— Я буду не один, — говорю я. — Со мной стражники.

Виола распахивает глаза:

— Что?!

Я улыбаюсь:

— Да вот, поднял тут небольшой бунт.

— Сколько стражников? — все так же мрачно спрашивает Ли.

Я медлю с ответом.

— Семеро... Всех подговорить не удалось.

Плечи Виолы опускаются.

— Ты пойдешь на мэра Прентисса с семьей солдатами?

— Какой-никакой, а шанс, — говорю я. — Почти все солдаты брошены на последнюю битву. Мэр Прентисс меня *ждет*. Таким беззащитным он никогда не был и вряд ли еще будет.

Виола секунду смотрит на меня, потом кладет одну руку на плечо Ли, а другую на мое и с трудом поднимается на ноги. Я вижу, как ее всю передергивает от боли, но Ли наложил ей тугие повязки, так что она может секунду-другую постоять.

— Я с тобой, — говорит она.

— Нет, — отрезаю я.

— Ни за что! — вопит Ли.

Виола поджимает губы:

— И с каких это пор вы решаете за меня, что делать?

— Ты не можешь ходить, — говорю я.

— У тебя есть лошадь.

— Это ваш шанс выбраться отсюда!

— Он ждет нас *обоих*, Тодд. Если ты войдешь один, твой план рухнет и рта не успеешь раскрыть. — Я подбочениваюсь.

— Ты же сама говорила, что мэр Прентисс снова попытается использовать тебя против меня!

Виола шипит от боли, пытаясь переступить с ноги на ногу.

— Тогда твоему плану лучше сбыться, так?

— Виола... — начинает Ли, но тут же умолкает под ее строгим взглядом.

— Найди «Ответ», Ли, — просит Виола. — Предупреди их. Времени совсем мало.

— Но...

— Иди, — повторяет она уже тверже.

И мы оба видим, как всколыхивается его Шум, как не хочется ему бросать Виолу. Чувство настолько сильное, что я отворачиваюсь.

И еще мне хочется его ударить.

— Я не брошу Тодда, — говорит Виола. — Я нашла его и больше никогда не брошу. Прости, Ли, но ничего не поделаешь.

Ли пытается, не в силах скрыть в Шуме обиду. Виола смягчается.

— Прости, — повторяет она.

— Виола... — шепчет Ли.

Но она только качает головой:

— Мэр Прентисс считает себя всезнайкой. Думает, что знает будущее. Он сидит там и *ждет* нас с Тоддом — что мы придем и попытаемся его остановить...

Ли хочет ее перебить, но она ему не позволяет:

— Но кое-чего он не знает. Мы с Тоддом пробежали вместе полсвета... *сами*. Мы убили сумасшедшего проповедника. Мы обогнали целую армию, *выжили*, несмотря на погони, избиения и смертельные раны, нас взрывали, пытали, морили голодом, мучили так, как только могли...

Виола убирает руку с плеча Ли и стоит, держась только за меня.

— Мы с Тоддом? Против мэра Прентисса? — Она улыбается. — Да у него нет ни единого шанса!

МАРШ К СОБОРУ

{ Виола }

— Ты это серьезно сказала? — спрашивает Тодд, затягивая седельные ремни. Он говорит очень тихо и смотрит только на свои руки. — Про то, что у мэра Прентисса нет ни единого шанса?

Я пожимаю плечами:

— Но ведь помогло же.

Тодд улыбается:

— Мне надо поговорить со стражниками. — Он кивает на Ли, который стоит в сторонке и, сунув руки в карманы, с недовольным видом наблюдает за нами. — Ты с ним полегче, ладно?

Он машет Ли рукой и направляется к нашему конвою из семерых солдат, столпившихся у ворот.

Ли подходит ко мне:

— Ты точно знаешь, что делаешь?

— Нет. Но я верю Тодду.

Ли громко выдыхает воздух через нос, опускает голову и пытается выровнять свой Шум.

— Ты его любишь, — говорит он. Не вопросительно, а констатируя факт.

— Люблю, — отвечаю я. Тоже констатируя факт.

— Как друга... или?..

Мы оба смотрим на Тодда. Размахивая руками, он объясняет солдатам наш план и их дальнейшие действия.

Он выглядит как настоящий вожак.

— Виола?

Я оборачиваюсь:

— Ли, ты должен как можно скорее найти «Ответ».

Он хмурится:

— Они могут не поверить мне насчет госпожи Койл. Люди возлагают на нее большие надежды.

— А ты думай об этом так, — говорю я, осторожно берясь за поводья лошади **Жеребенок?** — спрашивает она, тоже не сводя глаз с Тодда. — Если ты сможешь их найти, а мы схватим мэра Прентисса, сегодня весь этот ужас закончится.

Ли щурится на солнце:

— А если не схватите?

Я пытаюсь улыбнуться:

— Ну, тогда тебе придется нас спасать!

Он тоже выдавливает улыбку.

— Мы готовы, — объявляет Тодд, возвращаясь к нам.

— Ну, вперед, — говорю я.

Тодд протягивает руку Ли:

— Удачи.

— И вам, — говорит Ли, пожимая ему руку.

Но смотрит лишь на меня.

Как только Ли скрывается в лесу — он должен будет срезать путь через холмы и первым добраться до «Ответа», — мы отправляемся в путь к собору. Тодд ведет за поводья Анггард, которая без конца твердит: **жеребенок, жеребенок**, беспокоясь из-за нового наездника. Тодд бормо-

чет что-то ласковое и успокаивающее ей на ухо, гладит ее по носу и гриве.

— Как самочувствие? — спрашивает он, когда мы подходим к первым женским общежитиям.

— Ноги болят, — говорю я. — И голова. — Я потираю ладонью рукав, под которым прячется железный обруч. — И рука тоже.

— А в остальном? — улыбается Тодд.

Я поглядываю на стражников, марширующих вокруг нас, как настоящий конвой: Иван впереди, двое сзади, двое слева и двое справа.

— Ты в самом деле веришь, что мы его схватим? — спрашиваю я Тодда.

Он смеется:

— Все равно мы уже идем, так?

Да, мы идем.

По дороге, ведущей прямо в сердце Нью-Прентисстауна.

— Давайте быстрее. — уже громче говорит Тодд.

Стражники прибавляют шаг.

— Все ушли, — шепчет один из солдат с огненно-рыжими волосами, когда мы проходим по густо застроенным кварталам.

Зданий вокруг становится все больше и больше. Зданий, но не людей.

— Не ушли, — отвечает рыжему другой, с большим животом. — Прячутся.

— Без армии как-то жутко, — продолжает рыжий. — Без солдат, марширующих по улицам...

— Теперь мы тут маршируем, рядовой, — говорит Иван. — Мы тоже солдаты.

Мы проходим мимо домов с закрытыми ставнями и лавок с занавешенными витринами, мимо безлюдных улиц — ни пешеходов, ни мопедов, ни телег. Из-за закры-

тых дверей вырывается **Шум**, но он вполтину тише обычного.

И пропитан *страхом*.

— Они знают, что дело неладно, — говорит Тодд. — Почуяли приближение войны, которой так давно ждали.

Я оглядываюсь по сторонам. Окна вокруг темные, нигде ни единого любопытного лица — никому не интересно, что это за девчонку с переломанными ногами везут на лошади в центр города.

А потом дорога поворачивает, и впереди возникает собор.

— Ох ты надо ж! — охает рыжий, и все резко останавливаются.

— Вы умудрились выжить после *такого*?! — спрашивает пузатый Тодда. — Похоже, на вас и впрямь Божье благословение.

Колокольня уцелела, но едва балансирует на вершине шаткой лестницы из кирпичей. Две стены главного здания тоже стоят нетронутые, включая ту, в которой было круглое витражное окно.

Но все остальное...

Все остальное превратилось в груды камней и пыли.

Даже сзади видно, что большая часть крыши провалилась внутрь, а остальные две стены вышибло на дорогу и площадь перед собором. Арки опасно накренились, двери сорвало с петель, внутреннее убранство лежит на виду у всех, сверкая в последних лучах заходящего солнца.

И нигде ни одного солдата.

— Его что, никто не охраняет? — спрашивает рыжий.

— Очень на него похоже, — хмыкает Тодд, разглядывая собор и словно надеясь увидеть внутри мэра Прентисса.

— Если он вообще там, — добавляет Иван.

— Там, — кивает Тодд. — Поверьте мне на слово.

Рыжий начинает пятиться.

— Нет уж, я туда не пойду, — бормочет он. — Это самоубийство. Я не пойду.

Бросив на собор последний перепуганный взгляд, он кидается наутек по улице, которой мы пришли.

Тодд вздыхает:

— Кто еще?

Солдаты переглядываются, гадая, зачем вообще сюда пришли.

— Он и вас заклеит, — говорит Иван, кивая на меня.

Я задираю рукав и показываю всем железный браслет. Кожа вокруг все еще красная и горячая. Похоже, инфекция попала в кровь, и целебные кремы с ней не справляются.

— А потом превратит вас в рабов! — продолжает Иван. — Не знаю, как вы, а я не за этим пошел в солдаты.

— И зачем же? — спрашивает его один из стражников, хотя ответа явно слышать не хочет.

— Мы его схватим и станем героями, — говорит Иван.

— Героями с лекарством, — кивает пузатый. — А тот, кто распоряжается лекарством...

— Хватит разговоров. — перебивает его Тодд, и я слышу в его Шуме смущение и недовольство словами пузатого. — Вы готовы помочь или нет?

Солдаты переглядываются.

И вдруг Тодд повышает голос.

Повышает так, что его вопрос звучит как приказ.

Повышает так, что даже я вскидываю голову.

— Я спросил: вы *готовы*?

— Да, сэр! — хором выкрикивают стражники и удивленно переглядываются, как будто сами не ожидали от себя такого ответа.

— Тогда вперед!

И солдаты снова начинают печатать шаг по мелкому гравию вниз по небольшому склону к собору, который становится все ближе и больше.

За деревьями слева от нас возникают холмы на южном горизонте.

— Святой Боже! — выдыхает пузатый.

Даже отсюда можно увидеть марширующую вдалеке армию: огромная черная рука, взбирающаяся по слишком узкой дороге на вершину холма, навстречу «Ответу».

Я смотрю на заходящее солнце.

— Осталось около часа, — говорит Тодд. — Может, меньше.

— Ли не успеет... — вздыхаю я.

— Может, и успеет. В лесу должны быть тропинки.

Змея армии ползет вверх по склону. Солдат так много, что «Ответу» нипочем не выстоять, если дело дойдет до настоящего сражения.

— Мы не можем проиграть, — говорю я.

— И не проиграем, — кивает Тодд.

Мы подходим к собору.

Идем вдоль северной стены — она сильнее всего пострадала от взрыва и обвалилась прямо на дорогу.

— Помните, — бормочет Тодд солдатам, пока мы пробираемся через обломки, — вы ведете двух пленников на встречу с президентом, как вам и приказывали. Ни о чем другом не думайте!

Мы идем дальше. Каменные завалы вокруг такие высокие, что за ними ничего не разглядеть. Мэр Прентисс может быть где угодно.

Мы сворачиваем за угол туда, где раньше был фасад. Вместо него теперь зияющая дыра, сквозь которую видно внутренние помещения, колокольню и круглый витраж. Солнце за нашими спинами светит прямо сквозь цветное стекло. Наверху просматриваются комнаты с обрушившимися стенами и полами. Среди камней щебечут иволги: они копошатся в объедках и кое чем похуже. Основная часть здания накренилась, как будто неожиданно устала и вот-вот может упасть без сил.

А внутри...

— Никого. — говорит Иван.

— Поэтому и охраны не было, — догадываюсь я. — Он ушел с армией.

— Нет, — отрезает Тодд, хмурясь и оглядываясь по сторонам.

— Тодд, — тихо говорю я, чуя неладное...

— Он *лично* велел нам привести Тодда, — говорит Иван.

— Тогда где он? — спрашивает пузатый.

— О, я здесь! — раздается чей-то голос.

Мэр Прентисс делает шаг из тени, в которой просто не мог спрятаться человек: он словно выходит прямо из кирпичной стены, из солнечного света, в котором каким-то чудом растворился.

— Что за черт?.. — пятась, восклицает пузатый.

— Не черт, — усмехается мэр Прентисс, делая первый шаг в нашу сторону и раскрывая объятия.

Солдаты тотчас вскидывают винтовки и прицеливаются в него. Мэр Прентисс не пытается даже сделать вид, что вооружен, но продолжает спокойно идти вперед.

— Нет, не черт, — повторяет он. — Гораздо хуже.

— Стоять! — приказывает ему Тодд. — Эти люди с удовольствием вас пристрелят.

— Знаю. — Мэр Прентисс замирает на нижней ступеньке перед входом в собор и поставив одну ногу на обломок стены. — Рядовому Фарроу, к примеру, только дай волю. — Он кивает на Ивана. — Он ведь до сих пор точит на меня зуб за несправедливое наказание.

— Заткни пасть, — цедит Иван сквозь зубы, глядя на мэра Прентисса поверх дула своей винтовки.

— Не смотри ему в глаза, — быстро предупреждает его Тодд. — Все слышали? Не смотрите ему в глаза!

Мэр Прентисс медленно поднимает руки:

— Так я теперь ваш пленник? — Он обводит долгим взглядом солдат и нацеленные на него винтовки. — Ах да,

понял! У вас есть план. Вы задумали раздать людям лекарство и, воспользовавшись их недовольством властью, самим ее захватить. Что ж, очень умно.

— Все будет не так, — говорит Тодд. — Вы распустите армию и освободите заключенных.

Мэр Прентисс подносит руку к подбородку и словно погружается в глубокие раздумья.

— Видишь ли, Тодд, — начинает он, — людям обычно не нужна свобода, сколько бы они о ней ни болтали. Поэтому все будет иначе: армия сокрушит «Ответ», присутствующих здесь солдат казнят за государственную измену, а мы с тобой и Виолой поболтаем о будущем, как я и обещал.

Раздается громкий треск: Иван передергивает затвор.

— Да неужели? — ухмыляется он.

— Вы наш пленник — и точка, — говорит Тодд, доставая из седельной сумки длинную веревку. — Посмотрим, как отреагирует на это ваша армия.

— Очень хорошо, — отвечает мэр Прентисс почти весело. — Я, стало быть, должен отправить кого-нибудь из солдат в подвал за лекарством? Видишь, я читаю ваши планы как раскрытую книгу.

Пузатый оглядывается. Тодд кивает ему, и он взбегают по ступенькам ко входу в собор.

— Прямо и вниз, — дает указания мэр Прентисс. — Путь расчищен.

Тодд берет веревку и идет к нему мимо наставленных на него дул. Пот с моих ладоней впитывается в поводья.

Все слишком просто...

Слишком...

Мэр Прентисс послушно протягивает руки, но Тодд медлит — ему не хочется подходить близко.

— Если вздумает что-нибудь устроить, — говорит Тодд стражникам, не оборачиваясь, — сразу стреляйте.

— С удовольствием.

Тодд тянется вперед и начинает обматывать веревкой запястья мэра Прентисса.

Из собора доносятся шаги. На улицу выбегает запыхавшийся пузатый, его Шум рвет и мечет.

— Ты сказал, что лекарство в подвале, лейтенант!

— Так и есть. Я сам видел.

Пузатый трясет головой:

— Нет там ничего. Пусто!

Тодд переводит взгляд на мэра Прентисса:

— Значит, вы его перенесли. Куда?

— А если я не скажу? Пристрелишь меня?

— Я только «за», — говорит Иван.

— *Куда вы перенесли лекарство?* — властным, грозным голосом переспрашивает Тодд.

Мэр Прентисс поднимает взгляд на него, затем обводит им солдат и наконец смотрит на меня.

— Больше всего я переживал за тебя, — ласково произносит он. — Как твои ножки? Ты уже можешь ходить?

— Не смейте на нее смотреть! — говорит Тодд, подходя ближе. — Я сказал не смей!!!

Мэр Прентисс снова улыбается, все еще протягивая вперед руки, слабо обмотанные веревкой.

— Ладно, я вам скажу. — По-прежнему улыбаясь, он окидывает взглядом солдат. — Я его сжег. После того как нас покинули спэклы, я рассудил, что нужды в лекарстве больше нет, и сжег все до последней пилюли, да и фабрики тоже. А потом и лабораторию взорвал, свалив вину на террористов.

Наступает потрясенная тишина. Издалека доносится **РЕВ** армии, которая марширует по дороге и неминуемо приближается к цели.

— Лжец! — наконец выдавливают Иван, шагая к мэру Прентиссу с поднятой винтовкой. — И дурак, между прочим.

— У вас же нет Шума, — говорит Тодд. — Значит, вы сожгли не все.

— Ах, Тодд, сынок! — восклицает мэр Прентисс, качая головой. — Я никогда не принимал лекарство!

Снова воцаряется тишина. Я слышу, как в Шуме солдат возникают подозрения. Некоторые даже пьются, испытывая страх перед сверхъестественными способностями мэра Прентисса, перед его силой. Может, он в самом деле научился управлять своим Шумом. И если это так...

— Он лжет, — говорю я, вспоминая слова госпожи Койл. — Он Король Вранья!

— Наконец-то ты перестала называть меня мэром, — смеется мэр Прентисс.

Тодд осторожно толкает его рукой:

— А ну говорите, где оно!

Мэр Прентисс пошатывается на ступеньках, но тут же восстанавливает равновесие и снова обводит нас взглядом. Шум всех присутствующих вздыбливается, и особенно Шум Тодда. Он громко скрежещет и полыхает огнем.

— Я вам не лгу, джентльмены, — говорит мэр. — Если соблюдать дисциплину, Шум действительно можно контролировать. Его можно заглушить. А можно использовать в каких-нибудь целях.

Я — круг, круг — это я.

Непонятно, от кого исходят эти слова — от мэра Прентисса...

Или от Тодда.

— Ну все, с меня хватит! — кричит Иван.

— Знаете, рядовой Фарроу, — спокойно говорит мэр Прентисс, — с меня тоже.

И наносит первый удар.

ТВОЙ ЗАКЛЯТЫЙ ВРАГ

[ТОДД]

Над моим плечом пролетает первый Шумовой удар — в сторону вооруженных солдат проносится пуля из слов, звуков и картинок. Я отшатываюсь и мигом падаю на землю...

Потому что солдаты начинают палить из всех ружей по мэру Прентиссу...

А я стою рядом с ним...

— Тодд! — кричит Виола.

Выстрелы все гремят, а солдаты орут... я качусь по гравию, сдирая локти в кровь, и вижу: капрал Пузан стоит на коленях перед Анггарад, схватившись за голову, вопит во все горло, а Виола смотрит на него недоуменными взглядами. Еще один стражник упал на спину и впился пальцами в глаза, словно хочет их вырвать, а третий лежит без сознания лицом вниз. Двое других уже мчатся что есть духу по улице.

Шумовые пули летят от мэра Прентисса в разные стороны — они *гораздо* мощнее и громче, чем раньше.

Даже громче чем тогда, на Арене Вопросов.

Громче настолько, что разом укладывают пятерых.

Только Иван по-прежнему стоит на ногах, одной рукой схватившись за ухо, а второй пытаюсь прицелиться в мэра Прентисса. Но дуло опасно покачивается...

БАХ!

Пуля врзается в землю прямо у меня перед носом, засыпая глаза пылью и комьями земли...

БАХ!

Еще одна отлетает от камней и уходит в глубь собора...

— Иван! — ору я.

БАХ!

— Не стреляй! Ты нас всех убьешь!

БАХ!

Пуля пролетает мимо уха Анггаррад. Она встает на дыбы, а Виола изумленно хватается за поводья...

И тут я вижу, что мэр Прентисс идет вперед...

Буравя взглядом тех, кого атакует...

Мимо меня...

А я, не успев даже подумать...

Вскакиваю и бросаюсь ему наперерез...

Он разворачивается и швыряет Шум прямо в меня...

Мир вспыхивает ослепительным светом, ужасным, болезненным, как будто все вокруг видят твою боль, все смотрят и смеются, и спрятаться негде, *ты ничтожество, ничтожество, ничтожество*, слова летят в тебя пульей и проникают насквозь и говорят, что ты никудышный слабак и все в жизни делал неправильно, что ты ничего не стоишь, ты дерьмо, ты *ничтожество* и вся твоя жизнь не имеет никакого смысла, так что проще снести все стены и разорвать душу на части и либо умереть, либо принести свою жизнь в дар в дар человеку, который может тебя спасти, который имеет над тобой власть, который избавит

тебя от этой боли, который снова делает все хорошо, хорошо, хорошо...

Но даже Шум мэра Прентисса не может остановить тело, уже пришедшее в движение...

Умирая от боли, я лечу прямо на него, врезаюсь, сшибаю его с ног, и он падает на ступени собора.

Из легких мэра Прентисса разом вылетает весь воздух — и Шумовая атака на секунду прекращается. Капрал Пузан с криком валится на бок, Иван ловит губами воздух, задыхаясь от боли, а Виола кричит: «Тодд!» Но тут мэр Прентисс крепкой рукой хватает меня за шею, поворачивает к себе и смотрит мне прямо в глаза...

На сей раз мне достается по полной программе.

— Отдай винтовку! — кричит мэр Прентисс, нависая над Иваном, который, съежившись, стоит на коленях у его ног, одной рукой придерживая ухо, а другой — це-
лясь в мэра.

Я пытаюсь сморгнуть пыль, засыпавшую глаза, и сообразить, что происходит...

(ты ничтожество, ничтожество, ничтожество)

— Отдай мне винтовку, рядовой!

Мэр Прентисс орет на Ивана, снова и снова посылая в него Шумовые пули, а Иван все больше склоняется к земле...

Но винтовку не опускает...

— Тодд!

Не вставая с земли, я оборачиваюсь и вижу позади себя лошадиные копыта. Виола все еще в седле.

— Тодд, очнись! — вопит она. Я поднимаю глаза на нее. — Слава богу! — Ее лицо искажает гримаса досады. — Черт, мои ноги! Я не могу слезть с этой проклятой лошади!

— Я цел, — говорю я, хотя не могу толком сообразить, так ли это.

Голова идет кругом, но я пытаюсь подняться.

(ты ничтожество, ничтожество, ничтожество)

— Тодд, что происходит? — спрашивает Виола, когда я хватаюсь за поводья и подтягиваюсь. — Я слышу Шум, но...

— Винтовку! — орет мэр Прентисс, подходя вплотную к Ивану. — Живо!

— Надо ему помочь, — говорю я.

Но тут же морщусь, почувствовав сильнейший удар...

Вспышка Шума такая яркая, что ее почти видно: она вылетает из головы мэра Прентисса прямо в Ивана...

Тот резко охает и прикусывает язык...

Кровь брызжет изо рта...

Он кричит как ребенок и падает на спину...

Роняя винтовку...

Прямо в руки мэра Прентисса...

Тот хватает ее, взводит и стремительным движением наводит дуло на нас. Иван корчится на земле.

— Что это было? — вопрошает Виола, слишком рассерженная, чтобы испугаться винтовки.

Не выпуская поводьев, я поднимаю руки вверх.

— Он сделал из своего Шума оружие, — говорю я, глядя на мэра Прентисса.

— Именно, — кивает тот, опять улыбаясь.

— Я слышала только крики. — Виола окидывает испуганным взглядом лежащих на земле солдат — они все без сознания, но дышат. — Какое еще оружие?

— Правда, Виола, лучшее оружие, — отвечает мэр Прентисс. — Стоит открыть человеку истину о нем самом, как... — Он пихает Ивана носком сапога. — Ну, скажем, ему эта истина становится очень неприятна. — Он хмурит лоб. — Впрочем, убить его нельзя. Пока нельзя.

— Но... — Виола не верит своим ушам. — Как? Как вы научи...

— У меня два убеждения, дитя, — говорит мэр, медленно подходя к нам. — Первое: человек, владеющий собой,

имеет власть и над другими людьми. Второе: человек, владеющий *информацией*, тоже имеет власть над другими людьми. — Он ухмыляется, сверкнув глазами. — Эти убеждения очень пригодились мне в жизни.

Я вспоминаю мистера Хаммара. И мистера Коллинза. И странные молитвы, которые без конца звучали в Шуме мэра Прентисса и его приспешников еще в Прентисстауне.

— Вы научили остальных, — говорю я. — Вы научили мужчин Прентисстауна контролировать Шум.

— У кого-то получалось лучше, у кого-то хуже, — кивает мэр Прентисс, — но в целом ты прав: мои люди никогда не принимали лекарство. Зачем? Нельзя полагаться на медикаменты — это делает тебя зависимым.

Он уже почти подошел к нам.

— Я — круг, круг — это я, — говорю я.

— Из тебя вышел прекрасный ученик, — усмехается мэр Прентисс. — Ты с такой невозмутимостью пытал женщин...

Мой Шум наливается красной яростью.

— Молчите! — ору я. — Я только выполнял ваши приказы...

— «Я только выполнял ваши приказы!» — передразнивает меня мэр. — Отговорка мерзавцев всех времен. — Он останавливается в двух метрах, наставив дуло винтовки мне в грудь. — Помоги ей спешиться, Тодд.

— Что?

— Если не ошибаюсь, у нее сломаны лодыжки. Без твоей помощи ей не обойтись.

Я все еще держу в руке поводья. В голове начинает брезжить мысль, которую я пытаюсь запрятать поглубже в Шум.

Жеребенок Тодд? — спрашивает Анггард.

— Не сомневайся, Виола, — предупреждает мэр Прентисс, — если ты вздумаешь сбежать на этом прекрасном животном, я мигом нашпигую пулями твоего драгоценно-

го Тодда. — Он переводит взгляд на меня. — Сколько бы боли мне это ни причинило, я сделаю это.

— Пожалуйста, отпустите Виолу, — прошу я, — и я сделаю все, что вы захотите.

— Хм-м... где-то я уже это слышал?.. — усмехается мэр Прентисс. — Живо, спусти ее с лошади.

Я медлю, раздумывая, не хлестнуть ли Анггаррад поводьями — пусть унесет Виолу подальше отсюда, и тогда, возможно, ей удастся спастись...

— Ну уж нет, — говорит Виола, перебрасывая одну ногу через седло. — Ни за что! Я тебя не брошу.

Я беру ее за руки и осторожно спускаю на землю. Стоять сама она не может, только с моей помощью.

— Великолепно, — улыбается мэр Прентисс. — А теперь идемте в собор — поговорим.

— Начнем с того, что я уже знаю, — говорит мэр Прентисс.

Он привел нас туда, где раньше был зал с круглым витражным окном, теперь он открыт с двух сторон всем ветрам, но само окно на месте, смотрит вниз на руины.

Мы оказались на небольшой расчищенной полянке, посреди которой сломанный стол и два стула.

На них сидим мы с Виолой.

— К примеру, я знаю, что ты не убивал Аарона, Тодд, что ты так и не сделал последнего и самого главного шага к тому, чтобы стать взрослым мужчиной. Нож воткнула Виола.

Она берет меня за руку и крепко стискивает, как бы говоря: ну и плевать, что он знает, какая разница.

— Еще я знаю, что Виола рассказала тебе про океан, на берегу которого якобы скрывался «Ответ».

Мой Шум пылает стыдом и негодованием. Виола еще крепче стискивает мою руку.

— Я знаю, что вы отправили мальчишку по имени Лив навстречу «Ответу». — Мэр Прентисс опирается на сло-

манный стол. — И разумеется, я знаю точное время и место атаки.

— Чудовище! — кричу я.

— Нет, — возражает мэр Прентисс, — всего лишь при-
рожденный лидер. Которому открыты все твои мысли до
единой — о себе, о Виоле, обо мне, об этом городе, о тво-
их якобы секретах... Я могу прочесть *все*, Тодд. Вот сейчас
ты меня не слушаешь. — Он до сих пор держит винтовку
наготове и пытливо смотрит на нас. — Я знал все об «От-
вете» уже сегодня утром, когда ты и рта не успел рас-
крыть.

Я подпрыгиваю на месте:

— Что?!

— Я приказал собирать армию еще до того, как начал за-
давать Вопросы Виоле, — усмехается мэр Прентисс.

Я поднимаюсь:

— Вы пытали ее *просто так*?!

— Сядь, — приказывает мне мэр Прентисс, и крошеч-
ной вспышки его Шума достаточно, чтобы у меня подо-
гнулись колени. — Не просто так, Тодд. Пора бы тебе уже
понять, что я ничего не делаю просто так.

Он выпрямляется, снова показывая, что любит ходить
и говорить одновременно.

— Я вижу тебя насквозь, Тодд. С нашей первой настоя-
щей встречи в этом самом зале и до сей минуты. Я знал все.
Всегда... — Мэр Прентисс смотрит на Виолу. — В отличие
от твоей драгоценной подруги, которую раскусить было не
так просто.

Виола хмурится. Будь у нее Шум, уверен, она бы мыс-
ленно влепила ему пощечину.

И тут мне приходит в голову мысль...

— И не пытайся, — перебивает меня мэр Прентисс. —
Ты еще не настолько силен. Даже капитан Хаммар пока
этого не освоил. Ты только навредишь себе и ничего не
добьешься. — Он снова внимательно смотрит на меня. —

Но ты мог бы научиться, Тодд. Ты далеко пойдешь, дальше, чем эти прентисстаунские болваны, вместе взятые. У бедного мистера Коллинза мозгов не больше, чем у лакея, а капитан Хаммар — обыкновенный садист. Но ты, Тодд, *ты*... — Его глаза вспыхивают. — Ты бы мог вести за собой армии.

— Да не хочу я вести армии! — кричу я.

Мэр Прентисс улыбается:

— Возможно, у тебя не будет выбора.

— Выбор есть всегда, — неожиданно вставляет Виола.

— О, люди вроде тебя всегда так говорят! Это делает их лучше в собственных глазах... — Мэр Прентисс подходит ближе и заглядывает мне в глаза: — Но я следил за тобой, Тодд. Ты мальчик, который не умеет убивать. Мальчик, который рисковал собственной жизнью ради возлюбленной Виолы. Мальчик, который из-за мучившего его чувства вины пытался заглушить все свои чувства, но при этом продолжал испытывать боль каждой заклеянной им женщины... — Он наклоняется ко мне вплотную. — Мальчик, который не захотел расстаться с собственной душой.

Я чувствую его. Он залез в мой Шум чуть ли не с ногами, переворачивая все вверх дном.

-- Я делал много плохого, — говорю я против собственной воли.

— Но ты *страдал* из-за этого, Тодд. — Голос у мэра Прентисса теперь тихий, почти ласковый. — Ты — свой самый заклятый враг, и казнишь себя так жестоко, как я не могу и мечтать. Мужчины, которые пытаются управлять Шумом, отчасти убивают в себе чувства, но ты не можешь этого сделать, хотя и очень хочешь. Сильнее, чем кто-либо на этой планете, Тодд, ты *чувствуешь*.

— Заткнитесь! — говорю я и пытаюсь отвернуться, но не могу.

— Это твое преимущество, Тодд Хьюитт. В мире всеобщего равнодушия и переизбытка информации способность чувствовать — очень редкий дар.

Я закрываю уши руками, но его слова все равно звенят прямо у меня в голове.

— Ты — мальчик, который не сдался, не захотел пасть. Душа твоя чиста, хотя руки испачканы кровью. Ты *до сих пор* называешь меня *мэром* в своем Шуме.

— Моя душа не чиста! — ору я, все еще зажимая уши руками.

— Мы могли бы править этим миром вместе. Ты станешь моим первым помощником и заместителем, а когда научишься полностью управлять Шумом, как знать, возможно, ты даже сможешь превзойти *меня*.

И туг все мое тело сотрясают оглушительные слова:

Я — круг, круг — это я.

— Хватит! — доносится откуда-то издалека крик Виолы. Мэр Прентисс кладет руку мне на плечо.

— Ты мог бы стать моим сыном, Тодд Хьюитт, — говорит он. — Моим единственным и настоящим наследником. Я всегда мечтал о таком, но...

— Па? — Мы все слышим этот вопрос, который прорезает воздух, точно пуля туман.

Шум в моей голове утихает, мэр Прентисс делает шаг назад, и я наконец могу перевести дух.

За нами стоит Дейви с винтовкой в руке. Он подвел Урагана прямо к ступеням, спешил и смотрит на нас:

— Что стряслось? Почему эти солдаты лежат на земле?

— Ты что тут делаешь?! — спрашивает его отец. — Вы уже разбили «Ответ»?

— Нет, па. — Дейви пробирается к нам через обломки. — Они нас обманули. — Он встает рядом с моим стулом. — Привет, Тодд, — говорит он, кивая, а потом украдкой бросает взгляд на Виолу.

— Что значит «обманули»? — спрашивает мэр Прентисс, но вид у него уже не на шутку раздосадованный.

— На юге их нет, — объясняет Дейви. — Мы долго шли по лесу, но там никого, ни единой души.

Виола радостно охает, не в силах сдержаться.

Мэр Прентисс резко поворачивается к ней, в глазах ярость, на лице заметна напряженная работа мысли.

Он наводит на нее винтовку:

— Ты что-то хотела нам рассказать, Виола?

НИЧТО НЕ МЕНЯЕТСЯ, МЕНЯЕТСЯ ВСЕ

[Виола]

Тодд мгновенно вскакивает со стула и встает между мной и мэром Прентиссом. Его Шум полыхает красным и белым — так громко и яростно, что мэр невольно пятится.

— Почувствовал в себе силу, мой мальчик? — спрашивает он. — Вот зачем я заставил тебя смотреть, как Виолу допрашивают. Страдания делают тебя *сильнее*. Я научу тебя управлять этой мощью, и вместе мы...

— Тронешь ее хоть пальцем, — медленно и четко произносит Тодд, — я тебя на куски порву.

Мэр Прентисс улыбается:

— Верю, верю. — Он поднимает винтовку. — И тем не менее...

— Тодд... — говорю я.

Он оборачивается:

— Опять он с нами играет. Использует нас против друг друга, как ты и говорила! Что ж, с меня хва...

— Тодд... — Я пытаюсь встать. Щиколотки тут же простреливает боль, я оступаюсь.

Тодд тянется ко мне...

Но не он, а Дейви...

...Дейви хватает меня под руку и помогает сесть обратно. Смотреть мне в глаза он боится, да и на Тодда с отцом не глядит. Его Шум вспыхивает желтым от стыда, он отпускает меня и торопливо отходит.

— Ну надо же, спасибо, Дэвид! — говорит мэр Прентисс, не скрывая удивления. — А теперь, — он вновь поворачивается ко мне, — будь так любезна, Виола, расскажи нам об истинных планах «Ответа».

— Ничего им не говори, — отрезает Тодд.

— Да я ничего и не знаю! Ли, похоже, успел...

— Времени было слишком мало, и ты это знаешь, — перебивает меня мэр Прентисс. — Все прекрасно понимают, что произошло, Виола. Твоя госпожа снова тебя обманула. Если бы бомба взорвалась вовремя, ты бы все равно умерла — и я тоже, — так зачем тебе знать правду? Но если бы тебя поймали раньше, тогда... Лучше всех врет тот, кто свято верит в свою ложь.

Я молчу. Как же госпожа Койл могла меня обмануть, если Ли случайно подслушал ее разговор...

И тут до меня доходит...

Она *нарочно* дала ему подслушать...

Она *знала*, что Ли не сможет утаить от меня правду.

— Ее план сработал как нельзя лучше, верно, Виола? — Солнце заходит за горизонт, и на лицо мэра Прентисса падают черные тени. — Вранье на вранье и враньем погоняет. Она сыграла с тобой очень злую шутку...

Я бросаю на него испепеляющий взгляд:

— Она вас разобьет! Она такая же беспощадная и жестокая, как вы!

Мэр Прентисс ухмыляется:

— О нет, куда беспощадней.

— Па? — снова подает голос Дейви.

Мэр удивленно моргает, словно забыл о его существовании:

— Что, Дэвид?

— Э-э... так что с армией-то делать? — Шум Дейви полон смятения и отчаяния — он пытается понять, что задумал его отец, но не находит ответа. — Куда нам идти? Капитан Хаммар ждет приказов.

Вокруг нас, из-за закрытых ставен и дверей сочится испуганный ~~РЕР~~ Нью-Прентисстауна, но в окнах по-прежнему ни одного лица, а с южного холма начинает доноситься черный, едва уловимый гул армии. Ее по-прежнему видно на склоне холма: она похожа на вереницу черных блестящих жуков.

А мы сидим среди руин собора с мэром Прентиссом и его сыном, точно последние живые люди на планете.

Мэр Прентисс вновь переводит взгляд на меня:

— Да, Виола, скажи нам. Что теперь делать?

— Терпеть поражение, — говорю я, не мигая глядя ему в глаза. — Проигрывать.

Он улыбается:

— Откуда они ударят, Виола? Ты ведь умная девочка, наверняка что-нибудь слышала и теперь догадываешься о ее истинных намерениях.

— Она ничего вам не скажет! — заявляет Тодд.

— Я не могу, потому что не знаю...

А сама думаю: ведь я в самом деле ничего не знаю...

Если не считать тех напутственных слов про восточную дорогу...

— Я жду, Виола, — говорит мэр Прентисс и приставляет дуло к голове Тодда. — От тебя зависит его жизнь.

— Па? — Шум Дейви потрясенно вскидывается. — Ты чего делаешь?

— Не твое дело. Быстро в седло, ты должен передать капитану Хаммару мой приказ.

— Но ты угрожаешь Тодду, па.

Тодд удивленно поворачивается к нему. Я тоже. И мэр.

— Ты его не застрелишь, — говорит Дейви. — Так нельзя. — Щеки у него стали такими пунцовыми, что это видно даже в красных лучах заходящего солнца. — Он же тебе как сын, ты сам говорил!

Наступает неловкая тишина, и Дейви пытается спрятать свой Шум.

— Видишь, что я имел в виду под силой, Тодд? — спрашивает мэр Прентисс. — Смотри, как ты повлиял на моего сына. У тебя появился сторонник.

Дейви оборачивается ко мне:

— Да скажи ты ему, где они! — В его голосе неприкрытая тревога и страх: он боится, чем все может закончиться. — Пожалуйста!

Я смотрю на Тодда.

Он смотрит на винтовку Дейви.

— Вот именно. Виола, скажи, — кивает мэр Прентисс. — Поделись с нами своими соображениями. «Ответ» пойдет с запада? — Он поднимает глаза на водопад, самую высокую точку на горизонте: солнце садится за холм, по которому спускается зигзаг дороги. Мэр Прентисс поворачивается: — Или с севера? Может, они придумали, как перейти реку? А может, с холма на востоке? Да-да, с того самого, на котором госпожа Койл взорвала радиобашню. раз и навсегда лишив тебя возможности связаться со своими.

Я стискиваю зубы.

— По-прежнему хранишь ей верность? — ухмыляется мэр Прентисс.

Молчу.

— Давай пошлем разведчиков, па, — предлагает Дейви. — В разные стороны. Должны же они прийти откуда-нибудь...

Мэр Прентисс выжидает, сверля нас пристальным взглядом, а потом наконец поворачивается к Дейви и отдает приказ:

— Передай капитану Хаммару...

Тут вдалеке раздается БУМ.

— Это на востоке, — говорит Дейви, и мы все дружно поворачиваем головы на восток, хотя эта стена собора цела.

Стало быть, «Ответ» в самом деле ударит с востока.

Госпожа Койл сказала правду.

Но сделала так, чтобы я приняла ее за ложь, а ложь — за правду.

Если я все-таки выживу, нам с ней предстоит очень серьезный разговор.

— Министерство Вопросов, ну конечно, — усмехается мэр Прентисс. — Это же так оче...

Он умолкает и склоняет голову набок, прислушиваясь. Спустя несколько секунд мы тоже это слышим: Шум человека, бегущего к собору со всех ног по дороге, по которой мы сюда пришли. Наконец он взлетает по ступеням и подбегает к нам, задыхаясь.

Это рыжий стражник, которому удалось скрыться. Пробираясь через завалы, он явно почти не понимает, кого видит вокруг.

— Они идут! — выкрикивает он. — «Ответ» близко!

Шумовой удар от мэра Прентисса укладывает его на лопатки.

— Успокойся, рядовой, — говорит мэр Прентисс ехидным, прямо-таки змеиным голосом. — Доложи как следует.

Стражник никак не может отдышаться.

— Они захватили министерство Вопросов! — Он смотрит на мэра Прентисса и попадает в плен его взгляда. — Убили всю стражу!

— Разумеется. — Мэр Прентисс не сводит с него глаз. — Сколько их?

— Двести человек! — Рыжий смотрит на мэра Прентисса немигающим взглядом. — Но они освобождают узников.

— Оружие?

— Винтовки. Трансирующие бомбы. Гранатометы. Осадные орудия. — Все тот же пустой немигающий взгляд.

— Как проходит сражение? — спрашивает мэр Прентисс.

— Они свирепы и беспощадны, — чеканит рыжий.

Мэр Прентисс вскидывает бровь, но глаз с рыжего не сводит.

— Свирепы и беспощадны, сэр, — добавляет рыжий, по-прежнему не мигая и не в силах оторвать взгляд от мэра Прентисса. Вдалеке раздается еще один БУМ, и все, кроме мэра, морщатся. — Они пришли воевать, сэр.

Мэр Прентисс все смотрит на рыжего все так же пристально:

— Разве ты не должен был попытаться их остановить?

— Сэр?

— Ты должен был взять винтовку и помешать «Ответу» рушить твой город.

На лице рыжего смятение, но он по-прежнему не мигает.

— Я должен... — тихо говорит он.

— Ты должен быть на передовой, солдат. Город в опасности.

— Город в опасности, — бормочет рыжий, словно не слыша самого себя.

— Па? — подает голос Дейви, но мэр Прентисс не обращает на него внимания.

— Чего ты ждешь, солдат? — спрашивает он. — Пора в бой.

— Пора в бой, — повторяет за ним рыжий.

— Вперед! — внезапно рявкает мэр Прентисс, и стражник в тот же миг бросается обратно по дороге, по которой прибежал сюда.

Мы ошалело смотрим ему вслед.

Мэр Прентисс замечает на себе потрясенный взгляд Тодда:

— Да, мальчик мой, ты и в *этом* меня превзойдешь.

— Вы же отправили его на верную смерть! — кричу я. — Зачем...

— Я всего лишь напомнил солдату о его прямом долге, — перебивает меня мэр Прентисс. — Не больше и не меньше. А теперь, как ни увлекательна наша беседа, я вынужден ее прекратить. Боюсь, Дейви придется вас связать.

— *Па?!* — испуганно переспрашивает Дейви.

Мэр Прентисс обращает на сына взгляд:

— Затем ты поедешь к капитану Хаммару и велишь ему как можно быстрее привести сюда армию. — Он бросает взгляд на склон южного холма, на котором стоит в ожидании приказов его армия. — Пора положить этому конец.

— Я не могу его связать, па, это же *Тодд!* — кричит Дейви.

Мэр Прентисс на него даже не смотрит:

— Хватит, Дэвид, мне надоело. Когда тебе отдают приказ...

Бум!

Он умолкает, и мы все поднимаем головы к небу.

Потому что звук на этот раз совсем другой. Мы слышим низкий свист, и воздух начинает наполняться рокотом, который становится громче с каждой секундой.

Тодд растерянно смотрит на меня.

Я пожимаю плечами:

— Первый раз такое слышу!

Рокот наполняет темнеющее небо.

— Не похоже на бомбу, — говорит Дейви.

Мэр Прентисс переводит взгляд на меня:

— Виола, у них...

Он умолкает и резко разворачивается.

И тут до всех доходит...

Что звук доносится не с востока.

— Вон там! — Дейви показывает пальцем на водопад, где небо залито розовым закатным светом.

— Трассирующая бомба так не ревет. — Мэр Прентисс снова оборачивается ко мне, лицо его каменеет. — У них что, есть ракеты? — Он делает большой шаг в мою сторо-

ну — еще чуть-чуть, и он на меня наступит. — *У них есть ракеты?!*

— А ну *назад!* — орет Тодд, пытаясь встать между нами.

— Я все равно узнаю, что это такое, Виола! Ты мне скажешь!

— Да я понятия не имею! — огрызаюсь я.

Тодд не унимается, грозит мэру:

— Попробуй только пальцем ее...

— Да мы тут все оглохнем! — кричит Дейви, зажимая уши ладонями.

Мы все поворачиваем головы на запад и видим, как из-за водопада поднимается черная точка, ненадолго теряется в лучах заходящего солнца и снова возникает — чем ближе к нам, тем больше она становится.

Точка летит прямо к городу.

— *Виола!* — кричит мэр Прентисс сквозь стиснутые зубы и швыряет в меня Шум, но никакой боли я не чувствую.

— Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ!!! — ору я.

А потом Дейви, который все это время наблюдал за точкой, выкрикивает:

— Это корабль!

СУДЬБА ДЕЙВИ ПРЕНТИССА

[Тогда]

Это корабль.

Клятый корабль, ей-богу.

— Твои люди, — говорю я Виоле.

Она качает головой, не возражая мне, а просто не веря своим глазам.

— Маловат для переселенцев, — замечает Дейви.

— И слишком рано прибыл, — говорит мэр Прентисс, прицеливаясь, словно хочет подбить корабль издалека. — Им еще восемь недель лететь.

Но Виола, не слушая, смотрит на корабль, и лицо ее так озаряется надеждой, что смотреть больно.

— Это разведчики, — шепчет она тихо-тихо. Слышу ее только я. — Они прилетели за мной.

Я поднимаю глаза.

Корабль парит над рекой и водопадом.

Разведывательный корабль точь-в-точь как тот, что миллион лет назад упал на болоте, убив ее родителей. Он размером с дом, и крылья кажутся слишком короткими, чтобы

удержать такую махину в воздухе. Из хвоста вырываются языки пламени, и он все летит, летит, летит над рекой, как по дороге.

А мы молча смотрим.

— Дэвид, — говорит мэр Прентисс, не сводя глаз с корабля. — Приведи моего коня.

Но Дейви смотрит на небо; его Шум полон удивления и восторга.

Я разделяю его чувства.

На Новом свете летают только птицы. У нас есть мопеды и несколько машин, но в основном лошади, быки, телеги и собственные ноги.

Крыльев у нас нет.

Корабль, не останавливаясь, летит к нам, затем проносится прямо над нашими головами, так что мы видим огоньки на дне и дрожащий от жара воздух, и устремляется на восток.

На восток, к «*Ответу*».

— *Дэвид!* — рывкает мэр Прентисс.

— Помоги мне, — говорит Виола. — Мне надо к ним, слышишь? *Надо!*

Глаза у нее чуть не лезут из орбит, дыхание тяжелое и частое, и она смотрит на меня так пристально, что ее взгляд почти можно потрогать.

— О, Тодд тебе поможет, — говорит мэр Прентисс, наводя на меня дуло винтовки. — Потому что ты едешь со мной.

— *Что?!* — вскрикивает Виола.

— Это же *твои* люди. Они захотят узнать, что с тобой. Или я сразу покажу им тебя, или с прискорбием сообщу, что ты погибла в аварии. Какой вариант тебя больше устраивает?

— Никуда я с вами не поеду, — отрезает Виола. — Мерзкий лгун и убийца!..

Мэр Прентисс не дает ей договорить.

— Дэвид, ты останешься сторожить Тодда, а мы с Виолой отправимся навстречу ее людям. — Он переводит взгляд обратно на Виолу: — Думаю, ты лучше других знаешь, как он любит стрелять в непослушных.

Виола в ярости смотрит на Дейви. Я тоже. Он стоит с винтовкой в руке и переводит взгляд с меня на отца и обратно.

Его Шум кипит.

Его Шум отчетливо повторяет, что он никогда и ни за что меня не застрелит.

— Па? — выдавливают Дейви.

— Хватит, Дэвид. — Мэр Прентисс хмурится, пытаюсь поймать взгляд сына...

И в конце концов ловит.

— Ты исполнишь мой приказ, — говорит он ему. — Свяжешь Тодда вот этой веревкой, которую он так кстати сюда принес, и будешь сторожить его до тех, пока я не вернусь сюда с почетными гостями. Все будет мирно и славно. Мы заживем новой жизнью.

— Новой жизнью, — бормочет Дейви.

Его глаза стекленеют, прямо как у рыжего солдата, а вопросительные знаки начинают понемногу исчезать из Шума.

Он прогибается под отцовской волей.

И тут мне приходит в голову идея.

Прости, Дейви.

— Ты что, позволишь ему так с собой разговаривать? — спрашиваю я.

Дейви растерянно моргает:

— Чего?

И отворачивается от па.

— Позволишь ему угрожать нам с Виолой? — усмехаюсь я.

— Тодд, — предупреждает меня мэр Прентисс.

— Всезнайка ты наш, — говорю я мэру Прентиссу, но смотрю на Дейви и не отпускаю его взгляд. — Вешаешь нам лапшу на уши, будто умеешь читать самые сокровенные мысли, а сам и собственного сына толком не знаешь!

— Дэвид, — говорит мэр.

Но его взгляд теперь у меня.

— Опять позволишь ему собой командовать? — спрашиваю я Дейви. — Он помыкает тобой и даже спасибо не скажет?

Дейви с беспокойством смотрит на меня и часто моргает, пытаясь избавиться от каши в голове.

— Корабль все меняет, Дейви, — говорю я. — Сюда летит целая куча новых людей. Которые наверняка смогут сделать из этой вонючей дыры нормальный город.

— Дэвид, — говорит мэр Прентисс и посылает в сына сгусток Шума.

Дейви морщится:

— Хватит, па!

— Так кто должен первым добраться до корабля, Дейви? — спрашиваю я. — Мы с Виолой — чтобы попросить переселенцев о помощи? Или твой па — чтобы получить власть и над ними?

— Молчать! — перебивает меня мэр Прентисс. — Ты забыл, у кого здесь винтовка?

— У Дейви она тоже есть, — усмехаюсь я.

На секунду устанавливается изумленная тишина, и мы все видим, как Дейви потихоньку осеняет. Он опускает глаза на винтовку.

Из головы мэра Прентисса вылетает еще один сгусток Шума, и Дейви опять морщится:

— Да хватит уже, па! Сколько можно!

Но, говоря это, он смотрит на своего отца.

И опять попадает в плен его взгляда.

— Свяжи Тодда и приведи моего коня, Дэвид, — говорит мэр Прентисс.

— Па... — тихо выдавливают Дейви-сын.

— Коня, быстро. Он на заднем дворе.

— Встань между ними, — шепчет мне Виола, — надо нарушить зрительный контакт!

Я делаю шаг вперед, но мэр Прентисс тут же, не сводя глаз с Дейви, наводит на меня дуло винтовки:

— Еще шаг, Тодд.

Я останавливаюсь.

— Приведи мне коня, сынок, — говорит мэр Прентисс. — И мы вместе, рука об руку, встретим новых переселенцев. — Он улыбается. — Ты будешь моим принцем, моей правой рукой.

— Он уже это говорил! — пытаюсь я вмешаться. — Только не тебе!

— Он тобой управляет! — кричит Виола. — С помощью Шума он...

— Пожалуйста, вели ей замолчать, — говорит мэр Прентисс сыну.

— Виола, замолчи, — тихо произносит Дейви, не мигая.

— *Дейви!* — ору я.

— Он пытается тобой управлять, сынок, — говорит мэр Прентисс, повышая голос. — С самого начала пытался.

— *Что?!* — удивленно вскрикиваю я.

— С самого начала, — бормочет Дейви.

— Кто, по-твоему, мешал твоему продвижению по службе, сынок? — спрашивает мэр Прентисс, и его слова проникают Дейви прямо в мозг. — Кто докладывал мне обо всех твоих проступках?

— Тодд?.. — всхлипывает Дейви.

— *Это вранье!* — кричу я. — Посмотри на меня!

Но мозг Дейви перегружен. Он смотрит стеклянными глазами на своего па, не в силах пошевелить и пальцем.

Мэр Прентисс тяжело вздыхает:

— Похоже, придется делать все самому.

Он стремительно подходит к Виоле, держа меня на прицеле, и рывком поднимает ее на ноги. Виола вскрикивает от боли, и я машинально кидаюсь на помощь, но мэр Прентисс тычет ей в спину винтовкой и ставит прямо перед собой.

Я открываю рот, чтобы заорать, чтобы осыпать его угрозами и проклятиями...

Но первым заговаривает Дейви.

— Приземляется, — тихо произносит он.

Мы все поворачиваем головы на восток. Корабль медленно кружит над одним из восточных холмов...

Может, даже над тем, где когда-то стояла радиобашня...

Замирает над верхушками деревьев...

И начинает опускаться, скрываясь из виду...

Я поворачиваюсь к Дейви, вижу его затуманенный и растерянный взгляд...

Но он смотрит не на отца...

А на корабль...

И вдруг поворачивается ко мне, видит меня...

— Тодд? — удивленно спрашивает он, словно только что проснулся...

И винтовка... боже, винтовка у него в руках...

Ох, в который раз...

Прости меня, Дейви.

Я кидаюсь вперед и выхватываю винтовку из его рук. Он даже не думает сопротивляться, просто отдает ее мне, а я тут же вскидываю ее и навожу на мэра Прентисса.

Тот улыбается, уткнув дуло своей винтовки в спину Виолы.

— Ничья, полагаю? — с широченной улыбкой на лице спрашивает он.

— Отпусти ее, — требую я.

— Пожалуйста, Дэвид, заberi у Тодда оружие, — говорит мэр Прентисс, но не сводит взгляда с дула моей винтовки.

— Не смей, Дейви! — ору я.

— Хватит! — чуть не плача, кричит он. Его Шум негодуяще вскидывается. — Перестаньте оба, сейчас же!

Но мэр Прентисс все еще смотрит на меня, а я смотрю на мэра.

Над городом разносится гул приземляющегося корабля. Он перекрывает собой Шум армии, марширующей по склону холма, далекие взрывы «Ответа» и перепуганный **РЕР** жителей Нью-Прентисстауна, которые прячутся по домам и не знают, что их будущее зависит от нас с мэром Прентиссом, от нас, стоящих среди руин с винтовками в руках.

— Отпусти ее, — говорю я.

— Нет, Тодд. — Я слышу нарастающий рокот его Шума.

— Мой палец на курке, — предупреждаю я. — Метнешь в меня Шум — и ты покойник.

Мэр Прентисс улыбается:

— В целом ты прав. Но не забывай, дорогой Тодд, вот о чем: когда ты все-таки решишь спустить курок, успеешь ли ты сделать это первым? Или я спущу курок быстрее и убью твою возлюбленную Виолу? — Он опускает голову. — Разве ты сможешь с этим жить?

— Ты умрешь, — говорю я.

— Она тоже, — усмехается мэр Прентисс.

— Давай, Тодд! — просит Виола. — Не то он снова победит!

— Этому не бывать, — говорю я.

— Ты позволишь ему угрожать твоему родному отцу, Дэвид? — спрашивает мэр Прентисс.

Но смотрит на меня.

— Все меняется, Дейви, — говорю я, не сводя глаз с его отца. — Мы все должны решить, что будет дальше. Включая тебя.

— Зачем вы так? — жалобно спрашивает Дейви. — Почему нельзя сделать все по-хорошему? Поехали бы туда вместе...

— Нет, Дэвид, — усмехается мэр Прентисс, — нет, так не пойдет.

— Опусть винтовку, — говорю я ему. — Опусть, и все кончится.

Глаза мэра Прентисса вспыхивают, и я уже знаю, что сейчас будет...

— А ну хватит! — ору я и в бешенстве моргаю, стараясь отвести глаза, стараясь не смотреть...

— Ты никогда не победишь, — усмехается мэр Прентисс. Его слова отдаются у меня в голове миллионом голов. — Ты не станешь рисковать ее жизнью. Мы все знаем, что ты никогда этого не сделаешь.

Он шагает вперед, подталкивая тебя. Ты кричишь от боли.

Но я чувствую, как пачусь.

— Не смотри ему в глаза! — кричишь ты.

... Я пытаюсь! — Но в голове — его голос.

— Это не поражение, Тодд, — продолжает мэр Прентисс, и от его оглушительного голоса у меня кипят мозги. — Я желаю твоей смерти не больше, чем собственной. Все, что я говорил раньше, правда. Я хочу, чтобы ты стал моим помощником, чтобы мы вместе построили будущее для тех, кто сейчас спит на космическом корабле.

— Заткнись, — говорю я.

Но он все идет вперед.

А я все пачусь.

И в конце концов отхожу за Дейви.

— И Виоле я зла не хочу, — продолжает мэр Прентисс. — Я обещал будущее вам обоим. Мое обещание до сих пор в силе.

Хоть я больше и не смотрю на него, голос мэра звенит у меня в голове, делая ее тяжелой, внушая желание просто...

— Не слушай его! — кричит Виола. — Он лжец!

— Тодд, — ласково говорит мэр Прентисс. — Ты же мне как сын. Правда.

Тут ко мне поворачивается Дейви, его Шум полон надежды.

— Слышал, Тодд? Опустит винтовку, — просит он.

Его Шум тянется ко мне, тревога и надежда — будто руки и пальцы. Он просит, умоляет меня опустить винтовку, чтобы все снова стало хорошо, чтобы все это закончилось...

— Мы можем стать братьями, — говорит он.

Я перевожу взгляд на Дейви...

И вижу в его глазах и Шуме себя: мэр Прентисс — мой отец, Дейви — брат, Виола — наша сестра...

Дейви с надеждой улыбается...

И вот уже в третий раз...

Прости меня.

Я навожу винтовку на Дейви.

— Отпусти ее, — говорю я мэру Прентиссу, не в силах взглянуть в лицо Дейви.

— Тодд? — хмурясь, спрашивает он.

— Живо! — кричу я.

— Или что, Тодд? — дразнит меня мэр Прентисс. — Что ты сделаешь? Застрелишь его?

Из Шума Дейви брызжут во все стороны вопросительные знаки и удивление...

А в самой глубине поднимается обида...

— Отвечай, Тодд, что ты сделаешь? — повторяет мэр Прентисс.

— Тодд? — снова подает голос Дейви, но уже гораздо тише.

Я на секунду заглядываю ему в глаза и тотчас отвожу взгляд.

— Или я пристрелю Дейви, — говорю я. — Пристрелю твоего сына.

Из Шума Дейви льется густое разочарование: оно шлепается во все стороны, точно грязь. Там даже гнева нет, одна сплошная печаль, и от этого только хуже. Дейви не думает ударить меня или отобрать винтовку, ему просто больно.

В его Шуме — лишь я с винтовкой.

Его единственный друг хочет его пристрелить.

— Прости, — шепчу я.

Но он, похоже, не слышит.

— Я ведь отдал тебе дневник, — бормочет он. — Отдал ведь!

— Отпусти Виолу! — ору я, не глядя на Дейви. От злости на самого себя мой голос срывается. — Клянись, я...

— Вперед, — усмехается мэр Прентисс. — Я тебя не держу.

Дейви переводит изумленный взгляд на отца:

— Па?

— От него все равно не было проку, — говорит мэр Прентисс, не опуская винтовки. — Потому я и отправил его на передовую. Так он хотя бы погиб смертью героя.

Лицо Виолы искажает гримаса боли, но не только из-за лодыжек.

— Шумом он управлять так и не научился, — продолжает мэр Прентисс, презрительно глядя на Дейви, чей Шум... — Даже говорить не хочу, что у него с Шумом. И он никогда не выполнял по-человечески мои приказы.

Тебя не схватил, потом чуть не убил Виолу... Своими многими успехами он обязан только *твоему* благотворному влиянию, Тодд.

— Па... — шепчет Дейви.

Но мэр Прентисс даже не смотрит на сына.

— Вот ты — другое дело, Тодд, — говорит он. — Я всегда мечтал о таком сыне. А этот никчемный болван мне не нужен.

И от этих слов Шум Дейви...

О боже, его Шум...

— ОТПУСТИ ЕЕ! — ору я, только бы этого не слышать. — Я пристрелю его, клянусь!

— А вот и нет, — снова улыбаясь, говорит мэр Прентисс. — Все знают, что ты не убийца, Тодд.

Он опять подталкивает Виолу...

Она вскрикивает от боли...

Виола, думаю я...

Виола...

Стискиваю зубы и поднимаю винтовку...

Взвожу ее...

И говорю истинную правду:

— Ради нее я готов убивать.

Мэр Прентисс замирает на месте, переводя взгляд с меня на Дейви и обратно. Лицо его сына скривилось от обиды и слез.

— Па? — жалобно мяучит он.

Мэр Прентисс вчитывается в мой Шум.

— Ты не врешь, — говорит он еле слышно. — Ты в самом деле готов убить. Ради нее.

Дейви поднимает глаза на меня. В них стоят слезы... и гнев.

— Не надо, Тодд! Не делай этого! — просит он.

Мэр Прентисс все еще мечется между мной и Дейви, видя, на что я способен, видя, что я не лгу.

— Опустив винтовку, — рычу я, не глядя на его сына, не слушая его Шум. — *Все кончено.*

Мэр Прентисс делает глубокий вдох, потом медленно выдыхает:

— Что ж, Тодд, будь по-твоему.

Он отходит от Виолы.

Я облегченно опускаю плечи.

И он стреляет.

КОНЕЦ ИГРЫ

[Виола и Тодд]

— Тодд!
Выстрел грохочет где-то слева от моего уха, стирая собой весь мир и оставляя в нем только страх за Тодда. только вопрос — жив он или нет? Ранен он или нет?

Но стреляют не в него...

Тодд все еще держит свою винтовку наготове...

Он так и не спустил курок...

А Дейви рядом с ним внезапно падает на колени...

Падает на пол, взметая два облачка пыли...

— Па? — тоненько взвизгивает он, точно крохотный котенок...

И кашляет, выплевывая кровь...

— Дейви? — вопрошает Тодд. Его Шум вздыбливается так, словно подстрелили его самого...

И тут я вижу...

Дырку в форменном бушлате Дейви, прямо под горлом...

Тодд бросается к нему, падает на колени...

— Дейви! — кричит он...

Но Шум Дейви целиком направлен на отца...
Вопросительные знаки летят во все стороны...
На лице потрясение...
Рука тянется к ране...
Он снова кашляет...
И судорожно глотает воздух...
Тодд поднимает глаза на мэра Прентисса...
Его Шум бурлит...
— Что ты наделал?! — орет он...

— Что ты наделал?! — ору я.

— Убрал его из уравнения, — спокойно отвечает мэр Прентисс.

— Па? — снова говорит Дейви, протягивая к нему окровавленные руки...

Но его отец смотрит только на меня.

— Моим настоящим сыном всегда был ты, Тодд, — говорит мэр Прентисс. — Сильный и благородный юноша, верный помощник, которым я мог гордиться...

Па? — спрашивает Шум Дейви.

И ведь он *все это* слышит...

— Ты чудовище, — выдавливаю я. — Я убью тебя...

— Нет, ты станешь моим соратником, — перебивает меня мэр Прентисс. — Это лишь вопрос времени. Дэвид был слабаком, никчемным...

— ЗАТКНИСЬ! — ору я.

Тодд?

Опускаю голову. Дейви смотрит на меня...

Его Шум похож на водоворот...

Водоворот смятения, страха и вопросительных знаков...

И: **Тодд?**

Тодд?

Прости...

Прости...

— Дейви, только не... — начинаю я.

Но его Шум все вертится...
И в нем я вижу...
Я вижу...
Правду...
Дейви наконец показывает мне всю правду...
То, что скрывал так долго...
О Бене...
Беспорядочный вихрь картинок...
Бен бежит по дороге навстречу ему...
Конь встает на дыбы...
Вываливаясь из седла, Дейви палит из винтовки...
Пуля летит в грудь Бена...
Бен, пошатываясь, скрывается в кустах...
Дейви слишком напуган, чтобы пойти за ним...
Дейви слишком напуган, чтобы сказать мне правду...
И я стал его единственным другом...
Я не хотел, говорит его Шум...

--- Дейви...

Прости, думает он.

И вот она — правда, написанная в каждой его мысли...

Он просит прощения...

Искренне...

За все...

За Прентисстаун...

За Виолу...

За Бена...

За каждый проступок и дурное слово...

За то, что подвел отца...

И он смотрит на меня...

И умоляет...

Умоляет...

Как будто я один на свете, кто может его простить...

Как будто я в силе...

Тодд?

Пожалуйста...

А я только и могу выдать, что его имя...
И боже, сколько страха и ужаса в его Шуме...
Это слишком...

Слишком...

И вдруг наступает тишина.

Дейви обмякает, глаза все еще открыты, все еще молят
меня (клянусь!) о прощении.

Он больше не шевелится.

Дейви Прентисс умер.

— Ты спятил, — говорю я мэру Прентиссу, стоящему у меня за спиной.

— Нет, — отвечает он. — Вы были совершенно правы, вы оба. Никого нельзя любить так, чтобы его могли использовать против тебя.

Солнце село, но небо еще розовое, город по-прежнему **РЕВЕТ** а где-то вдалеке раздается очередной *Бум!* — «Ответ» приближается, и корабль уже наверняка сел. Может, даже открыл люк, и кто-нибудь — Симона Уоткин или Брэдли Тенч, люди, которых я знаю и которые знают *меня*, — выглядывает наружу, гадая, куда это они попали.

А Тодд встает на колени рядом с трупом Дейви Прентисса.
И поднимает глаза.

Его Шум клокочет и горит огнем, в нем слышны горе, стыд и *ярость*...

Тодд встает...

Поднимает винтовку...

Я вижу себя в его Шуме, мэра Прентисса за моей спиной, его глаза ликующе сверкают, дуло винтовки уперлось мне в спину...

И я понимаю, что Тодд собрался делать.

— Давай, — говорю я, сердце уходит в пятки, но так *надо так надо так надо*...

Тодд подносит винтовку к глазам...

— *Давай!*

Мэр Прентисс с силой пихает меня в спину, ноги пронзает острая боль, и я ничего не могу с собой поделать, крик сам срывается с губ, я падаю, падаю навстречу Тодду, навстречу земле...

И мэр Прентисс опять это делает...

Опять использует меня против Тодда...

Потому что Тодд ничего не может с собой поделать...

Он кидается вперед, чтобы меня подхватить...

И мэр Прентисс наносит удар.

Мозг взрывается, горит и ревет от боли: это никакая не оплеуха, это гораздо хуже, как будто твою душу насквозь протыкают раскаленной кочергой. Как только я бросаюсь на помощь Виоле, мэр Прентисс бьет меня Шумом с такой силой, что моя голова резко запрокидывается назад, а в ушах снова звенит голос мэра, и еще голос Виолы, и они хором твердят: *ты ничтожество, ничтожество, ничтожество, ничтожество...*

Мы падаем и врезаемся друг в друга, и ее макушка с хрустом выламывает мне зуб, *ты ничтожество, ничтожество, ничтожество*, и она со всего маху влетает мне в грудь, а я сучу руками в воздухе, и мы вместе валимся на ломаные камни, вой сирены сносит мне крышу, *ты ничтожество, ты ничтожество, ты ничтожество*, и винтовка отлетает в сторону. Виола падает на меня и кричит мое имя, но ее голоса почти не слышно, она как будто на другой стороне луны, она говорит: *ты ничтожество* и «Тодд!», *ты ничтожество* и «Тодд!!!», — а я словно бы вижу ее из-под толщи воды, она поднимается на руках, чтобы меня защитить, но мэр Прентисс уже над нами замахивается винтовкой и бьет ее прикладом по затылку, и она валится на бок...

И мой мозг кипит...

Мозг кипит...

Ты ничтожество, ты ничтожество, ничтожество, ничтожество...

Я вижу, как она закрывает глаза...

Я чувствую ее тело...

И я думаю: *Виола*...

ВИОЛА!

ВИОЛА!!!

И мэр Прентисс вдруг отшатывается, точно ужаленный.

— Ух ты! — выдыхает он, трясая головой. Я моргаю, пытаюсь прочистить гудящие мозги, и перед глазами наконец проясняется, а мысли на секунду приходят в порядок. — Говорю же, ты настоящий силач.

Глаза у него широко распахнуты и горят.

И он опять бьет меня Шумом.

Мои руки взлетают к ушам (пустые руки, винтовки нет), как будто это поможет, но нет, в моей голове опять мэр Прентисс занимает всю мою душу так, что от меня ничего не остается, ты *ничтожество, ничтожество, ничтожество*, он подхватил мой собственный Шум и бросил его обратно в меня, я словно бью самого себя кулаками *ты ничтожество, ничтожество, ничтожество...*

Виола, думаю я, но уже исчезаю, падаю в черноту, слабею, в голове грохочет...

Виола...

Виола слышу я как будто бы со дна глубокого каньона. Голова болит, из нее течет кровь, лицо в пыли, глаза полуоткрыты, но ничего не видят...

Виола доносится вновь.

Распахиваю глаза.

Тодд отползает, крепко зажмурившись и закрыв уши руками...

А мэр Прентисс стоит над ним, и я слышу тот же Шум — лязгающий, ослепительный крик, летящий прямо в Тодда, и...

Виола — мое имя отчетливо звучит среди этого лязга.

Я открываю рот...
И кричу со всех сил...

— *ТОДД!!!* — доносится откуда-то сбоку.

Это она...

Она...

Она...

Живая!

Виола...

Виола...

ВИОЛА...

Тут надо мной кто-то охает, и в голове наступает райская тишина. Я открываю глаза и вижу шатающегося мэра Прентисса, который одной рукой держится за ухо — тот же рефлекс, что у всех остальных...

У всех, кого атакуют Шумом.

ВИОЛА, снова думаю я, швыряя это слово прямо в мэра Прентисса. Он пригибается и поднимает винтовку...

ВИОЛА...

И еще...

ВИОЛА...

Он пятится, спотыкается о труп Дейви, падает в развалины...

Я поднимаюсь...

И бегу к ней...

Он бежит ко мне, протягивая руки, хватая меня за плечи, перекатывает на спину, сажает и все твердит:

— Как ты, как ты, как ты...

А я кричу:

— У него винтовка!

Тодд оборачивается...

Я оборачиваюсь: мэр Прентисс уже встал и смотрит на меня, и он снова швыряет в меня Шум, но я перекатываюсь

на бок и слышу, как этот Шум летит ко мне, летит за мной,
пока я ползу через развалины к винтовке...

Раздается выстрел...

И пыль взлетает в воздух прямо перед моими руками...

Руками, которые тянулись к винтовке...

Я замираю...

И поднимаю голову...

И вижу его пристальный взгляд...

А она снова выкрикивает мое имя...

И я знаю: она поняла...

Поняла, что мне нужно слышать ее голос, слышать, как
она произносит моя имя...

Потому что тогда я превращаю ее голос в оружие...

— Даже не пытайся, Тодд, — говорит мэр Прентисс,
глядя на меня поверх дула...

И в голове снова его голос...

Но он больше не бьет...

Он змеится, вихляет, вьется...

Отбирает у меня все шансы и решения...

Превращает меня в своего...

— Ты больше не сопротивляешься, — говорит мэр
Прентисс.

И делает шаг вперед.

— Ты больше не сопротивляешься, скоро все кончит-
ся... — добавляет он.

Я прячу глаза...

Но тут же снова поднимаю голову...

И заглядываю в него...

— Слушай меня, Тодд... — говорит мэр Прентисс.

Его голос шипит промеж моих ушей...

Это ведь так просто...

Надо только...

Надо только упасть на спину...

Упасть и не сопротивляться...

— Нет! — кричу я.

Но зубы не разжимаются...

А он все еще рядом...

Все еще пытается меня...

И я сдамся...

Сдамся...

Ты ничтожество...

Я ничтожество...

— Вот именно, Тодд, — говорит мэр Прентисс, делая еще шаг вперед и наставляя на меня дуло винтовки. — Ты ничтожество.

Я ничтожество.

— Но, — говорит он. — Я сделаю из тебя человека.

Его голос шепчет, царапая самые потаенные уголки моей души...

Я смотрю ему в глаза...

Это бездна, и я в нее падаю...

Падаю в черноту...

Но краем глаза успеваю заметить...

Я со всей силы швыряю камень, моля Бога, чтобы он угодил в цель... Только бы я и впрямь оказалась такой меткой, как говорил Ли...

Прошу Тебя, Господи, умоляю...

Если Ты есть...

Прошу...

И *бах!*

Камень попадает мэру Прентиссу прямо в висок.

Меня пронзает насквозь жуткое чувство: как будто из меня вырывают кусок моего собственного Шума...

И бездна исчезает...

Бездна отвернулась...

Мэр Прентисс пошатывается, хватаясь за висок, из которого уже течет кровь...

— *ТОДД!* — кричит Виола.

Я смотрю на нее...

Вижу ее протянутую руку, только что запустившую камень...

И вижу ее...

Мою Виолу.

Я поднимаюсь на ноги.

Он поднимается на ноги.

И встает во весь рост...

А я снова кричу его имя:

— ТОДД!

Потому что это помогает...

Помогает *ему*...

Мэр Прентисс ошибался...

Ошибался во всем...

Он говорил, что никого нельзя любить всей душой, иначе с помощью этого человека тобой будут помыкать.

Нет, на самом деле все иначе: *надо* любить кого-то всей душой, и тогда *никто и никогда не сможет тобой помыкать*.

Это не слабость...

Это спасение, это самый ценный дар...

— ТОДД! — снова кричу я...

И он смотрит на меня...

Я слышу его Шум...

И понимаю...

Понимаю всем сердцем и душой...

В эту самую секунду...

Тодд Хьюитт...

Для нас больше нет никаких преград...

И мы *победим*.

Одной рукой мэр Прентисс держится за голову, между пальцами течет кровь. Скрючившись в три погибели, он поднимает глаза...

На его лице жуткая ухмылка...
И он опять швыряет в меня Шум...
И...

ВИОЛА

Я отбиваю пулю...
Мэр Прентисс морщится...
Но пытается снова...

ВИОЛА

— Ты нас не одолеешь, — говорю я...
— Одолею, — цедит мэр Прентисс сквозь стиснутые зубы, — уже почти.

ВИОЛА

Мэр Прентисс опять морщится...
Пытается поднять винтовку...
Я бью его с новой силой...

ВИОЛА

Он роняет винтовку и пошатывается...
Я слышу гудение его Шума: он пытается проникнуть в меня...

Но голова у мэра Прентисса раскалывается...
От моих ударов...

И от одного метко брошенного камня...

— И что ты этим доказал? — презрительно фыркает мэр Прентисс. — Да, у тебя есть сила, но ты не умеешь с ней обращаться.

ВИОЛА

— Да вроде бы неплохо справляюсь, — говорю я.
А мэр Прентисс улыбается, при этом стискивая зубы:
— Неужели?

Тут я замечаю, что руки у меня дрожат...

А Шум... шипит и искрится, точно огненный шар...

Я почти не чувствую под собой ног и земли...

— Чтобы использовать Шум как оружие, нужна практика, — говорит мэр Прентисс, — или твой мозг попросту

взорвется. — Он немного выпрямляется, снова пытаюсь поймать мой взгляд. — Я бы мог тебя научить...

И — в самый нужный момент — Виола кричит:

— **ТОДД!**

И я швыряю в мэра Прентисса все, что есть у меня за душой...

Всю боль за Виолу...

Весь гнев и разочарование и тоску...

Каждый миг разлуки...

Все свои страдания...

Все без остатка...

Каждую мелочь, что я о ней знаю...

Я бросаю все это прямо в него...

ВИОЛА

И он падает...

Ниже и ниже...

Глаза закатываются...

Голова дергается...

Ноги сучат в воздухе...

Падает, падает, падает...

Прямо на землю...

И замирает.

— Тодд? — спрашиваю я.

Он дрожит всем телом, еле держится на ногах, и я слышу какой-то нездоровый пронзительный *вой* в его Шуме. Он делает шаг вперед и пошатывается.

— Тодд? — Я пытаюсь встать на ноги, но эти дурацкие лодыжки...

— Ух, — говорит он, плюхаясь на землю рядом со мной. — Вот это да!..

Он с трудом дышит, и взгляд у него затуманенный.

— Ты цел? — спрашиваю я, кладя ладонь ему на руку.

Тодд кивает:

— Вроде бы.

Мы оба смотрим на мэра Прентисса.

— Ты его победил. — говорю я.

— *Мы* победили. — поправляет меня Тодд.

Шум его немного проясняется, и он чуточку расправляет плечи. Но руки у него все еще дрожат.

— Бедный клятый Дейви. — говорит он.

Я крепко стискиваю его руку.

— Корабль. — тихо напоминаю я. — Нельзя, чтобы она добралась до него первой.

— Мы ей не дадим. — говорит Тодд, поднимаясь.

Его шатает, но мысленно он уже зовет к себя Желудя.

Жеребенок отчетливо доносится до меня, и через обломки к нам пробирается конь Дейви, твердя без конца: **жеребенок, жеребенок, жеребенок**

Жеребенок Тодд слышу я издалека, и за Желудем выходит Анггаррад. Они встают рядышком.

— Вперед. — ржет Анггаррад.

— Вперед. — отзывается Желудь.

— Полный вперед! — кивает им Тодд.

Он обнимает меня за плечи, готовясь поднять, а Желудь, увидев это в его Шуме, подгибает передние ноги и опускается на колени, чтобы мне было удобнее забраться в седло. Когда я сажусь, Тодд легонько шлепает его по боку, и конь встает.

Анггаррад подходит к Тодду и тоже начинает подгибать ноги, но он ее останавливает:

— Нет, девочка моя.

Он ласково гладит ее по носу.

— Что такое? — с тревогой спрашиваю я. — Ты не едешь?

Тодд кивает на мэра Прентисса.

— Надо о нем позаботиться. — говорит он, пряча глаза.

— Что значит «позаботиться»?

Тодд смотрит куда-то вдаль, мимо меня. Я тоже оборачиваюсь. Черные жуки пустились в обратный путь.

Скоро армия будет здесь.

— Поезжай, — говорит Тодд. — Тебе нужно к кораблю.

— Ты не можешь его убить.

Он поднимает глаза на меня, его Шум по-прежнему похож на кашу, и он с трудом держится на ногах.

— Он это заслужил.

— Да, но...

Тодд уже кивает:

— Мы сами творим свою судьбу.

Я тоже киваю. Мы поняли друг друга.

— Тогда бы ты перестал быть Тоддом Хьюиттом. А я, знашь ли, больше не собираюсь тебя терять.

Услышав это «знашь ли», я тихонько хихикаю.

— В любом случае я должен остаться с ним, — говорю я. — А ты скажи к кораблю. Я подожду здесь возвращения армии.

Виола кивает, но с грустью:

— А потом?

Я смотрю на мэра Прентисса, развалившегося на камнях, — он без сознания, но едва слышно постанывает.

Ох, как же *тяжело*.

— Сдается, они не очень огорчатся, что мэра Прентисса свергли. Сдается, они захотят выбрать себе нового вожака.

Виола улыбается:

— И им будешь ты?

— А если тебе встретится «Ответ»? — тоже с улыбкой спрашиваю я. — Что ты будешь делать?

Виола смахивает со лба прядь волос:

— Сдается, им тоже нужен новый вожак.

Я делаю шаг вперед и кладу руку на спину Желудя. Виола не смотрит на меня, просто молча опускает руку, так что кончики наших пальцев соприкасаются.

— Мы не расстаемся, понятно? Ты побудешь здесь, а я ненадолго уеду, но это не значит, что мы друг друга бросили.

— Нет уж, больше я с тобой никогда не расстанусь, — говорю я, глядя на наши руки. — Даже в мыслях.

Она сплетает свои пальцы с моими, и мы молча их рассматриваем.

— Мне пора, Тодд, — говорит Виола.

— Знаю, — вздыхаю я.

Я забираюсь поглубже в Шум Желудя и показываю ему, где дорога, а где приземлился корабль и что скакать надо во весь опор.

— Вперед! — ржет он громко и ясно.

— Вперед, — киваю я.

И поднимаю глаза на Виолу.

— Я готова, — говорит она.

— Я тоже.

— Мы победим.

— Обязательно.

Последний взгляд.

Последний взгляд на ту, что близка и дорога.

Последний взгляд в самую глубину души.

И я с силой шлепаю Желудя по бокам.

Виола уезжает — сначала медленно пробирается через обломки, а потом бросается прочь по дороге, навстречу людям, которые (пусть это будет правдой, пожалуйста, пожалуйста) нам помогут.

Я смотрю на мэра Прентисса. Он все еще лежит на земле.

Я слышу армию, марширующую по дороге примерно в трех километрах отсюда.

Ищу глазами веревку.

Нахожу, но беру не сразу: сначала нагибаюсь к Дейви и закрываю ему глаза.

Мы мчимся по дороге, а я изо всех сил пытаюсь не выпасть из седла и не свернуть себе шею.

— Будь начеку! — кричу я между прижатыми к голове ушами Желудя.

Понятия не имею, насколько далеко успела продвинуться армия «Ответа» и не взорвут ли меня сразу, как только увидят на дороге.

И как отреагирует госпожа Койл, если увидит меня...

Когда увидит.

Когда я скажу ей и всем остальным все, что хочу сказать...

— Быстрее, прошу! — кричу я.

Желудь весь вздрагивает подо мной, точно заводит дополнительный двигатель, и припускает еще быстрее.

Госпожа Койл тоже спешит к кораблю. В этом я ни капли не сомневаюсь. Она увидела, как он приземлился, и теперь скачет навстречу. Если она доберется до переселенцев первой, она расскажет им о моей трагической смерти, о злом тиране, которого «Ответ» идет свергать, и спросит, нет ли на корабле какого-нибудь оружия, которое можно использовать с воздуха.

А оно есть.

Я еще крепче прижимаюсь к спине Желудя, стискивая зубы от боли и мысленно пытаюсь заставить его скакать еще быстрее.

Собор уже давно скрылся из виду, и мы скачем по улице, на которой все магазины закрыты, а двери домов крепко заперты на замки. Солнце окончательно село, и все вокруг превратилось в серые силуэты на фоне темнеющего неба.

Интересно, как «Ответ» отреагирует на весть о падении мэра Прентисса...

И что они подумают, когда узнают, что поборол его один Тодд...

Я думаю о нем...

О нем...

О нем...

Тодд думает Желудь.

И мы мчимся дальше, дальше...

Как вдруг неподалеку раздается оглушительный БУМ, от которого я чуть не вываливаюсь из седла.

Желудь резко разворачивается, стараясь не скинуть меня со спины, и мы видим...

Впереди на дороге полыхает пламя.

Горят дома.

И магазины.

И амбары с зерном.

Люди бегут сквозь густой дым — не солдаты, обычные мирные жители бегут мимо нас в темноте.

Бегут со всех ног, даже не глядя на нас.

Бегут от «Ответа».

— Что же она творит? — вслух спрашиваю я.

Огонь, испуганно думает Желудь, переступая с ноги на ногу.

— Она же спалит весь город, — говорю я.

Зачем?

Зачем?!

— Желудь... — начинаю я.

И вдруг воздух над долиной сотрясает низкий трубный зов.

Желудь испускает резкое ржание — ни слова в его Шуме, только вспышка страха, чистого ужаса, от которого у меня самой замирает сердце. И, словно эхо этого ужаса, испуганные крики людей вокруг. Многие останавливаются, смотрят назад, смотрят на город и за его пределы.

Я оборачиваюсь. В темноте ничего толком не видно.

Вдалеке я различаю огни — они медленно спускаются по зигзагообразной дороге рядом с водопадом.

Но ведь армия мэра Прентисса идет по другой.

— Что это?! — спрашиваю я неизвестно кого. — Что за огни? Что за звук?

И тут человек, бегущий мимо, останавливается как вкопанный. Его Шум от потрясения искрится и вертится, точно шутиха, и с отчетливым ужасом в голосе он произносит единственное слово:

— Нет. — А через несколько секунд добавляет: — Нет, не может быть.

— *Что?* — кричу я. — Что происходит?!

И снова над долиной разносится оглушительный трубный зов.

Этот звук похож на конец света.

НАЧАЛО ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

Мэр Прентисс приходит в себя раньше, чем я успеваю связать ему руки.

Он стонет; из него так и прет самый обыкновенный Шум, какого раньше я от него не слышал. Но теперь он потерял бдительность.

Теперь он проиграл.

— Не проиграл, — бормочет он. — Временно затаился.

— Молчать, — говорю я, туго затягивая веревки.

Я встаю прямо перед мэром Прентиссом. Взгляд у него еще затуманенный после моих ударов, но он умудряется улыбнуться.

Я бью его по лицу прикладом винтовки.

— Только попробуй что-нибудь учудить, — говорю я, наставляя на него дуло.

— Знаю, — кивает мэр Прентисс, все еще улыбаясь окровавленным ртом. — Ты слов на ветер не бросаешь, а?

Я молчу.

Это мой ответ.

Мэр Прентисс вздыхает и склоняет голову набок, словно потягивая шею. Он поднимает глаза на витражное окно,

чудом уцелевшее после взрыва. Из-за обломка стены поднимаются луны, слегка подсвечивая свои стеклянные копии на витраже.

— Наконец мы опять вдвоем, Тодд, да еще в том же самом зале, где впервые встретились по-настоящему. — Мэр Прентисс оглядывается по сторонам, обдумывая свое новое положение: теперь пленник он, а я хозяин. — Все меняется. И в то же время не меняется ничего.

— Я бы предпочел дожидаться в тишине, — усмехаюсь я.

— Дожидаться чего? — Мэра Прентисса как будто охватывает беспокойство.

Но его Шум начинает понемногу исчезать.

— Тебе ведь хочется этому научиться, не так ли? — спрашивает он. — Чтобы никто не знал, о чем ты думаешь.

— Я сказал: молчать!

— Вот сейчас, например, ты думаешь об армии.

— Заткнись!

— Ты гадаешь, захотят ли они тебя слушать. Гадаешь, смогут ли вам помочь люди Виолы...

— Еще слово — получишь прикладом по зубам.

— Ты гадаешь, в самом ли деле ты победил.

— Я победил. И ты это знаешь.

Издалека доносится очередной БУМ!

— Она все рушит, — говорит мэр Прентисс, глядя в направлении звука. — Любопытно.

— Кто?

— Ты ведь не знаком с госпожой Койл, так? — Он разминает сперва одно плечо, затем другое. — Поразительная женщина, достойный противник. Признаться, она в самом деле могла меня победить. Но ты победил первым, верно?

— Что значит «она все рушит»?

— То и значит.

— Зачем ей это? Зачем взрывать весь город?

— По двум причинам. Первая — создать хаос, чтобы нам было сложнее бороться с ней обычными методами.

Вторая — уничтожить иллюзию безопасности у мирных жителей, произвести впечатление несокрушимой силы. Такими будет гораздо легче править. — Мэр Прентисс пожимает плечами. — Для людей вроде нее все методы хороши.

— Как и для людей вроде *тебя*, — рычу я в ответ.

— Ты меняешь шило на мыло, Тодд. Прости, но это так.

— Ничего я не меняю. Последний раз говорю: молчать!

Держа его на прицеле, я подхожу к Анггаррад, которая смотрит на нас из-за завала. **Тодд**, думает она, **пить**.

— У входа все еще стоит поилка? — спрашиваю я мэра Прентисса. — Или ее тоже уничтожил взрыв?

— Уничтожил, — отвечает он. — Но на заднем дворе есть другая, где привязан мой конь. Пусть попьет там.

Морпет, мысленно говорю я Анггаррад, и ее сразу охватывает сильное чувство.

Морпет, думает она, **сдавайся**.

— Вот-вот! — говорю я, глядя ее по морде. — Пусть сдается.

Она игриво тычет в меня носом раз или два, а потом уходит на задний двор.

Вдалеке снова гремит взрыв. Во мне на секунду вспыхивает страх за Виолу. Интересно, далеко она? По идее, уже должна подбираться к «Ответу»...

Я слышу легкое шевеление в Шуме мэра Прентисса

— Я же сказал, не смей!

— А знаешь что, Тодд? — беззаботно спрашивает он, точно мы с ним приятно беседуем за вкусным обедом. — Превратить Шум в оружие оказалось несложно. Надо просто как следует завестись и вдарить неприятелю со всей силы. Да, нельзя отвлекаться, да, надо поднапрячься как следует, но, в сущности, к этому быстро привыкаешь и потом можешь швыряться Шумом сколько угодно. — Он сплевывает кровь, скопившуюся под нижней губой. — Как это было с тобой и Виолой.

— Не смей произносить ее имя!

— Но вот контролировать *чужой* Шум *гораздо* сложнее, и это требует *гораздо* больше практики. Это как пытаться поднять и опустить разом тысячу рычагов. С некоторыми людьми — *обычными* людьми — это сделать проще, с другими сложнее. Подчинить себе толпу оказалось на удивление легко. Но чтобы прийти к этому, я тренировался много лет и лишь недавно добился первых заметных успехов.

Я на минуту задумываюсь.

— Мэр Леджер, — догадываюсь я.

— Нет-нет, — радостно возражает мэр Прентисс. — Мэр Леджер *сам* вызвался помочь! Никогда не доверяй политикам, Тодд. У этих людей нет ничего святого, и верить им нельзя. Он сам предложил мне рассказывать твои сны и передавать твои слова. Нет, мэра Леджера я не контролировал, просто воспользовался его слабостью.

Я вздыхаю:

— Да замолчи уже!

— Я все это к чему, Тодд, — упорствует мэр Прентисс. — Только сегодня мне впервые удалось хотя бы на долю секунды подчинить себе твой разум и почти склонить тебя на свою сторону. Только сегодня.

Еще один *БУМ* вдальеке, еще одно здание, напрасно уничтоженное «Ответом». Армию в такой темноте уже не видно, но она наверняка входит в город по дороге, ведущей прямо сюда.

И ночь уже близко.

— Я знаю, куда ты клонишь, — говорю я. — Я знаю, что натворил, и не пытаюсь свалить вину на других.

— Ты все делал сам, Тодд. — Мэр Прентисс не сводит с меня взгляда. — Спэклы. Женщины. Это — твои собственные поступки. Никакого контроля с моей стороны.

— Я знаю, что натворил, — тихо повторяю я, а Шум начинает предостерегающе скворчать.

— Мое предложение еще в силе, — так же тихо говорит мэр Прентисс. — Я серьезно, Тодд. В тебе есть сила. Я на-

учу тебя ею пользоваться. Мы можем править этим миром вместе.

Я — круг, круг — это я, доносится до меня.

— Это источник силы, — добавляет он. — Контролируя свой Шум, ты контролируешь себя. Контролируя себя, ты контролируешь мир.

— Ты убил *Дейви*. — Я подхожу к нему с винтовкой наготове. — Это у *тебя* нет ничего святого! И сейчас ты *точно* заткнешь свой поганный рот.

В этот миг низкий и мощный звук сотрясает небо, словно кто-то трубит в огромный рог.

Такой звук издал бы Господь, если б захотел привлечь к себе внимание.

Лошади на заднем дворе громко ржут. По Шуму жителей Нью-Прентисстауна проносится волна ужаса. Ровный марш армии на окраине города внезапно сменяется беспорядочным топотом сотен бегущих ног.

Шум мэра Прентисса ошетинивается.

— Это еще что такое?! — спрашиваю я, озираясь по сторонам.

— Нет! — выдыхает мэр Прентисс.

И в этом слове *восторг*.

— Что? Что это такое? — Я тычу в него винтовкой.

Но мэр Прентисс только улыбается и поворачивает голову.

Поворачивает в сторону водопада на западе, в сторону дороги, спускающейся зигзагом к городу.

Я тоже смотрю туда.

На вершине — огни.

Огни медленно идут вниз.

— Ох, Тодд! — восклицает мэр Прентисс с удивлением и радостью, ей-богу. — Ох, мальчик мой, что же ты натворил?! —

— В чем дело? — спрашиваю я, щурясь в темноту, как будто это поможет мне что-то разглядеть. — Откуда этот зву...

И снова кто-то трубит в рог — так громко, что, кажется, небо сейчас сложится пополам.

Нью-Прентисстаун заливают морем вопросительных знаков — их так много, что и утонуть недолго.

— Скажи, Тодд, — все тем же радостным голосом спрашивает мэр Прентисс, — что именно ты планировал сделать с армией, когда она прибудет?

— Чего?! — Я морщусь, все еще вглядываясь в темноту, где по склону холма ползут зигзагом огни. Но, кроме огней, там ничего не различить.

— Может, ты хотел потребовать за меня выкуп? — весело продолжает мэр Прентисс. — Или отдать меня на расправу народу?

— Что это были за звуки? — Я хватаю его за воротник рубашки и встряхиваю. — Неужели переселенцы прибыли? Они хотят нас захватить?

Мэр Прентисс смотрит мне прямо в глаза, его глаза ярко блестят.

— Или ты думал, что люди выберут тебя властелином Нового света, который в одиночку поведет их в новое мирное будущее? — смеется он.

— Я и поведу, — шиплю я ему в лицо. — Вот увидишь!

Я отпускаю его и взбираюсь на самую высокую кучу камней. Из домов вокруг начинают выглядывать любопытные — они переговариваются между собой и бегают туда-сюда.

Что бы это ни было, оно выгнало жителей Нью-Прентисстауна из домов.

Затылком я чувствую легкое жужжание Шума.

Резко разворачиваюсь и снова беру мэра Прентисса на прицел, слезаю с кучи и говорю:

— Сказал же, не смей!

— Я только хотел поддержать беседу, Тодд, — с наигранным удивлением произносит мэр Прентисс. — Мне очень хочется узнать твои планы на будущее, ты ведь теперь главнокомандующий армией и президент Нового света.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не вмазать со всей силы по этой омерзительной роже.

— Что происходит?! — ору я на него. — *Кто идет сюда по холму?*

Рог трубит в третий раз, еще громче, чем раньше, так что все тело отзывается дрожью на этот звук.

И горожане начинают кричать по-настоящему.

— Залезь-ка в мой нагрудный карман, Тодд, — говорит мэр Прентисс. — Там лежит одна твоя вещь.

Я удивленно таращусь на него, пытаюсь понять, в чем подвох, но у него на лице только эта дурацкая ухмылка.

Как будто он снова победил.

Уткнув в мэра Прентисса дуло винтовки, я свободной рукой лезу к нему в карман. Пальцы нащупывают что-то твердое и железное. Я вытаскиваю предмет наружу.

Бинокль Виолы.

— Поразительную вещицу они изобрели, — улыбается мэр Прентисс. — Мне прямо не терпится взглянуть, какие еще диковинки везут нам новые переселенцы.

Не ответив, я снова забираюсь на кучу обломков и свободной рукой подношу бинокль к глазам, неуклюже пытаюсь включить режим ночного видения. Давненько я не...

Наконец нахожу кнопку.

Тут же перед глазами вспыхивает долина, из темноты выступают зеленые и белые очертания домов и деревьев.

Я поднимаю бинокль выше, к реке, к зигзагу дороги на склоне холма, к ползущим по ней огонькам...

И...

И...

О боже, нет...

Сзади раздается сдавленный смешок привязанного к стулу мэра Прентисса:

— Да-да, Тодд! Тебе не чудится!

На минуту я теряю дар речи.

Потому что словами это не описать.

Как?

Как это может быть?

К городу движется армия спэклов.

Некоторые из них — те, что в передних рядах, — едут на огромных жутких тварях, закованных в броню и с извилистым рогом на носу. За ними шагает пехота, потому что это вовсе не дружеский поход, о нет, сэр, ничего подобного — по дороге шагают солдаты, все новые и новые ряды их показываются на вершине холма.

Солдаты, готовые броситься в бой.

И их тысячи.

— Но... — с трудом выдавливаю я, — но их же убили! Они все умерли на войне!

— Все, Тодд? — спрашивает мэр Прентисс. — По-твоему, жизнь есть только на этом крошечном участке планеты? Как же ты наивен...

Огни на склоне оказались факелами, закрепленными на спинах тварей, — горящими факелами, которые освещают путь армии. В их свете видны копья, луки и булавы.

Каждый солдат вооружен.

— О да, мы разбили спэклов, — говорит мэр Прентисс. — Убивали их тысячами и в конечном итоге очистили территорию на много миль вокруг. Хотя они значительно превосходили нас численностью армии, мы были лучше вооружены и умели воевать. Мы выгнали их с этих земель и велели никогда сюда не возвращаться. Часть пленников оставили, разумеется, они стали нашими рабами и помогали отстраивать город. По-моему, это справедливо.

Вот теперь город по-настоящему **РЕВЕТ** Армия мэра Прентисса остановилась, и я слышу, как жители бегают туда-сюда и что-то испуганно кричат друг другу — что-то невразумительное.

Я спускаюсь обратно к мэру Прентиссу и приставляю винтовку к его груди:

— Почему они вернулись? Почему сейчас?!

А он все лыбится:

— Наверно, придумали способ раз и навсегда стереть нас с лица земли. Столько лет прошло — давно пора! Думаю, они просто ждали повода...

— Какого еще повода?! — кричу я. — Что мы им...

Я умолкаю.

Геноцид.

Мы перебили всех рабов без остатка.

Груды трупов, похожие на мусорные кучи...

— Вот именно, Тодд. — Мэр Прентисс и кивает, словно мы тут о погоде беседуем. — Подозреваю, это стало последней каплей.

Я опускаю на него глаза, и меня осеняет — как всегда, слишком поздно.

— Это ты сделал! Ну конечно же ты! Убил всех спэклов до единого, а вину свалил на «Ответ»! — Я тычу винтовкой ему в грудь. — Ты *хотел*, чтобы они вернулись.

Мэр Прентисс пожимает плечами:

— Я только хотел разделаться с ними окончательно, вот и все. — Он поджимает губы. — Но надо отдать тебе должное — благодаря тебе все произошло гораздо раньше.

— Благодаря мне?!

— Ну да, а как же? Я, можно сказать, подготовил почву. А ты послал им вестника.

— Какого еще вестни...

О нет!

Нет.

Я разворачиваюсь и снова взбегаю на кучу камней. Включаю бинокль.

Их слишком много, и они слишком далеко.

Но он там, верно?

Где-то в этой толпе.

1017-й.

О нет!

— Я бы сказал «О да!», Тодд, — усмехается мэр Прентисс. — Я нарочно оставил его в живых, чтобы ты его нашел. И хотя между вами установились *особые отношения*, он тебя не очень-то полюбил, а? Как бы ты ни старался, что бы ни делал, ты все равно оставался для него главным мучителем, и именно твое лицо он показал своим собратьям. — Мэр Прентисс тихо смеется. — Не хотел бы я сейчас оказаться на твоём месте, Тодд Хьюитт.

Я осматриваюсь по сторонам. На юге одна армия, на востоке — другая. А теперь появилась и третья — на западе.

— Вот-вот, а мы сидим ровно посерединке, — все тем же спокойным голосом говорит мэр Прентисс и чешет нос о плечо. — Интересно, что подумали те бедолаги с разведывательного корабля?

Нет!

Нет, нет!

Я снова кручусь на месте, как будто могу что-то увидеть. Увидеть всех, кто идет за мной.

В голове ураган мыслей.

Что мне делать?

Что мне делать?

Мэр Прентисс начинает беззаботно насвистывать.

А где-то там Виола...

Господи, она там одна...

— Армия, — говорю я. — С ними сразится армия.

— В свободное время, хочешь сказать? — смеется мэр Прентисс, приподнимая брови. — Пока будут отдыхать после боя с «Ответом»?

— «Ответ» встанет на нашу сторону.

— Нашу?

— Они будут биться вместе. Другого выхода нет.

— Ты в самом деле думаешь, что госпожа Койл на это пойдет? — Мэр Прентисс улыбается, но я вижу, что ему не сидится — ноги так и пляшут на месте. — Она скорее подумает, что теперь у нее и спэклов — общий враг. Помни мои слова. Она попробует вступить с ними в переговоры. — Мэр Прентисс снова ловит мой взгляд. — И что ты будешь делать тогда?

Я тяжело дышу. У меня нет ответа.

— А Виола там совсем одна, бедняжка... — напоминает мне он.

Да.

Она там одна.

И даже *ходить* не может.

Ох, Виола, что я натворил?!

— Учитывая новые обстоятельства, мой мальчик, хочу спросить: ты в самом деле думаешь, что армия изберет тебя новым главнокомандующим? — Мэр Прентисс смеется, как будто глупее ничего и придумать нельзя. — Думаешь, они доверят тебе командование?

Я разворачиваюсь и снова поднимаю бинокль. Нью-Прентисстаун погряз в хаосе. На востоке горят дома и склады. По улицам мечутся перепуганные жители — они бегут от «Ответа», от армии мэра Прентисса, а теперь еще и от спэклов. Они носятся туда-сюда, потому что бежать некуда.

Снова трубят в рог, да так, что в некоторых окнах разлетаются стекла.

Я вижу его в бинокль.

Огромный длинный рог — длиннее четырех спэклов, вместе взятых, — лежит на спинах двух рогатых тварей, и дует в него самый здоровый спэкл, какого мне доводилось видеть, — настоящий великан.

Спэклы уже дошли до подножия холма.

— Не пора ли меня развязать? — спрашивает мэр Прентисс. В воздухе разносится тихое гудение его Шума.

Я снова наставляю на него винтовку:

— Даже не пытайся меня контролировать!

— Я и не пытаюсь, — усмехается мэр Прентисс. — Просто мы оба знаем, что сейчас это было бы разумно, не так ли?

Я медлю, тяжело переводя дыхание.

— Я ведь уже бился со спэклами, и успешно, — продолжает он. — Город это знает. Армия это знает. Вряд ли они захотят списать меня со счетов и пойти за тобой, когда поймут, что им предстоит.

Я все молчу.

— И хотя ты предал меня, Тодд, — Мэр Прентисс смотрит мне прямо в глаза, — я все еще хочу, чтобы мы сражались вместе. — Он на секунду умолкает. — И победили вместе.

— Я не хочу побеждать *вместе* с тобой, — говорю я, глядя на него поверх дула. — Ты уже проиграл.

Мэр Прентисс согласно кивает.

— Все меняется, и в то же время не меняется ничего.

Неподалеку от собора раздается солдатский марш. Похоже, одному отряду из армии мэра Прентисса все-таки удалось собраться с духом и войти в город. Я слышу, как солдаты идут по улице к главной площади.

Времени совсем мало.

— Я даже не обиделся, что ты меня связал, Тодд, — говорит мэр Прентисс. — Но тебе придется меня развязать. Только я умею воевать со спэклами.

Виола...

Виола, что мне делать?

— Да, кстати о Виоле, — ласковым и теплым голосом произносит мэр Прентисс, — она все еще там, одна-одинешенька. — Он ждет, пока я посмотрю ему в глаза. — Они ее убьют, Тодд. Правда. И ты знаешь, что только я могу им помешать.

Спэклы снова трубят в рог.

На востоке гремит очередной взрыв.

Топот солдатских сапог по мостовой приближается.

Я смотрю на мэра Прентисса:

— Я тебя победил, помни об этом. Победил — и сделаю это снова!

— Ни капли не сомневаюсь, — говорит мэр Прентисс.

Но сам улыбается.

ВИОЛА, думаю я прямо, направляя Шум прямо в мэра Прентисса. Он морщится.

— Спасешь ее — сохраню тебе жизнь, — решительно говорю я. — Она умрет — умрешь и ты.

Он кивает:

— Договорились.

— А попытаешься меня контролировать или ударить Шумом, я тебя пристрелю, ясно? — Я смотрю в глаза мэру Прентиссу.

— Да-да, — кивает он, — понял.

Я выжидаю еще секунду, но лишних секунд больше не осталось.

На раздумья времени нет.

Весь мир идет сюда, чтобы встретиться в последней битве.

А Виола где-то там.

Я ни за что и никогда с ней не расстанусь, ясно? Больше никогда!

Прости, думаю я.

Обхожу мэра Прентисса сзади и развязываю веревки.

Он медленно встает, потирая запястья.

И вскидывает голову, слышав очередной трубный клич:

— Ну наконец-то. Больше никаких диверсий, тайных вылазок и шпионских игр. — Мэр Прентисс поворачивается ко мне, ловит мой взгляд, и в его смеющихся глазах я различаю проблеск безумия. — Наконец-то перед нами настоящее дело — то, что делает нас мужчинами, то, для чего мы *рождены*. — Он потирает руки, и его глаза вспыхивают. — Война.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

*Литературно-художественное издание
Миры Патрика Несса*

**Несс Патрик
Вопрос и ответ**

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Ведущий редактор *И. Доева*

Редактор *Т. Тихонова*

Выпускающий редактор *Е. Крылова*

В оформлении обложки использованы материалы
по лицензии агентства *Shutterstock.com*

Художественное оформление: *Д. Брадарская*

Компьютерная верстка: *А. Дятлов*

Корректоры: *В. Павлова*

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Подписано в печать 23.12.2016 г.

Формат 60×90/16. Гарнитура «OriginalGaramond BT».

Усл. печ. л. 30,0.

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
www.t8group.ru; info@t8print.ru
тел.: 8 (499) 332-38-30

034000

Две медали Карнеги
Медаль Кейт Гринуэй
Премия «Лучший молодежный роман
Великобритании»
British Children's Book of the Year
Guardian Children's Fiction Prize
Booktrust Teenage Prize
Guardian Children's Fiction Prize
Tiptree Award
Costa Book Award
Номинация на Arthur C. Clarke Award

«Захватывающе и оригинально».

TheTimes

«Закрученный, максимально насыщенный событиями роман о верности, манипуляции сознанием, простом выборе и жестокости, в основе которого извечный мотив поиска искупления и любви. Поклонникам жанра читать ОБЯЗАТЕЛЬНО...»

DailyMail

«Одновременно доступный и утонченный, Несс в своей простой и захватывающей прозе поднимает важные проблемы. Роман, который легко проглотить за один присест».

SundayTimes

«Совершенный роман, в котором прекрасно сочетаются стилистическая оригинальность, увлекательное повествование и мощный этический конфликт».

INIS

«Жутко, мучительно, но оторваться невозможно».

Bookseller

